Грибоедов

Александр Сергеевич

1795 -1825

Классики

за 30 минут

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Серия «Классики за 30 минут» позволит Вам в кратчайшее время ознакомиться с классиками русской литературы и прочитать небольшой отрывок из самого представленного произведения.

В доступной форме авторы пересказали наиболее значимые произведения классических авторов, обозначили сюжетную линию, уделили внимание наиболее важным моментам и показали характеры героев так, что вы сами примите решение о дальнейшем прочтении данных произведений, что сэкономит вам время, либо вы погрузитесь полностью в мир данного автора, открыв для себя новые краски в русской классической литературе.

Для широкого круга читателей.

- Грибоедов за 30 минут
  - Библиографический очерк
  - Горе от ума
  - Молодые супруги
  - Проба интермедии
  - Студент
  - Притворная неверность
  - Своя семья, или Замужняя невеста
  - «Горе от ума»
    - Действующие лица:
    - Действие первое
    - Действие II
    - Действие III
    - Действие IV
  - «Молодые супруги»
  - «Проба интермедии»
    - Действующие лица
  - «Студент»
    - Действующие лица
    - Действие второе
  - «Притворная неверность»
    - Действующие лица
    - Явление 1
    - Явление 2
    - Явление 3
    - Явление 4
    - Явление 5

- Явление 6
- Явление 7
- Явление 8
- Явление 9
- Явление 10
- Явление 11
- Явление 12
- Явление 13
- Явление 14
- Явление 15
- Явление 16

- «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»
  - Действующие лица
  - Явление 1
  - Явление 2
  - Явление 3
  - Явление 4
  - Явление 5
  - Явление 6
  - Явление 7
  - Явление 8
  - Явление 9
  - Явление 10
  - Явление 12
  - Явление 13
  - Явление 14
  - Явление 15
  - Явление 16
  - Явление 17
  - Явление 19
  - Явление 20
  - Явление 21
  - Явление 22
- «Хищники на Чегеме»
- «Кальянчи» (отрывок из поэмы)
- 1812 год (отрывок из драмы)
- Грузинская ночь (отрывок)
- Родамист и Зенобия (план трагедии)
- Своя семья или замужняя невеста (сцены из комедии)
- Серчак и Итляр
- Отрывок из Гете
- Письмо из Бреста литовского к издателю «Вестника Европы»
- О кавалерийских резервах

- Письмо к издателю «Сына отечества» из Тифлиса
- Частные случаи петербургского наводнения
- Путевые записки
  - Моздок – Тифлис
  - Тифлис – Тегеран
  - Тегеран – Султанея
  - Миана – Тавриз – Гаргары
  - Тифлис – Тавриз
  - Крым
  - Эрвианский поход
- Письмо Паскевичу И.Ф. о туркманчайском мирном договоре
- Письмо Паскевичу И.Ф.

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

Грибоедов за 30 минут

Библиографический очерк

Великий русский писатель, проявивший себя в роли драматурга и дипломата, Александр Сергеевич Грибоедов появился на свет 15 января (по ст. стилю 4 января) 1795 года (в некоторых источниках – 1790 года) в Москве. Его родители были дворянами, в родословной которых были шляхетские корни.

Детские годы мальчик проводил как в московском доме матери – Настасьи Федоровны, имевшей очень непростой характер, так и в имении его дядюшки, Грибоедова А.Ф. – Хмелите Смоленской губернии. Отец – Сергей Иванович был секунд-майором, ушедшим в отставку. Ни уровнем образования, ни древностью своего рода, он не мог составить достойной компании жене, а потому, преимущественно проживал в деревне. Кроме того, пагубная привычка Грибоедова-старшего – карточная игра постоянно оставляла его без средств к существованию.

Начальное образование будущий писатель и его сестра Мария получили на дому, их наставниками были И.Б. Петрозилиус, Б.И. Ион, а временами частные уроки им преподавали приглашенные профессора университета. В частности, весь образовательный процесс, на всех его этапах, у Александра Сергеевича курировал знаменитый профессор философии и филологии И.Т. Буле.

Дети обладали великолепными музыкальными способностями: сестра славилась по всей Москве и далеко за ее пределами, как прекрасная пианистка и арфистка, а брат – виртуозно играл на фортепиано. Мать приложила все возможные усилия для того, чтобы ее отпрыски с самого юного возраста находились в окружении умных, образованных и состоятельных людей. Московскими родственниками Грибоедовых были Одоевские, Паскевичи, Римские-Корсаковы, Нарышкины. А среди друзей числилось практически все столичное дворянство.

С 1803 по 1806 годы молодой человек обучался в Благородном пансионе при Московском университете, и вскоре стал студентом словесного факультета этого же ВУЗа (1806 г.). Примечательно, что на момент зачисления в университет, Грибоедову еще не было и одиннадцати лет. В 1808 году успешно его заканчивает с присвоением статуса кандидата словесности. Решает продолжить образование – в 1810 году заканчивает юридический и поступает на физико-математический факультеты.

Из стен университета Александр Сергеевич вышел блестяще образованным человеком, превосходно разбирался в литературе, свободно говорил на французском, английском, немецком,

итальянском, греческом и латинском языках. А чуть позже освоил также персидский, турецкий и арабский языки. Лишь война с Наполеоном 1812 года помешала молодому человеку держать экзамен на докторскую степень.

В 1812 году, вопреки воле семьи, записался волонтером в гусарский полк графа Салтыкова, но побывать на войне так и не довелось. Несмотря на это, продолжает службу в кавалерийский полках: три года в иркутском гусарском полку, затем в резерве. Был переведен в Брест-Литовский в штаб резервов, где числился адъютантом при генерале А.С. Кологривове. Там же познакомился с человеком, ставшим его другом и единомышленником на всю жизнь – Степаном Никитичем Бегичевым.

Тысяча восемьсот четырнадцатый год ознаменовался для Грибоедова первым литературным опытом: статьи «О кавалерийских резервах» и «Описание праздника в честь Кологривова» в московском «Вестнике Европы». Посетил в 1815 году Петербург, где хлопотал о переводе в коллегию иностранных дел, а параллельно стал участником двух масонских лож: «Объединенные друзья» и «Добро». Свел знакомство со всевозможными литераторами, актерами и актрисами (Греч, Хмельницкий, Катенин и пр.). Среди журналистских проб писателя известна эпиграмма «От Аполлона», в которой он обрушился с критикой на Гнедича Н.И., пытаясь защитить Катенина.

В 1816 году уволился со службы. С 1817 года начинается его успешная служба в Коллегии иностранных дел в Петербурге. В этом же городе были опубликованы и, даже, поставлены первые пьесы Грибоедова – «Молодые супруги» (1815 г.), «Своя семья» (1817 г.), «Притворная неверность» (1818 г.), «Проба интермедии» (1818 г.), а также, состоялось знакомство с А.С. Пушкиным, В.К. Кюхельбекером, П.Я. Чаадаевым.

Переломным моментом, едва не стоившем ему карьеры, стала роль секунданта в дуэли между Шереметевым и Завадовским, которая состоялась из-за танцовщицы Истоминой. Предположительно, потом должна была состояться дуэль и между секундантами. А поскольку Шереметев был убит на этой дуэли, его друг Якубович А.И. собирался стреляться и с Грибоедовым.

Это вызвало шквал негодования, пересуды и гнев начальства, поэтому молодому Александру Сергеевичу пришлось на некоторое время перевестись на должность секретаря посольства в Персии и в конце августа 1818 года он уехал в Тифлис.

Сразу по прибытии, которое состоялось двадцать первого октября, старый знакомый по Петербургу – Якубович, который тоже служил на Кавказе, снова вызвал Грибоедова на дуэль. И

ранним утром двадцать третьего октября, она состоялась. В роли секундантов выступили друг и коллега писателя – Амбургер и знаменитый на Кавказе – Н.Н. Муравьев. Результатом этой перестрелки стало ранение в левую руку Александра Сергеевича и легкий испуг для Якубовича. Недавние оппоненты вскоре помирились, но второй был в тот же день выслан из города. В Тифлисе же, состоялось знакомство и в будущем, настоящая дружба Грибоедова с Ермоловым А.П.

На новом месте службы работа была не слишком тяжелой, что давало много свободного времени, которое Грибоедов проводил за изучением арабского и персидского языков. С середины февраля русский поверенный при персидском шахе – С.И. Мазарович со всеми своими подчиненными находился в Тебризе, городе, служившем резиденцией для наследника престола Аббаса-Мирзы. В начале марта русская делегация начала свою работу в Тегеране, где ее торжественно приветствовал Фетх Али-шах. Там она пробыла до августа 1819 года и после вновь вернулась в Тебриз.

Мероприятие, согласно Гюлистанскому трактату 1813 года по вывозу из Персии и возвращению на родину группы русских пленных, необоснованно арестованных персидскими властями, было хорошо принято командующим русскими войсками на Кавказе А.П. Ермоловым, и он содействовал назначению Александра Сергеевича на должность секретаря по иностранным делам при главнокомандующем на Кавказе.

Во многом это назначение связано с тем обстоятельством, что во время выполнения поручения Мазаровича по доставке депеши к Ермолову, писатель сломал руку и ему требовалось длительное лечение. Учителем восточных языков Грибоедова стал Н.Н. Муравьев, с которым тот успел подружиться. В Тифлисе поэт продолжил работу над комедией «Горе от ума», которую начал еще в Петербурге и отдельные главы из нее, зачитывал В.К. Кюхельбекеру.

После длительной службы в Иране и на Кавказе, писатель получил долгожданный отпуск, во время которого навестил Москву и Петербург (1824 г.). В частности, в Москву писатель прибыл в марте 1823 года, встретился с семьей, старым другом – С.Н. Бегичевым, которому читал главы из «Горя от ума», а после согласился на приглашение последнего в его имение в Тульской губернии. С осени по лето следующего года, он жил в московском доме друга. При содействии князя Вяземского П.А. был создан водевиль «Кто брат, кто сестра, или обман за обманом» и положен на музыку Верстовского А.Н.

Петербург встретил поэта в 1824 году пышным приветствием,

а также, встречами с министрами Шишковым, Ланским, членом Государственного Совета графом Мордвиновым, генерал-губернатором графом Милорадовичем и, даже, был удостоен быть представленным великому князю Николаю Павловичу.

Вращаясь в литературных, светских и артистических сферах, Грибоедов всячески пытался добиться печати свой комедии «Горе от ума», часто зачитывал отрывки из нее и вскоре стал невероятно популярным. Но до печати дело так и не дошло.

Комедию, завершенную в том же году, запретила царская цензура, но она все равно была представлена в альманахе «Русская Талия», хотя и частями. Несмотря ни на хороший прием комедии, ни на любовное увлечение танцовщицей Телешовой, писателя часто одолевали хандра и безразличие, а потому, было принято решение отправиться в путешествие в Киев и Крым. Там он вволю насладился памятниками истории и архитектуры, встретился с некоторыми знакомыми, состоявшими в тайном декабристском обществе: князем Трубецким, Бестужевым-Рюминым и другими. Именно тогда появилась мысль о привлечении Грибоедова к движению декабристов, но политика того не интересовала.

Декабристы воспользовались комедией для распространения и популяризации своих идей и «Горе от ума» тогда была растиражирована в огромном количестве списков. Грибоедов не был сторонником переворота, но это не помешало ему водить дружбу с К.Ф. Рылеевым, А.А. Бестужевым, А.И. Одоевским.

В 1825 году он через Керчь и Тамань вернулся на службу на Кавказ в отряд генерала Вельяминова и уже там узнал о подавлении восстания 14 декабря. Однако, смутное предчувствие чего-то не хорошего не оставляло дипломата. В укреплении Каменный Мост на реке Малке даже было написано стихотворение «Хищники на Чегеме» по мотивам недавнего нападения горцев на станицу Солдатскую.

По делу о восстании декабристов началось следствие и в 1826 году Грибоедов подвергся аресту в крепости Грозный. Главнокомандующий Ермолов, пытаясь помочь писателю, предупредил его о визите фельдъегеря Уклонского, имевшего приказ о немедленной доставке задержанного в следственную комиссию, и все сомнительные документы успели уничтожить.

Но 11 февраля Александр Сергеевич все равно был доставлен в Петербург и посажен на гауптвахту. Причиной этого явилось то, что во время допросов четыре декабриста указали Грибоедова членом тайного общества, а в документах практически всех арестованных, фигурировала комедия «Горе от ума». Расследование вины писателя длилось до 2 июня 1826 года, но

поскольку ничего не удалось доказать, последний был оправдан, хотя и находился еще некоторое время под негласным контролем.

Уже осенью того же года, Грибоедов вернулся на дипломатическую работу в Тбилиси, но былого задора не осталось, он даже собирался уйти со службы, чему помешали лишь уговоры матери.

Часть лета 1826 года Грибоедов посвятил отдыху в Петербурге на даче у Булгарина. Но постоянные раздумья о судьбе осужденных родных и знакомых, сильно печалили его. Тогда же наступил и творческий кризис. В конце июля писатель вернулся в Москву, где была организована коронация нового императора, на которой собрался весь двор и армия. Там же был и родственник Грибоедова – И.Ф. Паскевич.

Громом среди ясного неба грянуло сообщение о том, что персы, наперекор мирному соглашению, напали на русский пост. Император Николай Первый был вне себя от гнева, обвиняя Ермолова в слабости и бездействии. Новым главнокомандующим на Кавказе был назначен Паскевич, а писателю досталась нелегкая участь наблюдателя за враждой двух генералов. В итоге, Ермолову пришлось подать в отставку, а Грибоедов перешел в подчинение Паскевича. Беспокоило и здоровье: нервные припадки и лихорадка.

Во время русско-персидской войны, Александр Сергеевич курировал отношения с Турцией и Персией. На него была возложена обязанность ведения масштабной переписки Паскевича, участие в выработке военных действий, дипломатическая миссия в переговорах с Персией в Дейкаргане и Туркманчае. Февраль 1828 года ознаменовался заключением очень выгодного для России Туркманчайского мирного договора, но во время переговоров с Аббас-мирзой, персов пойти на компромисс практически вынудили, что делало это перемирие достаточно шатким. Кроме того, Грибоедов опасался мести, поскольку принимал в этих событиях непосредственное участие.

Однако, новый главнокомандующий Кавказа отправил Грибоедова с отчетом о победах Паскевича, взятии Эривани и оккупации Тебриза, к императору в северную столицу. На следующий день после прибытия, писатель был удостоен аудиенции монарха, а ее результатом стало получение Паскевичем титула графа Эриванского и миллион рублей награды, а Грибоедову – чин статского советника, орден и четыре тысячи червонцев.

Апрель этого же года принес писателю назначение в качестве полноправного посла в Иране и против воли ему пришлось на это согласиться, поскольку распоряжение было от самого императора.

По опыту своей многолетней работы на Востоке, он понимал, что ему предстоит фактически ссылка в край неразвитого, отсталого общества религиозных фанатиков и его это очень огорчало.

Отправившись на место будущей службы, он провел некоторое время в Грузии, где в августе 1828 года стал женатым человеком, женившись на дочери хорошего друга – княжне Нине Чавчавадзе, которая была ему знакома еще совсем маленькой. Это была настоящая любовь, писатель был очень счастлив и испытывал невероятную нежность к молодой супруге, которой тогда еще не было и шестнадцати лет. Вместе они приехали в Тавриз, но далее Грибоедов отправился один, чтобы все устроить к приезду жены. Больше они никогда не увиделись.

Сложно сказать, чем руководствовался дипломат в Тегеране, но он совершал одну серьезную ошибку за другой: вел себя вызывающе, бывал грубым и несговорчивым, настаивал на уплате контрибуции, не соблюдал этикет двора правящего шаха. В результате, его репутация в придворных кругах была испорчена, чему немало поспособствовали английские дипломаты.

Но гораздо страшнее была ненависть ко всем русским со стороны религиозного сообщества. Именно его представители настойчиво подстрекали неграмотную, недалекую и необразованную толпу к уничтожению русских как угрозы для религии. Инициатором и руководителем последовавшей далее кровавой резни, был муджшехид Месих, а поддерживали его улемы. 11 февраля (по ст. стилю 30 января) 1829 года озверевшая толпа из почти ста тысяч человек напала на посольство. Только сейчас Грибоедов осознал, как опасно его положение и отправил в Петербург ноту о своем отзыве со службы.

Но он опоздал. На следующий день было вырезано все русское население Тегерана. Убийство Грибоедова было особенно жестоким.

Грибоедов Александр Сергеевич был похоронен на горе Давида в Тифлисе около монастыря святого Давида. А на его надгробии навсегда останутся слова скорбящей жены – Нины Грибоедовой о великой любви и великой потере.

Литературным наследием классика являются: «Письмо из Бреста Литовского к издателю» (1814 г.), «О кавалерийских резервах» (1814 г.), «Описание праздника в честь Кологривова» (1814 г.), «Молодые супруги» (1815 г.), «Своя семья, или Замужняя невеста» (1817 г. – в соавторстве с А.А. Шаховским и Н.И. Хмельницким: Грибоедову принадлежат пять явлений второго акта), «Студент» (1817 г. – в соавторстве с П.А. Катениным), «Притворная неверность» (1818 г. – в соавторстве с А. Жандром), «Проба интермедии» (1819 г.), «Горе от ума»

(1822-1824 гг. – возникновение замысла – в 1816 г., первая постановка – 27 ноября 1831 в Москве), «1812 год», «Грузинская ночь» (1827-1828 гг.), «Частные случаи петербургского наводнения» (заметка), «Загородная поездка» (заметка). Среди музыкальных произведений, наиболее популярны два вальса для фортепиано.

Произведение «Горе от ума» изучается в старших классах средних общеобразовательных учреждений.

Горе от ума

Служанка Лизанька просыпается в гостиной, где задремала, свесившись со стула. Она всю ночь не спала – хозяйка запретила, сказав, что ждет важного гостя. Теперь она стучится в комнату Софии, но та не сразу откликается, поскольку ночь напролет разговаривала с любимым – секретарем отца Молчалиным Алексеем Степановичем. С целью заставить хозяйку открыть дверь и выйти из комнаты, служанка переводит часы вперед, чтобы они начали звонить, дескать, весь дом уже на ногах.

В этот момент к Лизаньке подходит барин – Павел Афанасьевич и начинает заигрывать с ней, а она его старается отправить восвояси, говоря, что Софья только задремала и не стоит ее будить – она всю ночь читала по-французски вслух. Из-за двери раздается голос хозяйки и Фамусов, испуганный тем, что дочь могла его услышать, спешит скрыться. Наконец, София и Молчалин расстаются на целый день и уже уходя, последний в дверях встречает Фамусова.

Павел Афанасьевич очень удивлен этой встрече, дочь врет, что тот только что зашел, а сам Молчалин тоже лжет, что идет с прогулки. Фамусов явно недоволен его визитом в такую рань и во всем винит тлетворное влияние французов. Чтобы как-то утихомирить гнев отца, Софья рассказывает про увиденный дурной сон, в котором якобы слышит голос Фамусова, поэтому услышав его наяву, сразу проснулась и оказалась в этой комнате. Секретарь врет о том же – будто он услышал голос барина и с бумажками сразу зашел. Отец отпускает дочь дальше спать и выкинуть глупости из головы, а с Молчалиным идут разбирать документы, которые тот принес.

Между тем, Лизанька и Софья беседуют о том, что папенька никогда не согласится на брак последней с каким-то секретарем, нужен богатый и с чинами жених, например, полковник Сологуб, но хозяйка и слышать о нем ничего не желает – тот слишком глуп. Тогда служанка вспоминает нежные отношения хозяйки с Чацким, на что та парирует, что они просто выросли вместе, виделись каждый день, но настоящей любви не было.

Входит слуга с докладом о том, что к Софии пожаловал с визитом Александр Андреевич Чацкий. Последний в красках рассказывает как мчался к ней, как скучал и рад встрече. Расспрашивает обо всех знакомых, но делает это злобно, насмехаясь над ними. Очень болтлив. Говорит, что очень любит Софью, готов хоть в огонь за нее, но эти слова не производят никакого впечатления на девушку.

Появляется Фамусов, он рад видеть Чацкого, которого не было в их доме несколько лет, расспрашивает его об увиденном, но тот твердит только о том, как прекрасна София и поспешно ретируется, обещая заехать снова через час. Оставшись один, пытается разгадать сон дочери и сокрушается о том, как тяжело воспитывать взрослое чадо.

Павел Афанасьевич просит слугу достать календарь и вспоминает, как много у него различных дел, практически каждый день какое-то событие. Философствует о человеческой жизни. Снова объявляется Чацкий и настойчиво расспрашивает о Софье. Они начинают спорить о важности службы. Фамусову хочется, чтобы потенциальный зять был служилым человеком, а Чацкий не собирается служить, они ссорятся.

Тем временем, слуга объявляет о том, что пришел полковник Скалозуб. Фамусов просит Чацкого быть с ним вежливым, не выказывать свои странные идеи и вообще, за этого человека он хотел бы выдать дочь, несмотря на разницу в возрасте. С самим полковником вскользь заводит тему о женитьбе, особенно, когда станет генералом, нахваливает Москву и московскую молодежь. Сожалеет о том, что Александр Андреевич ни в какую не желает служить, на что сам Чацкий, позабыв о вежливости разразился яростной тирадой о губительности и никчемности службы. Фамусов раздраженно выходит из комнаты.

Софья через окно видит, что Молчалин упал с лошади и падает без чувств от переживаний за него. Скалозуб насмехается над этим происшествием и уходит посмотреть насколько сильно тот ушибся. Лизанька и Чацкий приводят в чувства Софью, а последний едко отзывается о Молчалине. С секретарем все в порядке, он слегка повредил руку, а Софье становится неловко оттого, что она так явно о нем тревожилась. Чацкий подозревает в нем соперника и надменно уходит. А девушка приглашает Скалозуба на вечернее мероприятие в их доме. Оставшись наедине с Молчалиным и служанкой, говорит как сильно за него испугалась. На что ей советуют быть более скрытной, чтобы не поползли слухи. А Софье все нипочем, она серьезно влюблена и не хочет этого скрывать. Но как только хозяйка уходит, Молчалин говорит о любви Лизаньке, пытается ее приобнять и приглашает зайти к себе завтра днем.

София сказывается больной, отказывается обедать и просит служанку позвать к ней Молчалина, чтобы он побыл с ней. Лизанька в растерянности констатирует факт, что хозяйка так льнет к Алексею Степанычу, а он – к служанке, тогда как сама Лиза влюблена в Петрушу – слугу барина.

Чацкий вызывает Софию на откровенный разговор о том, кого

же она на самом деле любит. Она говорит о противной ей привычке Александра Андреевича едко отзываться обо всех людях и приводит в пример Молчалина, фактически, признаваясь, что влюблена и сразу отрицает Скалозуба в качестве возможного возлюбленного. Она уходит, а служанка докладывает о визите Молчалина. Последний случайно сталкивается с Чацким, который теперь уверен, что Софья любит секретаря. Между ними завязывается колкая беседа-опрос о жизни и достижениях.

Между тем, в доме Фамусовых обещанное вечернее мероприятие, на которое съезжаются гости. Среди них и Чацкий, встречает старых знакомых, не очень вежливо комментирует как те изменились за три года, как его не было в Москве. Приезжает князь Тугоуховский с супругой и шестью дочками. Княгиня замечает Чацкого и интересуется кто он и женат ли. Узнав, что холост, немедленно отправляет к нему мужа звать на обед в их дом. Но сообщение о том, что у потенциального жениха нет ни чина, ни богатства, заставляет ее передумать и она срочно отзывает мужа обратно. Подъезжают новые гости, становится все многолюднее. Фамусов уводит князя и Скалозуба играть в вист. Чацкий снова пытается заговорить с Софией, но она отмахивается от его злобных шуток и пускает слух о том, что он сошел с ума. Это известие моментально становится всеобщим достоянием, а со слов Загорецкого выходит, что тот и вовсе был упрятан в дом для душевнобольных и посажен на цепь.

Собравшаяся общественность начала с жаром обсуждать новость о сумасшествии Чацкого и оказалось, что это все заметили – каждый по-своему. Согласились, что он пошел генами в мать, которая восемь раз с ума сходила, а сам он, наверняка, пил и очень много: стаканами, бутылками, нет, лучше бочками. Приходят к заключению о том, что образование – зло, от него только с ума потом и сходят, становятся ботаниками, не хотят служить. Скалозуб выражает мнение, что в лицеях и гимназиях вообще книжки не нужны, учить надо по-военному.

Входит Чацкий и все сразу замолкают. Стараются отойти от него подальше. София спрашивает, что его тревожит и он объясняет в длинной речи пагубность слепого следования моде, бездумное перенимание чужих иноземных привычек, забывание своего, исконно русского. Пока он это говорит, его никто не слушает, все разбрелись по своим делам.

Гости начинают разъезжаться по домам и все ругают этот вечер у Фамусовых, не понравилось никому. Чацкий никак не может найти кучера и поэтому задерживается. К нему подбегает Репетилов и предлагает дружбу, говорит, что лучшего друга тот не найдет и параллельно рассказывает о тайных собраниях в

английском клубе. Зовет Александра Андреевича сейчас же туда идти, обещает познакомить с замечательными людьми, которых сильно нахваливает. Подают экипаж Скалозуба и он спускается к нему, но в этот момент Репетилов уже спешит зазвать того на прекрасный вечер с чудесными людьми и снова всех нахваливает. Чацкий, пользуясь случаем, бежит. Но Скалозуба тоже уговорить не удалось, он уехал. Из дома Фамусовых выходит Загорецкий и видя Репетилова пытается его убедить в том, что Чацкий безумен, но тщетно, ему не верят.

Оказывается, что Чацкий все это время был в доме Фамусовых, в швейцарской и слышал, что его считают сумасшедшим. Он удивлен этим слухам и рассуждает о том, откуда они. Внезапно слышит голос Софии, которая окликает Молчалина, догадывается, что у них назначено свидание и решает сам лично во всем убедиться, для чего прячется. Вскоре появляется Лизанька и стучится в комнату Молчалина с известием о том, что барышня его зовет. Тот выходит из комнаты и видит служанку, с которой сразу начинает заигрывать, не зная о том, что за колонной спрятался Чацкий, а сверху крадучись неслышно идет София. Молчалин признается, что не любит Софью, боится того, что ее отец их поймает и прогонит прочь, не собирается жениться на девушке, ему гораздо милее служанка, которая сейчас перед ним. Показывается Софья, изобличает врунишку-секретаря и выгоняет его из дома, угрожая все рассказать отцу. Он падает перед ней на колени, умоляет не верить его шуткам, но барышня непреклонна и радуется тому, что в этот раз нет свидетелей ее позора, как тогда когда она упала в обморок. В этот момент из-за колонны появляется Чацкий – свидетели таки есть.

Тем временем, становится очень шумно, является Фамусов со слугами и обвиняет дочь в бесстыдстве, в том, что она теперь встречается с тем, кого объявила безумным. Чацкий узнает, что слух пустила она. А Фамусов в страшном гневе оскорбляет дочь и угрожает ее сослать жить в деревню к тетке. Он замолкает и слово берет Чацкий, который обвиняет Софию в двуличии, обмане. Говорит, что он не тот, за кого отец барышни его принял, не собирался на ней жениться, разочарован и собирается покинуть Москву. Павел Афанасьевич почти не слушает его, он уверен в собственной правоте и в том, что последний действительно безумен. Сейчас Фамусова гораздо больше интересует, что о нем будут говорить другие, какие возникнут слухи.

Молодые супруги

Арист, входя в гостиную констатирует свое неудовольствие от возвращения домой и факт того, что ему придется целое утро разговаривать с супругой, хотя без нее ему гораздо лучше.

Супруг уговаривает Эльмиру почаще выезжать из дома, не прятать свои таланты. Она нехотя соглашается – ей приятнее быть дома. Затем начинают планировать летний отдых, но жене все равно куда ехать, лишь бы рядом с любимым. Она укоряет его в том, что он иногда не в духе в ее присутствии, тот не соглашается, но сразу ищет газеты, чтобы уйти от разговора. Оба начинают читать.

Является Сафир и с умилением смотрит на молодую чету – со стороны у них полная идиллия, но вскоре выясняется, что Эльмира недовольна невниманием Ариста, у которого на уме лишь балы, да развлечения. После обсуждения очередного приключения, супруга чувствует себя лишней и выходит из комнаты.

Оставшись наедине с Сафиром, Арист признается, что давно не любит жену, хотя они женаты всего три месяца. Ему хочется, чтобы та блистала на балах, ухаживала за собой: всегда модно одевалась, проявляла свои таланты, а не была безмолвной тенью, во всем с ним согласной. Друг укоряет супруга в том, что она вынуждена ждать его одна дома с многочисленных балов и вечеринок, он груб и небрежен с ней. Ведь, если она сама станет ездить на балы, то у нее не останется времени на мужа, она заведет себе любовника и обманет с ним Ариста. Но супругу все равно, пускай она себе заводит любовника – он не против, тем более, что так заведено. Хотелось бы, чтобы у нее был целый рой ухажеров, которые бы вились около нее постоянно, сходя с ума от страсти, а он смотрел бы на это все со стороны, понимая, что она только его. Сафир говорит, что это все ребячество и он просто не ценит качеств супруги. Внезапно, Арист вспоминает, что у него свидание с Аглаей, с которой ему веселее проводить время, обманывая жену, чем бегать по стряпчим, ведь его имение могут отобрать через суд.

Эльмира признается, что слышала их разговор, беседует с Сафиром по поводу мужа и тот ей советует быть более ветреной, независимой, капризной, хорошо одеваться, выходить в свет. Но девушка говорит, что очень любит мужа, даже занялась его делами, когда тот их забросил и сегодня как раз должно быть окончательное решение по этому делу. Она делает все, чтобы супруг был ей доволен, но не понимает как вернуть его любовь.

Друг мужа искренне ей говорит, что она – редкое сокровище, которое не ценит супруг, потому, что привык к ее добродетели, воспринимает как должное и постоянное, а чтобы оживить его чувства, молодой жене следует завести себе множество воздыхателей. Тогда Арист снова будет бояться ее потерять. Она дает обещание выходить в люди.

Девушка начинает играть на фортепиано и петь, Сафир восхищен. В это время входит и Арист, он тоже очень хвалит талант жены, замечает, что та нарядно одета и собралась куда-то ехать. Супруг удивлен еще больше. Она признается, что слова Сафира пробудили в ней желание блистать на балах и больше она не собирается сидеть дома. Видя нетипичное поведение жены, Аристу кажется, что он снова в нее влюблен, как прежде. Эльмира врет, что едет в магазин за всякими безделушками для бала, на самом деле, она отправляется по делам мужа, но не хочет, чтобы последний об этом узнал, поэтому просит Сафира сохранить тайну.

Аристу неприятны трансформации, происходящие с женой, он обвиняет Сафира в «медвежьей услуге», злится и ревнует, хотя, совсем недавно сам этого хотел – перемен в супруге. Подозревает друга в секретах с благоверной. Тем временем, Эльмира возвращается домой с хорошими новостями о деле супруга – все решено в его пользу, но решает ему до поры до времени ничего не говорить. Она хочет его помучить и хорошенько проучить за вольности, которые тот себе позволял. В дверях появляется Арист, но Эльмира и Сафир его пока не видят и продолжают разговор о том, что благоверный не слишком честен с супругой, за что его следует наказать. Сафир просит передать письмо с решением о деле ему, чтобы муж не нашел. Расстроенный супруг видит в этом измену, обвиняет друга и жену в обмане, не желает никого слушать и просит оставить его с женой наедине.

С глазу на глаз с Эльмирой, обвиняет ее в измене, требует отдать письмо, которое, как он уверен, любовное. Клянет супругу на чем свет стоит, поносит друга, жалеет себя: несчастного и обманутого. Жена отдает ему письмо и он видит, что оно не любовное, а по его делу. Все сразу меняется, он просит у нее прощения, ругая свою глупость и вспыльчивость. Приходит Сафир и Арист умоляет его о прощении. Клянется теперь всегда быть дома с супругой, уделять ей много внимания и ласки. Но она непреклонна – муж редко ее будет видеть дома, она собирается ездить по балам. И лишь вмешательство друга меняет ситуацию – жена прощает мужа и признается, что это все было затеяно, чтобы вернуть прежнюю привязанность последнего. И, кажется, успешно!

Проба интермедии

В захудалом, уездном театре Фёколков требует от актеров и актрис устроить ему бенефис. Но те не понимают, чего именно он от них хочет. Тогда он объясняет, что необходимо хорошенько развлечь публику.

Алегрин предлагает все хорошенько обдумать, но Феколков просит все делать как получится, главное – быстрее. Советуются, что будут ставить: оперу? Комедию? Балет? Феколков хочет интермедию и всю труппу расстраивает это известие, они не хотят в ней участвовать.

Уговаривают суфлера написать пьесу для театра. Он соглашается, но обязательно должны быть декорации, актеры, слова и танцы. Все это имеется, нужно только сочинить что-нибудь. Автор предлагает названия: «Пирушка на Оке» или «Гулянье за Окой». Начинать следует с песен, а завершать танцами. Феколков настаивает на том, чтобы сначала сделать пробу будущей интермедии. Все соглашаются. Певцу поручено петь, что знает, а сам суфлер пока напишет куплеты для певицы. Актеры поют и танцуют. Сочинитель их останавливает и предлагает в качестве окончания пропеть куплеты. Но Феколков недоволен таким скорым завершением интермедии. Однако его убеждают, что и этого довольно, поэтому поют сочиненные куплеты.

Студент

Домой к Звездову является студент из Казани Беневольский и просит хозяйского слугу позвать барина. Ведет себя нахально, заявляет, что он – друг хозяев и его давно ждут. А также, что между Звездовым и покойным отцом молодого человека давно принято решение выдать за него их воспитанницу – Вариньку.

Пока ушли звать хозяина, студент, называющий себя артистом, начинает записывать свои впечатления от Петербурга, а слуга Федька изнывает от голода. Беневольский уверен, что вскоре станет знаменитым, Звездов станет его покровителем, назначит ему пенсию и молодой человек разбогатеет. Он совершенно убежден в том, что Александр Петрович одним махом разрешит все его трудности и печали, а также, будет неустанно помогать. Студент спешит скорее переодеться, чтобы встретить то, кто только что подъехал в экипаже.

Варинька разговаривает с Полюбиным и обещает, что ни за кого, кроме него замуж не пойдет. Но сокрушается о том, как тяжко быть сиротой, за которую все решают покровители, переживает, что Звездов выдаст ее за Беневольского, который ей крайне неприятен. При этом, жена Звездова – Настасья Ивановна не против брака с Полюбиным, а сам Александр Петрович противится этому, просто из вредности, наперекор всем. Девушка собирается кланяться в ноги приемной матери, чтобы она за нее заступилась перед Звездовым и уходит, но просит возлюбленного, чтобы он еще сегодня у них побыл, поскольку они собираются уезжать на дачу и никто не знает как надолго.

К Полюбину присоединяется Евлампий Аристархович, который очень самоуверен и спешит со всеми познакомиться. Первый понимает, что перед ним его соперник и ведет себя с ним холодно, отчужденно. Оба не нравятся друг другу. Беневольский расстроен, что оппонент не знаком с его стихами и вообще равнодушен к поэзии, а Полюбин не понимает, почему тот не хочет служить. Вскользь замечает, что несмотря на молодой возраст, он уже статский советник, поэтому студент тоже сможет многого добиться и стать государственным человеком. Последнему чрезвычайно нравится эта идея, он говорит, что всегда мечтал заниматься таким делом, а поэзия – так, пустяк.

К мужчинам присоединяется Саблин и смеясь над несуразным видом студента, просит Полюбина их познакомить, что тот и делает. Но Беневольский ни слова не понимает из того, что ему говорит Евгений Иванович и просит Полюбина отвечать за него. Оказывается, что Саблин тоже терпеть не может

литераторов, но услышав, что юноша изучал право, предлагает ему пойти в их полк юнкером. Беневольский кривится, ему хочется сразу в полковники. Полюбин и Саблин между собой решают, что нельзя никоим образом допустить, чтобы этот уродец женился на Варваре Николаевне и собираются хорошенько поговорить со Звездовой, чтобы та его отвадила от дома.

Оставшись один, Евлампий Аристархович насмехается над невежеством Полюбина и Саблина, а сам предается мечтам о том, что станет военным. А еще лучше, министром и полководцем и стихотворцем, в придачу. Вот тогда его сразу все зауважают. Кроме того, хочется ему хоть увидеть ту, которую считает своей невестой. Как по заказу, в комнату входят Настасья Ивановна и Варинька. Беневольский, стараясь произвести на них впечатление, добивается обратного эффекта: его считают безумным, а его речи странными. Он чрезвычайно не нравится обеим, а Звездова и вовсе его не может слушать, поэтому оставляет их наедине с Варинькой. Но вот незадача: студент их перепутал и решил, что его невеста – Звездова, поскольку она молода и хороша собой, а Варинька – так, служанка. Ужасная правда о том, что Звездова – хозяйка дома и супруга барина, совсем обескураживает Евлампия. Но он успел в нее отчаянно влюбиться и подкупает слугу Ивана, чтобы тот все рассказывал ему, что происходит в доме.

Приходит Звездов и с порога начинает раздавать хозяйственные поручения, сразу увольняет подкупленного Ивана за ненадобностью. Беневольский несмело к нему подходит и начинает напоминать про обещания и место ему сыскать хорошее, и в доме своем поселить, и Вариньку в жены отдать. Хозяин вспоминает и соглашается со всем, а сам спешит скорее отдохнуть, он устал. Впрочем, зовет студента в свой кабинет поговорить.

Тем временем, Саблин вызывается поговорить с сестрой по поводу Беневольского, а Полюбин отправляется к Звездову налаживать отношения. Итогом беседы Настасьи Ивановны и Евгения Ивановича является решение о притворном согласии Звездовой на свадьбу Евлампия Аристарховича и Вариньки, а сама она попытается так напугать мужа рассказами о студенте, что свадьбы не будет. Незаметно подкрадывается Беневольский, который слышит лишь обрывки фраз и решает, что они любовники. Успокаивает брата и сестру, что сохранит их тайну, но его просят объясниться, а когда он это делает, то Звездова сердитая уходит, а Саблин объясняет недотепе, что они не любовники.

Сцена в комнате, в которой собрались практически все. Звездов собирается ехать по делам и прощается с домашними до

вечера. Из-за угла подает голос Беневольский, о котором успели позабыть и хозяин вспоминает, что не представил студента домочадцам. Но Звездова признается мужу, что молодой человек в нее влюблен и хочет жениться, а Варинька – в том, что тот называл ее «милой». Все смеются. Посрамленный студент пытается что-то объяснить, но его не слушают. Варинька рассказывает также, что ее приняли за служанку, что веселит Звездова. Снова дружный хохот. Александр Петрович заболтался с домашними и уже не успевает по делам, поэтому остается дома писать письмо прокурору, о котором забыл. Супруга говорит, что они отправляются в сад до обеда, а Беневольский мог бы помочь тому написать послание. Но Звездов все делает наперекор, поэтому отказывается от помощи в написании письма, отправляет благоверную гулять, а студента оставляет наедине с Варинькой, чтобы те привыкали друг к другу. Девушка умоляет Полюбина не оставлять ее одну.

Экипаж Беневольского мешает на дороге и его чуть не арестовывают, ведь ему до сих пор не выделили комнату. Звездов распоряжается найти ее немедленно, но потом вспоминает, что пустых комнат в доме нет, поэтому предлагает студенту общую комнату, где собирается вся семья, просто не пускать никого к себе.

Варинька остается наедине с Беневольским и он пытается ей рассказать о своих чувствах, но та даже слышать его не желает и уходит.

Полюбин пытается объяснить Беневольскому, что Вариньке он неприятен и она не хочет иметь с ним ничего общего. Но студент уверен, что это не правда и списывает все на дамское кокетство. Полюбин понимает, что говорить с ним не о чем. Тут приходит Саблин и говорит, что Полюбинв ждут к обеду, а сам он собирается в ресторан, куда может захватить с собой и студента.

Настасья Ивановна в беседе с Полюбиным и Варинькой советует сказать, что якобы они все не хотят больше этой свадьбы. Звездов все сделает вопреки, как обычно, и Полюбин сможет жениться на девушке, чего и всем хочется.

Звездова, оставшись наедине с мужем, уговаривает его скорее выдать замуж Вариньку за Беневольского, а Полюбин, дескать, собирается жениться на другой. Она рассчитывает, что супруг все сделает наоборот, но тот неожиданно соглашается сделать так, как велит жена. Но в последний момент, видя недовольство Вариньки и сердитость жены, решает, что те хотят его просто задержать в городе, чтобы он не уехал в деревню. Признается, что сам ненавидит Беневольского и отдает Полюбину руку Вариньки. Все счастливы. Александр Петрович торопится ехать и велит

сыграть свадьбу без него. Вбегает Федька – слуга Евлампия Аристарховича и ему все сообщают, чтобы он передал хозяину, что его невеста выходит замуж за другого, а они все сейчас едут на дачу, далеко отсюда.

Из ресторана возвращаются сильно навеселе Саблин и Беневольский. Федька пытается сказать господину то, что его накануне просили передать, но все нет возможности. Евгений Иванович замечает, что Евлампий Аристархович выливает стакан вина, которое он предложил ему распить дома, его это злит и он рассерженный едет домой. Пьяный студент читает вслух стихи и не слушает слугу. Является швейцар с вопросом о том, скоро ли студент освободит комнату, поскольку барин уехал в деревню, а барыня – на дачу. Он хочет закрыть эту комнату. Слуга Федька тоже оставляет хозяина, поскольку тот проиграл последние деньги и не может ему платить.

Прохоров предлагает Беневольскому должность корректора, которую он сначала хочет отклонить, но потом передумывает. Студент сокрушенно размышляет о том, как ветрены оказались все его мечты.

Притворная неверность

Рославлев и Ленский рассуждают о женской ветрености. Первый разругался со свое возлюбленной – Лизой и считает всех женщин на свете хитрыми, коварными созданиями, злится на них, а второй ревнует Элединy к Блестову, который готов смешить и развлекать всех дам без разбора. Впрочем, Блестов раздражает и Рославлева. Друг советует последнему помириться с Лизой и он нехотя уходит это делать. Уходя, почти сталкивается с Блестовым.

Входит Блестов и удивляется тому, как поспешно ушел последний, на что Ленский сообщает ему, что он того боится из-за неизменных побед первого в женском обществе. Блестов спрашивает, что делал бы Рославлев, если бы он увел у него Лизу, а Ленский говорит, что просто оставил бы ее и объяснился с ним. Первый предлагает последнему оставить Рославлева и дружить с ним. Ленский не против, но просит не трогать Элединy.

Оставшись один, Блестов решает все равно очаровать обеих сестер, просто назло друзьям. Тем более, что он им обеим написал любовные письма с расчетом на то, что если одна откажется, то ему достанется другая. Слыша приближение дам, спешно ретируется.

Являются сестры и Элединa смеется любовному письму, которое получила от Блестова, но Лиза тоже получила от него письмо. Они сверяют два письма и понимают, что они практически одинаковые. Решают отомстить плуту. С грустью констатируют факт, что Рославлев любит слишком крепко, а Ленский вообще мало знаком с любовью и Элединой не нравится его холодность. Обе понимают, что мужья из них выйдут никудышные. Решаются написать Блестову ответное письмо, просто, чтобы посмеяться над ним, а заодно, заставить ревновать Рославлева и разозлить Ленского, раз тот не умеет ревновать.

Приходят Ленский с Рославлевым и видят, что Элединa что-то пишет. Рославлев беседует с Лизой, которая ему сообщает, что теперь будет того избегать. А ее сестра сокрушается о холодности Ленского, как-бы не замечая того. Она продолжает писать и возлюбленный не смеет ей мешать, хотя она и не скрывает, что послание любовное, но он уверен, что оно посвящено ему. Шутливое любовное письмо написано и отправлено с лакеем адресату, а Ленского отправили домой, как он убежден, ждать этого письма. Рославлев снова пытается поговорить с Лизой, обвиняет ее в том, что она мало уделяет ему внимания, танцует с другими и хохочет. Последней это все надоело и она предлагает

Рославлеву совсем расстаться, поскольку устала от его постоянной ревности и ругани.

Рассерженный Рославлев встречает Блестова, допытывается у него к кому из сестер он так часто стал сюда ездить и он сообщает, что к Элединой, она, дескать, давно добивается его расположения. А в качестве доказательства, показывает ее любовное письмо.

Рославлев и Ленский встречаются и оба ведут себя скованно, ведь Блестов показал обоим письма от девушек. Они не знают, как сказать друг другу, что и Лиза, и Элединa влюблены в Блестова, о чем и пишут ему. Наконец, объясняются. Рославлев в отчаянии, он готов бить и крушить все на своем пути, рвется сейчас же идти к Блестову разбираться. Ленский спокоен и задумчив. Он догадался, что любовные письма обеих сестер – просто шутка. Успокоил друга и отправил домой, но тот незаметно прокрался за штору, чтобы посмотреть, что задумал Ленский. Приходят сестры и Ленский, чтобы наказать обеих за шутку, врет о том, что Рославлев чуть не застрелился от горя, но теперь нашел новую любовь в лице Вельской и скоро их свадьба. Обе сестры расстроены.

Оставшись одни, они соглашаются, что поступили не слишком умно, Лиза обвиняет Элединy в том, что потеряла любимого из-за дурацкого письма, почти плачет. Никто не знает, что Рославлев все слышит и видит. Последнему надоело прятаться, он выходит, радостно мирится с Лизой, у них опять все хорошо. Является Ленский и его изобличают как лгуна, который все готов сделать ради своей забавы. Чуть позже приходит Блестов с целью насладиться взаимными упреками любимых, но они над ним смеются. И при нем же Ленский делает предложение руки и сердца Элединой, которое она принимает.

Блестов удручен коварством женщин и собирается с ними поквитаться, когда те будут замужем.

Своя семья, или Замужняя невеста

Вельдюзева собирает родственников: сестер, брата и тетю, чтобы сообщит о том, что она получила письмо от племянника Любима, который живет в Петербурге и которого они давно не видели. В письме он просит их благословления на женитьбу. Но родню настораживает тот факт, что невеста воспитана графиней, образованная и будет смеяться над простыми людьми, живет в барском доме, а значит, будет модницей, швыряющей деньги на ветер. Они все против свадьбы.

Оказывается, что сам Любим и Наташа слушали пререкания и соображения родственников из кабинета Вельдюзевой. Молодой человек опечален такой реакцией родни и просит тетку пока никому не говорить о том, что Наташа – жена его, а не невеста. Поспешность свадьбы объясняет тем, что князь Ладов, в доме которого жила Наташа собрался ехать в Париж, поэтому тянуть не стали: во вторник попросил руки, а в пятницу уже и поженились. Любим хотел было раньше написать тетке, но все как-то не получалось. Однако, приданое в порядке, только деньги расходуются очень быстро, неизвестно куда. А если сейчас родственники еще лишат его наследства за то, что тот женился без их согласия, то совсем беда будет.

Вельдюзева предлагает молодой паре притвориться, что они не женаты и очаровать всех родственников, чтобы они полюбили Наташу. Последняя напоминает о том, что хоть и выросла в барском доме, но привыкла всем угождать, чтобы понравиться. Заслышав шаги секунд-майора, быстро решают представить молодую жену как племянницу мужа Вельдюзевой из Вятки. Он так сильно очарован девушкой, что сразу решает на ней жениться, заигрывает с ней. Но она признается, что любит другого человека и, даже, замужем за ним, но боится гнева его родни. Майор, не понимая о ком идет речь, соглашается быть защитником молодых. Входит сестра и сообщает о том, что прибыл Любим и хочет повидаться со всей родней. Майор спешно убегает на встречу с племянником.

Приходит Фекла Саввишна и ей тоже представляют Наташу как племянницу Вельдюзевой. Девушка проявляет себя бережливой, разумной хозяйкой, которая лишнюю копеечку не потратит, и готовить умеет, и сама шьет, и даже сумела сама за свою работу по продаже золотого и серебряного вышивания, денежку скопить. Фекла Саввишна в восторге от нее. Как только уходит последняя, является Раиса Саввишна, которой нравится, что девушка, как и она сама, готова беспричинно расстраиваться,

плакать, очень чувствительна. Безусловно, Наташа притворяется для того, чтобы понравиться родне мужа. Но делает это так искусно, что никто не догадывается. Раиса Саввишна, как и все остальные, решает, что лучшей жены для Любима, чем Наташа – не найти. Она уводит девушку от нахальных шуток майора и в комнате остаются только сам майор, Вельдюзева и Любим.

Майору открывают тайну, что Любим и Наташа женаты, он сначала очень удивлен, но потом радуется за них и потешается над тем, как удалось провести Феклу Саввишну. Собираются Максиму сразу все сказать, чтобы он проводил с девушкой свой экзамен, как и хотел. После очень долгой и утомительной прогулки с Раисой Саввишной, Наташа еле дошла до дома очень уставшей. В этот момент, забегает Любим и сообщает, что Максим Меркурьич готов принять экзамен у девушки. Она в растерянности, ведь не готовилась к этому. Но ее утешают, что он глуп и уже пьян.

Вваливается пьяный Максим, ему представляют Наташу и он требует непременно провести экзамен сию минуту. Немножко трусит и ищет оправдание в том, что нету его книжек, но ему говорят, что за ними послали и почти сразу эти книги ему доставляют. Девушка проявляет глубокие познания во всем, о сем ее спрашивают: от грамматики до философии. Экзаменатор сдается, признавая, что та умнее его. Тогда его отправляют к Раисе, чтобы он похлопотал перед ней за Любима и Наташу.

Осталось произвести впечатление на Матрену Карповну, которую вскоре ожидают к чаю. Любиму нужно обязательно сходить в Фекле Саввишне и выслушать все ее нравоучения, она настаивала на его визите. Для храбрости, Вельдюзева соглашается идти с племянником и в пути научить его, что сказать старушке. Майор остается с Наташей ожидать Звонкину.

Является Матрена Карповна Звонкина и Наташа представляется ей племянницей Варвары Саввишны Вельдюзевой. Девушка ведет себя учтиво, что приятно старушке. Но ей пытаются соврать, что Наташа еще не замужем, однако, Звонкина быстро выводит их на чистую воду и благословляет молодых. Ей, как и всем остальным, очень нравится жена Любима. Они вместе с майором учат Наташу танцевать танец – хлопушку. К ним присоединяется Максим и они танцуют. Потом собираются все тетки. Звонкина очень рада за Любима и не желает ему другой жены, Раиса Саввишна сердечно обнимает Наташу и все счастливы за молодых, кроме Феклы Саввишны. Она признается, что Наташа ловко ее обвела вокруг пальца, но вряд ли будет хорошей женой и против их свадьбы.

Но девушка объясняет ей, что играла комедию, чтобы им

всем понравиться и, при этом, не сказала ни слова неправды. Она, как и Фекла Саввишна не любит мотовства и бережлива; как майор – не любит напыщенных людей; как и Раиса Саввишна восхищается природой и вздыхает на луну; как и Максим, приучена к наукам; как Звонкина любит веселье и танцы. Фекла Саввишна просит прощения у Наташи и Вельдюзева заключает, что теперь они все одна семья.

«Горе от ума»

Действующие лица:

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна, молодая дама Платон Михайлович, муж ее Горичи.

Князь Тугоуховский и Княгиня, жена его, с шестью дочерями.

Графиня бабушка Графиня внучка Хрюмины.

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.

г. N*. г. D*

Репетилов. Петрушка и несколько говорящих слуг. Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде. Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

Действие первое

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откудова слышно фортопияно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел. Утро, чуть день брезжится.

Лизанька (вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз,
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им…

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй! Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша за́ночь;
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. Что-с?

(*Голос Софии*)

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София (из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София (оттуда же)

Неправда.

Лизанька (прочь от дверей)

Ах! амур проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

(Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.)

Явление 2

Лиза и *Фамусов*.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??..

Лиза

Нет, сударь, я… лишь невзначай…

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так верно с умыслом.

(Жмется к ней и заигрывает.)

Ой! зелье, баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

Фамусов

Скромна, а ничего кроме́
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики…

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда придти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти; разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза (как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов (зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того…

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, сударь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат…

Фамусов

Всё ты лжешь.

(Голос Софии)

Эй, Лиза!

Фамусов (торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза (одна)

Ушел. Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Лиза, София со свечкою, за ней *Молчалин*.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь…

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте.

Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;
А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София (Молчалину)

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

(Разводит их, Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.)

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?

И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Занятье для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок! –

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;
Я от испуги дух перевожу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я.

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.

По должности, по службе хлопотня,
Тот пристает, другой, всем дело до меня!
По ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут…

София (сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоем ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно иного образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложеньем,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин…
Монашеским известен поведеньем!..

Лиза

Осмелюсь я, сударь…

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по ле́там,
А пуще дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг, и в дом и по билетам,

Чтоб наших дочерей всему учить, всему –
И танцам! и пенью́! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.
Ты, посетитель, что? ты здесь, сударь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин асессора и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содейство;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давече вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног.

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)
София

Позвольте… видите ль… сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим – будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок… Знаете, кто в бедности рожден…

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало всё: луга и небеса. –
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол – и вы оттуда,
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.. –
Проснулась. – Кто-то говорит. –
Ваш голос был; что́, думаю, так рано?

Бегу сюда – и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти и любовь, и страхи и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, за чем же? – говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. –
Поди-ка, ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для докладу,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, сударь, я одного смертельно,
Чтоб множество не накоплялось их;
Дай волю вам, оно бы и засело;
А у меня, что дело, что не дело,
Обычай мой такой:
Подписано, так с плеч долой.

(Уходит с Молчалиным, в дверях пропускает его вперед.)

Явление 5

София, Лиза.
Лиза

Ну вот у праздника! ну вот вам и потеха!
Однако нет, теперь уж не до смеха;
В глазах темно, и замерла душа;
Грех не беда, молва не хороша.

София

Что́ мне молва? Кто хочет, так и судит,
Да батюшка задуматься принудит:
Брюзглив, неугомонен, скор,
Таков всегда, а с этих пор…
Ты можешь посудить…

Лиза

Сужу-с не по рассказам;
Запрет он вас; – добро еще со мной;
А то, помилуй бог, как разом
Меня, Молчалина и всех с двора долой.

София

Подумаешь, как счастье своенравно!
Бывает хуже, с рук сойдет;
Когда ж печальное ничто на ум не йдет,
Забылись музыкой, и время шло так плавно;
Судьба нас будто берегла;
Ни беспокойства, ни сомненья…
А горе ждет из-за угла.

Лиза

Вот то-то-с, моего вы глупого сужденья
Не жалуете никогда:
Ан вот беда.
На что вам лучшего пророка?
Твердила я: в любви не будет в этой прока
Ни во́ веки веков.
Как все московские, ваш батюшка таков:
Желал бы зятя он с звездами, да с чинами,
А при звездах не все богаты, между нами;
Ну разумеется, к тому б
И деньги, чтоб пожить, чтоб мог давать он ба́лы;
Вот, например, полковник Скалозуб:
И золотой мешок, и метит в генералы.

София

Куда как мил! и весело мне страх
Выслушивать о фрунте и рядах;
Он слова умного не выговорил сроду, –
Мне всё равно, что за него, что в воду.

Лиза

Да-с, так сказать, речист, а больно не хитер;
Но будь военный, будь он статский,

Кто так чувствителен, и весел, и остер,
Как Александр Андреич Чацкий!
Не для того, чтоб вас смутить;
Давно прошло, не воротить,
А помнится…

София

Что помнится? Он славно
Пересмеять умеет всех;
Болтает, шутит, мне забавно;
Делить со всяким можно смех.

Лиза

И только? будто бы? – Слезами обливался,
Я помню, бедный он, как с вами расставался. –
Что, сударь, плачете? живите-ка смеясь…
А он в ответ: «Недаром, Лиза, плачу,
Кому известно, что́ найду я воротясь?
И сколько, может быть, утрачу!» –
Бедняжка будто знал, что года через три…

София

Послушай, вольности ты лишней не бери.
Я очень ветрено, быть может, поступила,
И знаю, и винюсь; но где же изменила?
Кому? чтоб укорять неверностью могли.
Да, с Чацким, правда, мы воспитаны, росли;
Привычка вместе быть день каждый неразлучно
Связала детскою нас дружбой; но потом
Он съехал, уж у нас ему казалось скучно,
И редко посещал наш дом;
Потом опять прикинулся влюбленным,
Взыскательным и огорченным!!..
Остер, умен, красноречив,
В друзьях особенно счастлив.
Вот об себе задумал он высоко –
Охота странствовать напала на него.
Ах! если любит кто кого,
Зачем ума искать и ездить так далёко?

Лиза

Где носится? в каких краях?
Лечился, говорят, на кислых он водах,
Не от болезни, чай, от скуки, – повольнее.

София

И, верно, счастлив там, где люди посмешнее.
Кого люблю я, не таков:
Молчалин за других себя забыть готов,
Враг дерзости, – всегда застенчиво, несмело
Ночь целую с кем можно так провесть!
Сидим, а на дворе давно уж побелело,
Как думаешь? чем заняты?

Лиза

Бог весть,
Сударыня, мое ли это дело?

София

Возьмет он руку, к сердцу жмет,
Из глубины души вздохнет,
Ни слова вольного, и так вся ночь проходит,
Рука с рукой, и глаз с меня не сводит. –
Смеешься! можно ли! чем повод подала
Тебе я к хохоту такому!

Лиза

Мне-с?.. ваша тетушка на ум теперь пришла,
Как молодой француз сбежал у ней из дому.
Голубушка! хотела схоронить
Свою досаду, не сумела:
Забыла волосы чернить
И через три дни поседела.

(Продолжает хохотать.)
София (с огорчением)

Вот так же обо мне потом заговорят.

Лиза

Простите, право, как бог свят,
Хотела я, чтоб этот смех дурацкий
Вас несколько развеселить помог.

Явление 6

София, Лиза, Слуга, за ним *Чацкий.*
Слуга

К вам Александр Андреич Чацкий.

(Уходит.)

Явление 7

София, Лиза, Чацкий.
Чацкий

свет – уж на ногах! и я у ваших ног.

(С жаром целует руку.)

Ну поцелуйте же, не ждали? говорите!
Что ж, ради? Нет? В лицо мне посмотрите.
Удивлены? и только? вот прием!
Как будто не прошло недели;
Как будто бы вчера вдвоем
Мы мочи нет друг другу надоели;
Ни на́волос любви! куда как хороши!
И между тем, не вспомнюсь, без души,
Я сорок пять часов, глаз мигом не прищуря,
Верст больше седьмисот пронесся, – ветер, буря;
И растерялся весь, и падал сколько раз –

И вот за подвиги награда!

София

Ах! Чацкий, я вам очень рада.

Чацкий

Вы ради? в добрый час.
Однако искренно кто ж радуется эдак?
Мне кажется, так напоследок,
Людей и лошадей знобя,
Я только тешил сам себя.

Лиза

Вот, сударь, если бы вы были за дверями,
Ей-богу, нет пяти минут,
Как поминали вас мы тут.
Сударыня, скажите сами.

София

Всегда, не только что теперь. –
Не можете мне сделать вы упрека.
Кто промелькнет, отворит дверь,
Проездом, случаем, из чужа, из далёка –
С вопросом я, хоть будь моряк:
Не повстречал ли где в почтовой вас карете?

Чацкий

Положимте, что так.
Блажен, кто верует, тепло ему на свете! –
Ах! боже мой! ужли я здесь опять,
В Москве! у вас! да как же вас узнать!
Где время то? где возраст тот невинный,
Когда, бывало, в вечер длинный
Мы с вами явимся, исчезнем тут и там,
Играем и шумим по стульям и столам.
А тут ваш батюшка с мадамой, за пикетом;

Мы в темном уголке, и кажется, что в этом!
Вы помните? вздрогнём, что скрипнет столик,
дверь…

София

Ребячество!

Чацкий

Да-с, а теперь,
В седьмнадцать лет вы расцвели прелестно,
Неподражаемо, и это вам известно,
И потому скромны, не смотрите на свет.
Не влюблены ли вы? прошу мне дать ответ,
Без думы, полноте смущаться.

София

Да хоть кого смутят
Вопросы быстрые и любопытный взгляд…

Чацкий

Помилуйте, не вам, чему же удивляться?
Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Всё тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

София

Гоненье на Москву. Что значит видеть свет!
Где ж лучше?

Чацкий

Где нас нет.
Ну что ваш батюшка? всё А́нглийского клоба
Старинный, верный член до гроба?

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?
А этот, как его, он турок или грек?
Тот черномазенький, на ножках журавлиных,
Не знаю, как его зовут,
Куда ни сунься: тут, как тут,
В столовых и в гостиных.
А трое из бульварных лиц,
Которые с полвека молодятся?
Родных мильон у них, и с помощью сестриц
Со всей Европой породнятся.
А наше солнышко? наш клад?
На лбу написано: Театр и Маскерад;
Дом зеленью раскрашен в виде рощи,
Сам толст, его артисты тощи.
На бале, помните, открыли мы вдвоем
За ширмами, в одной из комнат посекретней,
Был спрятан человек и щелкал соловьем,
Певец зимой погоды летней.
А тот чахоточный, родня вам, книгам враг,
В ученый комитет который поселился
И с криком требовал присяг,
Чтоб грамоте никто не знал и не учился?
Опять увидеть их мне суждено судьбой!
Жить с ними надоест, и в ком не сыщешь пятен?
Когда ж пространствуешь, воротишься домой,
И дым Отечества нам сладок и приятен!

София

Вот вас бы с тетушкою свесть,
Чтоб всех знакомых перечесть.

Чацкий

А тетушка? всё девушкой, Минервой?
Всё фрейлиной Екатерины Первой?
Воспитанниц и мосек полон дом?
Ах! к воспитанью перейдем.
Что нынче, так же, как издревле,
Хлопочут набирать учителей полки,
Числом поболее, ценою подешевле?
Не то чтобы в науке далеки;
В России, под великим штрафом,

Нам каждого признать велят
Историком и географом!
Наш ментор, помните колпак его, халат,
Перст указательный, все признаки ученья
Как наши робкие тревожили умы,
Как с ранних пор привыкли верить мы,
Что нам без немцев нет спасенья! –
А Гильоме, француз, подбитый ветерком?
Он не женат еще?

София

На ком?

Чацкий

Хоть на какой-нибудь княгине
Пульхерии Андревне, например?

София

Танцмейстер! можно ли!

Чацкий

Что ж, он и кавалер.
От нас потребуют с именьем быть и в чине,
А Гильоме!.. – Здесь нынче тон каков
На съездах, на больших, по праздникам приходским?
Господствует еще смешенье языков:
Французского с нижегородским?

София

Смесь языков?

Чацкий

Да, двух, без этого нельзя ж.

София

Но мудрено из них один скроить, как ваш.

Чацкий

По крайней мере не надутый.
Вот новости! – я пользуюсь минутой,
Свиданьем с вами оживлен,
И говорлив; а разве нет времен,
Что я Молчалина глупее? Где он, кстати?
Еще ли не сломил безмолвия печати?
Бывало, песенок где новеньких тетрадь
Увидит, пристает: пожалуйте списать.
А впрочем, он дойдет до степеней известных,
Ведь нынче любят *бессловесных*.

София (в сторону)

Не человек, змея!

(Громко и принужденно.)

Хочу у вас спросить:
Случалось ли, чтоб вы, смеясь? или в печали?
Ошибкою? добро о ком-нибудь сказали?
Хоть не теперь, а в детстве, может быть.

Чацкий

Когда всё мягко так? и нежно, и незрело?
На что же так давно? вот доброе вам дело:
Звонками только что гремя
И день и ночь по снеговой пустыне,
Спешу к вам, голову сломя.
И как вас нахожу? в каком-то строгом чине!
Вот полчаса холодности терплю!
Лицо святейшей богомолки!.. –
И всё-таки я вас без памяти люблю. –

(Минутное молчание.)

Послушайте, ужли слова мои все колки?
И клонятся к чьему-нибудь вреду?
Но если так: ум с сердцем не в ладу.
Я в чудаках иному чуду
Раз посмеюсь, потом забуду.
Велите ж мне в огонь: пойду как на обед.

София

Да, хорошо – сгорите, если ж нет?

Явление 8

София, Лиза, Чацкий, Фамусов.
Фамусов

Вот и другой.

София

Ах, батюшка, сон в руку.

(Уходит.)
Фамусов (ей вслед вполголоса)

Проклятый сон.

Явление 9

Фамусов, Чацкий (смотрит на дверь, в которую София вышла).
Фамусов

Ну выкинул ты штуку!
Три года не писал двух слов!
И грянул вдруг как с облаков.

(Обнимаются.)

Здорово, друг, здорово, брат, здорово.
Рассказывай, чай, у тебя готово
Собранье важное вестей?
Садись-ка, объяви скорей.

(Садятся.)
Чацкий (рассеянно)

Как Софья Павловна у вас похорошела!

Фамусов

Вам, людям молодым, другого нету дела,
Как замечать девичьи красоты́:
Сказала что-то вскользь, а ты,
Я, чай, надеждами занесся, заколдован.

Чацкий

Ах! нет, надеждами я мало избалован.

Фамусов

«Сон в руку» – мне она изволила шепнуть,
Вот ты задумал…

Чацкий

Я? – Ничуть.

Фамусов

О ком ей снилось? что такое?

Чацкий

Я не отгадчик снов.

Фамусов

Не верь ей, всё пустое.

Чацкий

Я верю собственным глазам;
Век не встречал, подписку дам,
Что б было ей хоть несколько подобно!

Фамусов

Он всё свое. Да расскажи подробно,
Где был? Скитался столько лет!
Откудова теперь?

Чацкий

Теперь мне до того ли!
Хотел объехать целый свет
И не объехал сотой доли.

(Встает поспешно.)

Простите; я спешил скорее видеть вас,
Не заезжал домой. Прощайте! Через час
Явлюсь, подробности малейшей не забуду;
Вам первым, вы потом рассказывайте всюду.

(В дверях.)

Как хороша!

(Уходит.)

Явление 10

Фамусов (один)

Который же из двух?
«Ах! батюшка, сон в руку!»

И говорит мне это вслух!
Ну, виноват! Какого ж дал я крюку!
Молчалин давеча в сомненье ввел меня.
Теперь… да в полмя из огня:
Тот нищий, этот франт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, создатель,
Быть взрослой дочери отцом! –

(Уходит.)

Конец I действия

Действие II

Явление 1

Фамусов, Слуга.

Фамусов

Петрушка, вечно ты с обновкой,
С разодранным локтем. Достань-ка календарь;
Читай не так, как пономарь;
А с чувством, с толком, с расстановкой.
Постой же. – На листе черкни на записном,
Противу будущей недели:
К Прасковье Федоровне в дом
Во вторник зван я на форели.
Куда как чуден создан свет!
Пофилософствуй – ум вскружится;
То бережешься, то обед:
Ешь три часа, а в три дни не сварится!
Отметь-ка, в тот же день… Нет, нет.
В четверг я зван на погребенье.
Ох, род людской! пришло в забвенье,
Что всякий сам туда же должен лезть,
В тот ларчик, где ни стать, ни сесть.
Но память по себе намерен кто оставить
Житьем похвальным, вот пример:
Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить;
Богат, и на богатой был женат;
Переженил детей, внучат;
Скончался; все о нем прискорбно поминают,
Кузьма Петрович! Мир ему! –
Что за тузы в Москве живут и умирают! –
Пиши: в четверг, одно уж к одному,
А может, в пятницу, а может, и в субботу,
Я должен у вдовы, у докторши, крестить.
Она не родила, но по расчету
По моему: должна родить.

Явление 2

Фамусов, Слуга, Чацкий.

Фамусов

А! Александр Андреич, просим,
Садитесь-ка.

Чацкий

Вы заняты?

Фамусов (Слуге)

Поди.

(Слуга уходит.)

Да, разные дела на память в книгу вносим,
Забудется того гляди.

Чацкий

Вы что-то не весёлы стали;
Скажите, отчего? Приезд не в пору мой?
Уж Софье Павловне какой
Не приключилось ли печали?
У вас в лице, в движеньях суета.

Фамусов

Ах! батюшка, нашел загадку,
Не весел я!.. В мои лета
Не можно же пускаться мне вприсядку!

Чацкий

Никто не приглашает вас;
Я только что спросил два слова

Об Софье Павловне, быть может, нездорова?

Фамусов

Тьфу, господи прости! Пять тысяч раз
Твердит одно и то же!
То Софьи Павловны на свете нет пригоже,
То Софья Павловна больна.
Скажи, тебе понравилась она?
Обрыскал свет; не хочешь ли жениться?

Чацкий

А вам на что?

Фамусов

Меня не худо бы спроситься,
Ведь я ей несколько сродни;
По крайней мере искони
Отцом недаром называли.

Чацкий

Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?

Фамусов

Сказал бы я: во-первых, не блажи,
Именьем, брат, не управляй оплошно,
А, главное, поди-тка послужи.

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?

Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре,
На золоте едал; сто человек к услугам;
Весь в орденах; езжал-то вечно цугом;
Век при дворе, да при каком дворе!
Тогда не то, что ныне,
При государыне служил Екатерине.
А в те поры все важны! в сорок пуд…
Раскланяйся – тупеем не кивнут.
Вельможа в случае – тем паче:
Не как другой, и пил и ел иначе.
А дядя! что твой князь? что граф?
Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На ку́ртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдруго́рядь – уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему – смышлен.
Упал он больно, встал здорово.
Зато, бывало, в вист кто чаще приглашен?
Кто слышит при дворе приветливое слово?
Максим Петрович! Кто пред всеми знал почет?
Максим Петрович! Шутка!
В чины выводит кто и пенсии дает?
Максим Петрович! Да! Вы, нынешние, – ну-ка!

Чацкий

И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший:
Свежо предание, а верится с трудом;
Как тот и славился, чья чаще гнулась шея;
Как не в войне, а в мире брали лбом,
Стучали об пол не жалея!
Кому нужда: тем спесь, лежи они в пыли,

А тем, кто выше, лесть как кружево плели.
Прямой был век покорности и страха,
Всё под личиною усердия к царю.
Я не об дядюшке об вашем говорю;
Его не возмутим мы праха:
Но между тем кого охота заберет,
Хоть в раболепстве самом пылком,
Теперь, чтобы смешить народ,
Отважно жертвовать затылком?
А сверстничек, а старичок
Иной, глядя на тот скачок
И разрушаясь в ветхой коже,
Чай, приговаривал: – Ах! если бы мне тоже!
Хоть есть охотники поподличать везде,
Да нынче смех страшит, и держит стыд в узде;
Недаром жалуют их скупо государи.

Фамусов

Ах! боже мой! он карбонари!

Чацкий

Нет, нынче свет уж не таков.

Фамусов

Опасный человек!

Чацкий

Вольнее всякий дышит
И не торопится вписаться в полк шутов.

Фамусов

Что говорит! и говорит, как пишет!

Чацкий

У покровителей зевать на потолок,
Явиться помолчать, пошаркать, пообедать,
Подставить стул, поднять платок.

Фамусов

Он вольность хочет проповедать!

Чацкий

Кто путешествует, в деревне кто живет…

Фамусов

Да он властей не признает!

Чацкий

Кто служит делу, а не лицам…

Фамусов

Строжайше б запретил я этим господам
На выстрел подъезжать к столицам.

Чацкий

Я наконец вам отдых дам…

Фамусов

Терпенья, мочи нет, досадно.

Чацкий

Ваш век бранил я беспощадно,
Предоставляю вам во власть:
Откиньте часть,
Хоть нашим временам в придачу;

Уж так и быть, я не поплачу.

Фамусов

И знать вас не хочу, разврата не терплю.

Чацкий

Я досказал.

Фамусов

Добро, заткнул я уши.

Чацкий

На что ж? я их не оскорблю.

Фамусов (скороговоркой)

Вот рыскают по свету, бьют баклуши,
Воротятся, от них порядка жди.

Чацкий

Я перестал…

Фамусов

Пожалуй, пощади.

Чацкий

Длить споры не мое желанье.

Фамусов

Хоть душу отпусти на покаянье!

Явление 3

Слуга (входит)

Полковник Скалозуб.

Фамусов
(ничего не видит и не слышит)

Тебя уж упекут
Под суд, как пить дадут.

Чацкий

Пожаловал к вам кто-то на́ дом.

Фамусов

Не слушаю, под суд!

Чацкий

К вам человек с докладом.

Фамусов

Не слушаю, под суд! под суд!

Чацкий

Да обернитесь, вас зовут.

Фамусов (оборачивается)

А? бунт? ну так и жду содома.

Слуга

Полковник Скалозуб. Прикажете принять?

Фамусов (встает)

Ослы! сто раз вам повторять?
Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень рад. Пошел же, торопись.

(Слуга уходит.)

Пожало-ста, сударь, при нем остерегись:
Известный человек, солидный,
И знаков тьму отличья нахватал;
Не по летам и чин завидный,
Не нынче завтра генерал.
Пожало-ста при нем веди себя скромненько…
Эх! Александр Андреич, дурно, брат!
Ко мне он жалует частенько;
Я всякому, ты знаешь, рад;
В Москве прибавят вечно втрое:
Вот будто женится на Сонюшке. Пустое!
Он, может быть, и рад бы был душой,
Да надобности сам не вижу я большой
Дочь выдавать ни завтра, ни сегодня;
Ведь Софья молода. А впрочем, власть господня.
Пожало-ста при нем не спорь ты вкривь и вкось
И завиральные идеи эти брось.
Однако нет его! какую бы причину…
А! знать, ко мне пошел в другую половину.

(Поспешно уходит.)

Явление 4

Чацкий

Как суетится! что за прыть!
А Софья? – Нет ли впрямь тут жениха какого?
С которых пор меня дичатся как чужого!

Как здесь бы ей не быть!!..
Кто этот Скалозуб? отец им сильно бредит,
А может быть не только, что отец…
Ах! тот скажи любви конец,
Кто на три года вдаль уедет.

Явление 5

Чацкий, Фамусов, Скалозуб.
Фамусов

Сергей Сергеич, к нам сюда-с.
Прошу покорно, здесь теплее;
Прозябли вы, согреем вас;
Отдушничек отве́рнем поскорее.

Скалозуб (густым басом)

Зачем же лазить, например,
Самим!.. Мне совестно, как честный офицер.

Фамусов

Неужто для друзей не делать мне ни шагу,
Сергей Сергеич, дорогой!
Кладите шляпу, сденьте шпагу;
Вот вам софа, раскиньтесь на покой.

Скалозуб

Куда прикажете, лишь только бы усесться.

(Садятся все трое, Чацкий поодаль.)
Фамусов

Ах! батюшка, сказать, чтоб не забыть:
Позвольте нам своими счесться,
Хоть дальними, – наследства не делить;
Не знали вы, а я подавно, –
Спасибо научил двоюродный ваш брат, –

Как вам доводится Настасья Николавна?

Скалозуб

Не знаю-с, виноват;
Мы с нею вместе не служили,

Фамусов

Сергей Сергеич, это вы ли!
Нет! я перед родней, где встретится, ползком;
Сыщу ее на дне морском.
При мне служа́щие чужие очень редки;
Всё больше сестрины, свояченицы детки;
Один Молчалин мне не свой,
И то затем, что деловой.
Как станешь представлять к крестишку ли,
к местечку,
Ну как не порадеть родному человечку!..
Однако братец ваш мне друг и говорил,
Что вами выгод тьму по службе получил.

Скалозуб

В тринадцатом году мы отличались с братом
В тридцатом егерском, а после в сорок пятом.

Фамусов

Да, счастье, у кого есть эдакий сынок!
Имеет, кажется, в петличке орденок?

Скалозуб

За третье августа; засели мы в траншею:
Ему дан с бантом, мне на шею.

Фамусов

Любезный человек, и посмотреть – так хват,

Прекрасный человек двоюродный ваш брат.

Скалозуб

Но крепко набрался каких-то новых правил.
Чин следовал ему: он службу вдруг оставил,
В деревне книги стал читать.

Фамусов

Вот молодость!.. – читать!.. а после хвать!..
Вы повели себя исправно,
Давно полковники, а служите недавно.

Скалозуб

Довольно счастлив я в товарищах моих,
Вакансии как раз открыты;
То старших выключат иных,
Другие, смотришь, перебиты.

Фамусов

Да, чем кого господь поищет, вознесет!

Скалозуб

Бывает, моего счастливее везет.
У нас в пятнадцатой дивизии, не дале,
Об нашем хоть сказать бригадном генерале.

Фамусов

Помилуйте, а вам чего недостает?

Скалозуб

Не жалуюсь, не обходили,
Однако за полком два года поводили.

Фамусов

В погонь ли за полком?
Зато, конечно, в чем другом
За вами далеко тянуться.

Скалозуб

Нет-с, ста́рее меня по корпусу найдутся,
Я с восемьсот девятого служу;
Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы;
Об них как истинный философ я сужу:
Мне только бы досталось в генералы.

Фамусов

И славно судите, дай бог здоровье вам
И генеральский чин; а там
Зачем откладывать бы дальше
Речь завести об генеральше?

Скалозуб

Жениться? Я ничуть не прочь.

Фамусов

Что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь;
В Москве ведь нет невестам перевода;
Чего? плодятся год от года;
А, батюшка, признайтесь, что едва
Где сыщется столица, как Москва.

Скалозуб

Дистанции огромного размера.

Фамусов

Вкус, батюшка, отменная манера;

На всё свои законы есть:
Вот, например, у нас уж исстари ведется,
Что по отцу и сыну честь;
Будь плохенький, да если наберется
Душ тысячки две родовых, –
Тот и жених.
Другой хоть прытче будь, надутый всяким
чванством,
Пускай себе разумником слыви,
А в се́мью не включат. На нас не подиви.
Ведь только здесь еще и дорожат дворянством.
Да это ли одно? возьмите вы хлеб-соль:
Кто хочет к нам пожаловать, – изволь;
Дверь отперта для званых и незваных,
Особенно из иностранных;
Хоть честный человек, хоть нет,
Для нас равнёхонько, про всех готов обед.
Возьмите вы от головы до пяток,
На всех московских есть особый отпечаток.
Извольте посмотреть на нашу молодежь,
На юношей – сынков и вну́чат,
Журим мы их, а, если разберешь, –
В пятнадцать лет учителей научат!
А наши старички?? – Как их возьмет задор,
Засудят об делах, что слово – приговор, –
Ведь столбовые всё, в ус никого не дуют;
И об правительстве иной раз так толкуют,
Что если б кто подслушал их… беда!
Не то чтоб новизны вводили, – никогда,
Спаси нас боже! Нет. А придерутся
К тому, к сему, а чаще ни к чему,
Поспорят, пошумят и… разойдутся.
Прямые канцлеры в отставке – по уму!
Я вам скажу, знать, время не приспело,
Но что без них не обойдется дело. –
А дамы? – сунься кто, попробуй, овладей;
Судьи́ всему, везде, над ними нет судей;
За картами когда восстанут общим бунтом,
Дай бог терпение, – ведь сам я был женат.
Скомандовать велите перед фрунтом!
Присутствовать пошлите их в Сенат!
Ирина Власьевна! Лукерья Алексевна!
Татьяна Юрьевна! Пульхерия Андревна!
А дочек кто видал, – всяк голову повесь…

Его величество король был прусский здесь,
Дивился не путем московским он девицам,
Их благонравью, а не лицам;
И точно, можно ли воспитаннее быть!
Умеют же себя принарядить
Тафтицей, бархатцем и дымкой,
Словечка в простоте не скажут, всё с ужимкой;
Французские романсы вам поют
И верхние выводят нотки,
К военным людям так и льнут,
А потому, что патриотки.
Решительно скажу: едва
Другая сыщется столица как Москва.

Скалозуб

По моему сужденью,
Пожар способствовал ей много к украшенью.

Фамусов

Не поминайте нам, уж мало ли крехтят!
С тех пор дороги, тротуары,
Дома и всё на новый лад.

Чацкий

Дома новы́, но предрассудки стары.
Порадуйтесь, не истребят
Ни годы их, ни моды, ни пожары.

Фамусов (Чацкому)

Эй, завяжи на память узелок;
Просил я помолчать, не велика услуга.

(Скалозубу)

Позвольте, батюшка. Вот-с – Чацкого, мне друга,
Андрея Ильича покойного сынок:
Не служит, то есть в том он пользы не находит,

Но захоти – так был бы деловой.
Жаль, очень жаль, он малый с головой
И славно пишет, переводит.
Нельзя не пожалеть, что с эдаким умом…

Чацкий

Нельзя ли пожалеть об ком-нибудь другом?
И похвалы мне ваши досаждают.

Фамусов

Не я один, все так же осуждают.

Чацкий

А судьи кто? – За древностию лет
К свободной жизни их вражда непримирима,
Сужденья черпают из забытых газет
Времен Очаковских и покоренья Крыма;
Всегда готовые к журьбе,
Поют всё песнь одну и ту же,
Не замечая об себе:
Что старее, то хуже.
Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве
И где не воскресят клиенты-иностранцы
Прошедшего житья подлейшие черты.
Да и кому в Москве не зажимали рты
Обеды, ужины и танцы?
Не тот ли вы, к кому меня еще с пелён,
Для замыслов каких-то непонятных,
Дитёй возили на поклон?
Тот Нестор негодяев знатных,
Толпою окруженный слуг;
Усердствуя, они в часы вина и драки
И честь и жизнь его не раз спасали: вдруг
На них он выменил борзые три собаки!!!

Или вон тот еще, который для затей
На крепостной балет согнал на многих фурах
От матерей, отцов отторженных детей?!
Сам погружен умом в Зефирах и в Амурах,
Заставил всю Москву дивиться их красе!
Но должников не согласил к отсрочке:
Амуры и Зефиры все
Распроданы поодиночке!!!
Вот те, которые дожи́ли до седин!
Вот уважать кого должны мы на безлюдьи!
Вот наши строгие ценители и судьи!
Теперь пускай из нас один,
Из молодых людей, найдется – враг исканий,
Не требуя ни мест, ни повышенья в чин,
В науки он вперит ум, алчущий познаний;
Или в душе его сам бог возбудит жар
К искусствам творческим, высоким
и прекрасным, –
Они тотчас: разбой! пожар!
И прослывет у них мечтателем! опасным!! –
Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то укрывал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету;
И нам за ними в путь счастливый!
И в женах, дочерях – к мундиру та же страсть!
Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!
Теперь уж в это мне ребячество не впасть;
Но кто б тогда за всеми не повлекся?
Когда из гвардии, иные от двора
Сюда на время приезжали, –
Кричали женщины: ура!
И в воздух чепчики бросали!

Фамусов (про себя)

Уж втянет он меня в беду.

(Громко.)

Сергей Сергеич, я пойду
И буду ждать вас в кабинете.

(Уходит.)

Явление 6

Скалозуб, Чацкий.
Скалозуб

Мне нравится, при этой смете
Искусно как коснулись вы
Предубеждения Москвы
К любимцам, к гвардии, к гвардейским,
к гвардионцам;
Их золоту, шитью дивятся будто солнцам!
А в Первой армии когда отстали? в чем?
Всё так прилажено, и тальи все так узки,
И офицеров вам начтём,
Что даже говорят, иные, по-французски.

Явление 7

Скалозуб, Чацкий, София, Лиза.
София (бежит к окну)

Ах! боже мой! упал, убился!

(Теряет чувства.)
Чацкий

Кто?
Кто это?

Скалозуб

С кем беда?

Чацкий

Она мертва со страху!

Скалозуб

Да кто? откудова?

Чацкий

Ушибся обо что?

Скалозуб

Уж не старик ли наш дал маху?

Лиза (хлопочет около барышни)

Кому назначено-с, не миновать судьбы:
Молчалин на́ лошадь садился, ногу в стремя,
А лошадь на дыбы,
Он об землю и прямо в темя.

Скалозуб

Поводья затянул. Ну, жалкий же ездок.
Взглянуть, как треснулся он – грудью или в бок?

(Уходит.)

Явление 8

Те же без Скалозуба.

Чацкий

Помочь ей чем? Скажи скорее.

Лиза

Там в комнате вода стоит.

(*Чацкий бежит и приносит. Всё следующее – вполголоса, – до того, как София очнется.)*

Стакан налейте.

Чацкий

Уж налит.
Шнуровку отпусти вольнее,
Виски ей уксусом потри,
Опрыскивай водой. – Смотри:
Свободнее дыханье стало.
Повеять чем?

Лиза

Вот опахало.

Чацкий

Гляди в окно:
Молчалин на ногах давно!
Безделица ее тревожит.

Лиза

Да-с, барышнин несчастен нрав:
Со стороны смотреть не может,
Как люди падают стремглав.

Чацкий

Опрыскивай еще водою.
Вот так. Еще. Еще.

София (с глубоким вздохом)

Кто здесь со мною?
Я точно как во сне.

(Торопко и громко.)

Где он? что с ним? Скажите мне.

Чацкий

Пускай себе сломил бы шею,
Вас чуть было не уморил.

София

Убийственны холодностью своею!
Смотреть на вас, вас слушать нету сил.

Чацкий

Прикажете мне за него терзаться?

София

Туда бежать, там быть, помочь ему стараться.

Чацкий

Чтоб оставались вы без помощи одне?

София

На что вы мне?
Да, правда, не свои беды́ – для вас забавы,
Отец родной убейся – всё равно.

(Лизе.)

Пойдем туда, бежим.

Лиза (отводит ее в сторону)

Опомнитесь! куда вы?

Он жив, здоров, смотрите здесь в окно.

(*София в окошко высовывается.*)

Чацкий

Смятенье! обморок! поспешность! гнев! испуга!
Так можно только ощущать,
Когда лишаешься единственного друга.

София

Сюда идут. Руки не может он поднять.

Чацкий

Желал бы с ним убиться…

Лиза

Для компаньи?

София

Нет, оставайтесь при желаньи.

Явление 9

София, Лиза, Чацкий, Скалозуб, Молчалин (с подвязанною рукою).

Скалозуб

Воскрес и невредим, рука
Ушибена слегка,
И впрочем, всё фальшивая тревога.

Молчалин

Я вас перепугал, простите ради бога.

Скалозуб

Ну! я не знал, что будет из того
Вам ирритация. Опро́метью вбежали. –
Мы вздрогнули! – Вы в обморок упали,
И что ж? – весь страх из ничего.

София (не глядя ни на кого)

Ах! очень вижу: из пустого,
А вся еще теперь дрожу.

Чацкий (про себя)

С Молчалиным ни слова!

София

Однако о себе скажу,
Что не труслива. Так, бывает,
Карета свалится, – подымут: я опять
Готова сызнова скакать;
Но всё малейшее в других меня пугает,
Хоть нет великого несчастья от того,
Хоть незнакомый мне, – до этого нет дела.

Чацкий (про себя)

Прощенья просит у него,
Что раз о ком-то пожалела!

Скалозуб

Позвольте, расскажу вам весть:
Княгиня Ласова какая-то здесь есть,
Наездница, вдова, но нет примеров,
Чтоб ездило с ней много кавалеров.
На днях расшиблась в пух, –
Жоке́ не поддержал, считал он, видно, мух. –

И без того она, как слышно, неуклюжа,
Теперь ребра недостает,
Так для поддержки ищет мужа.

София

Ах, Александр Андреич, вот –
Яви́тесь вы вполне великодушны:
К несчастью ближнего вы так неравнодушны.

Чацкий

Да-с, это я сейчас явил
Моим усерднейшим стараньем,
И прысканьем, и оттираньем;
Не знаю для кого, но вас я воскресил.

(Берет шляпу и уходит.)

Явление 10

Те же, кроме Чацкого.

София

Вы вечером к нам будете?

Скалозуб

Как рано?

София

Пораньше; съедутся домашние друзья
Потанцовать под фортопияно, –
Мы в трауре, так балу дать нельзя.

Скалозуб

Явлюсь, но к батюшке зайти я обещался,
Откланяюсь.

София

Прощайте.

Скалозуб (жмет руку Молчалину)

Ваш слуга.

(Уходит.)

Явление 11

София, Лиза, Молчалин.
София

Молчалин! как во мне рассудок цел остался!
Ведь знаете, как жизнь мне ваша дорога!
Зачем же ей играть, и так неосторожно?
Скажите, что у вас с рукой?
Не дать ли капель вам? не нужен ли покой?
Пошлемте к доктору, пренебрегать не должно.

Молчалин

Платком перевязал, не больно мне с тех пор.

Лиза

Ударюсь об заклад, что вздор;
И если б не к лицу, не нужно перевязки;
А то не вздор, что вам не избежать огласки:
На смех, того гляди, подымет Чацкий вас;
И Скалозуб как свой хохол закру́тит,
Расскажет обморок, прибавит сто прикрас;
Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит!

София

А кем из них я дорожу?
Хочу – люблю, хочу – скажу.
Молчалин! будто я себя не принуждала?
Вошли вы, слова не сказала,
При них не смела я дохнуть,
У вас спросить, на вас взглянуть.

Молчалин

Нет, Софья Павловна, вы слишком откровенны.

София

Откуда скрытность почерпнуть!
Готова я была в окошко, к вам прыгну́ть.
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? – пусть шутят их; досадно? – пусть бранят.

Молчалин

Не повредила бы нам откровенность эта.

София

Неужто на дуэль вас вызвать захотят?

Молчалин

Ах! злые языки страшнее пистолета.

Лиза

Сидят они у батюшки теперь,
Вот кабы вы порхнули в дверь
С лицом веселым, беззаботно:
Когда нам скажут, что хотим, –
Куда как верится охотно!
И Александр Андреич, – с ним

О прежних днях, о тех проказах
Поразвернитесь-ка в рассказах:
Улыбочка и пара слов,
И кто влюблен – на всё готов.

Молчалин

Я вам советовать не смею.

(Целует ей руку.)
София

Хотите вы?.. Пойду любезничать сквозь слез;
Боюсь, что выдержать притворства не сумею.
Зачем сюда бог Чацкого принес!

(Уходит.)

Явление 12

Молчалин, Лиза.
Молчалин

Веселое созданье ты! живое!

Лиза

Прошу пустить, и без меня вас двое.

Молчалин

Какое личико твое!
Как я тебя люблю!

Лиза

А барышню?

Молчалин

Ее
По должности, тебя…

(Хочет ее обнять.)
Лиза

От скуки.
Прошу подальше руки!

Молчалин

Есть у меня вещицы три:
Есть туалет, прехитрая работа –
Снаружи зеркальцо, и зеркальцо внутри,
Кругом всё прорезь, позолота;
Подушечка, из бисера узор;
И перламутровый прибор –
Игольничек и ножинки, как милы!
Жемчужинки, растертые в белилы!
Помада есть для губ и для других причин,
С духами стекляночки: резе́да и жасмин.

Лиза

Вы знаете, что я не льщусь на интересы;
Скажите лучше, почему
Вы с барышней скромны, а с горнишной повесы?

Молчалин

Сегодня болен я, обвязки не сниму;
Приди в обед, побудь со мною;
Я правду всю тебе открою.

(Уходит в боковую дверь.)

Явление 13

София, Лиза.
София

Была у батюшки, там нету никого.
Сегодня я больна и не пойду обедать,
Скажи Молчалину и позови его,
Чтоб он пришел меня проведать.

(Уходит к себе.)

Явление 14

Лиза

Ну! люди в здешней стороне!
Она к нему, а он ко мне,
А я… одна лишь я любви до смерти трушу. –
А как не полюбить буфетчика Петрушу!

Конец II действия

Действие III

Явление 1

Чацкий, потом *София*.
Чацкий

Дождусь ее и вынужу признанье:
Кто наконец ей мил? Молчалин! Скалозуб!
Молчалин прежде был так глуп!..
Жалчайшее созданье!
Уж разве поумнел?.. А тот –
Хрипун, удавленник, фагот,
Созвездие манёвров и мазурки!
Судьба любви – играть ей в жмурки,
А мне…

Входит София.

Вы здесь? я очень рад,
Я этого желал.

София (про себя)

И очень невпопад.

Чацкий

Конечно, не меня искали?

София

Я не искала вас.

Чацкий

Дознаться мне нельзя ли,
Хоть и некстати, ну́жды нет:
Кого вы любите?

София

Ах! боже мой! весь свет.

Чацкий

Кто более вам мил?

София

Есть многие, родные.

Чацкий

Все более меня?

София

Иные.

Чацкий

И я чего хочу, когда всё решено?
Мне в пе́тлю лезть, а ей смешно.

София

Хотите ли знать истины два слова?
Малейшая в ком странность чуть видна,
Веселость ваша не скромна,
У вас тотчас уж острота́ готова,
А сами вы…

Чацкий

Я сам? не правда ли, смешон?

София

Да! грозный взгляд, и резкий тон,
И этих в вас особенностей бездна;
А над собой гроза куда не бесполезна.

Чацкий

Я странен, а не странен кто ж?
Тот, кто на всех глупцов похож;
Молчалин, например…

София

Примеры мне не новы;
Заметно, что вы желчь на всех излить готовы;
А я, чтоб не мешать, отсюда уклонюсь.

Чацкий (держит ее)

Постойте же.

(В сторону.)

Раз в жизни притворюсь.

(Громко.)

Оставимте мы эти пренья,
Перед Молчалиным не прав я, виноват;
Быть может, он не то, что три года назад:
Есть на земле такие превращенья
Правлений, климатов, и нравов, и умов;
Есть люди важные, слыли за дураков:
Иной по армии, иной плохим поэтом,
Иной… Боюсь назвать, но признаны всем светом,
Особенно в последние года,
Что стали умны хоть куда.
Пускай в Молчалине ум бойкий, гений смелый,
Но есть ли в нем та страсть? то чувство? пылкость та?
Чтоб кроме вас ему мир целый

Казался прах и суета?
Чтоб сердца каждое биенье
Любовью ускорялось к вам?
Чтоб мыслям были всем и всем его делам
Душою – вы, вам угожденье?..
Сам это чувствую, сказать я не могу,
Но что теперь во мне кипит, волнует, бесит,
Не пожелал бы я и личному врагу,
А он?.. смолчит и голову повесит.
Конечно, смирен, все такие не резвы́;
Бог знает, в нем какая тайна скрыта;
Бог знает, за него что выдумали вы,
Чем голова его ввек не была набита.
Быть может, качеств ваших тьму,
Любуясь им, вы придали ему;
Не грешен он ни в чем, вы во сто раз грешнее.
Нет! нет! пускай умен, час от часу умнее,
Но вас он сто́ит ли? вот вам один вопрос.
Чтоб равнодушнее мне понести утрату,
Как человеку вы, который с вами взрос,
Как другу вашему, как брату,
Мне дайте убедиться в том;
Потом
От сумасшествия могу я остеречься;
Пущусь подалее простыть, охолодеть,
Не думать о любви, но буду я уметь
Теряться по́ свету, забыться и развлечься.

София (про себя)

Вот нехотя с ума свела!

(Вслух.)

Что притворяться?
Молчалин давеча мог без руки остаться,
Я живо в нем участье приняла;
А вы, случась на эту пору,
Не позаботились расчесть,
Что можно доброй быть ко всем и без разбору;
Но, может, истина в догадках ваших есть,
И горячо его беру я под защиту:
Зачем же быть, скажу вам напрямик,

Так невоздержну на язык?
В презренье к людям так нескрыту?
Что и смирнейшему пощады нет!.. чего?
Случись кому назвать его:
Град колкостей и шуток ваших грянет.
Шутить! и век шутить! как вас на это станет!

Чацкий

Ах! боже мой! неужли я из тех,
Которым цель всей жизни – смех?
Мне весело, когда смешных встречаю,
А чаще с ними я скучаю.

София

Напрасно: это всё относится к другим,
Молчалин вам наскучил бы едва ли,
Когда б сошлись короче с ним.

Чацкий (с жаром)

Зачем же вы его так коротко узнали?

София

Я не старалась, бог нас свел.
Смотрите, дружбу всех он в доме приобрел:
При батюшке три года служит,
Тот часто бе́з толку сердит,
А он безмолвием его обезоружит,
От доброты души простит.
И между прочим,
Веселостей искать бы мог;
Ничуть: от старичков не ступит за порог;
Мы ре́звимся, хохочем,
Он с ними целый день засядет, рад не рад,
Играет…

Чацкий

Целый день играет!
Молчит, когда его бранят!

(В сторону.)

Она его не уважает.

София

Конечно, нет в нем этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опротивит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет об нем хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?

Чацкий

Сатира и мораль – смысл этого всего?

(В сторону.)

Она не ставит в грош его.

София

Чудеснейшего свойства

Он наконец: уступчив, скромен, тих,
В лице ни тени беспокойства
И на душе проступков никаких,
Чужих и вкривь и вкось не рубит, –
Вот я за что его люблю.

Чацкий (в сторону)

Шалит, она его не любит.

(Вслух.)

Докончить я вам пособлю
Молчалина изображенье.
Но Скалозуб? вот загляденье:
За армию стоит горой,
И прямизною стана,
Лицом и голосом герой…

София

Не моего романа.

Чацкий

Не вашего? кто разгадает вас?

Явление 2

Чацкий, София, Лиза.
Лиза (шепотом)

Сударыня, за мной сейчас
К вам Алексей Степаныч будет.

София

Простите, надобно идти мне поскорей.

Чацкий

Куда?

София

К прихмахеру.

Чацкий

Бог с ним.

София

Щипцы простудит.

Чацкий

Пускай себе…

София

Нельзя, ждем на́вечер гостей.

Чацкий

Бог с вами, остаюсь опять с моей загадкой.
Однако дайте мне зайти, хотя украдкой,
К вам в комнату на несколько минут;
Там стены, воздух – всё приятно!
Согреют, оживят, мне отдохнуть дадут
Воспоминания об том, что невозвратно!
Не засижусь, войду, всего минуты две,
Потом, подумайте, член А́нглийского клуба,
Я там дни целые пожертвую молве
Про ум Молчалина, про душу Скалозуба.
София пожимает плечами, уходит к себе и запирается, за нею и Лиза.

Явление 3

Чацкий, потом *Молчалин*.
Чацкий

Ах! Софья! Неужли Молчалин избран ей!
А чем не муж? Ума в нем только мало;
Но чтоб иметь детей,
Кому ума недоставало?
Услужлив, скромненький, в лице румянец есть.
Входит Молчалин.
Вон он на цыпочках и не богат словами;

Какою ворожбой умел к ней в сердце влезть!

(Обращается к нему.)

Нам, Алексей Степаныч, с вами
Не удалось сказать двух слов.
Ну, образ жизни ваш каков?
Без горя нынче? без печали?

Молчалин

По-прежнему-с.

Чацкий

А прежде как живали?

Молчалин

День за́ день, нынче как вчера.

Чацкий

К перу от карт? и к картам от пера?
И положённый час приливам и отливам?

Молчалин

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий

Взманили почести и знатность?

Молчалин

Нет-с, свой талант у всех…

Чацкий

У вас?

Молчалин

Два-с:
Умеренность и аккуратность.

Чацкий

Чудеснейшие два! и стоят наших всех.

Молчалин

Вам не дались чины, по службе неуспех?

Чацкий

Чины людьми даются,
А люди могут обмануться.

Молчалин

Как удивлялись мы!

Чацкий

Какое ж диво тут?

Молчалин

Жалели вас.

Чацкий

Напрасный труд.

Молчалин

Татьяна Юрьевна рассказывала что-то,
Из Петербурга воротясь,
С министрами про вашу связь,
Потом разрыв…

Чацкий

Ей почему забота?

Молчалин

Татьяне Юрьевне!

Чацкий

Я с нею незнаком.

Молчалин

С Татьяной Юрьевной!!

Чацкий

С ней век мы
не встречались;
Слыхал, что вздорная.

Молчалин

Да это, полно, та ли-с?
Татьяна Юрьевна!!! Известная, – притом
Чиновные и должностные –
Все ей друзья и все родные;
К Татьяне Юрьевне хоть раз бы съездить вам.

Чацкий

На что же?

Молчалин

Так: частенько там
Мы покровительство находим, где не метим.

Чацкий

Я езжу к женщинам, да только не за этим.

Молчалин

Как обходительна! добра! мила! проста!
Балы дает нельзя богаче,
От рождества и до поста,
И летом праздники на даче.
Ну, право, что́ бы вам в Москве у нас служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чацкий

Когда в делах – я от веселий прячусь,
Когда дурачиться – дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников, я не из их числа.

Молчалин

Простите, впрочем, тут не вижу преступленья;
Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?

Чацкий

Ну что ж?

Молчалин

При трех министрах был начальник отделенья,
Переведен сюда.

Чацкий

Хорош!
Пустейший человек, из самых бестолковых.

Молчалин

Как можно! слог его здесь ставят в образец!
Читали вы?

Чацкий

Я глупостей не чтец,
А пуще образцовых.

Молчалин

Нет, мне так довелось с приятностью прочесть,
Не сочинитель я…

Чацкий

И по всему заметно.

Молчалин

Не смею моего сужденья произнесть.

Чацкий

Зачем же так секретно?

Молчалин

В мои лета не должно сметь
Свое суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребяты,
Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно ж зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы небольших.

Чацкий (почти громко)

С такими чувствами, с такой душою
Любим!.. Обманщица смеялась надо мною!

Явление 4

Ветер. Все двери настежь, кроме в спальню к Софии. В перспективе раскрывается ряд освещенных комнат, *слуги* суетятся; *один из них*, главный, говорит:

Эй! Филька, Фомка, ну, ловчей!
Столы для карт, мел, щеток и свечей!

(Стучится к Софии в дверь.)

Скажите барышне скорее, Лизавета:
Наталья Дмитревна, и с мужем, и к крыльцу
Еще подъехала карета.
Расходятся, остается один *Чацкий*.

Явление 5

Чацкий, Наталья Дмитриевна, молодая дама.

Наталья Дмитриевна

Не ошибаюсь ли!.. он точно, по лицу…
Ах! Александр Андреич, вы ли?

Чацкий

С сомненьем смотрите от ног до головы,
Неужли так меня три года изменили?

Наталья Дмитриевна

Я полагала вас далёко от Москвы.
Давно ли?

Чацкий

Нынче лишь…

Наталья Дмитриевна

Надолго?

Чацкий

Как случится.
Однако, кто, смотря на вас, не подивится?
Полнее прежнего, похорошели страх;
Моложе вы, свежее стали;
Огонь, румянец, смех, игра во всех чертах.

Наталья Дмитриевна

Я замужем.

Чацкий

Давно бы вы сказали!

Наталья Дмитриевна

Мой муж – прелестный муж, вот он сейчас войдет.
Я познакомлю вас, хотите?

Чацкий

Прошу.

Наталья Дмитриевна

И знаю наперед,
Что вам понравится. Взгляните и судите!

Чацкий

Я верю, он вам муж.

Наталья Дмитриевна

О нет-с, не потому;
Сам по себе, по нраву, по уму.
Платон Михайлыч мой единственный, бесценный!
Теперь в отставке, был военный;
И утверждают все, кто только прежде знал,
Что с храбростью его, с талантом,
Когда бы службу продолжал,
Конечно, был бы он московским комендантом.

Явление 6

Чацкий, Наталья Дмитриевна, Платон Михайлович.
Наталья Дмитриевна

Вот мой Платон Михайлыч.

Чацкий

Ба!
Друг старый, мы давно знакомы, вот судьба!

Платон Михайлович

Здорово, Чацкий, брат!

Чацкий

Платон любезный, славно.
Похвальный лист тебе: ведешь себя исправно.

Платон Михайлович

Как видишь, брат:
Московский житель и женат.

Чацкий

Забыт шум лагерный, товарищи и братья?
Спокоен и ленив?

Платон Михайлович

Нет, есть-таки занятья:
На флейте я твержу дуэт
А-мольный…

Чацкий

Что твердил назад тому пять лет?
Ну, постоянный вкус в мужьях всего дороже!

Платон Михайлович

Брат, женишься, тогда меня вспомянь!
От скуки будешь ты свистеть одно и то же.

Чацкий

От скуки! как? уж ты ей платишь дань?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой к занятьям склонен разным,
Которых нет теперь – к ученьям и смотрам,
К манéжу… иногда скучает по утрам.

Чацкий

А кто, любезный друг, велит тебе быть праздным?
В полк, эскадрон дадут. Ты обер или штаб?

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч мой здоровьем очень слаб.

Чацкий

Здоровьем слаб! Давно ли?

Наталья Дмитриевна

Всё рюматизм и головные боли.

Чацкий

Движенья более. В деревню, в теплый край.
Будь чаще на коне. Деревня летом – рай.

Наталья Дмитриевна

Платон Михайлыч город любит,
Москву; за что в глуши он дни свои погубит!

Чацкий

Москву и город… Ты чудак!
А помнишь прежнее?

Платон Михайлович

Да, брат, теперь не так…

Наталья Дмитриевна

Ах! мой дружочек!
Здесь так свежо, что мочи нет,
Ты распахнулся весь и расстегнул жилет.

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот…

Наталья Дмитриевна

Послушайся разочек,
Мой милый, застегнись скорей.

Платон Михайлович
(хладнокровно)

Сейчас.

Наталья Дмитриевна

Да отойди подальше от дверей,
Сквозной там ветер дует сзади!

Платон Михайлович

Теперь, брат, я не тот…

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, бога ради

От двери дальше отойди.

Платон Михайлович
(глаза к небу)

Ах! матушка!

Чацкий

Ну, бог тебя суди;
Уж, точно, стал не тот в короткое ты время;
Не в прошлом ли году, в конце,
В полку тебя я знал? лишь утро: ногу в стремя
И носишься на борзом жеребце;
Осенний ветер дуй, хоть спереди, хоть с тыла.

Платон Михайлович
(со вздохом)

Эх! братец! славное тогда житье-то было.

Явление 7

Те же, Князь Тугоуховский и Княгиня с шестью дочерьми.

Наталья Дмитриевна (тоненьким голоском)

Князь Петр Ильич, княгиня! боже мой!
Княжна Зизи! Мими!

Громкие лобызания, потом усаживаются и осматривают одна другую с головы до ног.

1-я *княжна*

Какой фасон прекрасный!

2-я *княжна*

Какие складочки!

1-я *княжна*

Обшито бахромой.

Наталья Дмитриевна

Нет, если б видели мой тюрлюрлю атласный!

3-я *княжна*

Какой эшарп cousin мне подарил!

4-я *княжна*

Ах! да, барежевый!

5-я *княжна*

Ах! прелесть!

6-я *княжна*

Ах! как мил!

Княгиня

Сс! – Кто это в углу, взошли мы, поклонился?

Наталья Дмитриевна

Приезжий, Чацкий.

Княгиня

От-став-ной?

Наталья Дмитриевна

Да, путешествовал, недавно воротился.

Княгиня

И хо-ло-стой?

Наталья Дмитриевна

Да, не женат.

Княгиня

Князь, князь, сюда. – Живее.

Князь (к ней оборачивает слуховую трубку)

О-хм!

Княгиня

К нам на́вечер, в четверг, проси скорее
Натальи Дмитревны знакомого: вон он!

Князь

И-хм!

(Отправляется, вьется около Чацкого и покашливает.)
Княгиня

Вот то-то детки:
Им бал, а батюшка таскайся на поклон;
Танцовщики ужасно стали редки!..
Он камер-юнкер?

Наталья Дмитриевна

Нет.

Княгиня

Бо-гат?

Наталья Дмитриевна

О, нет!

Княгиня (громко, что есть мочи)

Князь, князь! Назад!

Явление 8

Те же и *Графини Хрюмины*: *бабушка* и *внучка*.
Графиня внучка

Ах! grand'maman! Ну, кто так рано приезжает,
Мы первые!

(Пропадает в боковую комнату.)
Княгиня

Вот нас честит!
Вот первая, и нас за никого считает!
Зла, в девках целый век, уж бог ее простит.

Графиня внучка (вернувшись, направляет на Чацкого двойной лорнет)

Мсьё Чацкий! вы в Москве! как были, всё такие?

Чацкий

На что меняться мне?

Графиня внучка

Вернулись холостые?

Чацкий

На ком жениться мне?

Графиня внучка

В чужих краях на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Чацкий

Несчастные! должны ль упреки несть
От подражательниц модисткам?
За то, что смели предпочесть
Оригиналы спискам?

Явление 9

Те же и множество других гостей. Между прочими *Загорецкий*. Мужчины являются, шаркают, отходят в сторону, кочуют из комнаты в комнату и проч. *София* от себя выходит, все к ней навстречу.

Графиня внучка

Eh! bon soir! vous voila! Jamais trop diligente,
Vous nous donnez toujours le plaisir de l’attente.

Загорецкий

На завтрашний спектакль имеете билет?

София
Загорецкий

Позвольте вам вручить, напрасно бы кто взялся
Другой вам услужить, зато
Куда я ни кидался!
В контору – всё взято,
К директору, – он мне приятель, –
С зарей в шестом часу, и кстати ль!
Уж с вечера никто достать не мог;
К тому, к сему, всех сбил я с ног,
И этот наконец похитил уже силой
У одного, старик он хилый,
Мне друг, известный домосед;
Пусть дома просидит в покое.

София

Благодарю вас за билет,
А за старанье вдвое.
Являются еще кое-какие, тем временем Загорецкий отходит к мужчинам.

Загорецкий

Платон Михайлыч…

Платон Михайлович

Прочь!
Поди ты к женщинам, лги им и их морочь;
Я правду об тебе порасскажу такую,
Что хуже всякой лжи. Вот, брат,

(Чацкому.)

рекомендую!
Как эдаких людей учтивее зовут?
Нежнее? – человек он светский,
Отъявленный мошенник, плут:
Антон Антоныч Загорецкий.
При нем остерегись: переносить горазд,
И в карты не садись: продаст.

Загорецкий

Оригинал! брюзглив, а без малейшей злобы.

Чацкий

И оскорбляться вам смешно бы,
Окроме честности есть множество отрад:
Ругают здесь, а там благодарят.

Платон Михайлович

Ох, нет, братец! у нас ругают
Везде, а всюду принимают.
Загорецкий мешается в толпу.

Явление 10

Те же и *Хлёстова*.
Хлёстова

Легко ли в шестьдесят пять лет
Тащиться мне к тебе, племянница?.. – Мученье!
Час битый ехала с Покровки, силы нет;
Ночь – светопреставленье!
От скуки я взяла с собой
Арапку-девку да собачку; –
Вели их накормить, ужо, дружочек мой,
От ужина сошли подачку.
Княгиня, здравствуйте!

(Села.)

Ну, Софьюшка, мой друг,
Какая у меня арапка для услуг:
Курчавая! горбом лопатки!
Сердитая! все ко́шачьи ухватки!
Да как черна! да как страшна!
Ведь создал же господь такое племя!
Чорт сущий; в девичей она;
Позвать ли?

София

Нет-с, в другое время.

Хлёстова

Представь: их как зверей выводят напоказ…
Я слышала, там… город есть турецкий…
А знаешь ли, кто мне припас? –
Антон Антоныч Загорецкий.
Загорецкий выставляется вперед.
Лгунишка он, картежник, вор.
Загорецкий исчезает.
Я от него было и двери на запор;
Да мастер услужить: мне и сестре Прасковье
Двоих ара́пченков на ярмарке достал;
Купил, он говорит, чай, в карты сплутовал;
А мне подарочек, дай бог ему здоровье!

Чацкий
(с хохотом Платону Михайловичу)

Не поздоровится от эдаких похвал,
И Загорецкий сам не выдержал, пропал.

Хлёстова

Кто этот весельчак? Из звания какого?

София

Вон этот? Чацкий.

Хлёстова

Ну? а что нашел смешного?
Чему он рад? Какой тут смех?
Над старостью смеяться грех.
Я помню, ты дитёй с ним часто танцовала,

Я за уши его дирала, только мало.

Явление 11

Те же и *Фамусов*.
Фамусов (громогласно)

Ждем князя Пётра Ильича,
А князь уж здесь! А я забился там, в портретной.
Где Скалозуб Сергей Сергеич? а?
Нет, кажется, что нет. – Он человек заметный –
Сергей Сергеич Скалозуб.

Хлёстова

Творец мой! оглушил звончее всяких труб!

Явление 12

Те же и *Скалозуб*, потом *Молчалин*.
Фамусов

Сергей Сергеич, запоздали;
А мы вас ждали, ждали, ждали.

(Подводит к Хлёстовой.)

Моя невестушка, которой уж давно
Об вас говорено.

Хлёстова (сидя)

Вы прежде были здесь… в полку… в том…
в гренадерском?

Скалозуб (басом)

В его высочества, хотите вы сказать,

Ново-землянском мушкетерском.

Хлёстова

Не мастерица я полки-та различать.

Скалозуб

А форменные есть отлички:
В мундирах выпушки, погончики, петлички.

Фамусов

Пойдемте, батюшка, там вас я насмешу,
Курьезный вист у нас. За нами, князь! прошу.

(Его и князя уводит с собою.)
Хлёстова (Софии)

Ух! я точнёхонько избавилась от петли;
Ведь полоумный твой отец:
Дался ему трех сажень удалец, –
Знакомит, не спросясь, приятно ли нам, нет ли?

Молчалин (подает ей карту)

Я вашу партию составил: мосьё Кок,
Фома Фомич и я.

Хлёстова

Спасибо, мой дружок.

(Встает.)
Молчалин

Ваш шпиц – прелестный шпиц, не более наперстка,
Я гладил всё его: как шелковая шерстка!

Хлёстова

Спасибо, мой родной.

(Уходит, за ней Молчалин и многие другие.)

Явление 13

Чацкий, София и несколько посторонних, которые в продолжении расходятся.

Чацкий

Ну! тучу разогнал…

София

Нельзя ль не продолжать?

Чацкий

Чем вас я напугал?
За то, что он смягчил разгневанную гостью,
Хотел я похвалить.

София

А кончили бы злостью.

Чацкий

Сказать вам, что́ я думал? Вот:
Старушки все – народ сердитый;
Не худо, чтоб при них услужник знаменитый
Тут был, как громовой отвод.
Молчалин! – Кто другой так мирно всё уладит!
Там моську вовремя погладит,
Тут в пору карточку вотрет,
В нем Загорецкий не умрет!..
Вы давеча его мне исчисляли свойства,
Но многие забыли? – да?

(Уходит.)

Явление 14

София, потом Г. N.
София (про себя)

Ах! этот человек всегда
Причиной мне ужасного расстройства!
Унизить рад, кольнуть; завистлив, горд и зол!

Г. N. *(подходит)*

Вы в размышленьи.

София

Об Чацком.

Г. N.

Как его нашли по возвращеньи?

София

Он не в своем уме.

Г. N.

Ужли с ума сошел?

София (помолчавши)

Не то чтобы совсем…

Г. N.

Однако есть приметы?

София
(смотрит на него пристально)

Мне кажется.

Г. N.

Как можно, в эти леты!

София

Как быть!

(В сторону.)

Готов он верить!
А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,
Угодно ль на себе примерить?

(Уходит.)

Явление 15

Г. N., потом Г. D.

Г. N.

С ума сошел!.. Ей кажется!.. вот на!
Недаром? Стало быть… с чего б взяла она!
Ты слышал?

Г. D.

Что?

Г. N.

Об Чацком?

Г. D.

Что такое?

Г. N.

С ума сошел!

Г. D.

Пустое.

Г. N.

Не я сказал, другие говорят.

Г. D.

А ты расславить это рад?

Г. N.

Пойду, осведомлюсь; чай, кто-нибудь да знает.

(Уходит.)

Явление 16

Г. D., потом *Загорецкий.*
Г. D.

Верь болтуну!
Услышит вздор и тотчас повторяет!
Ты знаешь ли об Чацком?

Загорецкий

Ну?

Г. D.

С ума сошел!

Загорецкий

А, знаю, помню, слышал,
Как мне не знать? примерный случай вышел;
Его в безумные упрятал дядя-плут…
Схватили, в желтый дом, и на́ цепь посадили.

Г. D.

Помилуй, он сейчас здесь в комнате был, тут.

Загорецкий

Так с цепи, стало быть, спустили.

Г. D.

Ну, милый друг, с тобой не надобно газет,
Пойду-ка я, расправлю крылья,
У всех повыспрошу; однако – чур! – секрет.

Явление 17

Загорецкий, потом *Графиня внучка*.
Загорецкий

Который Чацкий тут? – Известная фамилья.
С каким-то Чацким я когда-то был знаком. –
Вы слышали об нем?

Графиня внучка

Об ком?

Загорецкий

Об Чацком, он сейчас здесь в комнате был.

Графиня внучка

Знаю.
Я говорила с ним.

Загорецкий

Так я вас поздравляю:
Он сумасшедший…

Графиня внучка

Что?

Загорецкий

Да, он сошел с ума.

Графиня внучка

Представьте, я заметила сама;
И хоть пари держать, со мной в одно вы слово.

Явление 18

Те *же* и *Графиня бабушка.*
Графиня внучка

Ah! grand’maman, вот чудеса! вот ново!
Вы не слыхали здешних бед?
Послушайте. Вот прелести! вот мило!..

Графиня бабушка

Мой *т*руг, мне уши залошило;
Скаши покромче…

Графиня внучка

Время нет!

(Указывает на Загорецкого.)

Il vous dira toute l’histoire…
Пойду, спрошу…

(Уходит.)

Явление 19

Загорецкий, Графиня бабушка.
Графиня бабушка

Что? что? уж нет ли здесь пошара?

Загорецкий

Нет, Чацкий произвел всю эту кутерьму.

Графиня бабушка

Как, Чацкого? кто свел в тюрьму?

Загорецкий

В горах изранен в лоб, сошел с ума от раны.

Графиня бабушка

Что? к фармазонам в клоб? Пошел он в пусурманы?

Загорецкий

Ее не вразумишь.

(Уходит.)
Графиня бабушка

Антон Антоныч! Ах!
И он пешит, все в страхе, впопыхах.

Явление 20

Графиня бабушка и *Князь Тугоуховский.*
Графиня бабушка.

Князь, князь! ох, этот князь, по палам, сам чуть тышит!
Князь, слышали?

Князь

А-хм?

Графиня бабушка

Он ничего не слышит!
Хоть, мо*ш*ет, видели, здесь полицмейстер *п*ыл?

Князь

Э-хм?

Графиня бабушка

В тюрьму-та, князь, кто Чацкого схватил?

Князь

И-хм?
Графиня бабушка

Тесак ему да ранец,
В сол*т*аты! Шутка ли! переменил закон!

Князь

У-хм?
Графиня бабушка

Да!.. в *п*усурманах он!
Ах! окаянный волтерьянец!
Что? а? глух, мой отец; достаньте свой рожок.
Ох! глухота большой порок.

Явление 21

Те же и Хлёстова, София, Молчалин, Платон Михайлович, *Наталья Дмитриевна, Графиня внучка, Княгиня с дочерьми, Загорецкий, Скалозуб*, потом *Фамусов* и многие другие.
Хлёстова

С ума сошел! прошу покорно!
Да невзначай! да как проворно!
Ты, Софья, слышала?

Платон Михайлович

Кто первый разгласил?

Наталья Дмитриевна

Ах, друг мой, все!

Платон Михайлович

Ну, все, так верить поневоле,
А мне сомнительно.

Фамусов (входя)

О чем? о Чацком, что ли?
Чего сомнительно? Я первый, я открыл!
Давно дивлюсь я, как никто его не свяжет!
Попробуй о властях, и нивесть что наскажет!
Чуть низко поклонись, согнись-ка кто кольцом,
Хоть пред монаршиим лицом,
Так назовет он подлецом!..

Хлёстова

Туда же из смешливых;
Сказала что-то я – он начал хохотать.

Молчалин

Мне отсоветовал в Москве служить в Архивах.

Графиня внучка

Меня модисткою изволил величать!

Наталья Дмитриевна

А мужу моему совет дал жить в деревне.

Загорецкий

Безумный по всему.

Графиня внучка

Я видела из глаз.

Фамусов

По матери пошел, по Анне Алексевне;
Покойница с ума сходила восемь раз.

Хлёстова

На свете дивные бывают приключенья!
В его лета с ума спрыгну́л!
Чай, пил не по летам.

Княгиня

О! верно…

Графиня внучка

Без сомненья.

Хлёстова

Шампанское стаканами тянул.

Наталья Дмитриевна

Бутылками-с, и пребольшими.

Загорецкий (с жаром)

Нет-с, бочками сороковыми.

Фамусов

Ну вот! великая беда,
Что выпьет лишнее мужчина!
Ученье – вот чума, ученость – вот причина,
Что нынче, пуще, чем когда,
Безумных развелось людей, и дел, и мнений.

Хлёстова

И впрямь с ума сойдешь от этих, от одних
От пансионов, школ, лицеев, как бишь их,
Да от ланкарточных взаимных обучений.

Княгиня

Нет, в Петербурге институт
Пе-да-го-гический, так, кажется, зовут:
Там упражняются в расколах и в безверьи
Профессоры!! – у них учился наш родня
И вышел! хоть сейчас в аптеку, в подмастерьи.
От женщин бегает, и даже от меня!
Чинов не хочет знать! Он химик, он ботаник,
Князь Федор, мой племянник.

Скалозуб

Я вас обрадую: всеобщая молва,
Что есть проэкт насчет лицеев, школ, гимназий;
Там будут лишь учить по-нашему: раз, два;
А книги сохранят так: для больших оказий.

Фамусов

Сергей Сергеич, нет! Уж коли зло пресечь:
Забрать все книги бы да сжечь.

Загорецкий (с кротостию)

Нет-с, книги книгам рознь. А если б, между нами,
Был ценсором назначен я,
На басни бы налег; ох! басни – смерть моя!
Насмешки вечные над львами! над орлами!
Кто что ни говори:
Хотя животные, а всё-таки цари.

Хлёстова

Отцы мои, уж кто в уме расстроен,
Так всё равно, от книг ли, от питья ль;
А Чацкого мне жаль.
По-христиански так; он жалости достоин;
Был острый человек, имел душ сотни три.

Фамусов

Четыре.

Хлёстова

Три, сударь.

Фамусов

Четыреста.

Хлёстова

Нет! триста.

Фамусов

В моем календаре…

Хлёстова

Всё врут календари.

Фамусов

Как раз четыреста, ох! спорить голосиста!

Хлёстова

Нет! триста! – уж чужих имений мне не знать!

Фамусов

Четыреста, прошу понять.

Хлёстова

Нет! триста, триста, триста.

Явление 22

Те же все и Чацкий.
Наталья Дмитриевна

Вот он.

Графиня внучка

Шш!

Все

Шш!

(Пятятся от него в противную сторону.)
Хлёстова

Ну, как с безумных глаз
Затеет драться он, потребует к разделке!

Фамусов

О господи! помилуй грешных нас!

(Опасливо.)

Любезнейший! Ты не в своей тарелке.
С дороги нужен сон. Дай пульс. Ты нездоров.

Чацкий

Да, мочи нет: мильон терзаний
Груди́ от дружеских тисков,
Ногам от шарканья, ушам от восклицаний,
А пуще голове от всяких пустяков.

(Подходит к Софье.)

Душа здесь у меня каким-то горем сжата,
И в многолюдстве я потерян, сам не свой.
Нет! недоволен я Москвой.

Хлёстова

Москва, вишь, виновата.

Фамусов

Подальше от него.

(Делает знак Софии.)

Гм, Софья! – Не глядит!

София (Чацкому)

Скажите, что вас так гневит?

Чацкий

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашел, что ласкам нет конца;
Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил: будто бы в отечестве, с друзьями;
Своя провинция. – Посмотришь, вечерком
Он чувствует себя здесь маленьким царьком;
Такой же толк у дам, такие же наряды…
Он рад, но мы не рады.
Умолк. И тут со всех сторон
Тоска, и оханье, и стон.
Ах! Франция! Нет в мире лучше края! –
Решили две княжны, сестрицы, повторяя
Урок, который им из детства натвержён.
Куда деваться от княжон! –
Я одаль воссылал желанья

Смиренные, однако вслух,
Чтоб истребил господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражанья;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой,
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкою вожжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.
Пускай меня отъявят старовером,
Но хуже для меня наш Север во сто крат
С тех пор, как отдал всё в обмен на новый лад –
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны, и не краса лицу;
Смешные, бритые, седые подбородки!
Как платья, волосы, так и умы коротки!..
Ах! если рождены мы всё перенимать,
Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнанья иноземцев.
Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, бодрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев.
«Как европейское поставить в параллель
С национальным? – странно что-то!
Ну как перевести *мадам* и *мадмуазель?*
Ужли *сударыня!!*» – забормотал мне кто-то…
Вообразите, тут у всех
На мой же счет поднялся смех.
«Сударыня! Ха! ха! ха! ха! прекрасно!
Сударыня! Ха! ха! ха! ха! ужасно!!» –
Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня. –
Вот случай вам со мною, он не новый;
Москва и Петербург – во всей России то,
Что человек из города Бордо,
Лишь рот открыл, имеет счастье
Во всех княжон вселять участье;
И в Петербурге и в Москве,
Кто недруг выписных лиц, вычур, слов кудрявых,
В чьей, по несчастью, голове
Пять, шесть найдется мыслей здравых,

И он осмелится их гласно объявлять, –
Глядь…

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с величайшим усердием. Старики разбрелись к карточным столам.)

Конец III действия

Действие IV

У Фамусова в доме парадные сени; большая лестница из второго жилья, к которой примыкают многие побочные из антресолей; внизу справа (от действующих лиц) выход на крыльцо и швейцарская ложа; слева, на одном же плане, комната Молчалина.

Ночь. Слабое освещение. Лакеи иные суетятся, иные спят в ожидании господ своих.

Явление 1

Графиня бабушка, Графиня внучка, впереди их Лакей.
Лакей

Графини Хрюминой карета.

Графиня внучка
(покуда ее укутывают)

Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!
Какие-то уроды с того света,
И не с кем говорить, и не с кем танцовать.

Графиня бабушка

Поетем, матушка, мне прафо не под силу,
Когда-нибуть я с пала та в могилу.

(Обе уезжают.)

Явление 2

Платон Михайлович и *Наталья Дмитриевна*. Один *Лакей* около их хлопочет, *другой* у подъезда кричит:

Карета Горича.

Наталья Дмитриевна

Мой ангел, жизнь моя,
Бесценный, душечка, Попош, что́ так уныло?

(Целует мужа в лоб.)

Признайся, весело у Фамусовых было.

Платон Михайлович

Наташа-матушка, дремлю на ба́лах я,
До них смертельный неохотник,
А не противлюсь, твой работник,
Дежурю за́ полночь, подчас
Тебе в угодность, как ни грустно,
Пускаюсь по команде в пляс.

Наталья Дмитриевна

Ты притворяешься, и очень неискусно;
Охота смертная прослыть за старика.

(Уходит с лакеем.)
Платон Михайлович (хладнокровно)

Бал вещь хорошая, неволя-то горька;
И кто жениться нас неволит!
Ведь сказано ж, иному на роду…

Лакей (с крыльца)

В карете барыня-с, и гневаться изволит.

Платон Михайлович (со вздохом)

Иду, иду.

(Уезжает.)

Явление 3

Чацкий и Лакей его впереди.
Чацкий

Кричи, чтобы скорее подавали.

Лакей уходит.

Ну вот и день прошел, и с ним
Все призраки, весь чад и дым
Надежд, которые мне душу наполняли.
Чего я ждал? что думал здесь найти?
Где прелесть эта встреч? участье в ком живое?
Крик! радость! обнялись! – Пустое.
В повозке так-то на пути
Необозримою равниной, сидя праздно,
Всё что-то видно впереди
Светло, синё, разнообразно;
И едешь час, и два, день целый; вот резво́
Домчались к отдыху; ночлег: куда ни взглянешь,
Всё та же гладь и степь, и пусто, и мертво…
Досадно, мочи нет, чем больше думать станешь.

Лакей возвращается.

Готово?

Лакей

Кучера-с нигде, вишь, не найдут.

Чацкий

Пошел, ищи, не ночевать же тут.
Лакей опять уходит.

Явление 4

Чацкий, Репетилов (вбегает с крыльца, при самом входе падает со всех ног и поспешно оправляется).

Репетилов

Тьфу! оплошал. – Ах, мой создатель!
Дай протереть глаза; откудова? приятель!..
Сердечный друг! Любезный друг! Mon cher!
Вот фарсы мне как часто были петы,
Что пустомеля я, что глуп, что суевер,
Что у меня на всё предчувствия, приметы;
Сейчас… растолковать прошу,
Как будто знал, сюда спешу,
Хвать, об порог задел ногою
И растянулся во весь рост.
Пожалуй смейся надо мною,
Что Репетилов врет, что Репетилов прост,
А у меня к тебе влеченье, род недуга,
Любовь какая-то и страсть,
Готов я душу прозакласть,
Что в мире не найдешь себе такого друга,
Такого верного, ей-ей;
Пускай лишусь жены, детей,
Оставлен буду целым светом,
Пускай умру на месте этом,
И разразит меня господь…

Чацкий

Да полно вздор молоть.

Репетилов

Не любишь ты меня, естественное дело:
С другими я и так и сяк,
С тобою говорю несмело,
Я жалок, я смешон, я неуч, я дурак.

Чацкий

Вот странное уничиженье!

Репетилов

Ругай меня, я сам кляну свое рожденье,
Когда подумаю, как время убивал!
Скажи, который час?

Чацкий

Час ехать спать ложиться;
Коли явился ты на бал,
Так можешь воротиться.

Репетилов

Что́ бал? братец, где мы всю ночь до бела дня,
В приличьях скованы, не вырвемся из ига,
Читал ли ты? есть книга…

Чацкий

А ты читал? задача для меня,
Ты Репетилов ли?

Репетилов

Зови меня вандалом:
Я это имя заслужил.
Людьми пустыми дорожил!
Сам бредил целый век обедом или балом!
Об детях забывал! обманывал жену!
Играл! проигрывал! в опеку взят указом!
Танцо́вщицу держал! и не одну:
Трех разом!
Пил мертвую! не спал ночей по девяти!
Всё отвергал: законы! совесть! веру!

Чацкий

Послушай! ври, да знай же меру;
Есть от чего в отчаянье придти.

Репетилов

Поздравь меня, теперь с людьми я знаюсь
С умнейшими!! – всю ночь не рыщу напролет.

Чацкий

Вот нынче, например?

Репетилов

Что́ ночь одна, – не в счет,
Зато спроси, где был?

Чацкий

И сам я догадаюсь.
Чай, в клубе?

Репетилов

В А́нглийском. Чтоб исповедь начать:
Из шумного я заседанья.
Пожало-ста молчи, я слово дал молчать;
У нас есть общество и тайные собранья
По четвергам. Секретнейший союз…

Чацкий

Ах! я, братец, боюсь.
Как? в клубе?

Репетилов

Именно.

Чацкий

Вот меры чрезвычайны,
Чтоб взáшеи прогнать и вас, и ваши тайны.

Репетилов

Напрасно страх тебя берет,
Вслух, громко говорим, никто не разберет.
Я сам, как схватятся о камерах, присяжных,
О Бейроне, ну о матерьях важных,
Частенько слушаю, не разжимая губ;
Мне не под силу, брат, и чувствую, что глуп.
Ах! Alexandre! у нас тебя недоставало;
Послушай, миленький, потешь меня хоть мало;
Поедем-ка сейчас; мы, благо, на ходу;
С какими я тебя сведу
Людьми!!!.. уж на меня нисколько не похожи,
Что за люди, mon cher! Сок умной молодежи!

Чацкий

Бог с ними и с тобой. Куда я поскачу?
Зачем? в глухую ночь? Домой, я спать хочу.

Репетилов

Э! брось! кто нынчо спит? Ну полно, без прелюдий,
Решись, а мы!.. у нас… решительные люди,
Горячих дюжина голов!
Кричим – подумаешь, что сотни голосов!..

Чацкий

Да из чего беснуетесь вы столько?

Репетилов

Шумим, братец, шумим.

Чацкий

Шумите вы? и только?

Репетилов

Не место объяснять теперь и недосуг,
Но государственное дело:
Оно, вот видишь, не созрело,
Нельзя же вдруг.
Что за люди! mon cher! Без дальних я историй
Скажу тебе: во-первых, князь Григорий!!
Чудак единственный! нас со́ смеху морит!
Век с англичанами, вся а́нглийская складка,
И так же он сквозь зубы говорит,
И так же коротко обстрижен для порядка.
Ты не знаком? о! познакомься с ним.
Другой – Воркулов Евдоким;
Ты не слыхал, как он поет? о! диво!
Послушай, милый, особливо
Есть у него любимое одно:
«А! нон лашьяр ми, но, но, но».
Еще у нас два брата:
Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь, что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? хоть мелочь?
Прочти, братец, да он не пишет ничего;
Вот эдаких людей бы сечь-то
И приговаривать: писать, писать, писать;
В журналах можешь ты, однако, отыскать
Его *отрывок, взгляд* и *нечто.*
Об чем бишь *нечто?* – обо всем;
Всё знает, мы его на черный день пасем.
Но голова у нас, какой в России нету,
Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плу́том.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд…
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,

Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик слепят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,
Совру – простят…

Лакей (у подъезда)

Карета Скалозуба.

Репетилов

Чья?

Явление 5

Те же и Скалозуб, спускается с лестницы.
Репетилов (к нему навстречу)

Ах! Скалозуб, душа моя,
Постой, куда же? сделай дружбу.

(Душит его в объятиях.)
Чацкий

Куда деваться мне от них!

(Входит в швейцарскую.)
Репетилов (Скалозубу)

Слух об тебе давно затих,
Сказали, что ты в полк отправился на службу,
Знакомы вы?

(Ищет Чацкого глазами.)

Упрямец! ускакал!
Нет ну́жды, я тебя нечаянно сыскал,
И просим-ка со мной, сейчас, без отговорок:
У князь-Григория теперь народу тьма,
Увидишь человек нас сорок,
Фу! сколько, братец, там ума!
Всю ночь толкуют, не наскучат,
Во-первых, напоят шампанским на убой,
А во-вторых, таким вещам научат,
Каких, конечно, нам не выдумать с тобой.

Скалозуб

Избавь. Ученостью меня не обморочишь,
Скликай других, а если хочешь,
Я князь-Григорию и вам
Фельдфебеля в Волтеры дам,
Он в три шеренги вас построит,
А пикнете, так мигом успокоит.

Репетилов

Всё служба на уме! Mon cher, гляди сюда:
И я в чины бы лез, да неудачи встретил,
Как, может быть, никто и никогда;
По статской я служил, тогда
Барон фон Клоц в министры метил,
А я –
К нему в зятья.
Шел напрямик без дальней думы,
С его женой и с ним пускался в реверси,
Ему и ей какие суммы
Спустил, что боже упаси!
Он на Фонтанке жил, я возле дом построил,
С колоннами! огромный! сколько стоил!
Женился наконец на дочери его,
Приданого взял – шиш, по службе – ничего.
Тесть немец, а что проку? –
Боялся, видишь, он упреку
За слабость будто бы к родне!
Боялся, прах его возьми, да легче ль мне?

Секретари его все хамы, все продажны,
Людишки, пишущая тварь,
Все вышли в знать, все нынче важны,
Гляди-ка в адрес-календарь.
Тьфу! служба и чины, кресты – души мытарства,
Лахмотьев Алексей чудесно говорит,
Что радикальные потребны тут лекарства,
Желудок дольше не варит.

(Останавливается, увидя, что Загорецкий заступил место Скалозуба, который покудова уехал.)

Явление 6

Репетилов, Загорецкий.
Загорецкий

Извольте продолжать, вам искренно признаюсь,
Такой же я, как вы, ужасный либерал!
И от того, что прям и смело объясняюсь,
Куда как много потерял!..

Репетилов (с досадой)

Все врознь, не говоря ни слова;
Чуть и́з виду один, гляди уж нет другого.
Был Чацкий, вдруг исчез, потом и Скалозуб.

Загорецкий

Как думаете вы об Чацком?

Репетилов

Он не глуп,
Сейчас столкнулись мы, тут всякие турусы,
И дельный разговор зашел про водевиль.
Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль.
Мы с ним… у нас… одни и те же вкусы.

Загорецкий

А вы заметили, что он
В уме сурьезно поврежден?

Репетилов

Какая чепуха!

Загорецкий

Об нем все этой веры.

Репетилов

Вранье.

Загорецкий

Спросите всех.

Репетилов

Химеры.

Загорецкий

А кстати, вот князь Петр Ильич,
Княгиня и с княжнами.

Репетилов

Дичь.

Явление 7

Репетилов, Загорецкий, Князь и *Княгиня* с *шестью дочерями*, немного погодя *Хлёстова* спускается с парадной лестницы,

Молчалин ведет ее под руку. Лакеи в суетах.

Загорецкий

Княжны́, пожалуйте, скажите ваше мненье,
Безумный Чацкий или нет?

1-я *княжна*

Какое ж в этом есть сомненье?

2-я *княжна*

Про это знает целый свет.

3-я *княжна*

Дрянские, Хворовы, Варлянские, Скачковы.

4-я *княжна*

Ах! вести старые, кому они новы́?

5-я *княжна*

Кто сомневается?

Загорецкий

Да вот не верит…

6-я *княжна*

Вы!

Все вместе

Мсьё Репетилов! Вы! Мсьё Репетилов! что вы!
Да как вы! Можно ль против всех!
Да почему вы? стыд и смех.

Репетилов (затыкает себе уши)

Простите, я не знал, что это слишком гласно.

Княгиня

Еще не гласно бы, с ним говорить опасно,
Давно бы запереть пора,
Послушать, так его мизинец
Умнее всех, и даже князь-Петра!
Я думаю, он просто якобинец,
Ваш Чацкий!!!.. Едемте. Князь, ты везти бы мог
Катишь или Зизи, мы сядем в шестиместной.

Хлёстова (с лестницы)

Княгиня, карточный должок.

Княгиня

За мною, матушка.

Все (друг к другу)

Прощайте.
Княжеская фамилия уезжает и Загорецкий тоже.

Явление 8

Репетилов, Хлёстова, Молчалин.
Репетилов

Царь небесный!
Амфиса Ниловна! Ах! Чацкий! бедный! вот!
Что наш высокий ум! и тысяча забот!
Скажите, из чего на свете мы хлопочем!

Хлёстова

Так бог ему судил; а впрочем,
Полечат, вылечат авось;
А ты, мой батюшка, неисцелим, хоть брось.
Изволил вовремя явиться! –
Молчалин, вон чуланчик твой,
Не нужны проводы, поди, господь с тобой.

Молчалин уходит к себе в комнату.

Прощайте, батюшка; пора перебеситься.

(Уезжает.)

Явление 9

Репетилов со своим лакеем.
Репетилов

Куда теперь направить путь?
А дело уж идет к рассвету.
Поди, сажай меня в карету,
Вези куда-нибудь.

(Уезжает.)

Явление 10

Последняя лампа гаснет.
Чацкий (выходит из швейцарской)

Что это? слышал ли моими я ушами!
Не смех, а явно злость. Какими чудесами,
Через какое колдовство
Нелепость обо мне все в голос повторяют!
И для иных как словно торжество,
Другие будто сострадают…
О! если б кто в людей проник:
Что хуже в них? душа или язык?

Чье это сочиненье!
Поверили глупцы, другим передают,
Старухи вмиг тревогу бьют –
И вот общественное мненье!
И вот та родина… Нет, в нынешний приезд,
Я вижу, что она мне скоро надоест.
А Софья знает ли? – Конечно, рассказали,
Она не то чтобы мне именно во вред
Потешилась, и правда или нет –
Ей всё равно, другой ли, я ли,
Никем по совести она не дорожит.
Но этот обморок, беспамятство откуда?? –
Нерв избалованность, причуда, –
Возбу́дит малость их, и малость утишит, –
Я признаком почел живых страстей. – Ни крошки:
Она, конечно бы, лишилась так же сил,
Когда бы кто-нибудь ступил
На хвост собачки или кошки.

София
(над лестницей во втором этаже, со свечкою)

Молчалин, вы?

(Поспешно опять дверь припирает.)
Чацкий

Она! она сама!
Ах! голова горит, вся кровь моя в волненьи.
Явилась! нет ее! неу́жели в виденьи?
Не впрямь ли я сошел с ума?
К необычайности я точно приготовлен;
Но не виденье тут, свиданья час условлен.
К чему обманывать себя мне самого?
Звала Молчалина, вот комната его.

Лакей его (с крыльца)

Каре…

Чацкий

Сс!..

(Выталкивает его вон.)

Буду здесь, и не смыкаю глазу
Хоть до утра. Уж коли горе пить,
Так лучше сразу,
Чем медлить, – а беды медленьем не избыть.
Дверь отворяется.

(Прячется за колонну.)

Явление 11

Чацкий спрятан, *Лиза* со свечкой.
Лиза

Ах! мочи нет! робею.
В пустые сени! в ночь! боишься домовых,
Боишься и людей живых.
Мучительница-барышня, бог с нею.
И Чацкий, как бельмо в глазу;
Вишь, показался ей он где-то здесь, внизу.

(Осматривается.)

Да! как же! по сеням бродить ему охота!
Он, чай, давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.
Однако велено к сердечному толкнуться.

(Стучится к Молчалину.)

Послушайте-с. Извольте-ка проснуться.
Вас кличет барышня, вас барышня зовет.
Да поскорей, чтоб не застали.

Явление 12

Чацкий за колонною, *Лиза, Молчалин* (потягивается и зевает), *София* (крадется сверху).

Лиза

Вы, сударь, камень, сударь, лед.

Молчалин

Ах! Лизанька, ты от себя ли?

Лиза

От барышни-с.

Молчалин

Кто б отгадал,
Что в этих щечках, в этих жилках
Любви еще румянец не играл!
Охота быть тебе лишь только на посылках?

Лиза

А вам, искателям невест,
Не нежиться и не зевать бы;
Пригож и мил, кто не доест
И не доспит до свадьбы.

Молчалин

Какая свадьба? с кем?

Лиза

А с барышней?

Молчалин

Поди,
Надежды много впереди,

Без свадьбы время проволо́чим.

Лиза

Что вы, сударь! да мы кого ж
Себе в мужья другого прочим?

Молчалин

Не знаю. А меня так разбирает дрожь,
И при одной я мысли трушу,
Что Павел Афанасьич раз
Когда-нибудь поймает нас,
Разгонит, проклянёт!.. Да что? открыть ли душу?
Я в Софье Павловне не вижу ничего
Завидного. Дай бог ей век прожить богато,
Любила Чацкого когда-то,
Меня разлюбит, как его.
Мой ангельчик, желал бы вполовину
К ней то же чувствовать, что чувствую к тебе;
Да нет, как ни твержу себе,
Готовлюсь нежным быть, а свижусь – и простыну.

София (в сторону)

Какие низости!

Чацкий (за колонною)

Подлец!

Лиза

И вам не совестно?

Молчалин

Мне завещал отец:
Во-первых, угождать всем людям без изъятья –
Хозяину, где доведется жить,

Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику, для избежанья зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Лиза

Сказать, сударь, у вас огромная опека!

Молчалин

И вот любовника я принимаю вид
В угодность дочери такого человека…

Лиза

Который кормит и поит,
А иногда и чином подарит?
Пойдемте же, довольно толковали.

Молчалин

Пойдем любовь делить плачевной нашей крали.
Дай, обниму тебя от сердца полноты.
Лиза не дается.

Зачем она не ты!

(Хочет идти, София не пускает.)
София
(почти шепотом, вся сцена вполголоса)

Нейдите далее, наслушалась я много,
Ужасный человек! себя я, стен стыжусь.

Молчалин

Как! Софья Павловна…

София

Ни слова, ради бога,
Молчите, я на всё решусь.

Молчалин
(бросается на колена, София отталкивает его)

Ах! вспомните! не гневайтеся, взгляньте!..

София

Не помню ничего, не докучайте мне.
Воспоминания! Как острый нож оне.

Молчалин (ползает у ног ее)

Помилуйте…

София

Не подличайте, встаньте.
Ответа не хочу, я знаю ваш ответ,
Солжете…

Молчалин

Сделайте мне милость…

София

Нет. Нет. Нет.

Молчалин

Шутил, и не сказал я ничего, окро́ме…

София

Отстаньте, говорю, сейчас,
Я криком разбужу всех в доме
И погублю себя и вас.
Молчалин встает.

Я с этих пор вас будто не знавала.
Упреков, жалоб, слез моих
Не смейте ожидать, не стоите вы их;
Но чтобы в доме здесь заря вас не застала,
Чтоб никогда об вас я больше не слыхала.

Молчалин

Как вы прикажете.

София

Иначе расскажу
Всю правду батюшке, с досады.
Вы знаете, что я собой не дорожу.
Подите. – Стойте, будьте рады,
Что при свиданиях со мной в ночной тиши
Держались более вы робости во нраве,
Чем даже днем, и при людя́х, и въяве;
В вас меньше дерзости, чем кривизны души.
Сама довольна тем, что ночью всё узнала,
Нет укоряющих свидетелей в глазах,
Как давеча, когда я в обморок упала,
Здесь Чацкий был…

Чацкий (бросается между ими)

Он здесь, притворщица!

Лиза и *София*

Ах! Ах!..
Лиза свечку роняет с испугу; Молчалин скрывается к себе в комнату.

Явление 13

Те же, кроме Молчалина.
Чацкий

Скорее в обморок, теперь оно в порядке,
Важнее давишной причина есть тому,
Вот наконец решение загадке!
Вот я пожертвован кому!
Не знаю, как в себе я бешенство умерил!
Глядел, и видел, и не верил!
А милый, для кого забыт
И прежний друг, и женский страх и стыд, –
За двери прячется, боится быть в ответе.
Ах! как игру судьбы постичь?
Людей с душой гонительница, бич! –
Молчалины блаженствуют на свете!

София (вся в слезах)

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!

Лиза

Стук! шум! ах! боже мой! сюда бежит весь дом.
Ваш батюшка вот будет благодарен.

Явление 14

Чацкий, София, Лиза, Фамусов, толпа слуг со свечами.
Фамусов

Сюда! за мной! скорей! скорей!
Свечей побольше, фонарей!
Где домовые? Ба! знакомые всё лица!
Дочь, Софья Павловна! стрмница!
Бесстыдница! где! с кем! Ни дать ни взять она,
Как мать ее, покойница жена.
Бывало, я с дражайшей половиной
Чуть врознь – уж где-нибудь с мужчиной!

Побойся бога, как? чем он тебя прельстил?
Сама его безумным называла!
Нет! глупость на меня и слепота напала!
Всё это заговор, и в заговоре был
Он сам, и гости все. За что я так наказан!..

Чацкий (Софии)

Так этим вымыслом я вам еще обязан?

Фамусов

Брат, не финти, не дамся я в обман,
Хоть подеретесь, не поверю.
Ты, Филька, ты прямой чурбан,
В швейцары произвел ленивую тетерю,
Не знает ни про что, не чует ничего.
Где был? куда ты вышел?
Сеней не запер для чего?
И как недосмотрел? и как ты недослышал?
В работу вас, на поселенье вас:
За грош продать меня готовы.
Ты, быстроглазая, всё от твоих проказ;
Вот он, Кузнецкий мост, наряды и обновы;
Там выучилась ты любовников сводить,
Постой же, я тебя исправлю:
Изволь-ка в и́збу, марш, за птицами ходить;
Да и тебя, мой друг, я, дочка, не оставлю,
Еще дни два терпение возьми;
Не быть тебе в Москве, не жить тебе с людьми;
Подалее от этих хватов,
В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов,
Там будешь горе горевать,
За пяльцами сидеть, за святцами зевать.
А вас, сударь, прошу я толком
Туда не жаловать ни прямо, ни проселком;
И ваша такова последняя черта,
Что, чай, ко всякому дверь будет заперта:
Я постараюсь, я, в набат я приударю,
По городу всему наделаю хлопот
И оглашу во весь народ:
В Сенат подам, министрам, государю.

Чацкий
(после некоторого молчания)

Не образумлюсь… виноват,
И слушаю, не понимаю,
Как будто всё еще мне объяснить хотят,
Растерян мыслями… чего-то ожидаю.

(С жаром.)

Слепец! я в ком искал награду всех трудов!
Спешил!.. летел! дрожал! вот счастье, думал,
близко.
Пред кем я давеча так страстно и так низко
Был расточитель нежных слов!
А вы! о боже мой! кого себе избрали?
Когда подумаю, кого вы предпочли!
Зачем меня надеждой завлекли?
Зачем мне прямо не сказали,
Что всё прошедшее вы обратили в смех?!
Что память даже вам постыла
Тех чувств, в обоих нас движений сердца тех,
Которые во мне ни даль не охладила,
Ни развлечения, ни перемена мест.
Дышал, и ими жил, был занят беспрерывно!
Сказали бы, что вам внезапный мой приезд,
Мой вид, мои слова, поступки – всё противно,
Я с вами тотчас бы сношения пресек,
И перед тем, как навсегда расстаться,
Не стал бы очень добираться,
Кто этот вам любезный человек?..

(Насмешливо.)

Вы помиритесь с ним, по размышленьи зрелом.
Себя крушить, и для чего!
Подумайте, всегда вы можете его
Беречь, и пеленать, и спосылать за делом.
Муж-мальчик, муж-слуга, из жениных пажей –
Высокий идеал московских всех мужей. –
Довольно!.. с вами я горжусь моим разрывом.
А вы, сударь отец, вы, страстные к чинам:
Желаю вам дремать в неведеньи счастливом,

Я сватаньем моим не угрожаю вам.
Другой найдется благонравный,
Низкопоклонник и делец,
Достоинствами наконец
Он будущему тестю равный.
Так! отрезвился я сполна,
Мечтанья с глаз долой – и спала пелена;
Теперь не худо б было сряду
На дочь и на отца,
И на любовника глупца,
И на весь мир излить всю желчь и всю досаду.
С кем был! Куда меня закинула судьба!
Все гонят! все клянут! Мучителей толпа,
В любви предателей, в вражде неутомимых,
Рассказчиков неукротимых,
Нескладных умников, лукавых простяков,
Старух зловещих, стариков,
Дряхлеющих над выдумками, вздором, –
Безумным вы меня прославили всем хором.
Вы пра́вы: из огня тот выйдет невредим,
Кто с вами день пробыть успеет,
Подышит воздухом одним,
И в нем рассудок уцелеет.
Вон из Москвы! сюда я больше не ездок.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному есть чувству уголок!..
Карету мне, карету!

(Уезжает.)

Явление 15

Кроме Чацкого
Фамусов

Ну что? не видишь ты, что он с ума сошел?
Скажи сурьезно:
Безумный! что он тут за чепуху молол!
Низкопоклонник! тесть! и про Москву так грозно!
А ты меня решилась уморить?
Моя судьба еще ли не плачевна?
Ах! боже мой! что станет говорить
Княгиня Марья Алексевна!

«Молодые супруги»

Действующие лица
Арист.
Эльмира.
Сафир.
Гостиная в Аристовом доме.

Явление 1

Арист (*входит*)

Сегодня завернул некстати я домой:
Придется утро всё беседовать с женой.
Какие странности! люблю ее по чести,
Меж тем приятнее, когда мы с ней не вместе.
Однако впервые не мною найдено,
Что вскоре надоест одно и всё одно.

Явление 2

Арист и Эльмира, в простом утреннем платье.

Эльмира

А! здравствуй, милый мой, здоров ли?

Арист

Понемногу.
А ты здорова ли, мой друг?

Эльмира

Я слава богу.

Арист (*в сторону*)

Веселый разговор.

(Вслух.)

Скажи, ужли опять
Ты не намерена сегодня выезжать?
Как взаперти пробыть весь день – не понимаю.

Эльмира

Свой дом всем прочим я домам предпочитаю.

Арист

Но прежде отчего езжала всюду ты?
И ныне способы к тому не отняты.

Эльмира

Веселость светская меня к себе манила,
Когда я дней моих тебе не посвятила;
Большой же ныне свет мне стал казаться мал.

Арист

Но отчего же я от света не отстал,
А дорожу тобой всё более и боле?

Эльмира

Пожалуй, выезжать я буду поневоле.

Арист

Притом и не видать в тебе талантов тех,
Которыми сперва обворожала всех.
Поверь, со стороны об этом думать можно,
Что светских девушек образованье ложно,
Невинный вымысел, уловка матерей,
Чтобы избавиться от зрелых дочерей;

Без мыслей матушка проронит два, три слова,
Что дочка будто ей дарит рисунок новый;
Едва льзя выпросить на диво посмотреть.
Выносят наконец ландшафт или портрет,
С восторгом все кричат: возможно ль, как вы скро́мны! –
А, чай, работали художники наемны.
Потом красавица захочет слух прельщать, –
За фортопьяны; тут не смеют и дышать,
Дивятся, ахают руке столь беглой, гибкой,
Меж тем учитель ей подлаживает скрыпкой;
Потом влюбленного как в сети завлекли,
В загоне живопись, а инструмент в пыли.
Всё это сказано меж нами не для ссоры.

Эльмира

Заслуживаю ль я подобные укоры?
Я думала, к пенью́ прошла моя пора;
В угодность же тебе я буду петь с утра,
На бале проведу всю ночь.

Арист

Забудем это,
Помыслим о другом. – Уже подходит лето,
Какие меры брать располагаешь ты?

Эльмира

Какие могут быть тобою приняты.

Арист

Оставим городской шум вечный, пыль и сплетни,
На даче проведем мы ясные дни летни.

Эльмира

Пожалуй.

Арист

Но, боюсь, нескромен сей приют:
Непрошеные нас близь города найдут;
При том соседство там ужасно как наскучит.

Эльмира

Куда ж поедем мы?

Арист

Меня страх это мучит.
В скитаньях провести нам лето как-нибудь.

Эльмира

На всё согласна я.

Арист

Куда ж направим путь,
В Крым или на Кавказ?

Эльмира

Куда тебе угодно.

Арист

Куда угодно мне – вот это бесподобно!
Я мнение твое желаю знать давно,
Чего б хотела ты?

Эльмира

Мне, право, всё равно.

Арист

Так, видно, далее не ехать нам заставы.

Эльмира

Везде, где вместе мы, мне радость и забавы!
Я, право, завсегда стараюсь угадать
Всё то, что мысленно ты можешь пожелать.

Арист

И я признателен.

Эльмира

Нет! я так замечала,
Что скучно всё тебе.

Арист

Мне скучно?

Эльмира

Да.

Арист

Нимало.

Эльмира

По крайней мере, мне казалось иногда,
Что, сидя ты со мной, не в духе…

Арист

Никогда.

Эльмира

О, если б ложные мне виделись приметы!

Арист

Я рад с тобою быть… однако где газеты?

(В сторону.)

Над ними всё-таки пристойнее зевать.

Эльмира

Он занят чтением, – мне тоже книгу взять.

Явление 3

Прежние и *Сафир*.

Сафир

За чтеньем муж с женой, – вид важный и степенный!
Примерная чета! божусь, неоцененно.

Арист

Ах! как ты мил, Сафир, что вспомнил обо мне:
Мы утро целое с женой наедине.

Сафир

Не позволительно и утренней порою
Скучать, любезный мой, с супругой молодою.

Эльмира

Мой муж ведомостьми был занят, а не мной.

Арист

Что рано с балу так уехал ты домой?
Досадно, по тебе мы поздно спохватились.

Сафир

Я крепко задремал.

Арист

А мы так всё резвились.
В Аглаю, знаешь, как Сердаликов влюблен?
Я настоял на том, чтобы взбесился он:
С Аглаей всё шептал и танцовал нарочно;
А он краснел, бледнел, дрожал, ворчал, ну точно
Не раз обманутый ревнивый на часах.

Сафир

С Аглаей всякому легко быть в дураках.

Арист

Везде, где только бал, она необходима.

Эльмира (в сторону)

А я здесь лишняя.

(Уходит.)

Явление 4

Арист и *Сафир*.

Сафир

Теперь об этом мимо;
В присутствии жены поосторожней будь.
Ба! да она ушла.

Арист

Бог с ней, счастливый путь.

Сафир

Не совестно ль тебе с женою столько нежной
Вести себя, как ты, так сухо, так небрежно?

Арист

Да, очень совестно, пожалуй, побрани.

Сафир

В уединении она проводит дни,
До утра́ твоего ждет с бала возвращенья.

Арист

А мне что за нужда? Какие утешенья!
Что с ней я, что один, не всё ли мне равно?
Хожу по комнате, глазею с час в окно;
Скажу ей что-нибудь, – она мне потакает,
И речь в устах моих, не кончась, замирает.
У нас с Эльмирою эмблемой приняты
Не розовы, мой друг, а маковы цветы.

Сафир

И тягостно тебе согласие домашне?

Арист

Да, сударь, тягостно согласие всегдашне.
Зачем она молчит и убегает свет?

Причиной спесь иль лень; ума в ней, что ли, нет?
О! пропасть в ней ума; но кто про это знает?
И дарований тьма, – она их все скрывает;
Прекрасная собой, – одета не к лицу!..
Я впрямь был вне себя, когда мы шли к венцу,
Как в первый раз меня Эльмира обнимала!..
Немые ласки те божественны сначала,
А в продолжении весьма надоедят.

Сафир

Иной подумает, что ты давно женат.

Арист

По справедливости, три месяца – три века!..
С Эльмирой можно близь тенистого просека,
Под свесом липовым, на бархатном лужку
Любиться, нежиться, как надо пастушку,
И таять весь свой век в безмолвьи неразлучно.
Всё это весело в стихах, а в прочем скучно.

Сафир

Ты прав, на что она скромна, тиха, мила;
Нет, лучше, чтоб она кокеткою была.

Арист

Кокетка, знаешь ли, ужасно только слово.

Сафир

Кроме значения, нет ничего худого.

Арист

Пусть ищет нравиться моя Эльмира всем,
Но любит лишь меня, и я доволен тем.

Сафир

Ах! убегая раз она домашней сени,
Тобою занята гораздо будет меней;
Потом, как врозь она привыкнет быть с тобой,
Не мудрено, что ей понравится другой.
Потом – как раза два она тебя обманет,
Глядь, в очередь свою виновной охать станет.

Арист

Мой будущий удел я знаю наперед;
В наш век степенница по свадьбе через год
Берет любовника; – единобразье скушно,
И муж на то глядеть обязан равнодушно.
Всё это сбыточно, всё это быть должно
Со мною, как с другим, – так раз заведено.
Однако до тех пор хотел бы я в Эльмире
Все видеть способы искусства, средства в мире,
Рядиться, нравиться, приятной, ловкой быть,
А более еще, чтоб таковой прослыть;
Чтоб рой любовников при ней был ежечасно,
Но ею пре́зренный, рой жалкий и несчастный!
А я бы думать мог, на этот рой смотря:
Старайтесь круг ее, а наслаждаюсь я!

Сафир

Ребячество, мой друг, ребячество большое;
И скрашивать на что суждение пустое?
Скажи, что молод ты супругом путным быть,
Не в силах качества жены своей ценить.

Арист

Любовь моя к жене род страсти, обожанье!..
Постой, да ныне мне назначено свиданье.
Прощай, любезный мой.

Сафир

С Аглаей?

Арист

Точно так.

Сафир

Ну можно ль предпочесть ее жене?

Арист

Никак.
Я знаю, что жене супруги должность свя́та,
А у вертушки той я, может быть, десятый;
Но с нею в забытьи я время провожу,
С женою ж разговор едва ли нахожу;
И наконец тебе доверить можно смело,
Что ныне, как в суде мое решают дело
И, может, приберут имение к рукам,
Я, вместо чтоб скакать по стряпчим, по судам,
Платить и кланяться, – к прелестнице поеду,
А ты покуда здесь останься, проповедуй!

(Уходит.)

Сафир

Поди, суда́рь, к жене. – Вот сущий ветрогон!
Чему ж дивиться нам, что мало верных жен.

Явление 5

Сафир и *Эльмира*, одетая с бо́льшим вкусом, чем прежде.

Эльмира

Мне споры ваши все из спальней были слышны.
К увещеванию слова, труды излишни,
И горести мои известны вам одним.
И опасалась в них довериться родным,

Чтоб не доставить тем худой Аристу славы.

Сафир

Он виноват кругом, но вовсе ли вы правы?

Эльмира

Уж вы всё знаете, судите вы меня.
С тех пор, как я за ним, доселе, несмотря
На частые его отсутствия, холодность,
Я делаю ли что Аристу в неугодность?
Противоречу ли, мешаю ль в чем-нибудь?
Иль жалуюсь когда, ропщу? Ах! нет, отнюдь:
Я одобряю всё, что нужным он находит,
Не спрашиваю, где он дни свои проводит;
Что б ни задумал он, я перед ним молчу
И воли собственной иметь я не хочу.
Вот все вины мои.

Сафир

И что же? очень худо.
Где нет взаимности, рождается остуда;
Ее же претворит один мертвящий взор
Любовь в раскаянье, согласие в раздор
И цепь цветочную в железные оковы;
Примеры этому и многи и не новы.

Эльмира

Итак, не до́лжно мне покорной мужу быть?

Сафир

Нет, дайте мне сполна вам это объяснить.
Тот муж, мы, например, каким Ариста знаем,
Уверенный, что он женою обожаем,
Что ясных дней его ничто не помрачит,
В беспечности благой живет как сибарит;
Вседневны ласки он с холодностью приемлет;

Взаимность райская утихнет и задремлет;
Ему ничто не впрок и чужд сердечный страх.
Нет! постарайтесь быть хотя в его глазах
Вы легкомысленней и больше прихотливы;
Увидите, какой он будет боязливый.
Едва опомнится, что может потерять
Блаженство, коим стал он так пренебрегать,
С супругой-ангелом в любви минутах тайных,
Он в заблуждениях раскается случайных
И, образумясь, вам покорен будет вновь.

Эльмира

Не послушание мне нужно, а любовь.

Сафир

Но возвратить ее нет способа другого.

Эльмира

Хоть ныне умереть я за него готова.

Сафир

Не надо умирать; приличней средство есть,
Чтоб чувства прежние Ариста вам обресть.

Эльмира

И способ случай мне давно к тому доставил:
Мой муж в рассеяньи, дела свои оставил,
Но я за них взялась, радела как могла,
У должностны́х людей по целым дням была,
На малу опытность мою с прискорбьем глядя,
Мне руку помощи в том подавал мой дядя.
У мужа тяжба есть по делу одному,
И производится неведомо ему.
Хотя на стороне его и справедливость,
В неправоту ему вменили б нерадивость.
Я не щадила просьб, подарков и хлопот.

Сегодня жданный день решенья настает.
Я еду, чтоб узнать, успешно ль окончанье;
Увидит пусть Арист мое об нем старанье.

Сафир

Возможно ль, чтоб он был неблагодарен вам?
Вы более об нем печетесь, чем он сам,
Но, ах!..

Эльмира

Докончите, я вам охотно верю.

Сафир

Вы возвратите ль сим любви его потерю?
Конечно, скажет он, и скажет целый свет:
Что дивных качеств вы, что вам подобной нет,
Что делаете честь вы редких жен сословью.
Почтенье не всегда сопряжено с любовью.

Эльмира

Или намерены меня вы убедить,
Что нет возможности мне мужу угодить;
Что сердца я его лишаюсь невозвратно.
Так! должно верить мне сему, хоть неприятно.
Он вовсе действует тем чувствам вопреки,
Являл которые, искав моей руки.
В те дни, что для меня так памятны, так сладки,
Он всё любил во мне – и даже недостатки.

Сафир

О! в этом нечего меня вам уверять!
Как вас не полюбить? вам суждено пленять.
Но узников своих чтоб приучить к неволе,
На то потребно средств еще гораздо боле;
Они, сударыня, для вас не мудрены;
Зачем отбросили свои таланты вы?

Искусством нравиться пренебрегать не надо.
Вы хороши собой хотя и без наряда,
Но что́ вы, как теперь, одеты не всегда?
Зачем не ездите в собранья иногда,
Которых можете быть первым украшеньем?
Там возбужденные правдивым восхищеньем
Хвалы, с которыми к вам всякий поспешит, –
Ручаюсь, что Арист их дорого ценит.

Эльмира

Ужели кисея, надетая удачно,
Ему заменит взор мой ласковый, безмрачный?
Ужель неискренний восторг, похвальный бред,
Который так легко всем уделяет свет,
Захочет он сравнять с горячностию тою,
С которой может он быть мной любим одною?

*Сафир*а

О нет! конечно, нет; но видя каждый раз
Везде угодников, вздыхателей круг вас,
Сам будет угождать, к свому привыкнет дому,
Чтоб сердца вашего не уступить другому.

Эльмира

Довольно; верьте мне, что до минуты сей
Скрывалась дома я, таилась от людей
Не для того, чтоб быть мне от других отличной, –
Любить веселье мне подобно всем прилично:
Утехи, счастие, всех радостей собор,
В Аристе мне одном мечтались до сих пор.
Он насмехается над чувствами моими.
С теперешней поры и я прощаюсь с ними:
Род жизни я моей переменяю весь;
И съездов ежели у нас не будет здесь,
То целый день и ночь искать их буду в чуже.

Сафир

Вот удивите вы весь свет!

Эльмира

Так удивлю же.

Сафир

И сим поддержите честь пола своего.
Я знаю, женщинам нет легче ничего,
Как применять свой вид, и даже свойства, мненья…
Но, кстати, вы теперь начните превращенья:
Сыграйте что-нибудь и спойте в добрый час;
Пусть Музы, Аполлон и, словом, весь Парнас
Благоприятствуют успешному началу.

Эльмира

Давно не пела я.

Сафир

Попробуйте.

Эльмира

Пожалуй.

(Садится за фортепиано и поет.)

1
Боги! Лида, унывая,
В грусти вопиет своей:
Ах! красавица какая
В мирной есть долине сей,
Что, от жалкой Лиды кроясь,
Разлучает с милым нас!
Иль она Венерин пояс
Получила в дар от вас?

* * *

Пристойнее бы мне совсем не начинать.

Сафир

И таковой талант вы можете скрывать?
Как дурно скромничать не к месту! – Продолжайте.

Эльмира

Смотрите ж, за глаза меня не осуждайте.

2

Вдруг, как ветерок привея,
Лель ей на ушко шепнул:
Ты пастушек всех милее!
Но Филон, едва вздохнул, –
От тебя всё получает;
Для того не ищет вновь:
Где желанье умолкает,
Умолкает и любовь.

* * *

Что, ежели Арист пришел бы сей порой?

Сафир

Не знаю, что бы он, а я уж сам не свой!

Явление 6

Эльмира, Сафир и *Арист*, входит и останавливается в дверях.

3

И подшед Филон к прекрасной,
Ей не встречен в первый раз;
Просит поцелуй напрасно:
За отказом вслед отказ;
В просьбах и сопротивленьи
Длится неги сладкий час.
И любовник в упоеньи
Счастлив – будто в первый раз.

* * *

Ей-богу, ваше мне суждение опасно.

Арист

Неподражаемо! божественно! прекрасно!

Эльмира

Я не заметила тебя; давно ль ты здесь?

Арист

Что ж делать: где талант, бывает также спесь.
Но чьим обязан я всесильным убежденьям?
Кто приманил тебя к забытым упражненьям?
Ты думала ль меня приятно удивить?

Эльмира

О! благодарностью ты можешь не спешить:
Вот упросил меня.

Арист

Сафир?

Эльмира

Да, он.

Арист

Измена!
Я сколько приставал и падал на колена,
И всё не мог тебя на это преклонить.

Эльмира

Как будто бы мужья умеют попросить;
Их просьба на приказ ужасно как походит,
А повеление до сердца не доходит.

Сафир

Арист! тебе урок.

Арист

Старательный убор;
А принуждения не замечает взор;
Платочек на груди как ветерок навеян.

Эльмира

Я ехать собралась.

Арист

Ты едешь?

Эльмира

В магазейн.

Арист

И в магазейн?

Эльмира

Да.

Арист

Не верю я ушам.

Эльмира

Тьму разных мелочей я заказала там,
И надо кое-что для нынешнего балу.

Арист

Для балу?

Эльмира

Точно так.

Арист

Но объяснись, пожалуй,
Пустыннический дух ужели впрямь исчез?
Тебя ли слушаю? Давно ли до небес
Уединение ты мне превозносила?

Эльмира

И это помнишь ты? я, право, позабыла.

Арист

Забыла правила любимы через час?

И вот, о женщины! не обижая вас,
Вот та, которая из самых постоянных!

Эльмира

Ты первый недруг был всех этих правил странных;
Сафир противу их меня охолодил.

Арист

И всё-таки Сафир.

Эльмира

Тебе он угодил:
Он сделал, что твои уважила я мненья;
Ты, верно, очень рад?

Арист (сухо)

Я нем от восхищенья.
Да как послушалась Сафировых ты слов
Так скоро, – невзначай?

Эльмира

И без больших трудов.
Мне перестали быть те общества противны,
Где предвещает он веселья непрерывны;
Где можно нравиться легко в моих летах.
Нет! больше не сижу я в четырех стенах.
Пускай к рассеянью кто нову страсть осудит:
Сафир ее внушил, и отвечать он будет.

Сафир

За что такая честь! Я, право, уж боюсь,
Что красноречием невольно возгоржусь.

Эльмира

Недаром – в полчаса вы совершить умели
То, в чем бы во сто лет другие не успели.

Арист

Завиден тот, кому дар слова дан такой.
Так вместе на́ вечер поедем мы с тобой.

Эльмира

И нет! там многие, в сужденьи торопливы,
Безвинно посвятят тебя в мужья ревнивы
Или найдут, что мы как пара голубков;
Я ж от двусмысленных шептаний, полуслов
Старалась до сих пор быть сколько можно дале.

Арист

Как! если вместе мы покажемся на бале,
Двусмысленно о том свет будет говорить?
Мне всё двусмысленным уж начинает быть.

Эльмира

Сафир! еще совет: какого лучше цвету
Купить бы шляпку мне?

Сафир

Малинового.

Арист

Нету,
По мне, небесного.

Эльмира

Нет, нет!

Арист

А почему?

Эльмира

Не верю иногда я вкусу твоему.

Арист

Подписан приговор! мой вкус уже порочен!

Эльмира

Порочен не скажу, а переменчив очень.
Но с вами нехотя я время упущу,
Прощайте; ежели найду, чего ищу,
Я буду истинно довольна и счастлива.
Сафир! желайте мне успеха.

(Уходит.)

Явление 7

Арист и *Сафир*.

Арист

Что за диво!

Сафир

Каков с Аглаей ты? – Она тебя нашла,
Иль ты ее сыскал?

Арист (не внимая ему)

При всем том как мила!

Сафир

Надеюсь, для тебя всего милее света.
Увы! надолго ли?

Арист

Как хорошо одета!

Сафир

О! этим славится не без причин она;
Что более в ней есть?

Арист

Жива, ловка, умна!

Сафир

Приятно сладостных часов воспоминанье!
А где произошло с любезною свиданье?
Что сделалось с тобой! как ты задумчив.

Арист

Да,
Я таковой ее не видел никогда!

Сафир

Вскружила голову тебе совсем Аглая,
Скажи по совести?

Арист

Ох, братец, нет, другая.

Сафир

Другая уже? я как вкопанный стою!

Арист

Да, я влюбился вновь.

Сафир

В кого?

Арист

В жену мою.

Сафир

Вот новости еще!

Явление 8

Прежние и *Эльмира*.

Эльмира

Как будто это надо,
Чтоб именно со мной тут встретилась досада.

Арист

А что случилось?

Эльмира

Что? вы б это не снесли.

Арист

Быть может, но скажи…

Эльмира

Вы бы с ума сошли.

Арист

Я верю, но скажи, в чем происходит дело?

Эльмира

Ужели о пустом я так бы зашумела?

Арист

Печальное пришло известье?

Эльмира

Ох, не то!
Мне плакать хочется.

Арист

Не умер ли уж кто?

Эльмира

Не может разве быть несчастия иного?

Арист

Да что же сделалось?

Эльмира

Карета не готова.

Арист

Загадки этой я не разрешил бы ввек.

Эльмира

Вас это веселит, счастливый человек!
В забаву для себя всё обратить умеет.
Но если новое мне платье не поспеет,
То я не знаю, в чем уже на бале быть.

Арист

Уже? так перестань, мой друг, себя крушить:
Едва ты явишься, и, позабыв наряды,
На красоту твою все обратятся взгляды.

Эльмира

Удачно мадригал вы, сударь, мне сплели;
Аглае лучше бы его поберегли.

Арист

Как! что это?

Эльмира

Сафир! пожалуй, подойдите.

Сафир

Чего изволите?

Эльмира

Рукавчик завяжите.

Послушайте меня.

(Тихо ему.)

Арист не должен знать,
Что по его делам я еду хлопотать.

Сафир

Я умолчал о том.

Эльмира

Я этого страшилась
И только для того сюда к вам воротилась.

Арист (в сторону)

Они с ней шепчутся.

Эльмира (громко)

Благодарю.

Сафир

За что ж?

Арист

У вас таинственность; а я на что похож?

Эльмира

И тайну чтоб узнать, догадки надо много.

Арист

Сафир! прошу сказать.

Эльмира

Сафир! ах! ради бога!

Сафир

Не бойтесь, не скажу.

Арист

Я угадаю сам.

Эльмира

Ломайте голову, я позволяю вам;
А вы не делайте, Сафир, ему рассказы.
Пора уж отомстить мне за его проказы.

(Уходит.)

Явление 9

Арист и *Сафир*.

Арист

Конечно, ежели сего лишь захотят,
И ангела с пути прямого совратят,
Не правда ли, Сафир?

Сафир

Мне это непонятно.

Арист

Не ждал от дружбы я услуги столь приятной.

Сафир

Пожалуй, объяснись.

Арист

Иль славно поступил
Ты, что жене мою с Аглаей связь открыл?

Сафир

Кто, я?

Арист

Да, ты.

Сафир

Арист!

Арист

Сознайся, что некстати
Уведомлять жену о мужнином разврате?
Коль ветреность мою так можно называть.

Сафир

Арист!

Арист

Когда же мнишь любовь ее снискать,
То лучше отложи все ковы в долгий ящик.
Такой ли женщине приятен пересказчик?

Сафир

Уж это чересчур! – Вот на – рука моя,
Что ей не говорил о том ни слова я.

Арист

Да кто же ей сказал?

Сафир

Кто! – мне какое дело!
Но только что не я, могу уверить смело.

Арист

Ужели у меня есть скрытные враги,
Привыкшие мои изведывать шаги?..

Сафир

Ты всё колеблешься? Я повторяю снова:
Не я о том сказал, даю честно́е слово.

Арист

Довольно; извини, прости меня, Сафир.

Сафир

Как мог подумать ты?

Арист

Ну, мир.

Сафир

Пожалуй, мир.

Арист

Я очень чувствую, что это быть не может.
Не знаю, ныне что весь день меня тревожит?

Сафир

А повод к этому?

Арист

Эльмира. – Посуди:
Блаженство обретал я на ее груди;
Смиренный, тихий нрав, испытанный во многом,
Любви достаточным казался мне залогом.
Я так уверен был, беспечен, что, ей-ей,
В объятиях ее не помышлял об ней.
Внезапно кротость та пожертвована вздору;
Эльмира вне себя от шляпки, от убору:
Она сбирается на бал, а я – сказать стыжусь! –
И в провожатые уж боле не гожусь.

Сафир

Ну, что ж? ей, может быть, единобразье скушно,
И ты на то глядеть обязан равнодушно.

Арист

Я это говорил, я точно не был прав:
Еще не знал тогда я ревности отрав.

Сафир

А ныне чувствуешь?

Арист

Не точно ревность…

Сафир

Что же?

Арист

А что-то, на нее ужасно как похоже.

Сафир

Мой друг, не вовсе ль ты рассудок потерял?
Когда жена твоя, чего ты сам желал,
К приманкам светскости не столько хладнокровна,
Уже ты вне себя, уже она виновна.

Арист

Пременчивости тень убийственна тому,
Кто вверился, как я, блаженству своему. –
Постой, что давеча она тебе шептала?

Сафир

Вот, видно, на меня опять сомненье пало.
Весь толк о шляпке был; ты, верно, слышал сам?

Арист

Неправда, выдумка, я вижу по глазам.
Скажи мне истину сейчас – или ни слова.

Сафир

По крайней мере, нет тут ничего такого,
Что неприятность бы могло тебе подать.

Арист

К чему ж таинственность?

Сафир

Я обещал молчать.

Арист

Довольно.

Сафир

Что с тобой? в лице весь изменился.

Арист

Тебе, знать, чудится.

Сафир

Ну, право, рассердился.

Арист

Я… ничего.

Сафир

Постой, куда же ты пошел?

Арист

Я так…

Сафир

Куда, скажи?

Арист

Здесь воздух мне тяжел.

(Уходит.)

Явление 10

Сафир, один.

Сафир

И это был Арист! он может быть ревнивым!
Так! вертопрахам он пример велеречивым;
Блаженства сущностью они не дорожат:
Его утративши, по нем же загрустят.

Явление 11

Сафир и *Эльмира*.

Сафир

Вы скоро съездили.

Эльмира

Не правда ль, торопливо?
Не менее того мой выезд пресчастливый;
И в сей записочке еще подтверждено,
Что в пользу дело всё Ариста решено.
Прочтите, – с сим письмом слуга мне повстречался.
Успехом наконец пой поиск увенчался.

Сафир

Я поздравляю вас.

Эльмира

А что Арист?

Сафир

Пропал.
Отчаянно брюзглив и недоверчив стал;
Любезные черты ревнивца он являет.

Эльмира

Что неожиданно его переменяет?

Сафир

Что хочет женщина, то сбудется всегда.

Эльмира

Какие случаи бывают иногда:
Я радуюсь тому, о чем иная плачет;
Мой муж ревнив!

Сафир

И как!

Эльмира

Сафир! что это значит?

Сафир

То значит, что ему досталось унывать.

Эльмира

О! я берусь его достойно наказать:
От дядюшки письмо я утаю до срока,
Его промучаю весь день.

Сафир

Ах! как жестоко!

Эльмира

Мной чувства жалости совсем отдалены;
С ума его сведу.

Сафир

По милости жены
Не первый попадет в число он сумасшедших.

Эльмира

Нет! а раскается он в шалостях прошедших,
Ручаюсь вам за то.

Явление 12

Прежние и *Арист*, в дверях.

Сафир

Признаться, что Арист
Пред вами совестью своей не очень чист
И наказания примерного достоин.

Эльмира

И накажу его, он может быть покоен.

Сафир

А чем? не этим ли письмом?

Эльмира

Чем бог послал.
Отдайте мне его, чтоб он не увидал.

Арист

И так сбылись мои правдивые сомненья!
Скажи, бессовестный, еще в недоуменьи
Не знаю, как судить мне по твоим словам:
Помощник, что ли, ты иль обольститель сам?

Сафир

К кому такая речь?

Эльмира

Замешаны мы оба.

Арист

Уж боле не к лицу невинною особой
Прикидываться вам: сей день вас обличил;
Довольно времени я легковерен был.

Сафир

Одумайся, Арист.

Эльмира

Он в полном ли рассудке?

Арист

О! бросьте наконец безвременные шутки.
Скажи, суда́рь!.. Иль нет, оставь покуда нас;
Мы лучше свидимся с тобою через час,
Тогда произойдет короче объясненье.

Сафир

Но что ввело тебя в такое исступленье,
Скажи причину нам?

Арист

Оно у ней в руках.

Сафир и *Эльмира*

Письмо!

Арист

Неу́жели вы ощутили страх?

Сафир

Дай мне тебе сказать…

Арист

Мне слушать недосужно.

Сафир

Одно…

Арист

Не надобно.

Сафир

Лишь слово дай…

Арист

Не нужно.

Эльмира

Вы видите, Сафир, он, кажется, в бреду;
Подите, пусть его упрямится.

Сафир

Иду.
Он, право, жалок мне!

Арист

Ужимки бросьте эти:
Еще ль вам повторять, что нам не нужен третий?

(Сафир уходит.)

Явление 13

Арист и *Эльмира.*

Эльмира

Чего хотите вы? вот мы наедине.

Арист

Не вам расспрашивать, сударыня, а мне.

Эльмира

Чего хотите вы?

Арист

Чего? вопрос забавный!
Подайте мне письмо, где я увижу явно,
Как женской честности вы пре́зрели закон,
Как вами я забыт, поруган, оскорблен!

Эльмира

Поруган! оскорблен! – какие выраженья!
Но ваши не хочу я разрешать сомненья
И не отдам письма.

Арист

Должны его отдать,
Иль бешенство мое хотите испытать?

Эльмира

Подумайте – читать письмо чужое низко,
И хлопотен надзор над женской перепиской.

Арист

Я, кажется, вам муж.

Эльмира

Я, сударь, вам жена;
И любопытством я большим одарена,
Но ваши тайны мне всегда казались святы.

Арист

Вам свято что-нибудь! не я ль уж виноватый?
Подайте мне письмо.

Эльмира

Нет, право, не отдам.
Читаю ль я когда, что пишет часто вам

Любезная для вас, прелестная Аглая,
И может быть, еще прелестница другая?

Арист

Как заблуждения дерзаете равнять
Мои вы с вашими? Иль вам растолковать:
Мои суть шалости, а ваши преступленья.

Эльмира

Где эти ветхие нашли вы наставленья?

Арист

Но и погрешности мои вам не покров;
Я вам не верен был на несколько часов;
А в доказательство, здесь для моей очистки,
Вот как я берегу любовные записки.

(Вынимает записки из бумажника и рвет.)
Эльмира

Ах! доказательства не служат ни к чему,
Коль дороги еще вы сердцу моему,
И бесполезнее, когда я к вам остыла.

Арист

В глаза мне говорит, что точно изменила!
Простительно ль сему бесстыдству мне внимать?
Не думайте, чтоб я вас мог подозревать
По недостаточной какой-нибудь причине;
Нет! повод вы к сему мне подали не ныне,
А перемену в вас заметил я давно.

Эльмира

Что вы заметили?

Арист

То, что… Но всё равно,
Я тысячу могу вам случаев исчислить,
По коим должен был об вас я худо мыслить;
Довольно было бы смешно не замечать
Мне на лице у вас уныния печать,
Когда наедине мы оставались с вами;
И часто думал я, что, кстати, между нами,
Страдаете всегда вы болью головной,
Когда случается вам выезжать со мной. –
Сегодня поутру, на что искать мне дале,
В смятеньи были вы, погружены в печали,
Когда напомянул я об деревне вам;
Конечно, скоро бы прибегнули к слезам,
К упрекам, жалобам! – на дело не похоже!..
Является Сафир, я ухожу – и что же?
Откуда всё взялось на бедствие мое:
Веселость, острота, наряды и пеньё,
Все, словом, женские чертовские приманки.
Я в дверь, вы со двора, и очень спозаранки.
Не ведаю, какой злой дух в меня вдохнул,
Чтобы Сафиру я об этом намекнул?
Изменник! над моим ругался как несчастьем!
Как утешал меня притворным соучастьем!
Непринужденно как смеялся, ободрял!
От горькой истины как хитро отвращал!
Как другом и женой жестоко я обманут!
Но более меня обманывать не станут.
Что вы потупили глаза? вы смущены?
Подайте ж мне письмо.

Эльмира

Мой бог! как вы смешны!

Арист

Я очень чувствую; однако непристойно
Вам это замечать.

Эльмира

Нрав самый беспокойный.
Мне, право, кажется, что вы больны – в жару.
Не сами ль ныне вы твердили поутру,
Чтоб одевалась я нарядней, выезжала,
Чтоб дарованьями не столь пренебрегала?
По воле вашей я за это принялась,
И вышло невпопад; – как угодить на вас?
Откуда прихотей вы набрались?

Арист

Откуда?
Я впрямь несправедлив, и был, и есмь, и буду!
Подайте мне письмо.

Эльмира

Пора об нем забыть.

Арист

Как можете еще такой спокойной быть?

Эльмира

Да это оттого, что нрав имею ровный.

Арист

Пожалуй, говорить я стану хладнокровно.
Письмо я требую; прошу его от вас
Не для того, чтобы с сей вывеской тотчас
Повсюду разглашать ваш стыд, мое бесчестье,
И вскоре без меня о том пройдет известье;
Над этим случаем свет едкость изострит,
Печальну истину раскрасит, распестрит;
Еще похвалит вас, что мужа обманули.
Нет! лучше припасу две роковые пули:
Одну бездельнику, другую для себя.

Эльмира

Как хладнокровно!

Арист

Нет! вас сверх всего любя,
Скажите, – я могу ль так вдруг возненавидеть?
Подайте мне письмо, – ах! дайте мне увидеть,
Вам точно ли всегда другой казался мил,
Всё притворялись вы, я всё обманут был.
Вы усмехаетесь; – кто смеху здесь предметом?

Эльмира

Я думала теперь, ей-богу, не об этом.

Арист

Не будем долее комедию играть;
Подайте мне письмо, – ведь надобно ж отдать?
Подайте, – право, я за вас боюсь.

Эльмира

Не бойтесь.

Арист

Подайте.

Эльмира

Полноте.

Арист

Подайте.

Эльмира

Успокойтесь;
Возьмите, вот оно.

Арист

Что буду я читать?

(Читает.)

«Не надлежало б так Ариста балова́ть,
Эльмира, милый друг! но так и быть; и дело
Он ныне выиграл, – ты этого хотела.
Прощай, я остаюсь усердный дядя твой».
N.
Эльмира! я дурак! прости мне, ангел мой!

Эльмира

Насилу сделались опять вы справедливы.

Арист

Я недоверчивый, неистовый, строптивый!
Какие клеветы произносил с сердцов?
Для оправдания мне недостанет слов.

Явление 14

Прежние и *Сафир*.

Сафир

Вот неожиданность! хоть бы в волшебных те́нях;
Супруга нежная в слезах, муж на коленях!
Раскаянье, любовь, согласие! – что, брат?

Арист

Пред ней я, пред тобой, пред всеми виноват.
Прости, Эльмира, мне сомненье безрассудно;
Конечно, мне к тебе его питать бы трудно;
Но мой неправый гнев… но и проступок сей –
Не есть ли верный знак к тебе любви моей?

Эльмира

Нет, беспорочной мне была холодность платой,
И ревность, я когда казалась виноватой.

Арист

Что требуешь, скажи: чтоб удалился я
В леса дремучие, в безлюдные края?
Мой друг, изволь, и там забуду я с тобою
Веселья бурные, утраченные мною.

Эльмира

Такие жертвы я, конечно, откажу:
Приятность в городе сама я нахожу.

Арист

Как хочешь; но теперь в столице иль в пустыне
С тобою дома я всегда сижу отныне –
Днем, утром, вечером, и в полдень, и в полно́чь;
Все вертопрашества и суетности прочь!

Эльмира

Но дома не всегда меня ты видеть будешь.

Арист

Иль долго ты мою вину не позабудешь?..

Сафир

Или прикажете мне к вашим пасть ногам?

Эльмира

Прощаю – пусть он всем обязан будет вам.

(Аристу.)

Так, если несколько тебя сей день исправил,
Его благодаря: он и меня наставил,
Чтоб вкусам я твоим старалась снисходить,
Затем, чтоб от других приманок отвратить,
Чтоб иногда твоей противилась я воле,
Затем, чтоб ты ценил мое смиренство боле.
Так! он любовь твою мне возвратить хотел,
Старался, сколько мог, – и, может быть, успел.

«Проба интермедии»

Действующие лица

Фёколков.
Алегрин.
Резвушков.
Припрыжкин.
Свисталова.
Бемольская.
Машинист.
Суфлер.
Актеры и *актрисы.*

Действие происходит в провинциальном театре. Театр представляет сцену в беспорядке.

Фёколков

Много вас, актеров и актрис.
Батюшки, мне нужен бенефис!
Матушки, мне нужен бенефис!

*Прочие актер*ы и *актрис*ы

Расскажите,
Что хотите
Вы от нас?

Фёколков

Вот как раз:
В бенефис меня вы не оставьте,
Мне чтоб не попасть впросак,
Публику вы позабавьте
Кое-чем и кое-как.

Прочие

Вам помочь
Мы не прочь.

Фёколков

Вас, друзья мои, так много, –
Помолчите, ради бога!

Прочие

Правда, много нас числом.
Да какая польза в том?

Фёколков

Надо, чтоб скорей поспело.

Алегрин

Поскорее? – Так за дело!
Взяться надлежит с умом!

Фёколков

В этом затрудненья мало,
Делайте, как ни попало.

Прочие

Хорошо, – да должно знать,
Что мы будем представлять?
Оперу?

Фёколков

О, нет!

Алегрин

Балет?

Фёколков

Нет! Нет!

Припрыжкин

Комедью?

Фёколков

Интермедью!

Все (кроме его)

Интермедью! – Боже сохрани!
Интермедью! – Нет, уж искони
Солоны достались нам они!
И какая вам охота?
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота!

Фёколков.

Неужто, господа, мне быть без бенефису?

Алегрин.

Дайте в свой бенефис что хотите, да только не интермедию.

Все (повторяют)

И какая вам охота? –
Только бедным нам работа,
Бедным зрителям зевота.

Фёколков.

Да, господа, дело праздничное; сериозное надоест, не худо бы затеять какую-нибудь потеху, ярмонку.

Резвушков (обращаясь к прочим).

Ну, уж выведемте его из хлопот; делать так делать. Здесь, однако, не Петербург, автора не скоро сыщешь; разве наш суфлер примется, – человек он грамотный. Нутка, батюшка, вылезай из своего кабинета; у тебя давно рука чесалась сочинить что-нибудь для театра, вот и случай есть, отличись.

Фёколков.

Вылезай, отец родной, я сам услужу в другое время.

Суфлер.

Извольте, располагайте моим умом, моим пером и моим языком.

Все (кроме его)

Браво! Фора!
У суфлера
Всё кипит!
Кто коль скоро
Что́ проспит,
Не затвердит,
Кто собьется,
Заикнется,
Наш суфлер лишь встрепенется,
И лишь голос он подаст,
Всякий кто во что́ горазд.

Суфлер.

Смейтесь, смейтесь, господа, а без меня иному бы из вас плохо пришлось. Да не о том речь. – Вам нужна новая пиеса. Для сего нужно многое, а самое нужное: декорации, актеры, слова, музыка и танцы… танцы и пляски.

Резвушков.

Верховой, спускай декорацию. Вот тебе лес и вода.

Свисталова.

Актеры все налицо, в костюмах и без костюма.

Бемольская.

Слов чем меньше, тем лучше.

Алегрин.

Музыки у нас вволю, выбирай любую.

Припрыжкин.

За танцами дело не станет.

Фёколков.

Так, стало, самое нужное есть, стоит только к нему присочинить кое-что.

Суфлер.

Это ничего не составляет…

Свисталова.

Особливо для суфлера.

Бемольская.

Он всякую всячину наизусть знает.

Резвушков.

Он весь свой век чужое говорит.

Алегрин.

Пусть его крадет, откуда хочет, была бы пиеса готова.

Свисталова.

Не беспокойтесь, он на нашу беду, пожалуй, столько сочинит, что нам ввек не выучить.
Суфлеру нашему хвала,
Природа коему дала
Писать охоту и уменье!
Его ж такие сочиненья,
Что сам едва ль он их поймет,
Да и никто не разберет;
А дело всё на лад идет.

Суфлер

Прошу вас, господа,
Не говорить ни слова!
Вот лес и вот вода, –
Так главное готово.
На завесе река…
Пусть будет же: *Ока.*
Готово и названье,
Благодаря реке:
Пирушка на Оке,
Иль: *За Окой гулянье;*
И песнями начать,
И плясками кончать!

Алегрин.

Что же нам петь?

Припрыжкин.

Какие пляски?

Суфлер.

Пойте и скачите, сколько душе угодно, только не все вдруг.

Фёколков.

Однако нельзя без пробы.

Суфлер.

Ну, так пробуйте. – Г(осподин) певец, выступайте. Что потверже, то и пойте. А прочих прошу изготовиться для последующего; я же между тем займусь сочинением куплетов, которые пропоет наша певица тогда, как будут готовы. – Задело! скорей! а не то я перестану сочинять.

Все.

Хорошо, хорошо.

Пение и танцы. По окончании *Суфлер* говорит:
Суфлер.

Довольно, довольно. Куплеты готовы! Угодно ли мне сделать честь их пропеть в заключенье?

Фёколков.

Неужли заключенье?

Бемольская.

Что ж вы еще хотите?

(Берет куплеты и поет их.)
*Куплет*ы

Довольно все плясали, пели!
Покуда вам не надоели,
Всего умнее разойтись.
Кто хочет, тот пускай сердись,

Над нашей шалостью острись.
А мы не с авторским умишком –
Хоть пошалили, да не слишком.
Притом, кто осуждать нас станет,
Не худо, ежели вспомянет,
Что позабавиться насчет
Кто интермедии идет,
Не много умного он ждет.
И в этой вздору много тоже,
Да всё на прочих не похоже.
На свете же всегда водилось:
Как зрителям что полюбилось
Никто не спросит: как оно –
Бессмысленно, или умно,
Или плачевно, иль смешно?
Лишь только бы новее было;
Всегда что ново, то и мило.

«Студент»

Действующие лица

Евлампий Аристархович Беневольский, студент из Казани.
Федька, его слуга.
Звёздов.
Звёздова, жена его.
Саблин, брат ее, гусарский ротмистр.
Варинька, воспитанница Звёздовых.
Полюбин, влюбленный в Вариньку.
Прохоров.
Иван, слуга.
Швейцар.
Трое слуг.
Мальчик из ресторации.
Действие в Петербурге, в доме Звёздова.
Действие первое

Явление 1

Беневольский, Федька, Иван.

Иван. Кого вам надобно-с?

Беневольский. Я уж отвечал на этот вопрос неоднократно внизу человеку, вооруженному длинным жезлом, так называемому швейцару, а тебе повторяю: мне надобно господина здешнего дому.

Иван. Барина самого?

Беневольский. Да, да, барина твоего, Звёздова, его превосходительство Александра Петровича Звёздова. Ведь это дом его?

Иван. Его-с.

Беневольский. А я его гость.

Иван. Разумею-с. Да ваши пожитки и повозку куда же девать? Штукарев, что за домом смотрит, вышел куда-то, барин во дворце, барыня еще почивает, а если изволит проснуться, как прикажете доложить о себе?

Беневольский. Без доклада, любезный, без доклада. А впрочем, имя мое Беневольский: я здесь свой человек, меня ждут давно. Его превосходительство в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами; с тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили между прочим вот что… Барин твой сказывал, что его супруга воспитывает

прелюбезную девицу.

Иван. Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать.

Беневольский. Невинность, ангел, существо небесное, так ли? И мне назначил он ее сопутницею жизни: это было положено между им и покойным батюшкой, также и то, чтоб мне, когда приеду в Петербург, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрастал еще в Минервином храме, в университете. С тех пор батюшка скончался, и я, сказав прости казанскому рассаднику просвещения, поскакал сюда, чтоб воспользоваться приглашением твоего барина. В нем, конечно, найду я друга, отца, покровителя, одним словом, всё. Ну, понял ли?

Иван. Понял-с. Так вашей повозке с пожитками постоять покамест на улице?

Беневольский. Всё равно. Вели ей стоять на улице или въезжать на двор. Мне не до того: в голове моей, в сердце такое что-то неизъяснимое, мир незнаемый, смутная будущность!

Иван (отходя, говорит Федьке). Барин-то у тебя, видно, большой искусник.

Явление 2

Беневольский, Федька.

Беневольский. Что он тебе сказал?

Федька. Барин-де твой, видно, большой искусник.

Беневольский. Искусник… Так простолюдины называют артистов. Да, я артист; где мой журнал дорожный? *(Федька вынимает из сумки, что у него за плечами, кучу бумаг и медный карандаш.)* Подавай сюда! Записать, непременно записать первые чувства при въезде в столицу. *(Пишет.)* Мирюсь с Тобою, Провидение! я в желанной пристани…

Федька. Ох, кабы перекусить что-нибудь! Да у кого здесь попросишь? все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа; а позывает, ой! позывает: кибитчонка-то всё вытрясла, проклятая.

Беневольский. Вступаю в новый для меня свет. Ну, однако, какой же новый? Я его знаю, очень хорошо знаю: я прилежал особенно к наблюдениям практической философии, читал Мармонтеля, Жанлис, пленительные повести новых наших журналов; и кто их не читал? кто не восхищался Эльмирой и Вольнисом, Бедной Молочницей? Они будут водители мои в этом блуждалище, которое называют большим светом.

Федька. Посидел бы он шесть дней да шесть ночей на облучке, не взбрела бы всякая всячина на ум; попросил бы

съестного да завалился бы спать. Правду сказать, ведь и ему не малина была: сидячей частью об книжный сундук, головой об плетеную будку простукался, сердечный, во всю дорогу. Ну, да что им, грамотеям, делается? не давай ни пить, ни есть, дай перо да бумаги, – и сытехоньки, и горя половина.

Беневольский. Не говори вслух, ты мне мешаешь.

Федька. Неужто вы впрямь с дороги да и за дело?

Беневольский (не слушая его). Здесь увижу я эти блестящие собрания, где вкус дружится с роскошью; в них найду женщин милых, любительниц талантов, какую-нибудь Нинону, Севинье, им стану посвящать стишки маленькие, легкие; их окружают вертопрахи, модники – я их устражу сатирами, они станут уважать меня; тут же встретятся мне авторы, стихотворцы, которые уже стяжали себе громкую славу, признаны бессмертными в двадцати, в тридцати из лучших домов; я к ним буду писать послания, они ко мне, мы будем хвалить друг друга. О, бесподобно! Звёздов ездит во дворец, – он будет моим Меценатом, мне дают пенсию, как всем подобным мне талантам, я наживусь, разбогатею. Федька! Федька! поди сюда, обойми меня.

Федька. Что с вами, сударь?

Беневольский. Сколько ты от меня получаешь жалованья?

Федька. Да вашей милости, я чай, самим известно.

Беневольский. Жалкий человек! ты думаешь, что я занимаюсь этой малостью.

Федька. Ну вот видите, сударь, теперь сами признаетесь, что малость; а как нанимали в Казани, еще торговались: всего сорок рублей на месяц.

Беневольский. Ты будешь получать пятьсот, тысячу.

Федька. С нами крестная сила! рехнулся он. Попросите-ка, сударь, чтоб вам отвели комнату в стороне, да лягте-ка отдохнуть.

Беневольский. Тысячу, тысячу.

Федька. Да где же вы, сударь, возьмете? Вы, помнится, говорили, что у вас всего на всё тысяча рублей взято из Казани, да вышло на прогоны двести сорок рублей с полтиною, да покупок в разных городах на восемьдесят рублей, да мне изволили выдать в зачет жалованья два целковых: вот у меня здесь всё записано.

Беневольский. Тысячу, говорю я, тысячу получишь; дай мне разбогатеть.

Федька. Вот оно что; ну, барин, так богатейте же скорее.

Беневольский. Эту тысячу, что я взял с собой, получил я в награду дарований от преосвященного, от вице-губернатора, от

самого губернатора за стихи поздравительные в разные времена; если в губернском городе дали тысячу, здесь дадут десять, здесь могу я напечатать все мои творения, а как их все раскупят… Что ты качаешь головой? думаешь, не раскупят? Врешь: у Звёздова тьма знакомых, он человек знатный, из угождения к нему все подпишутся: чего это стоит? один экземпляр дрянь, а за всё придется важная сумма.

Федька (смотря в окно). Кто-то, сударь, подъехал в коляске.

Беневольский. Сюда взойдут. Выйди в переднюю.

Федька. Да там народ такой неласковый, к тому же, право, я голоден, быка бы съел. Пожалуйте, сударь, полтинник: я схожу в харчевню.

Беневольский. На, убирайся. Ах! досадно, на мне дорожная куртка. Еще подумают: новичок, смешной, необразованный… Воротись, Федор! Федька! вынь из чемодана платье, поновее которое.

Федька. Да там всего, сударь, фрак лиловый да жилет пике, и то, чай, дорогой поизмялось.

Беневольский. Подавай его.

Федька. К чему вам переодеваться!

Беневольский. Какое тебе дело?

Федька. С вас не взыщут: вы человек приезжий.

Беневольский. Молчи!

Федька. Образумьтесь, где теперь выкладывать из чемодана: вам и комнаты еще не отвели.

Беневольский. Не умничай!

Федька. Притом власть ваша: есть хочется, ей-богу! мочи нет.

Беневольский. Прозаик!

Федька. Вот еще ругаетесь… Нет, барин, мне таким способом служить будет не в охоту.

Беневольский. Олух! прибери эту тетрадь и карандаш да ступай за мной: я сам вытащу чемодан и выну платье. Скорей! Скорей! *(Уходит с Федькой и в дверях встречается с Полюбиным.)*

Явление 3

Полюбин и *Иван*.

Полюбин. Стало, никого нельзя видеть; а это кто вышел?

Иван. Приезжий, сударь, из Казани.

Полюбин. Из Казани! и зовут его?

Иван. Беневольский.

Полюбин. Ах! Боже мой!

Явление 4

Полюбин и *Варинька*.

Варинька. Здравствуйте, Полюбин; как умно сделали вы, что приехали! Знаете ли, кто здесь?

Полюбин. Да, этот жених из Казани, выбранный Звёздовым и который, натурально, никогда не будет вашим мужем.

Варинька. О, конечно, нет. Представьте, я давеча сижу перед окном у себя в комнате, только что встала, вижу: подъезжает к крыльцу повозка, из нее выходит… вы еще его не видали?

Полюбин. Он мелькнул в дверь, только что я вошел.

Варинька. Ни на что не похож; я вскочила со стула, послала спросить, кто? Говорят, Беневольский; я онемела от испугу. Ведь это может только Александру Петровичу притти в голову назначить мне женихом человека, которого хуже, по крайней мере на взгляд, сыскать нельзя.

Полюбин. Поверьте, он об нем давно забыл.

Варинька. Нет нужды: он, конечно, ни об чем не помнит, но за вас меня не выдает потому, что его жена этого хочет; он в пятьдесят лет настоящий ребенок, всё любит делать наперекор всем и, вы увидите, начнет меня принуждать, чтобы я вышла за этого шута, которого он давно забыл, но вспомнит, коль скоро он ему попадется на глаза. Боже мой! как тяжко зависеть от таких людей, которые за свои благодеяния располагают вами, как собственностию! Теперь я чувствую, каково быть сиротой.

Полюбин. Я еще надеюсь: если Звёздов не совсем так поступает, как бы должно, жена его женщина редкая; принявши вас в дом, полюбила и продолжает любить, как дочь. Ей, как нежной матери, обязаны вы всеми приятностями, которые всех заставляют вас любить.

Варинька. Ах, перестаньте! до того ли мне?

Полюбин. Хотя муж ее всегда хочет поступать в противность другим, всё-таки жена его, милая, ловкая, наконец ставит на своем; и немудрено: ему пятьдесят лет, а ей с небольшим двадцать.

Варинька. Пойду, брошусь перед ней на колени; пусть что хотят со мной делают, а я ни за кого, кроме вас, не выйду. *(Полюбин целует у нее руку.)* Она еще спит, а то я бы сейчас пошла, пока муж ее не воротился из дворца.

Полюбин. Вы напрасно огорчаетесь: у вас нет родителей, – кто вас может приневолить? Вы выбрали человека по сердцу, от вас зависит его счастие.

Варинька. Без согласия моих покровителей! чтоб меня после называли неблагодарной! ни за что в свете. *(Подходя к окну.)*

Посмотрите, посмотрите, он же на улице переодевается.

Полюбин. Кто? Беневольский? *(Смотрит в окно и хохочет.)*

Варинька. Нет, не только теперь, – если б я и вас не знала, ни под каким видом не вышла бы замуж за этого безумного. Хорошо вам смеяться: вы сами себе господин. Ах! он сюда идет; прощайте! пойду в спальню к Настасье Ивановне. Может быть, она встала. Приезжайте ужо, простите. *(В дверях.)* Будьте же здесь ужо непременно, а то мы нынче съезжаем на дачу. Бог знает, когда увидимся.

Явление 5

Полюбин, вскоре после *Беневольский.*

Полюбин (смотря на часы). Теперь половина одиннадцатого, во дворце еще не вышли к обедне, – Звёздов не так скоро воротится. Можно полюбопытствовать, что за человек этот Беневольский. Вот он сам и в пух расфранчен.

Беневольский *(шаркая).* Ваш покорнейший слуга-с.

Полюбин. Здравствуйте!

Беневольский. Позвольте с вами познакомиться.

Полюбин. Очень рад вас видеть.

Беневольский. Что-с? так точно-с. *(В сторону.)* Непостижимо. Я, верно, в сорок раз его умнее: отчего я робею, а он нет?

Полюбин (в сторону). Бесценный. И это мой соперник.

Беневольский. Позвольте спросить: я, кажется, если не ошибаюсь, имею честь говорить с вами?

Полюбин. Вы не ошибаетесь.

Беневольский (в сторону). Как краткословен! Он меня убивает.

Полюбин. Вы недавно сюда приехали?

Беневольский. С час будет.

Полюбин. Из Казани?

Беневольский. Я сын волжских берегов.

Полюбин. Вам здесь всё должно быть ново?

Беневольский. Ничто не ново под солнцем.

Полюбин. Но приезжего из Казани многое кое-что должно здесь удивить.

Беневольский. Меня ничего. Признаюсь вам, я столько читал, что ничем не удивлен. Это мое несчастие.

Полюбин. Может, не успели еще видеть ничего удивительного?

Беневольский. Помилуйте. Эти воды, пересекающие во всех местах прекраснейшую из столиц и вогражденные в берега гранитные, эта спокойная неизмеримость Невы, эти бесчисленные

мачты, как молнией опаленный лес – вы это называете неудивительным?

Полюбин. Не я, а вы: вы сказали, что ничем уже не удивляетесь.

Беневольский. Я разумел моральные явления.

Полюбин. Когда ж вы могли их видеть? Вы сейчас из повозки. – Что ж вы располагаете вдаль? Какой род жизни вы намерены выбрать?

Беневольский (приосанившись). Вы знаете, как меня зовут?

Полюбин. Беневольский, кажется.

Беневольский. Да-с.

Полюбин. Так что ж?

Беневольский. Вы, конечно, читали «Сына Отечества»? там эти безделицы, я их, ей-богу, полагаю безделицами, так… опыты, конечно, часто счастливые, удачные, они подписаны литерами Е. А. Б. и несколько точек, вместо имени – Евлампий Аристархович Беневольский.

Полюбин. Имени вашего не забуду; но я не читаю «Сына Отечества».

Беневольский. Нет! ну, так «Вестника Европы»?

Полюбин. Тоже нет.

Беневольский. Помилуйте, а «Музеум»? Вы, конечно, любите «Музеум»? Московский «Музеум»?

Полюбин. Я даже не знаю, есть ли он на свете.

Беневольский. Нет, его уж нет больше, но он был. Помилуйте, что ж вы читаете?

Полюбин. Мало ли что? Только не то именно, что вы назвали, и не то, что на это похоже.

Беневольский (смотрит на него с презрением и отходит в сторону). Не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума», ха! ха! ха! Этакое невежество в девятнадцатом столетии! в Петербурге! – Я перед ним робел! и я перед ним скромничал! *(Садится на стул.)* Вы, сударь, спрашивали, какие мои виды вдаль? Вот они: жизнь свободная, усмешка Музы – вот все мои желанья… Ни чины, ни богатства для меня не приманчивы: что они в сравнении с поэзиею?

Полюбин (в сторону). Каков же! Однако вы дурно делаете, что не хотите служить. С вашими способностями, с вашими познаниями немудрено, что вы со временем попадете…

Беневольский (с восторгом). В чины?

Полюбин. В государственные люди… каких, конечно, у нас немного.

Беневольский (вскакивая со стула). Ась? Возможно ли! Быть полезным государству! Это превосходно, это именно мое дело. Я

прошел полный курс этико-политических наук, политическую историю, политическую экономию, политику в строгом смысле, право естественное, право народное, право гражданское, право уголовное, право римское, право…

Полюбин. Право, не надобно столько прав, ни столько политики; я, как видите, ничего этого не проходил, а статский советник.

Беневольский. В ваши лета?

Полюбин. Представьте, чем вы можете сделаться!

Беневольский. Как вы благородно судите! Жаль только, что слишком пренебрегаете изящной словесностью.

Полюбин. Я? нисколько!

Беневольский. Как же? не читаете «Сына Отечества».

Полюбин. Что ж делать?

Беневольский. Зачните его читать, сделайте одолженье, зачните; право, это вам не будет бесполезно, особливо при вашем здравом рассудке. – Но быть государственным человеком, министром, чрезвычайно приятно! Не почести, с этим сопряженные: это дым, мечта; но слава прочная, незыблемый памятник в потомстве! – О, поприще государственного человека завидно; да как бы на него попасть?

Полюбин. А поэзия?

Беневольский. Прелестная игра воображения, отрада в скуке; но дело министра существеннее, решает задачи народов. Я себе представляю не для того, чтоб я в этом был уверен; но если бы оно случилось, чтобы я был министром… *(Задумывается.)*

Явление 6

Беневольский, Полюбин, Саблин.

Саблин. Здорово, Полюбин! как ты рано здесь нынче дежуришь! *(Взглянув на Беневольского, отводит Полюбина в сторону.)* Скажи, пожалуй, давно ли сестра пускает к себе в дом таких куриозов? Это чорт знает, что такое!

Полюбин. Это тот жених, об котором, помнишь, Звёздов прожужжал Вариньке.

Саблин. Казанский?

Полюбин. Как видишь, налицо.

Саблин. Чудо!

Полюбин. Хочешь ли, я вас познакомлю. *(Саблин делает знак согласия.)* Евлампий Аристархович! позвольте представить вам моего друга, Евгения Ивановича Саблина. *(Беневольский раскланивается.)*

Саблин (Беневольскому). Для первого знакомства, скажите-ко, батюшка, чем вы на белом свету промышляете?

Беневольский. Как ваш вопрос? извините. *(Тихо Полюбину.)* Я не понимаю его.

Полюбин (тихо Беневольскому). Человек военный, говорит просто; хотите ли, я за вас ему отвечу?

Беневольский (Полюбину). Вы меня обяжете.

Полюбин (Саблину). Господин Беневольский, честь и краса казанского Парнаса, доныне занимался только изящной словесностью, и с таким успехом, что стихи его печатались даже в «Сыне Отечества».

Беневольский (Полюбину). Помилуйте, вы меня в краску вводите вашей похвалою.

Полюбин. В ней нет ничего лишнего.

Беневольский. Вы так думаете?

Полюбин. Присягнуть готов. *(Саблину.)* И сверх того, в «Вестнике Европы».

Беневольский. Пощадите скромность поэта.

Полюбин. И где, бишь, еще?

Беневольский. В «Музеуме». – Да перестаньте. Хоть это всё очень лестно, но может показаться, что я самолюбив; а я ничьих похвал не ищу.

Саблин. И хорошо делаете. Кто вас так похвалит, как вы сами себя?

Полюбин. Везде рассыпаны счастливые опыты Евлампия Аристарховича Беневольского: после этого подумай…

Саблин. Я об этом никогда ничего не думаю и сочинителей терпеть не могу. *(Беневольскому.)* Это до вас не касается.

Полюбин. Кроме, что сочинитель, господин Беневольский ужасный законник и метит вдаль. Я его уговаривал, а он почти согласен сделаться со временем государственным человеком.

Саблин. Чем чорт не шутит! – Так вы метите в министры? а?

Беневольский. Отчего ж не стремиться вслед за Сюллиями, за Кольбертами, за Питтами, за боярином Матвеевым?

Саблин. Послушайте, подите-ка к нам, в полк, в юнкера. Смотри, пожалуй! он еще дуется!.. Ведь я не виноват, что вас иначе не примут; мне бы, напротив, во сто раз было веселее, кабы вы попали прямо в полковники: вы так сухощавы, по всему судить, проживете недолго, скорей бы вакансия очистилась.

Беневольский (в сторону). Житель Виотии в Афинах! ни малейшего колорита воспитания!

Саблин (Полюбину). Неужели ты полагаешь, что есть возможность этому шуту жениться на Вареньке?

Полюбин. Э, братец! от твоего зятя всё возможно.

Саблин. Я за это в состоянии сказать ему дурака в глаза, хоть он и думает, что вдвое меня умнее от того, что вдвое старее. Здесь неловко говорить: идем завтракать на бульвар.

Полюбин. Пойдем.

Саблин. А ужо как вернемся, настроим хорошенько сестру, чтоб она мужа на ум навела. Я, право, люблю тебя как душу, и Вариньку тоже, смерть досадно, если она достанется этому уроду… Ха! ха! ха! как можно этаким выродиться! Я бы сам себя на его месте обраковал и пристрелил. *(Беневольскому.)* Мы, сударь, оставляем вас одних: рассуждайте на досуге. Вот вам, как Ивану Царевичу, три пути: на одном лошадь ваша будет сыта, а вы голодны, – это наш полк; на другом и лошадь, коли она у вас есть, и сами вы умрете с голоду, – это стихотворство; а на третьем и вы, и лошадь ваша, и за вами еще куча людей и скотов будут сыты и жирны, – это статская служба. Во всяком случае, вы пойдете далеко; а мы, брат, пойдем к Бордерону, вели своей коляске за собой ехать.

Явление 7

Беневольский (один). Ха! ха! ха! Какой сюжет для комедии богатый! Как они смешны. Тот статский советник, в порядочных людях, и не читал ни «Сына Отечества», ни «Музеума»; но, по крайней мере, видно, что ему это совестно, больно: он мне после угождал взорами, речьми нарочно, чтоб изгладить дурное впечатление, которое надо мной сделало его невежество. А этот гусар, об котором Виргилий говорит: Barbarus has segetes, – еще храбрится своею глупостью. Однако он мне дал мысль: ступайте к нам в полк… Нет, не в их полк, а в военную: отчего мне не быть военным? О! ремесло Цесаря! сына Филиппова! Быть вождем полмиллиона героев! Самому воспевать свои победы! воин-поэт! Но быть министром! тоже значительно, завидно. Ну, что ж? разве нельзя всё это сдружить вместе? Так, я буду законодателем-полководцем и стихотворцем, и вы меня одобрите, существа кротости!.. Существа очаровательные! всё в жертву вам!.. Но, боже мой! как здесь долго таятся в неге! Я так давно снедаем ожиданием. Ах! если б теперь мог увидеть ту, которая давно живет здесь, в моем сердце, знакомую незнакомку, которая часто появлялась мне в сновидениях, светла, как Ора, легка, как Ириса, – величественный стан, сафирные глаза, русые, льну подобные, волосы, черты… Кто-то идет – две женщины!.. Сердце, ты вещун! – это она с субреткою… Мой идеал!.. Она!..

Звёздова, Варинька, Беневольский.

Звёздова. Я теперь только узнала, что вы приехали, и очень жалею, что не могла прежде… Что с вами сделалось? Не дурно ли вам?

Беневольский (кланяясь). Нет-с, ничего-с. Честь имею себя рекомендовать.

Звёздова. Вы долго ехали из Казани?

Беневольский. Счетом времени только неделю, а счетом сердца целый век.

Звёздова. Видно, что-нибудь вас сюда торопило?

Беневольский. Ах! сударыня, вы не знаете любви!

Звёздова. Это очень лестно для вашей невесты. Но вы ее видите в первый раз.

Беневольский. В первый раз! Нет, я ее вижу не в первый раз.

Звёздова. Разве вы бывали прежде в Петербурге?

Беневольский. Никак нет-с.

Звёздова. Когда ж вы могли ее видеть?

Беневольский. Всегда: в часы уединенного труда, в минуты деятельной чувствительности, досуга шутливого, крылатой фантазии.

Звёздова. Да где же?

Беневольский. Везде: образ ее носился в облаках воздушных, выглядывал из ручейка долинного, отражался в каплях росы на листочках утренних…

Звёздова. Теперь я понимаю: вы шутите.

Беневольский. Одни сердца холодные могут шутить.

Звёздова (тихо Вариньке). Он говорит так странно…

Варинька (тихо Звёздовой). Странно, просто вздор; и за него хотят меня выдать. Ах! сжальтесь хоть вы.

Беневольский (в сторону). Она в смущении! Еще слово, и я счастлив.

Звёздова. Вы, кажется, поэт?

Беневольский. Так! Я не ошибся! Я счастлив! Я любим!

Звёздова. Что такое?

Беневольский. Вы меня узнали?

Звёздова. Узнала ли я?..

Беневольский. Вы меня поняли?

Звёздова. Нет, право…

Беневольский. Трепещут ли в вас те струны, которые издали голос в моем сердце?

Звёздова (Вариньке). Он с ума сходит.

Варинька *(Звёздовой)*. Помилуйте, с чего ему сойти?

Беневольский. Я желал, и свершилось; я искал бессмертия в любви, божества в природе, – и ангел возвышенных мыслей предстал мне во всем велелепии.

Звёздова. Что вы говорите? опомнитесь.

Беневольский. Сердце имеет свою память. Вы приметили тот восторг, который не в силах был я удержать при первой нашей встрече? – в нем слышали вы голос пиитической совести.

Звёздова. Я, сударь, в жизнь мою ничего подобного не видала и не слыхала. *(Вариньке.)* Побудь с ним, ради бога, мне сил недостает его слушать. *(Уходит.)*

Явление 9

Беневольский, Варинька (она все время печальна и сердита).

Беневольский (не примечая, что Звёздова ушла). Не удивляйтесь моим словам, в языке любви запасся я жатвою слов… Боже мой! Она ушла?

Варинька. Ушла.

Беневольский. Краска стыдливой скромности, конечно, взыграла на лице невинности. Она, верно, хотела скрыть смятение первой любви. Зачем я не удержал ее? не досказал всего того, что теснится здесь, в этой груди?

Варинька. Нужды нет; вообразите себе, что я ваша невеста, и доканчивайте, как начали. Оно в своем роде, право, хорошо.

Беневольский. Верю, милая.

Варинька. Милая! Как он смеет!..

Беневольский. Но ты не моя невеста, ты не она.

Варинька. Дай бог!

Беневольский. Что, красавица?

Варинька. Я думала, каково вашей невесте!

Беневольский. Положение ее должно быть…

Варинька. Несносно.

Беневольский. Стрелы любви, конечно, язвительны, богатыри могучие по три дня не едали и не спали от них. Илья Муромец… Но ты не читала, ты не поймешь. Стрелы любви, подобно копью Ахиллову, исцеляют собственную рану… Ох! я опять забыл, что ты не поймешь.

Варенька. Авось пойму: продолжайте.

Беневольский. Если б ты, красавица, взялась мне помочь, поговорить своей барышне…

Варинька (в сторону). А! я служанка.

Беневольский. Если б ты растолковала ей, как выгодно быть подругою стихотворца!..

Варинька. К чему это? Невеста ваша всё сама от вас слышала.

Беневольский. В самом деле! С каким жаром я изъяснялся! Как ты думаешь?

Варинька. О! чрезвычайно… Только жаль…

Беневольский. Что жаль?

Варинька. Вы трудились понапрасну.

Беневольский. Понапрасну! Поверь, что нет. Я примечал всё время и приметил, что она…

Варинька. А кто она?

Беневольский. Вот вопрос забавный: она, что вдруг явилась и наполнила душу радостью, а потом исчезла как призрак, невеста, избранная мне рукою тайного Провидения, словом, она.

Варинька. Ах, сударь, она – не она.

Беневольский. Как не она?

Варинька. Вы говорили не с нею.

Беневольский. Не с нею! С кем же?

Варинька. С хозяйкою здешнего дома, с женою вашего покровителя.

Беневольский. С женою… Невозможно! Нет, нет… Какое тут правдоподобие!

Явление 10

Варинька, Беневольский, Иван.

Иван (Вариньке). Барыня вас спрашивает.

Варинька. Слава богу! *(Уходит.)*

Явление 11

Беневольский, Иван.

Беневольский (ей вслед). Минуту! Одну минуту!.. Никакого правдоподобия, это шутливый вымысел субретки. *(Ивану.)* Постой хоть ты.

Иван. Что прикажете?

Беневольский. Представьте себе, что мне сказала горничная.

Иван. Какая, сударь, горничная?

Беневольский. Ну, вот, что сейчас отсюда вышла.

Иван. Помилуйте, сударь, что это за горничная? Это барышня, здесь в доме воспитывается, Варвара Николаевна.

Беневольский. Моя невеста! Я погиб. Зловещий человек! Что ты сказал?

Иван. Сущую правду-с.

Беневольский. Но как же мне не ошибиться? Входит женщина молодая, ни дать ни взять мой идеал. Кому же взойдет в голову, что она жена старика Александра Петровича Звёздова? С ней

другая должна была показаться мне горничною.

Иван. Станет ли, сударь, горничная растабарывать с молодым незнакомым господином, глаз на глаз, середи бела дня, где все люди ходят? Довольно, что и урывкою пошаливают.

Беневольский. Полно, братец, нынче горничные везде, всегда и со всеми разговаривают. Я это читал во всех новых комедиях, а комедия зеркало света.

Иван. Как вам угодно.

Беневольский (в размышлении). Из тысячи книг собирал я познания о свете, и вдруг одна нечаянность всё превращает в ничто. О fatum! – Нет, не виню тебя, ученье! Так, догадываюсь, понимаю, я сам виноват, я читал же… как забыть? как не вспомнить? Это одно и то же положение; они хотели испытать меня: одна притворилась горничной, другая моей невестой, а я не угадал. Но – не дам им торжествовать, оборочу́ им же в обиду, скажу им, что я знал всё и нарочно притворялся, чтоб помучить хитрую. Эту развязку я читал, очень помню.

Иван. Еще ничего не прикажете?

Беневольский (в сторону). Этот человек может мне послужить. Он так хорошо одет; верно, много значит в доме. Я читал, что у знатных есть слуги, которые в доме всё делают и даже управляют господами. *(Громко.)* Послушай, мой друг, полюби меня, делай, что я тебе скажу.

Иван. Что будет угодно?

Беневольский (дает ему деньги). Вот тебе для знакомства. Не откажись…

Иван. Кто, сударь, от денег отказывается?

Беневольский. Не откажись подать мне те сведения, что я от тебя потребую. Ты, верно, всё в доме знаешь до утонченности… все тайны тебе известны.

Иван. Виноват, сударь, я вчера только поступил сюда в услужение. Александр Петрович изволил меня выпросить у своей тетушки, княжны Дарьи Савишны Невкушаевой. Про нее расскажу вам, что хотите; почтенная, целомудренная девица, шестидесяти лет; я у ней исправлял должность буфетчика.

Беневольский. Какое мне до нее дело? – Судьба меня преследует. Но крайней мере впредь, братец, старайся всё видеть, всё слышать, всё знать, что здесь происходит.

Иван. О! вперед, сударь, будьте уверены, всю подноготную выведаю.

Беневольский. Под завесой тайны слушай всё: где что, кто кому тихо станет шептать.

Иван. Да, сударь, коли очень тихо будут шептаться, и не услышишь.

Беневольский. Лови малейшие намеки, наблюдай за телодвижениями, за выражением лиц, из того выводи свои заключения, сшей себе тетрадку, всё записывай; вот тебе карандаш.

Явление 12

Звёздов, Беневольский, Иван (Звёздов вбегает в мундире).

Звёздов. Фрак! поскорее фрак! Ох! устал до смерти. – А! Иван, ты здесь! Целое утро тебя давеча искали, и говорят, ночью был бог знает где… Нет, брат, у меня своих шатунов куча; поди, откуда пришел, живи опять у своей княжны, ты мне не надобен. *(Садится перед зеркалом, задом к Беневольскому и не примечая его.)*

Иван. Да ваше превосходительство сами меня изволили услать с вечера на дачу.

Звёздов. Ты мне не надобен.

Иван. Власть ваша, а я с тех пор как воротился, один только и сидел в передней. *(Показывая на Беневольского.)* Вот извольте спросить.

Беневольский. Я действительно могу засвидетельствовать…

Звёздов (не слушая и не оборачиваясь). Чтоб его духу здесь не было. – Фрак! поскорее фрак! – А! хорошо. – Да отнести назад картины этому шельме итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; я кому ни показывал картины, все говорят – мерзость, а он с меня сдул вексель в двенадцать тысяч. Чтоб взял назад свою дрянь хоть за половинную цену, а то подождет же денег лет десять, не у него одного есть вексель на мне. – Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка-плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышите ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, – то рекрут для царя, а оброк для господина: так чтоб 25 рублей были наготове. Он, видно, шутит 25-ю рублями; прошу покорно, да где их сыщешь? Кто мне их подарит? на улице, что ли, валяются? 25 рублей очень делают счет в нынешнее время, очень, очень… Говорят, всё подешевеет, а между тем всё вздорожало; так чтоб Фомка внес 25 рублей, слышите ль, сполна 25 рублей; хоть роди, да подай.

Беневольский (подкрадывается униженно). Ваше превосходительство…

Звёздов (вскакивая со стула). Ах! извините, откуда вы? как? с кем я имею честь говорить?

Беневольский. Моя фамилия Беневольский.

Звёздов. А чем я могу вам служить?

Беневольский. Я сюда приехал… вы изволили обещать…

Звёздов. А! да, да, помню, помню; будьте покойны, всё будет исполнено. – Какая толкотня была нынче во дворце! Какая куча народу! Я ужасно устал, насилу хожу: пойду, немножко прилягу. Не взыщите, пожалуйста, я человек старый, во всякое другое время вы мой гость, и я буду вам очень рад. *(Хочет уйти.)*

Беневольский. Ваше превосходительство, верно, изволили забыть…

Звёздов. Нет, батюшка, всё помню, всё; вам сказал, что всё будет исполнено. А между тем напишите мне в четырех строках об вашем деле, да воткните здесь к зеркалу.

Беневольский. Мне-с ничего такого не надобно…

Звёздов (в дверях). Помилуйте, батюшка, да коли вам ничего не надобно, так что ж вам надобно?

Беневольский. Я из Казани.

Звёздов (возвращаясь). Как из Казани?

Беневольский. Так точно-с. Я сейчас приехал сюда из Казани: вы там очень знакомы были с моим батюшкой, он имел хождения по вашим делам.

Звёздов. А, помню, помню… Какое было я сделал дурачество! Извини, дружище, здесь такая путаница, себя забудешь; зато и еду скорее в деревню на покой. – Да как тебя узнать? вырос, постарел, помолодел. – Ну, здравствуй в Петербурге. Что твой делает отец? здоров ли?

Беневольский. Его уж нет на свете, он отошел к лучшей жизни.

Звёздов. Умер! Ах, какое несчастие! Давно ли? от какой болезни? какой был толстый! Да в этой Казани, чай, доктора дурные, хоть кого так уморят. – Ходи ко мне почаще, мой милый, обедай, сиди здесь по целым дням, у меня народу бывает много всякого: можешь сделать знакомство. – Где ты остановился?

Беневольский. Покамест под синевой небесной. – Ваше превосходительство обещали покойному батюшке, что по приезде моем в Петербург…

Звёздов. Пристрою тебя к месту? помню, помню, не заботься, всё сделаем.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали также мне дать приют в вашем доме.

Звёздов. Точно! помню, помню, и ты очень умен, что это помнишь. Погоди немного, я пошлю за дворецким, тотчас отведут комнату; ничего не мудрено, дом большой, весь к твоим услугам, располагай им, как своим.

Беневольский. Ваше превосходительство обещали мне также в

сердце моем заместить ту пустоту, которая…

Звёздов. Что такое, батюшка? переведи пожалуй на простонародный язык. Ты, я вижу, человек ученый, говоришь всё фигурно; а я простой человек, люблю, чтоб было всё ясно.

Беневольский. У вас воспитывается прелестное создание.

Звёздов. А! да, да, помню: я тебе обещал Вариньку. Ну, брат, я сдержал слово, ни за кого не выдал, она еще теперь в девушках; а сватались многие, и теперь еще сватается… да я люблю держаться своих слов. Всё ждал тебя.

Беневольский всё время кланяется.

1-й *слуга (входит)*. Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о том, о чем она вас просила.

Звёздов. Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й *слуга (входит)*. Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться об ее деле.

Звёздов. Какое дело? когда она мне говорила?

2-й *слуга*. Вчерашний день.

Звёздов. Всё будет исполнено; вели ей доложить, что всё будет исполнено.

3-й *слуга (входит)*. Лев Иванович Недосугов прислал просить ваше превосходительство…

Звёздов. Чего у меня просить! Убирайся к чорту. Мне ни до кого нет дела, а до меня всем; вели отвечать, что всё будет сделано, непременно всё, всё, всё.

3-й *слуга*. Да он сам приказал вам сказать, что он всё уж сделал по вашему делу, только просит вас к себе.

Звёздов. А!.. ну так вели благодарить: очень-де, батюшка, благодарен. Да никого ко мне не пускать; слышите ль? меня нет дома, я как уехал во дворец, так еще не воротился и не ворочусь во весь день. Слышишь ли? – Тоска в этом городе; нет, скорее в деревню от здешней суматохи. Пойдем, брат, ко мне в кабинет; я немного посплю, а ты мне расскажешь кое-что об Казани. *(Уходят оба.)*

Действие второе

Явление 1

Полюбин, Саблин.

Саблин. Говорят тебе: дай волю и не мешайся не в свое дело.

Полюбин. Как не в свое дело! чье же оно? кто же из нас хочет жениться?

Саблин. С чем приступил! верно, не я. Вот тебе рука моя, что я женюсь разве лет в шестьдесят на какой-нибудь богатой купчихе.

Полюбин. Которая заплатит долги твои, повеса!

Саблин. Как догадлив и мил! Однако убирайся!

Полюбин. Не хочу, мне надобно самому повидаться с Настасией Ивановной и попросить ее.

Саблин. Вздор. Звёздов узнает, что ты просил его жену, и нарочно пойдет наперекор, а я, как брат родной, могу с ней говорить, что хочу, и взялся за это.

Полюбин. Хорош ходатай!

Саблин. Ничуть не дурен.

Полюбин. Ты всё забудешь.

Саблин. Не забуду, коли обещал.

Полюбин. Ничего не скажешь путем.

Саблин. Всё скажу лучше тебя.

Полюбин. Например, что?

Саблин. То, что ты славный малый, что Беневольский скот, что его надобно вытолкать взашей, а тебя женить на Вариньке.

Полюбин. А там?

Саблин. Чего тебе еще?

Полюбин. Нет, братец, это совсем не то; я сам поговорю, я скажу сестре твоей…

Саблин. Ну, говори.

Полюбин. Я докажу сестре твоей, что она погубит свою воспитанницу, если откажет мне. Мы друг друга любим и, верно, будем счастливы; состояние мое хоть небольшое, но достаточное; служба моя дает мне право надеяться вдаль, – ты знаешь, что я заслужил несколько отличий; что же касается до счастия домашнего, и сестра твоя, к горю своему, должна знать его цену, – я уверен, что доставлю его жене моей; ты знаешь меня и скажешь сам…

Саблин. Ну да, ты славный малый.

Полюбин. С другой стороны, я постараюсь усовестить

Настасью Ивановну. Ей стыдно будет выдать Вариньку за студента, в котором нет ни ума, ни души, словом, ничего; недоученный педант, одет как шут, говорит как дурная книга, ничего не знает, думает о себе, что он осьмое чудо.

Саблин. Скот, одним словом.

Полюбин. И что они в нем нашли? Если Звёздов, как приятель отца, взялся ему что-нибудь доставить, неужели кроме Вариньки у него ничего нет? Надобно ему приискать по способностям место переписчика у Глазуновых или учителя в уездном городе, – и отправить с богом.

Саблин. Его надо прогнать к чорту.

Полюбин. Коль скоро его не будет здесь и Звёздов о нем забудет, я уверен, что мне не откажут, и теперь я знаю, почему…

Саблин. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что ж так смешного?

Саблин. Прямой ты шут, наговорил с три короба и сказал всё то же.

Полюбин (смеясь). В самом деле.

Саблин. Ну, прощай же.

Полюбин. Разве лучше?

Саблин. Гораздо лучше, если ты уйдешь.

Полюбин. Знаешь ли что? Я пойду и постараюсь как-нибудь поладить с Звёздовым: авось он…

Саблин. Ступай и подличай.

Полюбин. Я надеюсь, что ты хоть этот раз сделаешь дело и поговоришь благоразумнее обыкновенного; полно тебе ветренничать.

Саблин. Полно тебе проповедовать, надоел; ступай: вот и сестра.

Явление 2

Звёздова, Саблин.

Звёздова. Куда же Полюбин убежал? Мне сказали, что он хочет со мной поговорить. Я насилу отделалась от хлопот: ведь мы сегодня переезжаем, пришла будто за делом, а он исчез.

Саблин. Я его заслал в кабинет растабарывать и всё тебе за него скажу. Да наперед растолкуй мне, что с тобой сделалось?

Звёздова. Со мной ничего не сделалось.

Саблин. Помилуй, матушка: ты мне век свой читаешь проповеди за всё про всё, а сама сегодня изволила спать до полудни. Я тебя и дождаться не мог.

Звёздова. Я вчера поздно приехала, часу в четвертом;

у княжны Дарьи Савишны на даче был детский бал.

Саблин. Ты что за дитя?

Звёздова. Нельзя же не ехать, если зовут.

Саблин. Слыханное ли дело! и ты тут же с ребятишками расплясалась! Жаль, что меня не было, нахохотался бы.

Звёздова. Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться с детьми, нежели делать то, что вы все, господа военные. Со стороны смотреть и смешно и стыдно: приедут на вечер, обойдут все комнаты, иной тут же и уедет. И как ему остаться: он зван еще в три дома, куда тоже гораздо бы лучше совсем не ехать, если только за тем же; другие рассядутся стариками, кто за бостон, кто за крепе, толкуют об лошадях, об мундирах, спорят в игре, кричат во всё горло или, что еще хуже, при людях шепчутся. Хозяйка хочет занять гостей, музыканты целый час играют по-пустому, никто и не встает: тот не танцует, у того нога болит, а всё вздор; наконец иного упросят, он удостоит выбором какую-нибудь счастливую девушку, прокружится раз по зале – и устал до ужина; тут, правда, усталых нет; наедятся, напьются и уедут спать.

Саблин. А я тебе коротко скажу, что кроме ужина нет ничего хорошего ни на одном бале; я их терпеть не могу еще с десяти лет: как дядюшка заставлял меня насильно прыгать со всеми уродами.

Звёздова. Боже мой! как вы разборчивы!

Саблин. Нет, вы не разбираете… Ты ведь никому не отказывала: подослал бы я к тебе какого-нибудь Евлампия Аристарховича, да… Кстати, что вы с ума сошли с мужем вдвоем? неужели вы в самом деле хотите выдать Вариньку за эту чучелу?

Звёздова. Я вовсе не хочу, да Александр Петрович обещал его отцу.

Саблин. Вольно ему было дурачиться!.. Я тебе напрямки говорю, что если ты не выдашь ее за Полюбина, моя нога у вас в доме не будет. Это срам сравнивать честного человека, каков Полюбин, с Евлампом Аристарховичем.

Звёздова. Я бы рада всей душой…

Саблин. Это будет курам на смех.

Звёздова. Я, право, не знаю, что делать.

Саблин. Хочешь ли, я дело сделаю? Скажу просто этому студенту, чтоб он со своей кибиткой, с чемоданом и с лиловым фраком убирался вон, пока без греха.

Звёздова. Хуже этого нельзя придумать: Александр Петрович рассердится, и тогда его никак не уговоришь.

Саблин. Пусть его сердится, что мне за дело?

Звёздова. Тебе ничего, но Вариньке тогда не бывать за Полюбиным. А я не хочу заводить шуму в доме. Я придумала

гораздо лучше: соглашусь притворно на свадьбу Беневольского и так напугаю моего мужа приятным обществом казанского студента, что тогда он на всё согласится.

Явление 3

Звёздова, Саблин, Беневольский.

Беневольский. Что я вижу! tete-a-tete!

Саблин. Выдумка хороша.

Беневольский. Выдумка!

Саблин. И ты думаешь, что твой муж не догадается?

Беневольский. Муж! и *ты*! Это так, точно так.

Звёздова. Мы постараемся от него скрыть.

Беневольский. O tempora! o mores!

Саблин. Смотри же, надеюсь на твое обещание.

Беневольский. Мармонтель, ты прав! вот свет!

Звёздова. Ты можешь быть во мне уверен.

Беневольский. Надобно воспользоваться открытием. Я столько читал об этих вещах…

Саблин. Как я тебя люблю за это!

Беневольский. Он любим; всё ясно, вот причина ее равнодушия, когда сегодня утром…

Саблин (приметив Беневольского, Звёздовой). Смотри, пожалуй, оглянись.

Звёздова. Уж не слыхал ли он? *(Шепчется с Саблиным.)*

Беневольский. Они меня приметили. Нечего делать: успокою их, сделаюсь их поверенным, наперсником; они за то постараются о моей женитьбе. Благодарность…

Саблин (Звёздовой). Э! что за беда?

Беневольский (Звёздовой). Не опасайтесь ничего, сударыня; вы меня извините: нечаянный случай заставил меня вам помешать.

Саблин. Догадался, батюшка!

Беневольский. Но поверьте, что я знаю свет, и моя скромность…

Саблин. Что тут скромничать?

Беневольский. Времена патриархальные были почтенны, но они были.

Звёздова. Что вы хотите сказать?

Беневольский. С успехами просвещения, с развитием людкости всё пришло в новый порядок, природа должна бороться с предрассудками; но предрассудки временны, а природа вечна.

Звёздова. Я вас прошу, сударь, объяснить мне, что вы хотите сказать?

Беневольский. Я проник вашу тайну, но я сам имею сердце; законы вас осуждают, но какой закон святее любви?

Звёздова. Если б это я слышала от другого… но на вас я не должна и не могу сердиться. *(Уходит.)*

Явление 4

Саблин, Беневольский.

Саблин. Скажите, батюшка, что вы наговорили?

Беневольский. Вы меня поняли, довольно.

Саблин. Я человек военный и, к стыду моему признаюсь, в стихах ничего не понимаю.

Беневольский. Он думает, что это стихи, ха! ха! ха!

Саблин (в сторону). Дурак меня взбесит. *(Беневольскому.)* Нельзя ли, шутки в сторону, сказать мне просто, что вы ей такое сказали?

Беневольский. Поверьте, слова мои были столько же невинны, как и мое намерение.

Саблин. За что же она как будто рассердилась?

Беневольский. Или вы не знаете женщин?

Саблин. Знаю или не знаю, это не ваше дело. Я спрашиваю, чем вы ее рассердили?

Беневольский. Может быть, ей показалось неприятно, что незнакомец узнал то, что она хотела бы скрыть от всех, от самой себя. Она слаба, но добродетельна. Мне даже жаль, что это случилось. В наше время как быть иначе. Одна ли взаимность располагает сердцами? Родители жертвуют судьбой детей своему корыстолюбию, выдают молодую девушку за человека знатного и богатого, но старого и немилого, в оковы супружества вплетает она розы любви, ищет друга и счастлива, если найдет достойного.

Саблин. Как вы смеете думать о почтенной женщине?

Беневольский. Помилуйте, разве маркиза дю– Шателе не была другом Вольтера, разве Жан-Жак?..

Саблин. Знаете ли вы, господин студент, что вы мне надоели до смерти? Я слушал ваш вздор целый час и думал, авось уймете; но вижу, что молчать, то хуже, и теперь скажу вам наотрез: вы целый час бредили как во сне и только помешали мне с сестрой об деле говорить.

Беневольский. Ваша сестрица! Нет, скажите, вы не шутите?

Саблин. Стану я с ним шутить.

Беневольский. Сделайте милость, извините. *(В сторону.)* Ну, в чем я виноват?

Саблин. Мне, батюшка, ваши извинения, право, не нужны.

Беневольский. Я пойду к вашей сестрице и оправдаюсь перед ней…

Саблин. Прошу не беспокоиться; слышите ли? я вам говорю, оставьте ее в покое.

Беневольский. Она может подумать обо мне…

Саблин. Она об вас и думать не хочет.

Беневольский. Я надеюсь, что вы никому не скажете.

Саблин. Молчите только сами, слышите ли вы?.. Да вот и все.

Явление 5

Звёздов, Звёздова, Варинька, Полюбин, Саблин, Беневольский.

Звёздова. Не езди, Александр Петрович, останься с нами.

Звёздов. Э, матушка, и рад бы остаться, да нельзя: дел беремя, а на кого положиться? всё сам езди да хлопочи.

Звёздова. И дома дела не меньше, ничто не устроено.

Звёздов. Ну, матушка, сама потрудись, не всё же мне одному. В старину, право, живали лучше нашего, а хозяйка сама всем домом заведывала и не ходила к мужу за всякой дрянью.

Звёздова. Ты сам запретил, чтоб без тебя ничего не делали.

Звёздов. Поневоле запретишь, как никто ни за что взяться не умеет. Да что я заговорился? женщин не переспоришь, потерянный труд и время. – Не правда ли, Полюбин?

Полюбин. Я с вами согласен, с ними спорить не должно.

Звёздова. Давно ли вы против нас?

Варинька (тихо Звёздовой). Не мешайте ему.

Саблин (тихо Звёздовой). Из чего вступилась?

Звёздов. Что вы там все плечьми пожимаете? Вам досадно, что он со мной согласен, а он прав, совершенно прав. Мы с ним целый час разговаривали обо всем, и он обо многом так судит, как нельзя лучше.

Полюбин. Я только придерживался вашего мнения.

Звёздов. Нет, не в том сила; а что дело, то дело. Который час?

Полюбин. Третий в начале.

Звёздов. Ну вот, а я еще никуда не поспел. – Кто там! готова ли карета?

Слуга (входит). Подана уж, у крыльца-с.

Звёздов. Ну, тотчас; что ты торопишь? – Прошу покорно пятнадцать мест объездить: тетка хочет определить бедняка в корпус – надобно просить директора; Взяткин векселя не переписывает за то, что я ему за год не отдал процентов. Дерет кожу, проценты безбожные, да я еще их стану платить! – пусть припишет. Итальянец– плут надавал дрянных картин, я впотьмах

не разглядел, всё копии, и назад не берет; а я нарочно взял на уговоре отдать за половинную цену, если не понравятся: всё же лучше. – А визитов на прощаньи сколько!.. да у меня и карточки все вышли, куплю мимоездом… Скука смертная в свете жить! И что это все на меня навязались? чего они хотят? – Однако прощайте, пора.

Беневольский. Ваше превосходительство…

Звёздов. А! любезный, что ты в углу притаился? каково дела идут?

Беневольский. Ваше превосходительство, я надеюсь на вас, не изволите ли заехать и обо мне…

Звёздов. Будь уверен, всё сделается. *(К прочим, кланяясь.)* До свиданья, господа.

Беневольский. Если б вы позволили поговорить…

Звёздов. Поговорю… Да что я! чуть не забыл: я уж говорил одному человеку, он обещался прийти ужо, так вы с ним и перемолвите. *(Кличет.)* Человек! если без меня приедет Прохоров, доложить тотчас. *(Показывает на Беневольского.)* Слышишь ли?

Слуга. Слушаю-с.

Беневольский. Но позвольте узнать, с кем?..

Звёздов. Ты его разве не знаешь? Прохоров? его все знают. Человек очень умный, со всеми авторами знаком, славный человек, вот сам увидишь.

Беневольский. Но, ваше превосходительство…

Звёздов. Извини, любезный, ей! ей! теперь некогда; еще успеем, время не ушло, всё будет. – Да я еще тебя и домашним своим не отрекомендовал, голова кружится от забот. Вот жена моя; прошу любить и жаловать.

Звёздова. Твой гость меня давно знает и любит.

Звёздов. Что за вздор! разве ты с ним виделась?

Звёздова. Он меня видел всегда и везде.

Звёздов. Помилуй, матушка, что ты загадками говоришь?

Звёздова. Он на мне жениться хочет.

Звёздов. Как, на тебе жениться!

Звёздова. Он во мне узнал свою невесту, открылся в любви и так хорошо, что я почти сама влюбилась.

Звёздов (помирая со смеху). Ха, ха, ха, Евлампий Аристархович! Что это на тебя выдумывают? – Неужели в самом деле?.. *(Общий смех.)*

Беневольский. Позвольте изъяснить…

Звёздов (хохочет). Извини, милый, я с природы смешлив… И что ты против меня затеял? ха! ха! ха! легко ли бедному мужу? ха! ха! ха!

Беневольский. Смею уверить…

Звёздов. Верю, верю, что за беда? Не смотри на них, пусть себе смеются, ошибка в грех не ставится. Чтоб в другой раз то же не случилось, – вот твоя невеста. *(Подводит его к Вариньке.)* Знакомьтесь, как бы ни в чем не бывало.

Варинька. Мы тоже знакомы и очень коротко; господин Беневольский меня иначе не зовет, как милая.

Звёздов. Вот еще! какой бойкий! – Однако я уж ничего не понимаю, в пень стал да и только. *(Звёздовой.)* Тебе он изъяснялся в любви?

Звёздова. В любви.

Звёздов (Вариньке). А тебе говорил: милая?

Варинька. Милая.

Звёздов (Беневольскому). Как же это, любезный? растолкуй, ради бога, в кого ты влюблен? на ком хочешь жениться? неужели на обеих? *(Продолжает смеяться.)*

Варинька. Он не захочет жениться на служанке.

Звёздов. На служанке!

Варинька. Да, меня он счел за служанку, оттого только мы и знакомы.

Звёздов. Ну, Евлампий Аристархович, от часу не легче. Этого бы я ввек не выдумал. – Да как ты, человек умный, человек ученый, а свою невесту счел за служанку. Ха! ха! ха! *(Все смеются.)*

Беневольский. Одно слово…

Звёздов. Да взгляни, братец, похожа ли она хоть чем-нибудь на горничную?

Варинька (с досадой). Может быть, в глазах господина Беневольского я и в самом деле на это похожа.

Звёздов (Вариньке). Ну, вот и сердится. Как тебе не стыдно! ты бы смеялась этому.

Варинька. Хорошо вам смеяться.

Звёздов. Будто я смеюсь! – Полноте, господа, я вижу, что вы все сговорились против одного, и меня, старика, засмешили. Вот нынче свет каков! рады придраться ко всему, чтоб на чужой счет позабавиться, а, право, не хорошо.

Полюбин. Нельзя с вами не согласиться.

Звёздов. И зачем было рассказывать? к чему мне это знать? женщины не утерпят, если что смешно.

Звёздова. Кажется, ты смеялся больше всех.

Звёздов. Поневоле, когда все хохочут.

Варинька. Я и не улыбнулась.

Звёздов. Ведь ты здесь не одна: вот, например, первый мой шурин любезный, – ему уж не житье, а масляница.

Саблин (в сторону). Несносный человек! сам затевает, а складывает на других.

Звёздов (Саблину). Не сердись, милый, у всякого свой нрав: я насмешек терпеть не могу, а ты охотник. Скажи по совести, многим ли сегодня расскажешь? я чай, ни встречному, ни поперечному спуску не будет, всем проблаговестишь.

Саблин. Вы очень ошиблись, я даже вам не расскажу ничего, что еще знаю о вашем… приятеле.

Звёздов. А есть еще?.. ха! ха! ха!

Беневольский (Саблину). Будьте скромны.

Саблин (Беневольскому). Теперь уж верно не скажу. *(В сторону.)* Звёздов как на огне горит.

Звёздов. Что уж греха таить? Евлампий Аристархович, признавайся.

Саблин. Зачем вам это знать?

Звёздов. Зачем! так, хочется, право; если ты что знаешь, и мне сказать можно, я уж, верно, поскромнее тебя.

Саблин. Бог весть.

Звёздов. Без шуток, что еще?

Звёздова. И я знаю…

Беневольский (Звёздовой). Ради бога!

Звёздова. Но тоже не скажу, чтоб ты не укорял беспрестанно женщин в болтливости.

Звёздов. Коли раз начала, зачем после скромничать?

Звёздова. Ты насмешек терпеть не можешь.

Звёздов (с досадой). А всё мой шурин дорогой, всё он; изволил рассердиться, что я ему шутя правду сказал, и вышло по пословице: говорить правду – терять дружбу. Только в этом, брат, извини, я на правду чорт, и хоть ты сердись, хоть нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими. Право, будет труда довольно, никто не без греха; то лишь плохо, что в чужом глазу иглу видим, а в своем нам и бревна не видать. – Не так ли, Полюбин?

Полюбин. Ваши слова могут служить наставленьем.

Звёздов (Саблину). Видишь ли, милый? и друг твой так же думает. Правда, он гораздо порассудительнее тебя. – Стало, ты не скажешь?

Саблин. Не скажу.

Звёздов (Звёздовой). А ты?

Звёздова. Не скажу.

Звёздов. Дети вы оба: и брат и сестра. Они, право, думают, что мне очень жаль будет, если я не узнаю; а я и знать не хотел. – Беневольский! ты тоже не скажешь, разумеется?

Беневольский. Я прошу вас…

Звёздов. Бог с тобой, братец, твоя воля; беды нет, а не хочешь, как хочешь. Мне же ехать пора, и то заговорился. Который час?

Полюбин. Без четверти три.

Звёздов. Ну куда же я поспею? всюду опоздал: а кто виноват? всё вы с пустыми рассказами, да еще и недоговаривают.

Звёздов а. Ты, стало быть, остаешься дома?

Звёздов. Нечего делать, а нужда крайняя была. Пойду хоть к себе, напишу письмо по делу к прокурору; я было и то забыл.

Звёздова. Так мы пойдем в сад до обеда. А гостя своего взял бы ты с собой, он бы помог тебе написать получше; ты же сам признаешься, что на это ленив.

Звёздов (в сторону). Она к нему что-то благоволит. Как ни говори, а женщине любовное признание, чье бы ни было, всегда хорошо.

Варинька (Звёздову). Господин Беневольский, может быть, сам откроет вам наедине то, чего другие не хотят говорить.

Звёздов (в сторону). А Варинька его сживает с рук. Сделаю же обеим назло. *(Звёздовой.)* Нет, матушка, я не хочу приезжего гостя беспокоить своими делами, как-нибудь сам справлюсь. Ему надобно познакомиться с невестой, так вот мы так и сделаем: вы себе гуляйте, коли хотите, я пойду письмо писать, а их мы оставим вдвоем, пусть попривыкнут друг к дружке.

Варинька (Полюбину). Ради бога! не уходите далеко, не оставьте меня наедине с несносным человеком. *(Она садится с досадой в стороне. Звёздова, Саблин и Полюбин уходят. Звёздов, смотря на них, улыбается.)*

Явление 6

Звёздов, Варинька, Беневольский.

Звёздов (подходя к Беневольскому). Что ты, братец, не весел? чем огорчился? Полно, милый, не крушись; молодежь веселится, вот и всё.

Беневольский. Однако, ваше превосходительство…

Звёздов. Да, да, да, всё неприятно, правда, я этого сам не люблю. Ты видел, как я за тебя заступился? Все перестали: у меня чтоб этого не было, у меня кто гость, тот гость, кто друг, тот друг, а ты у меня первый.

Беневольский. Вы слишком изволите…

Звёздов. Первый, я тебе говорю: уж коли я тебя, а не другого женю на Вариньке, стало, всё тут. *(Беневольский кланяется.)*

Явление 7

Те же и *Федька.*

Федька (Беневольскому). Поговорите же, сударь, поскорее, а то вашу повозку совсем угонят.

Звёздов. С чем он пришел?

Беневольский. Я не смею сказать…

Звёздов (Федьке). Говори, братец, говори, что тебе надобно?

Федька. А вот сами видеть изволите, ваше превосходительство, что случилась оказия.

Звёздов. Смелее говори, что такое?

Федька. Повозка моего барина стояла с приезду на улице, так по той самой причине ее и гонят.

Звёздов. Как гонят! кто гонят? куда гонят?

Федька. Да вот… как их?.. Господь знает, бутошники, что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться.

Звёздов. Ну, брат, я не полицеймейстер, это не мое дело.

Беневольский. Если бы вы приказали назначить мне небольшой приют…

Федька. Кабы милость была повозку хоть на двор, а для пожитков чулан опростать.

Звёздов. Как! что это я слышу? разве еще ни комнаты, ни сарая, ничего вам не отведено?

Беневольский. Еще нет.

Звёздов. Э, братец! что ж ты давно не скажешь? возьми комнату, две, что хочешь.

Беневольский. Но где?

Звёздов. Где хочешь, любую. – Это твой, что ли, человек?

Федька. Ихний-с. *(Во всё время разговора Звёздова с Федькой Беневольский ухаживает за Варинькой, которая от него отворачивается.)*

Звёздов. Сходи же, приятель; ты знаешь здесь Штукарева?

Федька. Как не знать-с.

Звёздов. Скажи ему от меня, чтоб он вам сейчас отвел, что надобно, да комнату бы выбрал где получше; слышишь, я-де приказал.

Федька. Я к нему уж и толкнулся было, изволите видеть; да смею доложить, он не дает.

Звёздов. Какой вздор! не дает! – даст, коли я приказываю.

Федька. Смею доложить, он говорит так: что, мол, у нас все-де покои теперь заняты, а пустопорожних не имеется.

Звёздов. Врет он; как не быть пустой комнаты? верно есть. Скажи ему, что он врет.

Федька. Слушаю-с. Да смею доложить, коли он опосле комнаты всё не отведет, а повозку, не в гнев милости вашей… то

бишь вашего превосходительства, сгонят на съезжую.

Звёздов. Не угонят из моего дома. Делай, что тебе говорят, и не бойся ничего.

Федька. Смею доложить…

Звёздов. Тьфу, пропасть! какой неотвязчивый! Не дают тебе, что ли, комнаты?

Федька. Так истинно, что не дают-с.

Звёздов. Позови сюда Штукарева; его, кажется, дома нет.

Федька. Никак нет-с, он дома, я его как раз кликну.

Звёздов. Постой! не бегай! ну, что его звать? всё то же. *(В сторону.)* Как быть, чем бы отвязаться? *(Громко.)* Беневольский! да ты, брат, уж и приволакиваешься, а по мне твой… *(указывая на Федьку)* как его?..

Федька. Федор Емельянов, смею доложить.

Звёздов. Ну вот, он с ножом к горлу пристал, а всё за тебя.

Беневольский. Простодушное усердие…

Звёздов. А я не знаю, что делать. Теперь я вспомнил, комнаты у нас теперь, точно, ни одной нет, разве вот эту возьмешь.

Беневольский. Но как же в зале, где все ходят?

Звёздов. Никого не пускай, да и только. Ведь у тебя есть чемодан, сундук, что-нибудь такое?

Федька. Чемодан с бельем-с и сундук с книгами-с.

Звёздов. Ну вот, чего тебе лучше? и загородись со всех сторон, никто не войдет. – Доволен ли теперь? всё сделано? прощай, пойду письмо писать. *(Уходит.)*

Федька (Беневольскому). Прикажете, что ли, нести пожитки?

Беневольский (Федьке). Внеси в переднюю да подожди, я тебя позову, когда следует; видишь, здесь люди. *(Федька уходит.)*

Явление 8

Беневольский, Варинька.

Беневольский. Давно сердце мое билось желанием изъяснить вам, как единственной своей владычице…

Варинька. Я удивляюсь, как вы можете со мной говорить!

Беневольский. Милый гнев! как ты драгоценен влюбленному!

Варинька (в сторону). Что это Полюбин нейдет!

Беневольский. Выслушай меня, прелестная, и тогда, если можешь, скажи… *(Полюбин входит.)*

Варинька (увидя Полюбина). Я ни слушать вас, ни говорить с вами не намерена. Вот кто вам за меня всё скажет. *(Уходит.)*

Явление 9

Беневольский, Полюбин.

Полюбин. Я намерен вам сказать два слова.

Беневольский. Два слова! и в них заключается всё мое блаженство! слова красноречивые! слова бесценные! говорите, прошу вас, говорите.

Полюбин. Вы любите Варвару Николаевну!..

Беневольский. Ах! кто может видеть и не любить ее!

Полюбин. И так как я сам ее люблю…

Беневольский. И вы ее любите! Вы, конечно, ее брат или друг с младенчества: полюбите же и счастливца, кому суждена рука ее, обоймите его, как друга, как брата…

Полюбин. Потише, господин Беневольский, не горячитесь. Варвара Николаевна с первого разу, как вас увидела…

Беневольский. Предалась чувству симпатии, которое от мест отдаленных невольно увлекало нас друг к другу?..

Полюбин. Напротив, она вас терпеть не может.

Беневольский. Ха! ха! ха!

Полюбин. Что вы смеетесь без пути?

Беневольский. Кто вам сказал, что она меня терпеть не может?

Полюбин. Она сама.

Беневольский. Она! и просила вас мне это сказать?

Полюбин. Да, она поручила мне поговорить с вами, и я…

Беневольский. Не трудитесь понапрасну, я давно всё знаю, всё понял.

Полюбин. Вы ничего не понимаете.

Беневольский. Всё, я говорю вам, всё; вот в чем дело…

Полюбин. Совсем нет, дайте мне сказать одно слово.

Беневольский. Нет, позвольте уж мне наперед, и вы согласитесь, что я всё знаю.

Полюбин (в сторону). Что делать с дураком, который свое несет?

Беневольский. Вот изволите видеть: Варинька…

Полюбин. Прошу вас: Варвара Николаевна.

Беневольский. Помилуйте, не всё ли равно? мы можем…

Полюбин. Вы никак не можете.

Беневольский. Пожалуй, хоть Варвара Николаевна, – слышала, как я при ней изъяснялся в любви ее превосходительству…

Полюбин. Что ж вы твердите о своих проказах? их без того все знают.

Беневольский. Как вы это назвали?

Полюбин. Проказы.

Беневольский. Вы сказали точно так, как оно и есть, и увидите почему. – Ей, напротив, не говорил я ни слова о любви, обошелся с нею, как со служанкою…

Полюбин. Какая дерзость!

Беневольский. Терпенье, прошу вас, терпенье. Всё это вместе должно было поразить сердце юное, нежное, едва начинающее любить; она на меня рассердилась и, верно, называет меня чудовищем…

Полюбин. Уродом.

Беневольский. Так должно быть, я это всё знаю. Вы видите ли теперь, что вам нечего было мне говорить?

Полюбин. С вами точно говорить напрасно.

Беневольский. Итак, слушайте: я догадался, что они нарочно взяли на себя каждая не свою роль, и я притворился, будто обманут; но меня обмануть трудно, я всё приметил и внутренно смеялся, смотря на смущение одной и досаду другой. – Вам самим смешно?

Полюбин. Вы имеете дар всякого рассмешить.

Беневольский. Но сделайте одолженье, выведите ее из заблужденья; я ее довольно помучил, пора перестать, не правда ли?

Полюбин. Давно пора. *(В сторону.)* С ним говорить нечего.

Явление 10

Те же и *Саблин.*

(Во время разговора Саблина с Полюбиным Беневольский отворяет дверь. *Федька* вносит пожитки, они расставляют их по местам.)

Саблин (Полюбину). А, ты здесь! а там по тебе стосковались. Уж я сжалился да пришел за тобой. Ты с приятелем о стихах, что ли, толкуешь?

Полюбин. Какие, братец, стихи! я целые полчаса бьюсь с ним понапрасну, хочу ему сказать, чтоб он Вариньку оставил в покое, если не хочет, чтоб я его самого обеспокоил.

Саблин. Ну что ж он? когда вы деретесь? я секундант, что ли?

Полюбин. Чего, братец! он ни слова не понимает либо не хочет понять. Возьмись хоть ты его вразумить.

Саблин. Я? Нет, брат, я стихами говорить не мастер. – Да что ты к нему приступил, из чего бьешься? разве тебе честь будет убить студента? Оставь это и положись во всем на Настасью Ивановну.

Полюбин. Пожалуй; мне, право, его смерти не хочется.

Саблин. Ступай же туда, тебя ждут к обеду.

Полюбин. А ты?

Саблин. Нет, я иду в ресторацию: Звёздов мне надоел, как

собака.

Полюбин. Уведи с собой Беневольского, если можно.

Саблин. Хорошо.

Полюбин. Прощай. *(Уходит.)*

Явление 11

Беневольский, Саблин.

Беневольский (любуясь на пожитки).

О Лары и Пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златом не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Где я на новоселье
Вас мирно тут и там
Расставил по местам.

Саблин. Полно возиться с чемоданом, хорошо и так. Скажи мне, где ты обедаешь сегодня?

Беневольский. Я думал, что здесь.

Саблин. Нет, что здесь? скука: Звёздов еще пустится хохотать да расспрашивать.

Беневольский. Это правда; но где же?

Саблин. Душа моя, мы, кажется, в Петербурге, – здесь рестораций тьма; жаль только, что все никуда не годятся. Всё же вино есть. Ты любишь вино?

Беневольский. Кто не любит его? О, всемогущее вино! веселие героя!

Саблин. Мы с тобой хоть не герои, а выпьем по стакану, я тебя попотчиваю.

Беневольский. Нет, уж позвольте мне: я столько виноват, что хоть чем-нибудь хочу изгладить ту ошибку…

Саблин. С уговором: ни об ней, ни об стихах не говорить ни слова.

Беневольский. Ни слова.

И стукнем в чашу чашей,
И выпьем всё до дна:
Будь верной дружбе нашей
Дань первого вина.

(Уходят вместе.)

Действие третье

Явление 1

Звёздова, Варинька, Полюбин.

Варинька. Насилу отобедали. Я как на иголках была во весь стол. Александр Петрович нарочно всё хвалил своего несносного студента, а сам, верно, иначе думает; так только, чтоб огорчить других, знает, как это всем противно.

Звёздова. Всё бы ничего, да как быть таким ветреником в пятьдесят лет: теперь вдруг без всякой нужды, не подумавши хорошенько ни одной секунды, послал за подорожной, за лошадьми, скачет в деревню бог знает зачем.

Полюбин. Неужели это ему сегодня только пришло в голову?

Звёздова. Нет, он и прежде говорил, да нерешительно. Я всегда полагала, что коли это сбудется, так через два-три года или никогда, как все другие его замыслы; у него их тысяча. – Любя вас, меня его отъезд не очень огорчает. Без него Беневольского можно будет уговорить, достать ему место где-нибудь в дальнем университете, отправить его туда, и даже женить, если сыщется ему подобная.

Варинька. Ах, как бы счастливо! Какие вы добрые!

Звёздова. Хорошо, милая, да надо подумать и о себе. Муж мой едет в деревню, а я с чем здесь останусь? в доме расстройка ужасная, денег нет, всем должны, всё по его милости.

Полюбин. Ах, сударыня, пусть он едет, и позвольте мне быть вам полезным.

Звёздова. Я в вас всегда была уверена, Полюбин. Итак, вашему попечению препоручаю себя, мое хозяйство и всех домашних. Между ними есть кое-кто, об ком вы и без того давно печетесь. Знаете ли что? нельзя ли бы как-нибудь сделать, чтоб муж мой сам собою захотел Вариньку за вас выдать? Сперва я хотела было напугать его тем, чтоб Беневольский после женитьбы остался у нас в доме, но теперь он едет и, пожалуй, еще мне его навяжет: это уж не годится.

Полюбин. Теперь я никак не смею надеяться.

Звёздова. Есть способ очень простой: уверить его, что я вашей свадьбы не хочу, и вы уж больше не хотите, и Варинька не хочет, вот три причины, чтобы ему того захотеть. Вам известно, что он любит делать всё по-своему.

Полюбин. Но не всегда ему удается.

Звёздова. Со мною всегда: есть ли кто меня сговорчивее?

Теперь только в первый раз желаю поставить на своем, пускаюсь на тонкости, и то, чтоб составить ваше счастье. – Однако ведь он в состоянии уехать не простившись. Пойду, посмотрю; дождитесь меня здесь. *(Уходит.)*

Явление 2

Варинька и *Полюбин*.

Полюбин. Когда бы она успела!.. Но чего не сделает умная женщина, если примется хорошенько, особливо где надобно хитрить!

Варинька. Не знаю, может быть, я не умна, а ручаюсь, что век свой проживу без хитростей.

Полюбин. Не ручайтесь, все так говорят до замужества. Впрочем, вы на других не похожи. – И надобно отдать справедливость, вас воспитала женщина редкая; какой пример! на ее месте всякая другая с меньшим умом и с большим лукавством делала бы из своего мужа, что хотела, а она пять лет замужем и в первый раз намерена поступать с ним нечистосердечно, и то не для себя.

Варинька. В первый! Вольно ей говорить, – в сотый раз! Да какое нам дело? лишь бы теперь ей удалось.

Явление 3

Те же и *Звёздова*.

Звёздова. Он внизу, торопится, распоряжается, велит укладываться. Я послала его звать сюда. – Вы не будете при нашем разговоре; однако, Полюбин, не уезжайте: вам надо же знать, чем это кончится. Да если Беневольский придет, нельзя ли брату поручить, чтоб он его опять увел куда-нибудь: без него всё ловчее может обделаться.

Полюбин. Не беспокойтесь: братец ваш с ним, так не скоро воротятся.

Варинька. Ах! как я стану дрожать, пока вы будете за нас стараться. Дай бог, чтоб вам удалось! боюсь до смерти. *(Звёздова ее целует.)* Пойдемте, пойдемте. *(Уводит с собою Полюбина.)*

Явление 4

Звёздова (одна). Боится, что я не успею; я никак не боюсь. Эти

мужчины уморительны: мой муж, например, дожил до пятидесяти лет и, кажется, насмотрелся, наслышался всего того, что обыкновенно говорят насчет лукавства нашего пола, сам поминутно о нем твердит и никак от него не отделается, когда надобно. Он еще должен образ мой выменять, что я так бережно на это отваживаюсь.

Явление 5

Звёздова, Звёздов.

(Он вбегает через боковую дверь и чуть не падает, наткнувшись на сундук и чемодан Беневольского.)

Звёздов. Ох! чорт возьми! лоб было расшиб! Люди! люди! *(Входит слуга.)* Есть ли в вас смысл человеческий? что вы за беспутные? про что вас держат в доме, такую ораву? подлый народ! зачем эта дрянь тут стоит?

Слуга. Ваше превосходительство сами приказали тут поставить; это добро Евлампия Аристарховича Беневольского.

Звёздов. Провались ты и со своим дураком Аристарховичем! зачем перед дверью?

Слуга. Вы приказали никому в нее не ходить.

Звёздов. Я! чего? когда? все на меня, как на мертвого, клепают. Отставь это к стороне да пошел вон.

Слуга, исполнив приказание, уходит.

Звёздова. И что за мысль поселить этого студента в зале, где все ходят?

Звёздов. А зачем тут ходить? разве мало других комнат?

Звёздова. Да вот ты первый взошел.

Звёздов. Ты же позвала. Тебе всегда до меня дело, когда у меня другие дела. Ну, что надобно?

Звёздова. А вот что. Неужли ты в самом деле отправляешься в деревню?

Звёздов. Неужли!.. Сейчас лошадей приведут.

Звёздова. А я здесь остаюсь?

Звёздов. Здесь.

Звёздов а. Как же я останусь?

Звёздов. Так же, как останешься.

Звёздова. С чем?

Звёздов. Как с чем?

Звёздова. Да у меня ничего нет.

Звёздов. Как ничего? всё есть.

Звёздова. Ничего.

Звёздов. Всё.

Звёздова. Ах, бог мой! ничего, говорят тебе.

Звёздов. Да чего ничего? например?

Звёздова. Первое, у меня нет денег.

Звёздов. У тебя нет, у других есть, можно занять.

Звёздова. Коли дадут.

Звёздов. Еще мы, кажется, не совсем обеднели, в состоянии заплатить.

Звёздова. Ты платить в состоянии, да не платишь, – оттого мало верят. Впрочем, это еще не всё; у меня на руках остается твой Беневольский: что мне с ним делать?

Звёздов. А вот еще стану я много об нем думать! Дурак этакой! ставит свои сундуки перед дверьми; тоги гляди рассержусь, велю всё на двор выкинуть.

Звёздова (в сторону). Счастливая минута! он на него сердит. *(Громко.)* Знаешь ли что? перед твоим отъездом выдадим Вариньку замуж.

Звёздов. За кого?

Звёздова. За Беневольского, разумеется.

Звёздов. Как, разумеется? я думал, что ты этого не хотела.

Звёздова. Я не хотела прежде, мне казалось, что это Вариньке противно.

Звёздов. Так, стало, Варинька не против этого?

Звёздова. Нисколько: назло Полюбину.

Звёздов. Отчего же назло ему?

Звёздова. Разве ты не знаешь, что он женится?

Звёздов. Откуда мне знать?

Звёздова. Да, намерен жениться на другой с тех пор, как заметил, что здесь в доме ищет понапрасну.

Звёздов. Почему понапрасну? ведь еще он не сватался настоящим образом.

Звёздова. Избегал явного отказа, который немудрено было ему предвидеть: ты при нем Вариньку обещал другому; а впрочем, видно, он не очень был влюблен.

Звёздов. На ком же он женится?

Звёздова. Как, бишь, ее?

Звёздов (в сторону). Что за бестолочь! сейчас я шел коридором, а Полюбин у Вариньки руку целует.

Звёздова. Варинька очень умно рассуждает: коли Беневольский смешон и очень смешон, так это не беда, его можно будет исправить.

Звёздов (в сторону). Да зачем же она дает Полюбину руку целовать?

Звёздова. Для молодой девушки главное выйти замуж, а там, если муж только странен, а не совсем дурак, ее дело иным его

странностям снисходить, насчет других стараться вразумить его.

Звёздов (в сторону). Тут есть какие-нибудь плутни.

Звёздова. Притом страстное желание отплатить Полюбину, показать, что она им больше не дорожит, всё это вовсе переменило ее мысли.

Звёздов (в сторону). Плутни, чистые плутни; да к чему бы это?

Звёздова. Я с моей стороны страх рада, за кого бы она ни вышла: надзор над осемнадцатилетней девушкой очень трудная обязанность.

Звёздов (в сторону). Из чего она бьется?

Звёздова (в сторону). Ничего не отвечает, верно, раздумал. *(Громко.)* Право, Александр Петрович, послушайся меня хоть раз в жизни, погоди ездить в деревню, и выдадим Вариньку за Беневольского.

Звёздов (в сторону). А! а! насилу-то понял: не хочет, чтоб я ехал в деревню, и выдумывает разные тонкости. Постой-ка, госпожа хитрая особа. *(Громко.)* Стало, ты хочешь, чтоб Варинька вышла за этого студента?

Звёздова. Очень хочу.

Звёздов. И она тоже?

Звёздова. Тоже.

Звёздов. А Полюбин женится на другой?

Звёздова. На другой.

Звёздов. Жаль, очень жаль.

Звёздова. Что?

Звёздов. Беневольский этот не по мне. Как Полюбина с ним сравнять? – я бы охотно передумал.

Звёздова (в сторону). Попался.

Звёздов. Ну, да если нельзя иначе, так пусть останется все по-прежнему.

Звёздова. Как?

Звёздов. Нельзя же насильно женить Полюбина на той, об которой он перестал думать.

Звёздова. Но ведь он больше от того перестал думать, что ты, казалось, никогда не согласишься.

Звёздов. Нет, нет, ты очень умно делаешь, что советуешь Вариньку выдать за Беневольского.

Звёздова. Мне, право, всё равно, за кого бы она ни вышла, ведь не я замуж выхожу.

Звёздов. Нет, против этого нечего спорить; Беневольский, конечно, шут, ни на что не похож, безалаберная голова; ну да если муж только странен, а не совсем дурак… как, бишь, ты говорила? точно дело. Пусть он женится на Вариньке: быть по-

твоему. Человек! человек! *(Слуга входит.)* Позвать Вариньку да Полюбина, коли еще здесь. *(Слуга уходит.)*

Звёздова. Зачем?

Звёздов. Вариньке объявить, чтоб она была готова нынешний же день к свадьбе.

Звёздова. Помилуй, ведь она не крепостная твоя; что за презрение ко всему роду человеческому? надо же сделать помолвку, подумать о приданом, как везде водится.

Звёздов. Ты же меня торопила.

Звёздова (в сторону). Какой сумасбродный! *(Громко.)* Зачем же ты послал за Полюбиным?

Звёздов. Хочется узнать, на ком он женится. – Ну, матушка, ты должна быть предовольна: чего хотела, то и сбудется. Не говори вперед, что я люблю всё делать всем наперекор.

Звёздова (в сторону). Надо же быть такому несчастью! в первый раз отроду соглашается со мною без отговорок и на мою же беду.

Явление 6

Те же, Полюбин, Варинька.

Полюбин. Вы меня звали?

Звёздов. Да, любезный; ты, говорят, женишься?

Полюбин. Я, ваше превосходительство? как вы это разумеете?

Звёздов. Ах, батюшка, да ты, я чай, знаешь, как женятся, – все на один манер. Хорошо, что ты за ум взялся, право, славно; а я ведь выдаю Вариньку сегодня же, если можно, поскорее, перед моим отъездом.

Варинька. Сегодня? меня? за кого же-с?

Звёздов. За того, за кого ты хочешь, милая.

Варинька. Ах! как вы милостивы!

Звёздов. Жаль только, что жених твой запропал. Этот повеса, шурин мой, хоть кого так развратит, затащил его бог знает куда. Ну! да воротится, и тогда по рукам и к венцу; я вправду думал, что этому не бывать так скоро, авось ли, мол, как приеду назад из деревни; да вот Настасья Ивановна поторопила: ее благодари.

Варинька (Звёздовой). Ах! растолкуйте, что это значит?

Звёздов (в сторону). Какие у всех длинные лица! *(Полюбину.)* Ну, любезный, на ком же ты женишься?

Полюбин. Вы слишком жестоко шутите.

Звёздов. Бог с тобой! не только не жестоко, вовсе не шучу. Я, признаюсь, всегда полагал, что ты ищешь в Вариньке; да вот жена разуверила, говорит, что ты на какой-то другой намерен

жениться. Спроси у нее.

Полюбин (Звёздовой). Неужли, сударыня?

Варинька. Воля ваша, а я за Беневольского ни за что не выйду.

Звёздов. Это что за новость?

Варинька. Зачем же вы сейчас сказали, что выдадите меня за того, за кого я хочу?

Звёздов. А разве ты за него не хочешь?

Варинька. Будто вы не знаете, что он мне противнее смерти!

Звёздов. Кто ж вас поймет! Вот она мне сказала, что ты только и думаешь о Беневольском и радехонька за него выйти оттого, видишь ты, чтоб отплатить вот ему. Вольно ж ей было всё это говорить. – Что? разве ты мне этого не говорила?

Звёздова. Я тебе всегда говорила и теперь повторяю, что ты несносен.

Звёздов. Прошу покорно! она же разгневалась! Сама бог знает что сочинила, никакого толку не доберешься; теперь она же изволит сердиться. Ха! ха! ха! что? каков урок? хорошо? будешь помнить вперед, не станешь хитрить со мной? Нет, моя душа, молода меня проводить, я уж пятьдесят лет на свете живу, все твои умыслы тотчас смекнул. Вы ничего не понимаете? слушайте: ей смерть хочется, чтоб я не ездил в деревню, вот она и затеяла. Он-де, то есть я, очень желает Вариньку выдать за Беневольского, сем уверю его, что Варинька на это согласна, что Полюбин от нее отказался. Вот, мол, – как он увидит, что всё близко к тому, чего ему хочется, авось ли останется, потом дело-то продлится и вовсе, может, не сбудется, а он покамест раздумает ехать в деревню. – Не так ли?

Звёздова (обрадовавшись). Ах! как ты догадлив!

Звёздов. Ан вышло всё напротив. Об Беневольском я и думать не хочу. Вариньку отдаю за Полюбина, да, да; а в деревню еду сейчас.

Полюбин и *Варинька.* Как счастливо!

Звёздов. Ну, любезный, я давеча как шел сюда коридором, вы меня не видали, ты у нее украдкой руку целовал.

Звёздова (в сторону). Вот что!

Звёздов (берет у Вариньки руку). Теперь дай сюда. Можешь ее целовать при всех и не совеститься. Живите-ко счастливо. Ты, душенька, с будущим твоим мужем, пожалуйста, не хитри, поступай по-нашему просто, реже будешь промаха давать; а ты, брат, бери пример с меня, в обман не вдавайся. *(Жене.)* Ты что, моя душа! не сердишься? а? неужели еще сердишься? Дай щечку.

Звёздова. С твоей легкостью в нраве недостает одного, чтоб ты имел не более двадцати лет, – ты был бы бесценный человек.

Звёздов. О! я понимаю, что для тебя это в ином случае

гораздо было бы приятнее; ну, да что ж делать, мой ангел! Будь довольна, чем бог послал. – Однако нечего из пустого в порожнее переливать. – Готовы ли лошади?

Слуга (входит). Впряжены-с.

Звёздова. Постой! как же нам быть с Беневольским?

Варинька. Ах! не поминайте об нем.

Звёздов. Я об нем уж говорил одному, Прохорову, давеча со мной встретился. Ну! да что об нем много думать! дураки в Петербурге не бывают без места. Кабы поскорее поспеть в деревню! Шутка ли, я там не был с тех пор, как женился, и мне оттуда пишут такие небылицы, доходов не высылают. Прощайте, прощайте, прощайте. Свадьбу сыграйте без меня. Эй! коляску подавать скорее! дорожный колпак! трость! *(Уходит.)*

Явление 7

Звёздова, Варинька, Полюбин, немного погодя *Федька.*

Звёздова. Поедемте его провожать и, кстати, сейчас можем переехать на дачу, я почти всё туда отправила. Полюбин, вы с нами?

Федька (вбегает). Ох! прости, господи! какая тяжелая рука!

Звёздова. Что ты?

Федька. Попался его превосходительству навстречу, он мне второпях дать изволил такого толчка, что в голове завертелось.

Звёздова. Кто ты таков?

Федька. Я слуга-с Евлампия Аристарховича.

Звёздова. А! кланяйся ему от меня, скажи, что я уехала на дачу за двадцать верст отсюда на всё лето. *(Уходит.)*

Варинька. И от меня поклонись своему барину; я бывшая его невеста и выхожу замуж, только не за него, – скажи ему это. *(Уходит.)*

Полюбин. И от меня поклонись ему; я Полюбин и женюсь на его невесте, – можешь ему донести об этом. *(Уходит.)*

Явление 8

Федька (один). Эк, что поклонов! знать, мы с барином-то у праздника! видно, ему здесь житье от господ, что мне от своей братьи! За что, подумаешь, превосходительный на меня приокрысился! У этих больших бар, кто им первый пырь в глаза, да не вовремя, тот и виноват. Хорошо, что мой-то барин не великий господин; будет ли только исправно платить? – Ну, да

что! Я ведь в Питере понавострился: за месяц вперед, а не то прощай. Денег нет, – слуги нет, сам себе сапоги чисти!

Явление 9

Федька; Беневольский, Саблин (входят рука об руку, оба несколько шатаются; Саблин поет песню).

Федька. Видно, наши-то навеселе.

Саблин. Вот мы и у тебя в комнате. Ну что? по-твоему, каково едят у этого француза?

Беневольский. Амброзия! *(Садится в кресло и задумывается.)*

Саблин. Мерзость! избаловался, прежде лучше кормил.

Федька. Вам, барин, приказано сказать…

Саблин. Поди вон, после скажешь.

Федька. Чего после, сударь! нужда прекрайняя. Ее превосходительство…

Саблин. Убирайся, знаешь куда. – Беневольский! выгони его.

Беневольский. Оставь нас.

Саблин. Кстати, там пришел с нами мальчик из ресторации, у него за пазухой бутылка; подавай сюда штопор и стаканов достань в буфете, да чтоб никто в доме не видал, слышишь ли?

Федька. Позвольте наперед вымолвить два словца… мне приказано…

Саблин. Вон! сейчас! не то пятьсот палок! *(Выталкивает его и ложится на сундук.)* Пришли его ко мне в эскадрон, братец, я его научу послушанию. – Ну, что задумался? деньги проиграл! я бы тебе охотно помог, да, ей-богу! никогда копейки нет за душой. То уж здесь, брат, на это хваты, лучше не принимайся за карты; кабы не сестра, я бы от них давно без мундира шатался. Да и ты что за простяк! читал, читал, учился, пишешь стихи, а на четвертую ставишь! ну где это видано?

Беневольский. Своенравие судьбы! ее железная рука…

Саблин. Нет, брат, разве у того, кто банк метал, лоб железный! Жаль, что не знаю довольно игры, не к чему придраться.

Беневольский. Как его имя?

Саблин. Кто его знает? я сам впервые отроду его вижу.

Беневольский. Но я по вашему приглашению зашел к нему.

Саблин. Он обедал подле той комнаты, где мы с тобой сидели; я зачем-то вышел, он стал со мной говорить, познакомился, позвал к себе, – а меня куда хочешь позови, я всюду пойду. – Хорошо живет; какая куча народу к нему нашла! я чай, такие же плуты, как он сам.

Беневольский. Музы! я изменил вам, погнался за окрыленной фортуной…

Саблин (зевает). Полно бредить.

Беневольский. Я опять ваш, я опять с вами, мечты уединенья!

Саблин. Шутишь, брат; когда со мной, так не один. Куда глупо, что здесь в доме не позволяют трубок курить! я умно делаю, что к сестре не переезжаю жить.

Беневольский (вынимает бумагу и читает).

Дружись, мой друг, с мечтой…

Саблин (вырывает бумагу и кидает на пол). Брось свой вздор, и без того скучно. *(Федька входит с бутылкой и стаканами.)* А! вот оно! повеселее будет, ставь сюда. Э! Санхо-Панса! ты вензеля пишешь.

Федька. С горя, право, с горя; сходил неодаль, дай-де поравняюсь с господами. *(Прислоняясь к стенке, поет.)* Ах ты козлик, мой козлик! дедюли мои! гей!

Беневольский. Шш! что ты, с ума сошел?

Саблин (трудясь за бутылкой). Экой пьяница!

Федька. А сами-то что? лежу в грязи, кричу: не брызжи.

Саблин (наливает и поет).

Vive Henri quatre!
Vive ce roi vaillant!

Беневольский. О! умолчите! что за охота петь французскую песню? У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали.

Саблин. Пусть они сами свою печаль поют, а я стану петь «Vive Henri IV», оттого именно, что это вовсе не печально.

Беневольский. Но есть ли тут хоть малейшее воспоминание для души русского?

Саблин. Преславное: наш вход в Париж, мы первые заставили петь эту песню. Вот было житье! Выпьем скорее в память этого счастливого дня! Пей же, ну, без гримас!

Беневольский (с стаканом в руке). Вакх!.. тебе!

Саблин (вливает в него весь стакан). Без россказней!

Федька. Пей, да про себя разумей.

Саблин (выпивши). Что за бургонское! стакан было проглотил.

Беневольский (сморщившись). Нектар.

Саблин. Беневольский! душа моя! выпьем еще по стаканчику.

Беневольский. Нет, никак; я еще с обеда отуманен этими парами.

Саблин. Беневольский! не будь хоть теперь Беневольский: выпей, не заставляй себя просить. Беневольский, знаешь? я тоже когда-то учился по-латыни и очень помню одну пословицу… постой! кажется: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Беневольский. In vino veritas.

Саблин. Ну, а ведь ты теперь не трезвый. – Скажи мне, любишь ли ты меня?

Беневольский. Люблю.

Саблин. А я тебя не люблю, да всё равно: ты любишь, так докажи, выпей! на! Да полно, я не в шутку рассержусь; бери же, вот так, поцелуй меня! стукнем!

Беневольский. Чашу в чашу.

Федька (подкрадывается). Подойду поближе хоть понюхать. *(Саблин пьет, а Беневольский ловит эту минуту, чтоб вылить стакан, и попадает прямо Федьке в лицо и на платье.)* Что за обливанье, сударь? еще я покамест свое платье ношу, когда-то сошьете!

Саблин. Выплеснул! не выпил! Поделом не терплю я этих марателей: всякий из них, последний, презирает всех, думает, что он всех умнее, ничем не дорожит.

Беневольский. Именем дружбы…

Саблин. Плевать я хотел на твою дружбу и знаться с тобой не хочу. – Поеду домой. *(Смотрится в зеркало.)* Раскраснелся, досадно! никуда нельзя показаться: про меня и так бог знает что говорят. *(Уходит.)*

Явление 10

Беневольский, Федька.

Беневольский (не вставая с кресел). Презрение буйным чадам Арея! бесчувственные враги изящного! – Федька! стань сюда! На каждой черте лица твоего дикая природа наложила печать свою; но ты имеешь душу!.. И не обделана душа твоя резцом образованности, и закоснела она в коре невежества; но ты имеешь душу!.. подыми! *(Федька подымает бумагу, брошенную Саблиным на пол.)* Слушай! *(Читает.)*

Дружись, о друг, с мечтой.

Федька. Ах! барин, только было я подружился с Алексеем лакеем, да, вишь, и увезли его.

Беневольский. Шш.

Дружись, о друг, с мечтой.
Таинственный покой
Сопутствует нам с нею;
И Грация – печаль,
И сумрачная даль,

И будущность зарею
С ней будут нам сиять!

Счастливое вступление! эта неопределенность будущего, сумрак дальний приготовляют сердце к тихому, сладостному мечтанью. *(Федьке.)* А? что ты думаешь?

Федька. Ничего-с.

Беневольский. Ты врешь.

С ней будут нам сиять,
Дни мирны ублажать
Души и чувств прельщеньем,
Как легким сновиденьем…

(Федьке.) Понимаешь ли ты? сновиденье?

Федька. А кто их поймет? мне давеча такая дурь во сне привиделась! что ваши вирши!

Беневольский. Хочешь ты слушать или нет?

Федька. Как вы приказать изволите.

Беневольский. Так слушай же и молчи! *(Продолжает читать.)*

И мрачных мыслей сын
С мечтою не один;
Он преплывает море
Туманных бурных дум,
От коих взор и ум
Смущеньем цепенеют.

(Федьке.) Скажи правду: страшно ли это?

Федька. Страшно-с.

Беневольский. Ты понял что-нибудь?

Федька. Ничего не понял-с.

Беневольский *(с радостью).* И этот дар возбуждать ужас самой незначущей, часто непонятной мыслию, – он неизвестен был доныне: это свежий листок, вплетенный в венец поэзии. *(Продолжает.)*

Ах! скоро ли приспеют
Те дни, златой тот час,
Когда любовь отрадой
Появится для нас
С надеждою-усладой?

Надежда! ты осталась со мною, прелестная!

Федька. Нет, барин, надежда плоха. Дайте рассказать, что здесь без вас приключилось.

Беневольский. Молчанье, повторяю я, не раскрывай рта, пока тебя не спросят. *(Продолжает.)*

Как обновленный свет
Собой украсит роза?
Гвоздика, милый цвет,
Тюльпан и тубероза
Узорчатым ковром
Блеснут пред томным взором?

(Федьке.) Сколько цветов поэзии! А?

Федька. Нечего сказать, что много цветов-с.

Беневольский. Цветы поэзии! Кто вас не чувствует? *(Федьке.)* Не прерывай же меня. Где, бишь, я остановился? да… «пред томным взором…».

Как чистых муз собором
Восторженный в эфир,
Я беспредельный мир
Слию с непостижимым?

(Федьке.) Ты зеваешь, бесчувственный?

Федька. Виноват, сударь, у меня обычай такой: как мне зачнут сказки читать, так и задремлется, – еще бывало смолода, как наш дьячок, слово в слово такой же мастер, как и ваша милость…

Беневольский. Прочь со своими сравнениями, в пыли таящаяся душа! прочь, пока гнев не совсем овладел мною. *(Федька отходит, садится на сундук и засыпает. Беневольский продолжает читать.)*

Дотоль, рука с рукой,
Мы по стезям незримым
Спешим, о друг! с тобой
К бессмертью, в бесконечность!
А там! – награда… вечность!

И это я написал! это излилось из моего пера! – Федька!.. Он

спит, жалкий человек! вместилище физических потребностей!.. И все люди почти таковы! с кем я ни встречался здесь в столице, ни один не чувствует этого стремленья, этого позыва души – туда! к чему-то высшему, незнаемому! – Но тем лучше: как велик между ими всеми тот один, кто, как я, вознесен ввыспрь из среды обыкновенности! – Рука фортуны отяготела надо мною, я проиграл мои деньги, но дары фантазии всегда при мне, они всё поправят. Вельможи, цари будут внимать строю моей лиры, и золото и почести рекою польются на певца. Но я ими не дорожу, я доволен одною славою, уделом великим.

Явление 11

Те же и *Швейцар*.

Швейцар. Скоро ли, сударь, опростаете квартиру?

Беневольский. Что такое?

Швейцар. Скоро ли вы изволите отселе выбраться!

Беневольский. Пожар? неужли пожар? Федька! мои бумаги! спаси мои бумаги! в них всё мое богатство.

Швейцар. Нет, сударь, бог милостив, еще ничто не горит.

Беневольский. Нет? что ж ты сказал?

Швейцар. Я спрашивал, скоро ли вы отселе съезжаете?

Беневольский. Разве тебе Александр Петрович велел?

Швейцар. Нет, он об вас ничего не приказывал; а уж как он изволил отправиться в деревню, а барыня съехала на дачу, так когда вы опростаете комнату? я бы запер.

Беневольский. Не может быть. Как это? давно ли? так скоро? будто Александр Петрович уехал?

Швейцар. Изволил уехать.

Беневольский. В деревню? далеко ли?

Швейцар. Вотчина его Прилиповка в Костромской губернии, верст отселе девятьсот с десятком, да в Рязанской село Потешное, верст будет побольше тысячи, да около Нижнего барынина деревня Березовка, деревня большая, тоже душ тысячи с полторы.

Беневольский. В которую же он теперь уехал?

Швейцар. Да бог весть, люди надвое говорили.

Беневольский. Неужли он ничего не приказывал перед отъездом?

Швейцар. Изволил крепко наказывать, чтоб штучные полы везде починить, где расклеились, да люстру из галдареи вынести…

Беневольский. Да обо мне что?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал.

Беневольский. Верно, ты не знаешь; кто еще в доме есть, кроме тебя?

Швейцар. Ни одного живого человека: барыня шестерых людей забрала с собою на дачу, а остальные кое-куда разбрелись.

Беневольский. Что ж мне делать?

Швейцар. Как станете перевозиться, дайте мне знать с вашим человеком: надо будет здесь убрать после вас.

Беневольский. Зачем же мне переезжать?

Швейцар. Барин крепко наказывал, чтоб здесь никому не оставаться, что-де комнаты все станут заново расписывать.

Беневольский. И мне велел переезжать?

Швейцар. Об вас он ничего не приказывал. *(Уходит.)*

Явление 12

Беневольский, Федька.

Беневольский. Федька! Федька! беспросыпный! негодяй!.. вставай! проснись!

Федька (впросонках). Левей, Алёха…

Беневольский. Несносная тварь! вставай! вставай!

Федька (протягиваясь). Что, сударь? ась?

Беневольский. Ты спишь, мерзавец, и не говоришь мне, что все отсюда уехали и мы с тобою одни остались в опустелом доме!..

Федька. Вишь, сударь, я не раз принимался вам докладывать, да поди-ко вы с вашими виршами не давали слова вымолвить.

Беневольский. Говори, что здесь без меня было? что ты видел? Александр Петрович не приказывал ли тебе чего-нибудь?

Федька. Он второпях дал мне толчка, что в ушах зазвенело; только я от него добра и видел.

Беневольский. Но другие что? жена его?

Федька. Барыня и барышня велели вам кланяться.

Беневольский. Только?

Федька. Нет-с; еще что, бишь, они велели вам сказать?

Беневольский. Почему я знаю, мучитель? Не мори меня, договаривай.

Федька. Да, право, всё из головы вон вышло. – Что, бишь, они велели вам сказать?

Беневольский. Терпенья! дайте мне терпенья!

Федька. Да, что барышня-то, ваша невеста, – уж не ваша невеста, а выходит замуж за его милость, забыл, как зовут.

Беневольский. О судьба! ужасны твои потаенные громы! За что схватиться мне в этом кораблекрушении? – Ты не знаешь всех моих бедствий: у меня ни копейки нет денег.

Федька. Ах, создатель! ужли потеряли?

Беневольский. Проиграл.

Федька. В картёж! вот-те благодарствуй!

Беневольский. Без денег! без друзей!

Федька. А еще разумник! грамотник! вот-те разживусь да разбогатею. – «Что ты от меня получаешь жалованья? малость! будешь получать тысячу, слышишь? тысячу!» – Ан вышел сам без гроша: я видел, что тебе несдобровать.

Беневольский. Как ты смеешь говорить со мною во втором лице единственного числа?

Федька. Вишь, всё хорохорится: «я-де всех разумнее, мне здесь дадут денег с три пропасти!» – ан, лучше бы помнить пословицу: еду – не свищу, а наеду – не спущу. *(Треплет Беневольского по плечу, тот его отталкивает.)* Эка дворянска амбиць! без денег, а спесивится! Пойду, возьму свои пожитки да уберусь, поищу себе барина потолковее. *(Уходит.)*

Явление 13

Беневольский, Прохоров.

Прохоров (читает записку). Евлампий Аристархович Беневольский, недавно приехавший в Санкт-Петербург, обучался в Казанском университете разным языкам и наукам, знает грамматику.

Беневольский. Это я. Что вам нужды до меня, вам, чуждым моей скорби?

Прохоров. Вы без места, как мне довелось слышать, находитесь?

Беневольский. Я всеми отвержен, душа моя подавлена под гнетом огорчений.

Прохоров (садится). Позвольте присесть. Я некоторое такое место имею, недавно упразднившееся, вам особенно свойственное.

Беневольский (в сторону). Он для меня имеет место! стало, слышал обо мне, я здесь известен. *(Громко.)* Что побудило вас подать мне руку помощи? кого я в вас вижу?

Прохоров. Мое прозвание Прохоров, говорил мне об вас его превосходительство Александр Петрович, у которого вы жительство имеете.

Беневольский. Ах, сударь! я об вас от него столько наслышался, – вы, кажется, близки его сердцу.

Прохоров. Я только с давешней поры имею честь быть включенным в число его знакомых.

Беневольский. Как, сударь! не прежде?

Прохоров. Действительно так. Мы встретились в милютинских лавках, в 9 номере. Его превосходительство кушать изволили фрукты, а я кое к чему приторговывался.

Беневольский. Он мне сказывал, что ваше имя пользуется большой известностью.

Прохоров. Справедливо так. Вы мое имя на заглавных листках многих книг помещенным видеть можете.

Беневольский (в сторону). Ему посвящают книги! *(Громко.)* Позвольте, сударь, и мне поднести вам мои опыты в прозе и стихах, досуги моей беспечной музы; они, конечно, будут приняты публикою с большею благосклонностию, если украсятся вашим именем.

Прохоров. О! государь мой, сие для меня слишком много, я не более как честный содержатель типографии; но вы хорошо сделаете, если оные ваши труды нашему директору посвятите, он человек достопочтенный и надворный советник.

Беневольский. Как! вы содержатель типографии?

Прохоров. Истинно так. Не соизвольно ли вам будет дать мне на образец ваше некакое рукописание? – Сие весьма необходимо.

Беневольский. К чему ж это? Если вы хотите видеть мой почерк, то я уверяю вас, что он самый плохой, – отрисовка моих идей обнаруживается не в красивых литерах. Если же вы хотите знать мой слог, то можете найти кучу моих произведений во многих известных наших журналах, в «Сыне Отечества», например.

Прохоров. Сие периодическое издание из лучших, нумера выходят всегда аккуратно, буквы отменно четкие, бумага вообще хорошая.

Беневольский. О! сударь, с какой точки зрения вы смотрите на вещи!

Прохоров. Вы, вероятно, переводите?

Беневольский. И сочиняю.

Прохоров. Весьма похвально. Знаете ли вы правописание?

Беневольский. Помилуйте, я, кажется, сказал вам, что многие мои сочинения помещены в журналах.

Прохоров. Бесспорно, так. Но я скажу вам, государь мой, что многие из наших, впрочем, весьма почтенных словесников, коих сочинениями журналы наполняются, удостаивают меня своими посещениями: из них большая часть не весьма тверды в правописании. Оно же, правописание, разумею я, главное есть для той должности, которую я предлагаю вашему благоуважению.

Беневольский. Какая ж это должность?

Прохоров. Должность сия в том состоит, дабы с неусыпным

бденьем за ошибками, встречаться могущими при книгопечатании, надсматривать.

Беневольский (в сторону). Скорее влачить за собою котомку нищеты, чем взять на себя эту прозаическую, неблагодарную должность.

Прохоров. Вы имеете ежегодно получать в определенные сроки четыреста пятьдесят рублей, и за прочтение печатаемых книг задельная плата с каждого листа по пяти копеек вам без задержки производиться будет.

Беневольский (в сторону). Он мне душу раздирает.

Явление последнее

Те же и *Мальчик.*

Мальчик. Мне, сударь, пора домой идти.

Беневольский. Что тебе надобно?

Мальчик. Я за вами бутылку с вином давеча принес, этот офицер сказал, что вы заплатите, а меня хозяин наш мусье побьет, коли я промешкаю.

Беневольский. Ах, братец! у меня человек вышел, унес ключ от шкатулки. Милостивый государь! я согласен быть у вас корректором; между тем заплатите за меня небольшой этот долг.

Прохоров. С превеликим удовольствием, в зачет будущего вашего жалованья.

Беневольский. Мечты моей юности! мечты, сопровождавшие меня из Казани сюда! сопутницы неизменные! куда вы исчезли, заманчивые?..

«Притворная неверность»

Действующие лица

Элединa, молодая вдова.
Лиза, сестра ее.
Рославлев.
Ленский.
Блёстов.
Комната в доме Элединой.

Явление 1

Ленский, Рославлев.

Ленский

Ну, нет! любить, как ты, на бешенство похоже.

Рославлев

А так любить, как ты, и не любить – всё то же.

Ленский

Кто с Лизою твои все ссоры перечтет?

Рославлев

Зато с ее сестрой ты холоден, как лед.

Ленский

Подумай, как вчера ты с нею обходился.
Ты дулся и молчал, бесился и бранился;
Бог знает из чего, кричал, уж так кричал,
Что я со стороны, куда уйти, не знал.
Как Лиза ни добра, ей это надоело,
Она рассорилась с тобою – и за дело.

Рославлев

Она же ссорится! и я же виноват!
И мне приятели признаться в том велят!
От этих женщин мы чего не переносим?
А кончится одним: что мы прощенья просим.

Ленский

При всяком случае готов ты их бранить.

Они несносны? – Да? – Зачем же их любить?
Нет, право, за тебя становится мне стыдно:
Ты знаешь, что прослыть ревнивым незавидно;
А многие куда как резко говорят
И громко…

Рославлев

На мой счет?

Ленский

На твой.

Рославлев

Я очень рад!

Ленский

Всем кажется, что ты брюзглив и своенравен,
И нежностью смешон, и ревностью забавен;
А в свете толковать о странностях других
Везде охотники.

Рославлев

Кто ж говорит об них?
Прелестницы, с толпой вздыхателей послушных,
И общество мужей, к измене равнодушных,
И те любезники, которых нынче тьма:
Без правил, без стыда, без чувств и без ума,
И в дружбе, и в любви равно непостоянны.
Вот люди!.. И для них мои поступки странны,
Я не похож на них, так чуден всем кажусь.
Да, я пустых людей насмешками горжусь;
А ты б, я чай, хотел, чтоб им я был угодным,
Чтоб также следовал сужденьям новомодным
И переделался на их бы образец,
Или на твой – ведь ты таков же наконец!

Ленский

Ты хочешь, чтоб и я на женщин воружился;
Однако ж я пока на это не решился.
Мне с ними весело, им весело со мной.
А сверх того еще, вот веры я какой,
Что в добродетелях нам должно брать уроки
У них. – Мы сами же заводим их в пороки.
Немножко ветрены, неверны иногда, –
Ну что ж?

Рославлев

Как иногда! – Всегда, суда́рь, всегда!

Ленский

Всегда, ты говоришь, и нет невиноватых?
Как это мнение приятно для женатых!
А, впрочем, нас с тобой никто не согласит:
Меня вот, например, всё в свете веселит,
А ты не можешь жить без горести и муки.

Рославлев

Ты рассудителен! и если бы от скуки
Твоей Элединой понравился другой,
Ты восхищался бы находкою такой.

Ленский

А ты как думаешь? мне надо бы терзаться?
Ни день, ни ночь не спать? С любезною расстаться
И всё-таки потом везде ее следить
И всех бояться?

Рославлев

Всех. – Все могут милы быть.

Ленский

А пуще, кто умом и прелестьми украшен.
Я признаю́сь тебе, мне Блёстов очень страшен.

Рославлев

Шути, а этот франт – я не терплю его!

Ленский

И дельно; он собой затмит хоть бы кого.
Рославлев

Пустая голова! Что шаг, то принужденье!
А здесь, у двух сестриц, об нем иное мненье.
Вчера же с ними он весь вечер проболтал:
Ты видел… Я сперва совсем не ревновал,
Да Блёстовым они так много занимались,
Что нас забыли. – С ним всё время просмеялись.

Ленский

Они смеялися и слушали его.
Не равнодушно же смотреть им на того,
Кто в обществах всегда всех женщин забавляет.
И как ты думать мог, что он их завлекает?
Кто ж Блёстов? Старый франт! Он слишком в сорок лет
Везде воло́чится, прельщает целый свет,
Острится надо всем, а сам всего смешнее;
Не вовсе без ума и от того глупее;
Охотно в дураки отца бы посвятил,
Лишь бы с улыбкою сказали: как он мил!

Рославлев

И несмотря на то, как это мне ни больно,
Я бьюся об заклад, что женщин есть довольно,
Кому он нравится.

Ленский

Конечно, для иных
Не без достоинства такой, как он, жених:
Богат и всем родня.

Рославлев (с досадой)

Ну, так они и пра́вы!

Ленский

Э, полно! здесь его лишь любят для забавы.

Рославлев

Насмешки их над ним – уловки против нас!
Видал насмешниц я, как ладили подчас
С людьми, которые казались им противны.
Да что и говорить? – Мне в женщинах не дивны
Увертки, хитрости, лукавство против всех,
Обманы вечные, притворный плач и смех;
И только одному нельзя не подивиться,
Как люди до сих пор имеют дух жениться!

Ленский

Да успокойся.

Рославлев (с сердцем)

Я спокоен.

Ленский

Так поди
К своей возлюбленной. – Клянися ей, тверди,
Что ты навек у ней в слепом повиновеньи.

Рославлев

Я? к ней пойду?

Ленский

Да, ты.

Рославлев

Хорош! – я в огорченьи, –
А ты… Из дружбы он смеется надо мной.

Ленский
(хохочет)

Тебе же в пользу я стараюсь…

Рославлев

Бог с тобой!
Вот каковы друзья: хоть плачь я, хоть бесися,
Он будет хохотать!

Ленский

Эй, с Лизой помирися.
Поди! у ног ее ты должен обещать,
Что ей хотя дни два не станешь докучать;
Ну, отправляйся же.

Рославлев, увидя Блёстова, отворачивается и поспешно уходит.

Явление 2

Ленский, Блёстов.
Блёстов
(вслед Рославлеву)

Эк он заторопился!
Я в двери, он бежать, – ушел, не поклонился.
Ах, Ленский, здравствуйте! – Ваш друг не в духе?

Ленский

Да.
Престранный человек. Заметьте, что всегда
Он тотчас убежит, где только вас завидит.

Блёстов

Скажите мне, за что меня он ненавидит?

Ленский

Причина ясная: он вас боится.

Блёстов

Что?
Вот вздор!

Ленский

Вы женщинам так милы, как никто;
И милы так давно.

Блёстов

Зло! очень зло! – Однако,
Кто ж нынче им не мил? без исключенья всякой:
Сначала все они как будто далеки,

А после…

Ленский

Да, для вас успехи в них легки.
Назвать до дюжины… до сотни можно смело…
Да что и называть? – победы ваше дело.

Блёстов

Помилуйте!

Ленский

И вот, не далеко искать:
Рослáвлеву и мне нельзя не ревновать;
У вас с обеими на что-то уж похоже.

Блёстов

Вы думаете?

Ленский

Да.

Блёстов

Вы друг ему?

Ленский

Ну, что же?

Блёстов

Скажите искренно, как поступил бы он,
Когда бы кто ему был Лизой предпочтен?

Ленский

А разве?

Блёстов

Ничего, – одно предположенье;
Клянусь вам, ничего. – Ну, вот и подозренье!

Ленский

Я и не думал.

Блёстов

Нет? – Где вам меня провесть! –

(Рассеянно.)

А впрочем, хоть и я пленяю как ни есть,
Хоть Лизе нравиться и нет большого чуда,
Но всё, я вам божусь, что с ней еще покуда
Мы на учтивостях – и более никак.

Ленский

Я верю без божбы.

Блёстов (значительно)

А если бы не так,
На что б решился он?

Ленский

Он с Лизой бы простился;
А там и с вами бы, конечно, объяснился.

Блёстов

Стреляться бы он стал? – Стреляться не беда!
Но быть ревнивым? – о! в нем вовсе нет стыда.
Отстаньте от него и будемте друзьями:
Давно заметил я тьму сходства между нами.

Ленский

Я не таков, как он, а вас боюсь; – ужли
Вы баловнем любви невинно прослыли?

Блёстов

Кто счастлив не бывал? – Но я вам дам присягу,
Что в жизнь для этого не делывал ни шагу.

Ленский

Бесчувственный! и вот пленяете вы чем!

Блёстов

Ба! – Не пленяется в наш век никто, никем, –
Всё дело прихоти и случая слепого;
А люди есть еще: не скажут вам ни слова,
Чтобы удач своих в любви не приплести.
Признаться, этого я не могу снести!
И как рассказывать о том, что так ничтожно?
С одной я, например, едва поверить можно,
Совсем не думавши, не знаю как успел;
Я даже говорить с ней вовсе не хотел;
И всячески она завлечь меня старалась,
Чтоб только отомстить – и ах! сама попалась.
Другой понравился с таким же я трудом,
Ну, отгадайте, чем? – любезностью, умом?
Нет! – бледностью лица! – Я был жестоко болен.
Зато болезнию потом как был доволен!
Одну имел я связь серьезную, – в нее
Вмешалось несколько достоинство мое;
Вот это было как…

Ленский

Простите, поневоле
Я с вами расстаюсь, – мне здесь нельзя быть боле;
Хозяйки милые так долго никогда
Не заставляли ждать. – Вы остаетесь?..

Блёстов

Да.

Ленский

Так дружбу мне свою на деле докажите,
И хоть Элединy, жестокий, пощадите.

(Уходит.)

Явление 3

Блёстов (один)

Шути, мой друг, острись! – Я, в очередь мою,
Для шутки у тебя дорогу перебью;
Да и Росла́влев твой порядочной ценою
За неучтивости поплатится со мною,
И дельно. – В дураки попасть им легче всех:
Один всё хмурится, другому же всё смех.
Нет! женщин надо знать, – так знать, как я их знаю.
Однако ж я и сам неловко поступаю:
К обеим вдруг сестра́м я письма написал;
К обеим об любви? – Ну, как в беду попал?
Да что? – Развязка тут не самая ль плохая,
Что от одной отказ, – не та, так всё другая;
Вот дурно, ежели они одна другой
Хвалиться вздумают короткостью со мной?
Да нет! не может быть: они не разболтают,
В любви и женщины, что надобно, скрывают.
А вот они идут! – Однако ж не могу
С обеими теперь быть вместе, – убегу!

Явление 4

Элединa, Лизa.

Лизa

Как можно целый час смеяться до упада?

Элединa (хохочет)

Нет сил!

Лизa

Да что с тобой? Скажи, чему ты рада?

Элединa (хохочет)

Ах, что за милое письмо мне принесли!

Лизa

Письмо?

Элединa

От Блёстова. – Как нежно!

Лизa

Неужли!
Он и ко мне писал сегодня же.

Элединa

Забавно!
Да где ж твое письмо? – Дай посмотреть…
Вот славно!

Прочти, пожалуйста: он любит нас равно,
Из слова в слово в них написано одно.
Каков?

Лиза (прочитав)

Ну что ж, так нам обеим незавидно.

Элединa

Уж Блёстов вздумал нас обманывать; обидно!
Нет, баловать его не надо, – и к чему?
Садись, пиши.

Лиза

Зачем?

Элединa

Чтоб отомстить ему.
Повеса в сорок лет! – Ах, друг мой! как счастливо!
Тебе нередко ведь скучает твой ревнивый;
А мой возлюбленный, что б он ни говорил,
Своей холодностью нимало мне не мил;
Твой слишком любит, мой почти любви не знает;
А это нам в мужьях добра не обещает.

Лиза

Ну что же?

Элединa

К Блёстову напишешь ты ответ,
Для шутки, так, чтобы он был ни да, ни нет.

Лиза

Как можно?

Элединa

Напиши; ты страх меня обяжешь!

Лизa

А если все потом узнают, что ты скажешь?

Элединa

Пусть знают. Я сама хочу к нему писать,
Вот тут-то он начнет мечтать, мечтать, мечтать,
Зазнается, – и вдруг глаза ему откроем.
Представь себе, как мы Росла́влева расстроим?
Услышит, взбесится, взревнует, а потом,
Как ты сама ему признаешься во всем,
Немного надобно иметь ему рассудка,
Чтобы увериться, что это просто шутка.
Ну, если шалостью исправим мы его?
А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться.
Ну, милая, решись, – пиши; я пособлю.

Лизa

Нет, я не напишу, что я его люблю.

Элединa

Вот, как теперь гляжу, как Блёстов будет славить.

Лизa

Ревнивца обмануть?

Элединa

Да, чтоб его исправить;

Теперь же случай есть… Пиши, не будь дитя.

Лиза

Да как?

Элединa

Ах! полно.

Лиза

Я боюся не шутя.

Элединa

А время между тем уходит. – Ну, скорее!

Лиза

Что будет?

Элединa

Ничего.
Лиза садится.
Вот так, начни смелее.

Лиза

Ах! что я делаю!

Элединa

Поверь мне, не тужи.

Лиза

Что он подумает?

Элединa

Пусть думает. – Пиши:

(Диктует.)

«Не знаю, хорошо ль, что я вам отвечаю…»

Лиза

Уж как не хорошо, я это очень знаю.

Элединa (продолжая)

«И не решилась бы я долго, – но со мной
Рославлев, как назло, несносный стал такой…»

Лиза

Несносный, что за вздор?

Элединa

Ну, беспокойный…

Лиза

Точно.

Элединa

Пиши: *«Он ревностью, как будто бы нарочно,*
Надоедает мне».

Лиза

И всё не надоест!

Элединa

«Надоедает мне. – Пусть ищет же невест
Потерпеливее; а я не в силах боле
Сносить все странности его; – я век в неволе;
Его мученья…»

Лиза бросает перо.

Ну?

Лиза

Помилуй, отчего
Ты рада выдумать всё злое на него?

Элединa

А не сама ли ты сто раз мне повторяла,
Что даже часто с ним терпение теряла?

Лиза

Какая разница! то было на словах;
А это я пишу к другому.

Элединa

Дурно страх!
Ну, да пожалуй я смягчу из сожаленья;
Прочти, что у тебя?

Лиза

Сейчас.

(Читает.)

«Его мученья…»

Элединa (диктует)

«Так надоели мне, что, словом, хоть кого
Готова я любить, да только не его…»

Лиза

Нет! Этого писать я век не соглашуся.

Элединa

Что за ребячество!

Лиза

Ну, право, не решуся.

Элединa

Ты шутишь; – да скажи, чего бояться тут?
Ведь этого письма лишь двое не поймут,
Рослáвлев с Блёстовым, Рослáвлев как ревнивый,
А Блёстов как дурак.

Лиза (дописавши)

Ответ красноречивый.
Неужли он теперь поверит, что в него
Влюбилась я!

Элединa

Кто? он? Он верил до того.
Как знаю я мужчин! Ах, все без исключенья
Какого об себе они большого мненья!
Самолюбивы как! почти не меньше нас!
Давай свое письмо, я отошлю сейчас.
А между тем тебе уж надо притворяться,

Что ты с Рослáвлевым не хочешь вовсе знаться. –
Пусти ж меня.

(Садится.)

Теперь мне очередь писать.
Представь, как будем мы над ними хохотать!
Ах! вдруг троих мужчин помучить так приятно!

Лиза

Что тут приятного, мне, право, не понятно!

Явление 5

Ленский, Рославлев, Элединa, Лизa.

Лизa

Ах! вот они! – Куда всё это нам девать?
Спрячь эти глупости.

Элединa (нарочно громко)

Вот стану я скрывать;
Ты знаешь, что во всем я скрытность ненавижу.

Рославлев

Смотри, что так она прилежно пишет!

Ленский

Вижу.

Рославлев (Лизе)

Я ждал вас давеча до половины дня;
Или решилися вы бегать от меня?

Лизa

Да, сударь, с вами я все ссоры прекращаю;
Вы не ошиблись; я – вас точно убегаю.

Рославлев

Не убежите же: я вас везде найду.
Лиза перебегает и становится за Элединою.

Элединa (в сторону)

Вот любит истинно! а на мою беду,
Мой Ленский самая холодная особа.

(Ленскому.)

Ах! да вы здесь. Давно?

Ленский

Сейчас вошли мы оба.
Не помешаю ли я вам?

Элединa
(продолжая писать)

Нет, ничего.

Рославлев

Конечно, нечего бояться вам его.
Вы можете при нем всегда писать свободно,
Хоть бы к соперникам его, – к кому угодно;
Он из учтивости не будет вам мешать.

Элединa

Хоть бы к соперникам его, – почем же знать?
Я точно нежное письмо пишу.

Ленский

Прекрасно!
Да я скажу, к кому.

Элединa

К кому ж?

Ленский

Ко мне.

Элединa

Напрасно.

(В сторону.)

Как можно столько быть уверенным в себе!

Ленский

Ах! позавидует весь свет того судьбе,

(Показывая на письмо.)

Кто нежности от вас такие получает:
Я вижу по глазам, что чувство вам внушает.

Элединa складывает письмо.

И будто кончили! не лучше ль продолжать?
Расположения такого долго ждать.

Элединa (в сторону)

Смеется? – Если б я всердцах не рассуждала,
Любовное письмо не в шутку б написала.

(Кличет.)

Кто тут?

Лакей входит.

На, вот письмо; поди, отдай тому,
Кому надписано…

Ленский

Куда ж идти ему?
Я здесь покамест.

Элединa

Нет; уж вы домой подите;
Там лучше прочитать.

(Уходит.)
Ленский (с улыбкой)

Вы этого хотите.

(Уходит.)

Явление 6

Лиза, Рославлев.
(Лиза хочет уйти)
Рославлев

И вы?

Лиза

Позвольте.

Рославлев

Нет.

Лиза

Я вздоров не терплю.

Рославлев

Вы сердитесь за то, что я вас так люблю!

Лиза

Всё это лишнее; на что нам объясняться!
Конечно, прежде в вас могла я ошибаться;
Я всё надеялась ваш нрав переменить;
Но больше не хочу игрушкой вашей быть.
Вчера еще…

Рославлев

Вчера… да будьте беспристрастны!
Я жду, вы входите: вы были так прекрасны!
Я видел вас одних; – опять, какой же след
Вам замечать меня, где тьма народу? – нет!
Вы милы! веселы! – для всякого другого;

Со всеми ласковы, со мною – ни полслова.
Вдруг Блёстов с значущей улыбкой к вам пристал,
Болтал, болтал, и так собою заслонял,
Что долго я за ним не мог вас видеть после.
Макао начался; вы сели, Блёстов возле. –
Меня упрятали покамест за бостон:
Бостон ли на уме! я без того взбешен;
Играю скверно; все другие, что играют,
Кричат и сердятся, бранят меня, ругают;
А вы хохочете – и вы, и ваш чудак.

Лиза

Да не одна я, все смеялись.

Рославлев

Точно так!
Не вы одни, весь свет смеется из пустого.
Зато же сыщете вы где меня другого?
Кто чувствует, как я? Кто нынче есть с душой?
Кто любит истинно?.. Я, право, сам не свой:
Твержу в наш век, чтобы кокетство позабыли,
Хочу, чтоб женщины не женщинами были.

Лиза

Вот оправдание ревнивца! – Признаюсь!
Нет, как хотите вы, я с вами расстаюсь.
Да и чего мне ждать? При вас неосторожно
Ни слова вымолвить, ни замолчать не можно;
Нельзя ни встать, ни сесть, ни выйти, ни войти;
Всему вы толк иной умеете найти.
Письмо читаю я… тотчас уж подозренье;
Танцую ли с другим… и тут вам огорченье;
Получше ли к кому оденусь… всё беда!
Всё виновата я, – и с вами брань всегда;
Хоть с Блёстовым когда я говорю учтиво,
Уж слышу там ногой стучат нетерпеливо;
Нет, лучше вовсе бы меня вам не любить.
Вот радость! замужем невольницей мне быть.

Рославлев

Невольницей! – Тогда! – Ах! нет! избави боже,
Чтоб я осмелился…

Лиза

Тогда всё будет то же,
И точно то терпеть я буду, что терплю:
Мы не поладим век.

Рославлев

Зачем я вас люблю?
Без этой глупости я вас бы ненавидел!
Мы не поладим век! – Да, я давно уж видел,
Что есть другой, с кем вы поладите скорей!
Ну, что ж? так я пойду дорогою своей:
Знакомы с Вельской вы? – добра, умна, прекрасна.
Так знайте ж: за меня идти она согласна;
А с нею век могу я счастливо прожить.
И – вы принудите меня ее любить.

Лиза

Извольте ж к ней сейчас отправиться, – подите!

Рославлев
(хочет идти)

Я вас послушаюсь, – иду сейчас.

(Воротясь.)

Скажите,
Кто этот сча́стливый, что вами предпочтен?

Лиза

Зачем вам имя знать его?

Рославлев

Затем, что он
Заплатит дорого… да!

Лиза

Что вы? успокойтесь;
Вы что-то стра́шны.

Рославлев

Как?

Лиза

Я вас боюсь…

(Убегает.)
Рославлев

Не бойтесь!
Какая мне нужда до вас и до него,
И как его зовут…

Явление 7

Рославлев (один)

Вот, взбесит хоть кого!
Да и меня ж потом ревнивым называют!

(Ходит взад и вперед.)

Но в самом деле, мне кого предпочитают?
В это время Блёстов показывается.

Кто знает, может быть, и он соперник мой?
И точно! – нынче он доволен так собой!

Явление 8

Рославлев, Блёстов.

Блёстов

Вы здесь, Росла́влев? – Ну, опять сердит? Скажите:
За что? – Вы влюблены, любимы.

Рославлев

Извините!
Вы шутите, а я… я вовсе не шучу.
Да кстати, я давно просить у вас хочу;
Прошу покорно мне сказать чистосердечно,
Как честный человек.

Блёстов

Вы спросите, конечно,
Что не намерен ли у вас я перебить?

Рославлев

Однажды навсегда прошу мне объявить,
С какими видами так часто, постоянно
Сюда вы ездите?

Блёстов

С какими? – Очень странно!
Я видов не имел ни на кого отнюдь;
А если…

Рославлев

Их на вас имеет кто-нибудь…
Ну, кто ж?

Блёстов

Когда б от вас хотели допытаться,
Вы не сказали бы, конечно?

Рославлев

Может статься.
Но вы? вы скажете? – не правда ли?

Блёстов

Бог мой!
Как этак приставать? Вот человек какой!
И даже помолчать он не дает свободы!
Пусть так; вы смущены, я – жалостлив с природы.

Рославлев

Без предисловия.

Блёстов

Прошу же скромным быть.

(Забавляется вниманием его.)

Однако этого не должно б говорить.

Рославлев (с бешенством)

Теперь всё говорят, – ну, говорите ж.

Блёстов

Милый!
Вы слишком горячи! А если б что и было,
И если даже есть, так вам нет ну́жды в том;
Ну, понимаете, что вы тут ни при чем.

Рославлев

Ужли Элединa? – Вот это будет ново!

Блёстов

А что ж?

Рославлев

Вы шутите.

Блёстов

Да нет.

Рославлев

Честно́е слово?

Блёстов

Честно́е слово. – Вот: всегда бедам чужим
Смеялся Ленский ваш! Ну, смейтесь же над ним.
Я от Элединой давно терплю нападки;
Да, да!

Рославлев

Но, может быть, все это лишь догадки,
Без основания.

Блёстов

Одни догадки? Вот!
А если дело-то серьезнее пойдет,
На доказательства… Что? это вас тревожит?

Рославлев

Нет! потому что их и быть у вас не может.

Блёстов

Не может, точно так. Да как у нас и быть?

(Вынимает бумажник и ищет в нем.)

А если, например, здесь можем мы найтить,
Между такими же другими письмецами…
Оно? – Нет, не оно. – А, вот! – прочтите сами.

(Показывает Рославлеву письмо. Тот хочет схватить его, но Блёстов не дает, и Рославлев читает с жадностию.)

Заметьте, что Амур лукавое дитя:
Всё это писано как будто бы шутя;
Всегда ведь женщины с насмешек начинают,
А там привяжутся, а там и обожают,
А там…

(Хохочет.)

Ну, мочи нет, как Ленский мне смешон!
Я рад до крайности, что так обманут он!
Нет, вы – вы смотрите за Лизой осторожно,
Вы очень знаете, что женщине всё можно.

(Хохочет.)

А он без милости уверен был в себе.

Рославлев

Что ж? Все мы этой же подвержены судьбе.
Вот, Ленский! наконец слова мои сбылися!
Я говорил тебе…

Блёстов

Когда? – как завелися
У нас свидания почаще с нею?

Рославлев (сердито)

Нет!
Гораздо прежде. – Ах! и мне таких же бед
От Лизы можно ждать.

Блёстов

Да, да, – я уверяю.

Рославлев

Прошу не уверять…

Блёстов (с значущей гримасой)

Нельзя; когда я знаю…
И в том, что к грусти вам причину подает,
Никто участия такого не берет,
Как я… Прощай же.

(Уходя, поет из «Жоконда».)

«В печали, в огорченьи,
Всегда любовники грустят в уединеньи».

Явление 9

Рославлев (один)

Он весел и поет! он счастлив и любим!
А Ленский между тем смиряйся перед ним!
А с Лизой в ссоре я? – Хоть тем могу я льститься,
Что Лизе вряд ли он успеет полюбиться.
Вот женщины, мой друг! – Что?..

Явление 10

Рославлев, Ленский.

Рославлев (увидя Ленского)

А! да вот и он
И что-то невесел!

Ленский (увидя Рославлева)

Опять уж рассержён!

Рославлев (помолчав)

Ну, Ленский, в женщинах ничто мне не понятно!

Ленский

Мне тоже, признаю́сь.

Рославлев

Они… невероятно!
Как хитры, скрытны! – в них обманется хоть кто.

Ленский

Как ветрены!

Рославлев (в сторону)

Да он заговорил не то; –
Неужли угадал?

Ленский (в сторону)

Таить немного прока;

Узнает без меня, – а рассказать жестоко.
Оба сходятся с двух сторон.

Рославлев (подходя к Ленскому)

С чего бы мне начать?

(Ленскому.)

Послушай, милый мой!
Мы с Лизой разговор имели преживой,
Да с ней не сговоришь: совсем другая стала!
И неуступчива, как сроду не бывала!
Тут что-нибудь да есть. – Так! бог уж ей судья,
А что душой кривит Элединa твоя.

Ленский

Нет! за Элединy, как за себя, ручаюсь;
А в Лизе, виноват, я что-то сомневаюсь;
Однако ж, не сердись, ведь это ни к чему,
Будь рассудителен. – А видно по всему,
Что вряд ли ты любим.

Рославлев

Так! обо мне заботы;
А об самом себе подумать нет охоты?

Ленский

А что?

Рославлев

Не бойсь, скажи про Лизу, что она
И точно не шутя в кого-то влюблена,
Что пишет к этому кому-то; – это мало,
Что он письмо ее везде, где ни попало,
Показывает всем; и, словом, что ты сам

Письмо ее читал?

Ленский

Да по твоим словам
Тебе известно всё, – а я сказать боялся.
Так точно: Блёстов здесь со мною повстречался;
И тотчас показал мне, к горю твоему,
Письмо руки ее; и писано к нему.
Теперь, прошу сказать, у женщин что же прочно?

Рославлев

Письмо от Лизы?

Ленский

Да.

Рославлев

Сам видел ты?

Ленский

Сам точно…
У Блёстова… Его он носит напоказ.

Рославлев

Ты сам читал его?

Ленский

И перечел не раз;
Я верить не хотел.

Рославлев

Возможно ли? Так, стало,
Всё кончено теперь! Всё для меня пропало!
Как глупо вверился и как обманут я!
И кем же? – Решена судьба теперь моя.
Утешимся, мой друг. – Оставим их в покое.
Откажемся навек от женщин, будем двое,
Как братья, жить.

Ленский

Оно всё так, я очень рад!
Однако ж посуди и то, любезный брат,
Что мне моя верна.

Рославлев

Верна? – да, дожидайся!
Верна! – Нет, женщинам ты лучше удивляйся,
Твоей, моей и всем! – Все верны, хоть куда!
Да что я? Для тебя не велика беда;
И станешь ли тужить ты об своей потере?

Ленский (очень хладнокровно)

В чем дело, расскажи?

Рославлев

Она… По крайней мере,
Ты это заслужил холодностью своей.

Ленский

Да что же?

Рославлев

Ничего. От верной-то твоей
Показывал письмо мне Блёстов, – в оба глаза
Смотрел я и читал, и перечел два раза.

Ленский (особо)

От каждой по письму!

(Ему.)

Как ты сказал? – моя?

Рославлев

Писала к Блёстову письмо, – сам видел я.

Ленский

Ты шутишь?

Рославлев (усиливая голос)

Не шучу.

Ленский

Она к нему писала?

Рославлев

Да, сударь!

Ленский

К Блёстову?

Рославлев

Да, сударь.

Ленский

Изъясняла
В письме любовь свою без всякого стыда?

Рославлев

Да, су́дарь, да, суда́рь, я говорю вам: да!
К чему расспрашивать? для вас ведь это малость.

Ленский (в сторону)

Так обе к Блёстову они писали? – Шалость!

Рославлев

Никак не вслушались, – велите повторить?

Ленский (с улыбкой)

Нет, вслушался и вас хотел благодарить.

Рославлев

Что? женщин я не знал? – «Нам брать у них уроки?
И только сами мы заводим их в пороки?»
Что? прав ты?

Ленский

Может быть.

Рославлев

Как? Лиза мне верна?
И в шу́та, в Блёстова, покамест влюблена!

Ленский

Я думаю, теперь он должен восхищаться.

Рославлев

Вот думает об чем!

Ленский

Нельзя ль тебе дождаться?
Я вмиг приду назад.

Рославлев

Их надо в стыд привесть;
Пойдем.

Ленский

Что мне до них? другое дело есть.

(Хочет идти.)
Рославлев (его держит)

Элединa сама, ты помнишь, нам сказала,
Что нежности она к кому-то сочиняла…
Да что? при нас самих записка послана.

Ленский

Хоть то в ней хорошо, что искренна она.

Рославлев

Как входит в голову такое рассужденье!
Подумай хоть об том, холодное творенье:
Письмо Элединой мне Блёстов показал,
Письмо от Лизы он тебе читать давал. –
Неужли позволять над нами так ругаться?

Ленский

У всякого свой вкус; он любит забавляться.

Рославлев

Ах, Лиза! Ах! на что от Вельской я отстал?
Послушай, ты письмо… проклятое читал,
Не помнишь ли, что в нем? Сказать ты можешь смело; –
Уж я не рассержусь.

Ленский

Зачем? не к спеху дело;
Мне Блёстов обещал их письма выдать в свет.

Рославлев

Прощай же, коли так; в тебе надежды нет;
Я Блёстова сыщу.

(Хочет идти.)
Ленский (удерживает его)

Постой; какой ты вздорный!
Ну, есть ли из чего шуметь?

Рославлев (хочет уйти)

Слуга покорный!

Ленский (держит его)

Постой; – поверь же мне, что Блёстов не любим.

Рославлев

Как?

Ленский

Забавляются над нами и над ним.

Рославлев

С чего ты взял?

Ленский

С того, что я наверно знаю.

Рославлев

А письма?

Ленский

Их себе я очень объясняю.
Вдруг обе к Блёстову послали два письма?
Нельзя, чтоб обе вдруг сошли они с ума,
Ну, сам ты рассуди.

Рославлев

Так точно. – Нет! вернее
Узнать бы. Растолкуй всё это мне яснее.

Ленский

Да всё объяснено. Одна из них скромна,
Другая меньше, но… обманщица ль она?
Ты веришь письмам их, а я их чувствам верю.
Лишь Блёстов сделал тут неважную потерю,
Рассудок потерял, и то не нынче…

Рославлев

Так!
Ты жизнь мне возвратил! – Какой же я дурак!

Я сомневаться мог! – Что значит быть ревнивым!
Сто раз уж перед ней я был несправедливым!
Как до сих пор не знать ума ее, души?
Однако ж ведь они и сами хороши:
Сидят и про себя, чай, думают: авось ли
Над легковерьем их мы похохочем, – после.
Нет! не умели мы их хитрость угадать?
Нет! очередь не нам над ними хохотать?
Тебе обязан я всем, друг мой!

(Обнимает его.)

Ленский

И, как другу,
Мне окажи теперь бездельную услугу.

Рославлев (с живостию)

Вели; приказывай; что хочешь ты, чего?

Ленский

Дай Блёстову пожить, не вызывай его.

Рославлев

Не вызову.

Ленский

Ну вот, насилу усмирился.

Рославлев

Однако ж если ты судить поторопился?

Ленский

Опять за ревность!

Рославлев

Нет; да ты подумай сам;
Без доказательства нельзя же верить нам.

Ленский

Всё та же песня.

Рославлев

Мне хотелось бы покуда…

Ленский

Покуда надобно уйти тебе отсюда;
Отчаянного роль я стану здесь играть;
Ты только не мешай.

Рославлев

Да надо бы узнать.

Ленский

Я всё узнаю,

(Почти толкает его.)

всё; ну, что же, убирайся.

Рославлев

А если…

Ленский

Ах, поди!

(Толкает его.)
Рославлев

Смотри, в обман не вдайся.

Ленский
(выталкивает)

Да, ну, поди скорей!

Рославлев тихонько входит опять и, не быв примечен Ленским, прячется через другие двери в кабинет.

Явление 11

Ленский (один)

Довольно покричал!
Немудрено: я сам уж верить начинал!
А Блёстову его соперники достались
В поверенные! – Как? все трое мы попались,
Чтобы Элединy и Лизу забавлять?
Пустое! – Не люблю я женщин балова́ть.
Нет хуже, как прощать насмешки их над нами;
Их поздно в руки брать, как будут нам жена́ми…
Они? я очень рад!

Явление 12

Ленский, Элединa, Лиза.

Элединa (Лизе в глубине комнаты)

Печален! – Неужли
Уж Блёстов рассказал?

Лиза

Спроси.

Элединa (Ленскому)

Куда вы шли?

Ленский (печально)

Не знаю.

Элединa

Что за грусть? – Ведь вы смеетесь вечно.

Ленский (ходя взад и вперед)

Когда обманывал кто так бесчеловечно!
Мужчину завести, уверить, уловить,
Дать слово, – и потом, как на́смех, изменить.
В досаде этакой от смерти недалеко!

Элединa

Зачем же от меня так мучиться жестоко?

Ленский (остановясь)

Поступок ваш меня, конечно, оскорбил;
Однако ж не об нем теперь я говорил.
Отчаянный мой друг мне в голове вертится…

(Лизе.)

Представьте, он совсем хотел уж застрелиться.
Всё проклинал: любовь, друзей и целый свет;
Решил, что для него ни в ком надежды нет.
Что в свете всё обман, что женщины все ровно
Лукавы, злы…

Элединa (перебивая)

А вы, как должно, хладнокровно,
Утешили его?

Ленский

Как тут попали вы.
Я, правда, ждал всего от этой головы;
Он застрелился бы; но выдумкой счастливой
Я спас его.

Лиза (испугавшись)

Какой?

Ленский

Известно, что ревнивый,
В любви обманутый, тотчас на всё готов;
Так убедить его мне стоило двух слов:
Наталью Вельскую вы знаете?

Элединa

Ну, что же?

Ленский *(Лизе)*

Так точно; вас она немного помоложе, –

(Элединой.)

Брюнетка! острая! живая!.. Словом, он…

Элединa (перебивая и показывая на Лизу)

С досады на нее уж в Вельскую влюблен.

Ленский

Вхожу я: в комнате почти не видно света;
Он в горе; на столе лежат два пистолета;
Я начал утешать, он слушать не хотел;
Об Вельской речь зашла…

Элединa (перебивая)

И к ней он полетел.

Ленский

Нет, я отвез его. – А впрочем, долго бился;
Он спорил, ссорился, но после – согласился.

Элединa (в сторону)

Злодей!
Лиза (в сторону)

Ах!

Ленский (Элединой)

И теперь они в глазах моих!
Представьте в нежности и в восхищенье их!
Не могут говорить, хоть говорить хотели,

Зато с каким огнем друг на́ друга глядели!

(Лизе.)

А более меня ее пленял восторг!
Скажите! я без слез смотреть на них не мог.

(Элединой.)

И что ж приятнее, как видеть двух счастливых?

(Лизе.)

В желаниях любви, всегда нетерпеливых,
При мне клялись они друг друга обожать;
И… скоро свадьба их.

(Элединой.)

А мне пришлось искать
Такую милую (хоть, правда, это странно),
Чтоб одного меня любила постоянно;
Не то чтоб Блёстову я подражать хотел,
Сегодня двух невест он вдруг сыскать умел.

(Ленский смеется и раскланивается с ними; они с досады на него не смотрят, и он уходит.)

Явление 13

Элединa, Лизa.

Элединa
(долго молчит, не смея взглянуть на Лизу; наконец говорит)

Какой же человек! – и я его любила!

Лизa

А я себя, скажи! за что же погубила?
Твоя же выдумка, чтоб письма нам писать!
И подлинно умно, уж нечего сказать! –
Ах! я от этого Рославлева теряю.

Рославлев
(выходя из кабинета, в котором он прятался)

Дай их послушаю.

(В этой сцене он несколько раз хочет подойти к Лизе.)
Элединa

Да, я еще не знаю,
Печалиться ли нам? И есть ли из чего?
Хоть Ленский мой? Скажи, ну где ж любовь его?
Ведь он же не шутя любить меня божился.
А твой? – С отчаянья почти что уж женился.
Они…

Лизa

То сделали, что должно было им,
Что сделала бы я, с терпением моим.
Как? на дурацкие мы письма отвечаем!
Кого же? Блёстова мы им предпочитаем.

Элединa

Что ж? Из учтивости должны бы хоть они
Поплакать, пострадать каких-нибудь два дни.
Я видела, как здесь ревнивец твой божился,
Что вмиг бы умер он, когда б тебя лишился.
Зачем же не сдержал он слова своего?

Лиза

Зачем? – Ах, боже мой!

Элединa

Да, это роль его.
Роль Ленского теперь веселым притворяться,
А наша, им назло, ничуть не огорчаться.
Поддержим честь свою и позабудем их.

Лиза (почти плачет)

Честь? – Разве честь велит обманывать других?

Рославлев
(тихо, в глубине комнаты)

Прелестна!

(Хочет к ней подойти.)
Лиза (плачет)

Как любил! Как думал быть счастливым!
Ну вот! ты Ленского не сделала ревнивым,
А я с Рославлевым лишаюся всего;
Мне даже жаль теперь и ревности его!
Ах! если б слышал он, как я себе пеняю!
Когда бы знал…

Явление 14

Рославлев, Элединa, Лиза.
Рославлев (с радостию)

Я здесь: всё слышал и всё знаю.

Лиза

Росла́влев, это вы?

Рославлев

Так я еще любим?
И сказкам обо мне вы верите пустым?

Элединa

Так вздор он нам сказал про Вельскую Наташу?
Обманщик Ленский!

Рославлев

Да, он понял шутку вашу
И отплатить хотел.

Лиза

А вы с ним заодно!

Рославлев

Кто?.. я?.. Нет, не совсем… Ведь было мудрено
Не усомниться мне – такой я сумасшедший.
Да что уж толковать о глупости прошедшей?

(Элединой.)

Не ссорьтесь с Ленским; он бесценен! – Без него
Не знал бы никогда я счастья своего.

(Лизе.)

Когда бы удалось услышать мне, как мило
Жалели обо мне? – Как мне приятно было!
За это вы меня решитесь ли простить?

Лиза

Вы сами слышали, так что тут говорить.

Рославлев

Ах! сроду никогда я так не восхищался!

Элединa (увидя Ленского)

Тс! – тише!

Явление 15

Ленский, Рославлев, Элединa, Лиза.
Ленский (будто ищет кого-то)

Точно здесь. – Что если б догадался
И он помучить их?

(Посмотрев на всех.)

Нет, всё известно…

Элединa

Да!
Известно всем, что в вас нет совести, стыда;
Всех рады осмеять вы для своей забавы
И непростительно как злы и как лукавы.
Ужасный человек!

Ленский

Что ж делать? – виноват!
А вот несносен кто, всё выболтать он рад!
Нет, милый мой, теперь мы сговорились двое;
А если что-нибудь вперед затею злое,
Так, верно, без тебя.

Рославлев (с довольным видом)

Пожалуй.

Элединa

Боже мой!
Вот извиняется он как передо мной!

Ленский

Что ж, хитрость мне моя, – признаться я обязан, –
Не вовсе удалась; довольно я наказан.

Рославлев целует руку у Лизы; Ленский с тем же подходит к Элединой; она от него отворачивается. В эту минуту является Блёстов и помирает со смеху.

Явление 16

Блёстов, Элединa, Ленский, Рославлев, Лиза.

Блёстов (в сторону)

Забавны взапуски один перед другим!

(На ухо Элединой.)

Зачем обходитесь вы так жестоко с ним?
Он догадается.
Элединa смеется. Блёстов становится между Ленским и Рославлевым.

(Ленскому.)

Ваш друг в веселом нраве.
Что, если б он узнал? Нет, боже нас избави!
Ленский смеется.

(Рославлеву.)

Каков вам кажется ваш Ленский? – право, клад!
Ведь за Элединy он побожиться рад,
Что всё ему верна!

(Все смеются.)

Да кто ж над кем смеется?

Ленский

Над вами, сударь, все; мне так оно сдается.

(Элединой.)

А чтоб уверился он в торжестве своем,
День нашей свадьбы мы назначимте при нем.

Элединa

Ты понял мастерски, хитрец, мою науку;
За это за одно мою получишь руку.

Ленский

Вы шутки не должны так к сердцу принимать:
Я вас в неверности не смел подозревать,
Хоть Блёстов, слова нет, соперник преопасный…
Росла́влев ревновал… Ну! он любовник страстный,
А я – почтительный, – тут нет других причин;
И несогласиям конец теперь один.

(Показывая на Блёстова.)

За наши ссоры он пусть богу отвечает.

Рославлев
(самым насмешливым тоном)

Вот Блёстов разом как двух женщин обольщает!
Каждый в свою очередь подходит к Блёстову с ироническим поклоном, и потом все уходят.
Явление последнее

Блёстов (один)

Красавицы мои! Кто растолкует вас?
Да, правда, ведь и мы не лучше в добрый час;
Сегодня любим их, а завтра ненавидим.

(Подумавши.)

Как будут замужем они, – тогда увидим!

«Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом»

Действующие лица

Пан Чижевский, содержатель почтового двора.
Антося
Лудвися
Рославлев-младший, гусарский офицер.
Юлия, жена его.
Рославлев-старший.
Андрей, слуга его.
Вациус, писарж почтовый.
Передовой Рославлева-старшего.
Слуга проезжающих.

Действие происходит в польском местечке в почтовом доме. Комната: справа от зрителя стол, на нем шнуровые книги, бумага и проч., с левой клавикорды, на стене гитара, в средине открытый вид в цветник.

Явление 1

Рославлев-младший и *Юлия* (сидят за столом в цветнике и пьют чай). *Антося* и *Лудвися* (одна за клавикордами, а другая с гитарой, и поют). Рославлевы *слуги* (увязывают чемодан и проч.). *Писарж* (пишет за столом). *Пан Чижевский* (читает варшавскую газету).

(Краковяк)

Антося и *Лудвися*

Молодость, как струйка! Молодость, как цвет!
Пробежит украдкой, процветет – и нет!
«Милая Магдуся!»

Янек говорил:

«Злых людей не труся,
Молви: ты мне мил!»
Что ж на то Магдуся
Молвила ему? –
«Сердцем отдаюся
Другу моему!»

Завтра – гость неверный! прошлый гость – вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Слышу ли, как зыбкий
Крадется ручей,
Как на ветке гибкой
Стонет соловей,
В розу ли всмотрюся,
Что цветет на срок,
Вспомнится Магдуся
И ее урок.

Завтра – гость неверный! прошлый гость – вчера!
На любовь и радость нам одна пора!

Рославлев-младший и *Юлия* входят в комнату.

Рославлев-младший. В дороге чай и песни всегда кстати, но и лошади не лишнее. Мы теперь отдохнули, освежились; отправьте

нас скорее, пан почтмистрж!

Пан Чижевский. За́раз, яснеосвещенный! кони готовы.

Писарж (между тем показывает ему подорожную и тихо говорит). Позвольте только расспросить о имени вашем: мы никак не разберем. *(Читает.)* «Следующему из Санкт-Петербурга в Варшаву…»

Рославлев-младший. «Гвардии ротмистру Рославлеву».

Пан Чижевский (читает про себя). «…С будущими…»

Рославлев-младший. И славу богу! не только с будущими, но и с настоящею *(показывая на жену)* назло всем препятствиям.

Пан Чижевский.

А, понимаю, понимаю.

Жизнь скучным трактом вам казалась!
Так, взяв любовь в проводники,
Желали вы, чтобы досталась
И радость с легкой вам руки!
Так! к счастью пристани надёжной
Всем мил открытый лист в жене…

Антося

Ах! как хотелось бы и мне
Скорей быть также подорожной.

Пан Чижевский

Любовь и брак!

Рославлев-младший

Одно и то же.
Они родные брат с сестрой!

Пан Чижевский

Согласен! но сестра моложе.
Ах, братец – барин пожилой, –
В дороге спутник ненадёжный:
Сестра на вольных навострит,
А брат отстанет и сидит

Один, с законной подорожной.

Явление 2

Те же и *Передовой* старшего Рославлева.

Передовой. Скорее! скорее! восемь лошадей! две мне, а шесть его высокородию, который скачет по пятам моим.

Пан Чижевский (читает подорожную). «Из Варшавы в Санкт-Петербург майору Рославлеву». *(Отходит к письменному столу.)*

Рославлев-младший. Вот неожиданный гость! Это брат мой!

Юлия. Куда нам деваться?

Пан Чижевский. Рославлев из Петербурга в Варшаву – Рославлев из Варшавы в Петербург.

Рославлев-младший (отводя его в сторону). Тс! Ни слова обо мне! нам надо с тобою уговориться, любезный, драгоценный пан почтмистрж.

Передовой (писаржу). Пока нельзя ли мне с дороги и на дорогу выпить стакан вина?

Писарж. Хоть два, только вместе со мною.

Слуга и он уходят.

Явление 3

Рославлев-младший, Юлия, пан Чижевский, Антося и *Лудвися*.

Юлия. Сделайте одолжение, пан почтмистрж, не давайте лошадей проезжающему!

Пан Чижевский. Да не беспокойтесь! вас не обидим! В лошадях, благодаря бога, здесь недостатка нет. Моя станция первая по всему тракту…

Рославлев-младший. Верю, но не в том дело! мы и сами останемся здесь, да и его нужно нам задержать.

Пан Чижевский. Змилуйтесь, ясновельможный пане! За кого вы нас принимаете! Я знаю всю важность своей обязанности, облеченный доверенностью правительства, – как пойду против постановлений!..

Рославлев-младший. За другими… дорога наезжена.

Пан Чижевский. Что скажут обо мне начальники?

Рославлев-младший. Что говорят о других.

Пан Чижевский

Знать ложен толк в вас о почтмистрже польском:
Кривнуть душой нас бог оборони!
Ввек не споткнутся в месте скользком
Ни гонор мой, ни лошади мои!
Нет! польских почт историю прочтите
И с норовом почтмистржа в Посполитей
Не сыщите, ручаюсь вам!
Присяга в нас непобедима,
И Нарушевич скажет сам,
Что наша честь ненарушима!

Юлия. Троньтесь хоть тем, что Нарушевич как вам, так и мне земляк, что и я полька…

Рославлев-младший (впуская в руку несколько червонцев). Да троньтесь хоть этим… За упокой Нарушевича.

Юлия (снимает с себя цепочку и кольцо и отдает сестрам). Вот, мои милые, носите то на память обо мне.

Антося

Какая милая цепочка,
Какой пленительный наряд!
И самого́ маршалка дочка
Такой имеет ли навряд.

Лудвися

Колечко, я тебя в гостинец
Дружку готовлю своему,
А кто дружок?

(Надевая кольцо.)

Смотри ж, мизинец,
Не проболтайся никому!

Пан Чижевский. Делать нечего! Вы побеждаете мою непреклонность! добрый поляк умеет сострадать ясновельможному ближнему и сам готов страдать за ясновельможную ближнюю. Что ни было бы, а кому вы не прикажете, тому лошадей и не будет.

Кровь польская сказалась в сердце польском!
Не устою на роковой черте!
И, спотыкаясь в месте скользком,
Я падаю, но в ноги красоте!
Я не легко пускаюсь на измену,
Нет, ваших просьб признал и вес и цену,
Вы заглушили ложный стыд,
В мою прокралися вы душу,
И Нарушевич мне простит,
Что клятву раз свою нарушу.

Юлия. Как мы вам благодарны!

Пан Чижевский. Оно благодарности не стоит!

Рославлев-младший. Нет, стоит-то стоит, да не в счете дело.

Пан Чижевский. Но растолкуйте мне теперь, зачем вы непременно хотите задержать однофамильца. Тут есть тайна, а я недаром почтмистрж: много тайн перебывает у меня в руках.

Рославлев-младший. Не мало и останется!

Юлия. Муж мой всё вам расскажет. *(Сестрам.)* А вы, милые, подите со мною. Надобно нам обдумать и привести в исполнение план нашей комедии на скорую руку.

Они уходят.

Явление 4

Рославлев-младший и *пан Чижевский*.

Рославлев-младший. Узнайте же, что едущий из Варшавы в Петербург Рославлев – мой родной брат. Лишившись родителя своего в ребячестве, видел я в брате другого отца; выросши, вижу в нем лучшего своего друга. Долго не имели мы между собою ни тайного поступка, ни тайной мысли; нравы скромности, образ мыслей – всё сближало нас день ото дня более и более. Но вдруг согласие наше разрывается. Я начинаю признавать власть любви: он, любви постоянный данник, как нарочно, отрекается от нее. Я полюбил одну женщину, – он всех женщин возненавидел. Я пишу к нему, что хочу жениться и прошу его согласия, – он отвечает, что если не обещаюсь остаться с ним холостым на всю жизнь, то он отказывается от меня навсегда. – Я женился и еду к нему с женою: он скачет, чтобы помешать нашей свадьбе и докончить лично то, что без успеха начал письменно. Вот наша история.

Пан Чижевский. Но каким способом надеетесь вы переупрямить его и довести до согласия?

Рославлев-младший. Я сам еще порядочно не знаю, но есть надежда; брат – человек пламенный, и вообще постоянства в любви к женщинам мало, но постоянства в ненависти к ним еще менее.

Пан Чижевский. И то правда! Я смолоду и сам не охотник был до женщин, но покойная жена однако же принудила меня обвенчаться с нею. Помнится мне, читал и в Красицком, что богачей и барынь все злословят, и все в них ищут.

Бар и барынь все бранят
Под рукою,
Презирать их каждый рад
За спиною;
Но столкнися с мудрецом
Барин знатный,
Иль красотка брось тайком
Взор приятный:
Вдруг начнет иное петь
Наш Сенека,
Переменится медведь
В человека;
Смотришь, – он, как и другой,
Гибок, тонок,
Мастер кстати делать свой

Падам-до-ног.

Рославлев-младший. Стук! коляска подъехала. Прощай, благодетель, и смотри же скромнее и осторожнее. *(Уходит в боковую комнату.)*

Пан Чижевский (пересчитывая деньги из руки в руку). Скромнее и осторожнее!

Явление 5

Пан Чижевский, Рославлев-старший(в фуражке и не снимает ее).

Рославлев-старший. Лошади готовы? Впрягать скорее!

Пан Чижевский. Ясновельможный…

Рославлев-старший. Готовы, я спрашиваю?

Пан Чижевский. Ясноосвещенный, извольте взять терпенье.

Рославлев-старший. Терпенье? – Лошадей, я говорю. Где ж мой передовой?

Пан Чижевский. Гм! Здесь!

Рославлев-старший. А лошади?

Пан Чижевский (нерешительно и боязливо). Будут.

Рославлев-старший. Ну, сейчас, сию минуту!

Пан Чижевский (приободряется и откланивается, не трогается и начинает петь, Рославлев с первого стиха зажимает ему рот).

Могу сказать вам о почтмистрже польском…

Рославлев-старший. До песней ли мне теперь! Тьфу, какой безмозглый народ! послать ко мне курьера! Сам беги, вели, кричи! Живо! мигом! *(Выталкивает его.)*

Явление 6

Рославлев-старший(один). Петь хочет! Сумасшедший! Теперь, может быть, у брата на свадьбе поют и пляшут… Странная судьба! Скачу сломя голову, чтобы брата отговорить от дурачества, которое сам хотел было сделать три месяца тому назад; но вы, красавицы, меня вылечили от залетного воображения, от всяких попыток на супружеское счастье, от веры в вашу любовь, – вы, которые никого, кроме себя, не любите. Я долго гонялся по следам вашим, долго; но поумнеть никогда не поздно. *(Берет гитару, прислоняется к фортепьяно, пробует несколько аккордов и напевает куплет.)*

(Рондо)

Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.
Из ваших рук довольно пил отраву,
Довольно я, красавицы, страдал;
Моя тоска была вам на забаву,
Смеялись вы, – я слезы проливал, –
Но слез моих вам более не видеть,
Я в школе был и с горя поумнел.
Как я вас обожать умел –
Так вас умею ненавидеть!
Готовьте другим
Оковы и розы,
Обеты, угрозы,
Улыбки и слезы, –
Я стал невредим.
Пускай сердечным суеверам
Еще мерещится любовь;
А я откланялся химерам
И на обман не дался вновь.

Явление 7

Рославлев-старший, Антося и *Лудвися*.

Антося. Ах, как вы приятно поете!

Лудвися. С каким выражением вы арпеджио делаете на гитаре!

Антося. Продолжайте, сударь.

Рославлев-старший бросает гитару.

Антося. Вы не хотите, чтоб мы вас слышали?

Лудвися. Мы вам помешали?

Антося. Пожалуй, мы уйдем.

Рославлев-старший. Уйдите или оставайтесь: мне решительно всё равно.

Антося. Может быть, вам угодно нас послушать?

Рославлев-старший. Я терпеть не могу женского голоса!

Антося. Как? Неприятно вам, когда женщины поют?

Рославлев-старший. И даже когда говорят!

Лудвися. Это почти что очень неучтиво!

Рославлев-старший. Я предупреждаю вас, я ужасный грубиян.

Лудвися. Сестрица, он шутит.

Антося. Вы шутите, сударь, мне кажется: вам наш пол не так противен.

Лудвися. И я тоже думаю, что он вам мил!

Антося. Вы еще, того гляди, здесь влюбитесь.

Рославлев-старший. В вас?

Антося. Коли не в нас, так у нас по крайней мере!

Рославлев-старший. В здешнем городе?

Лудвися. Хоть и в здешнем доме, как узнать?

Рославлев-старший. Не худо на дорогу.

Антося. Ни за что не ручайтесь! кто истинно до женщин неохотник, тот не говорит им этого в глаза и вовсе с ними в разговор не вступает, берет шляпу и уходит.

Рославлев-старший. Именно так, прощайте. *(Кричит при выходе.)* Что ж, готово? Нет еще? Это разбойство! Это неслыханно, что за мешкотня! *(Уходит.)*

Явление 8

Антося, Лудвися, Юлия (в мужском платье, приделанные бакенбарды, сапоги со шпорами).

Юлия. Ну, каков наш нелюдим?

Антося. Очень забавен!

Чудак он, право, своенравный!
Его ввести не можно в толк:
На разговор он рыбе равный,
А вежлив, как сердитый волк.
На шутки гневом отвечает
И дуется…

Лудвися

Нет дива тут:
Предчувствием он, верно, знает,
Что нами будет он надут.

Явление 9

Те же, Рославлев-старший, пан Чижевский, писарж, курьер и *слуга* Рославлева.

Рославлев-старший(держит пана Чижевского за ворот). Ты, бездельник! Не может быть, чтобы все лошади были в разгоне.

Рославлев-старший и курьер с одной стороны, Юлия с другой тормошат пана Чижевского.

Рославлев-старший

Скорей, скорей
Лошадей, лошадей.

Антося и *Лудвися*

Смелей, смелей

Вы откажите лошадей.

Пан Чижевский

Я рад вам дать бы лошадей,
Но с час последня пара вышла.
Рославлев-старший.
Как вышла!

Пан Чижевский

Есть лошади, да не для вас!
Здесь сверхкомплектных пять у нас;
Из них не ходят две у дышла,
А три не ходят уж никак!

Рославлев-старший

Я не терплю докучных врак!
Твоей я спеси поубавлю,
И, если станешь врать пустяк,
Тебя – тебя ходить заставлю!

Антося и *Лудвися*

Вы забываетесь, никак, –
Наш папенька и сам из шляхты.
Прошу понизить голосок.

Рославлев-старший

Мне дела нет до вашей шляхты!
Скачи от Питера до Кяхты,
От Кяхты поскачи в Моздок,
Но, верно, хуже этой почты
Нигде по трактам не найдешь.

Антося и *Лудвися*

Как дела нет до нашей шляхты!
Наш герб – подкова и рожок.

Пан Чижевский

Да говорят же вам не ложь!
Всех подорожных не сочтешь!
Коляска скачет за каретой!
За городскою эстафетой
Летит из армии курьер,
Тут подкоморжий за курьером,
Тут арендарж и офицер!
Тут панна вслед за офицером!

Антося и *Лудвися*

И день и ночь, судите вы,
Мы не выходим из упряжки;
И наши лошади, бедняжки,
И мы – совсем без головы.

Юлия (вслух). Несносный упрямец! с ним не сговоришь; я уже моих людей разослал, чтобы как-нибудь на вольных убраться. Представьте, с самого утра он меня проводит. То лошадей вовсе нет, а когда сказывают ему, что есть точно, видели их в стойлах,

отговоркам конца нет: одна будто бы охромела, другая крива, третья вовсе бессильна, при последнем издыхании, упряжки не в порядке, почтари в разброде! Между тем дочери его оглушают страстными плаксивыми песнями… Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят.

Рославлев-старший(расхохотавшись). Какая мысль! а что? может быть. – Тесть любезный, не быть бы тебе…

Антося и Лудвися, будто обиженные, подходят к нему и, приседая, поют.

Антося

Нет, это слишком, признаюсь,
И оставаться здесь напрасно.

(Уходит, приседая.)
Лудвися

Я бешеных, суда́рь, боюсь!
И с вами быть, ей-ей, опасно.

(Также уходит.)
Пан Чижевский

Сердитесь вы наедине,
Но гнев сносить ваш нет мне следу!

(Уходит.)
Рославлев-старший

Иль тотчас дайте ехать мне,
Иль всех я вас путем доеду!

Явление 10

Рославлев и *Юлия*.

Юлия. Успокойтесь! мои люди всё сделают, всё достанут мне и вам. Я рад, что могу служить собрату в равном горе, и через полчаса мы покатимся каждый по своей дороге, а может быть, по одной и той же. – Вы куда?

Рославлев-старший. В Петербург.

Юлия. А я оттуда.

Рославлев-старший. Тамошний житель? Всегда или временно?

Юлия. Я там служу в гусарах.

Рославлев-старший. Ах, боже мой, так вы знаете Александра Рославлева, – он в них же служит?

Юлия. Товарищ, друг мой неразлучный, мы с ним живем в одной комнате.

Рославлев-старший. Он мой брат родной.

Юлия. Неужели? как счастливо! Следовательно, вы и мне родной, – дайте обнять себя. – А знаете, какую было он глупость сделал? мой друг, ваш братец чуть было не женился.

Рославлев-старший. Чуть было? стало, миновалась опасность?

Юлия. Совершенно. Он уже вовсе об этом не думает!

Рославлев-старший(в сторону). Мои письма подействовали. *(Громко.)* Как я рад встрече с вами, и даже прощаю почтовому смотрителю, что задержал меня. Эй! Кто-нибудь!

Антося и *Лудвися*. *(Сестры входят.)* Что вам надобно?

Рославлев-старший. Шампанского!

Антося. И! Какие прихоти! в нашем местечке этакого вина не водится. Венгерского, коли угодно?

Рославлев-старший. Чего-нибудь! Что душу располагает к веселью! Скорое!

Юлия. Туда, в цветничок.

(Сестры уходят.)

Рославлев-старший. Расскажите мне о брате, пожалуйста, всё, что знаете.

Юлия. Представьте себе – в его лета жениться.

Рославлев-старший. И на польке, это всего опаснее.

Юлия. Почему же! Я сам поляк.

Рославлев-старший. Нет! будьте справедливы, любовь к отечеству в сторону. Наши кокетки – ученицы перед здешними.

Юлия. Быть так, но братец ваш… ему совсем было голову вскружили, подговорили, заговорили, он уже готов был под венец, но я заклинал именем вашим, не зная вас, и моею дружбою… он образумился; вы видите во мне закоренелого

мизогина.

Рославлев-старший. Закоренелого! Вы еще очень молоды!

Юлия. Со дня моего рождения тверд, как кремень, и не изменяю моим правилам. Враг отъявленный свадеб и волокитства, томных вздохов и нежных поцелуев. Если бы все женщины какой-нибудь благодетельной чумою исчезли с лица земли…

Рославлев-старший. Я бы не охнул.

Юлия. Я также.

Рославлев-старший. Я их терпеть не могу!

Юлия. Я их ненавижу.

Рославлев-старший. Вечные прихотницы без толку, ни капли здравого смысла, ни шагу без видов, любезны сначала, но под конец докучливы.

Юлия. Самые ничтожные, бесполезные! Дайте мне руку, передадим такие же правила нашим детям.

Рославлев-старший. Я надеюсь, что у меня их никогда не будет!

Юлия. Тем лучше, забот меньше.

Антося и Лудвися входят и подносят налитые стаканы.

Юлия

Стократ счастли́в, кто разум свой
Не помрачил еще любовью,
Но век проводит холостой, –
Я выпью за его здоровье.
Поверьте мне, жена для нас
Есть вечное почти мученье.
Женись лишь только – и как раз
Родятся ревность, подозренье.
Ах, то ли дело одному:
Его не мучит неизвестность,
Душе покой, простор уму,
И вечная почти беспечность!
Нрав женщины имеют злой,
Капризны, что не сладишь с ними.
Чтоб избежать судьбы такой,
Останемся мы холостыми!

Антося и Лудвися устанавливают поднос с бутылками в цветнике и уходят.

Юлия. Одна есть женщина в свете, которую я люблю по самой родственной связи.

Рославлев-старший. Одна уже нашлась; найдутся и более!

Юлия. Нет! двух таких не бывает; она – сердца ангельского, примерной добродетели.

Рославлев-старший. О! они все ангелы! все чудесно добродетельны! где же твердость ваша? правила неизменные?

Юлия. Не ошибайтесь. Речь идет об моей сестре. Кроткое, невинное существо, и так же мало заботится об нас, как мы с вами об их. Брат, отец, мать – вот кто ей наполняют душу. Здесь, например, давно ли мы остановились, и то неохотно, она уже отыскала какого-то безгласного, разбитого параличом, дряхлого старика, всеми брошенного, ухаживает за ним, бережет его и благословляет случай, который задержал нас здесь, подавая ей добро творить, между тем как мы с вами от этого случая готовы лопнуть с досады.

Антося вбегает.

Антося. Вас сестрица зовет, крайняя нужда!

Юлия. Сейчас.

Антося (ей на ухо). Ваш муж что-то по вас беспокоится.

Юлия. Иду, я скоро ворочусь к вам.

Явление 11

Рославлев-старший(один). Брат сестру хвалит, видит в ней совершенство! Почтенное чувство! Но кто ручается, что тут нет пристрастия? Однако он поселил во мне сильное любопытство… Что, кабы попытаться познакомиться с пригожей незнакомкой?.. Пригожею? – это еще неизвестно, но то верно, что между мною и старым паралитиком она бы недолго колебалась. Разумеется, всё бы кончилось шуткою, потому что я отныне впредь и навсегда, благодаря принятому намерению, об женщинах слышать не хочу. Спешить некуда, повеса Александр не женится, что ж – попробуем. И я многим нравился… *(охорашивается перед зеркалом)* конечно, не столько, сколько бы хотелось, а пуще всего недолго!

Зачем теперь не вспомнить мне,
Как резво, сча́стливо и смело
Сердечны шалости одне
Имел за главное я дело.
Я у красавиц был в чести!
Шутил собой, шутил и ими.
Как быть!.. был проведен иными, –
Зато, отмщаясь над другими,
Успел я многих провести.

Явление 12

Рославлев-старшийи Юлия (в женском платье).

Юлия. Пан почтмистрж, пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Это она! прехорошенькая! и как на брата похожа!

Юлия (между тем бегает к дверям, в цветник и в окно смотрит). Пан почтмистрж!

Рославлев-старший. Кого вы ищете? кого вам надобно? Хотите, я позову?

Юлия. Здешний хозяин обещал мне достать шалфея и не идет до сих пор.

Рославлев-старший. Лекарство для вас? чем вы нездоровы?

Юлия. Нет-с, не для меня, здесь больной есть, и опасно больной.

Рославлев-старший. Ближний вашему сердцу?

Юлия. Ах, сударь, помогите ему, – вы, верно, лекарь.

Рославлев-старший. Почему вы это думаете?

Юлия. Вы с таким участием расспрашиваете о болезни и больном.

Рославлев-старший. Признаюсь, на этот раз я в отчаянии, что неискусен в медицине.

Юлия. Так я ошиблась, извините. *(Уходит.)*

Рославлев-старший. Ошиблась и не любопытствует знать, кто я! В самом деле это редко… Молоденькая, личико миленькое, чувствительное – и не любопытна!

Юлия возвращается.

Рославлев-старший. Нашли, кого искали?

Юлия (среди комнаты, печально). Нет-с, не нашла.

Рославлев-старший. Позвольте же, я за вас пойду, разведаю, отыщу и приведу.

Юлия. Пожалуйста, я вам много обязана буду.

Рославлев-старший. Сию минуту. *(Ворочается.)* Какое в вас небесное добродушие и как непритворно! Как вы для других себя забываете! Клянусь вам… что я не видывал ничего подобного.

Юлия. Перестаньте, сударь!

Рославлев-старший. Вы рассердились?

Юлия. Нет-с, я вам благодарна, я, право, не сержусь, вы мне говорите приятные вещи, только, простите мне, они не у места. Вспомните, что ваши услуги, помощь ваша нужна бедному старику, изнеможенному страданиями. Идите, спешите и пуще всего не думайте, чтобы я была сердита.

Рославлев-старший. Бегу, лечу. *(В дверях.)* Не оскорбляется

похвалами, а не любит их. *(Ворочается.)* Ах! ах! кстати вспомнил, что со мною есть маленькая дорожная аптека, – я вам сейчас принесу ее.

Юлия. Очень кстати! пожалуйста, скорее!

Рославлев-старший(ворочается). Боже мой! Печатное наставление, как употреблять ее, на английском языке!

Юлия. Я умею по-английски.

Рославлев-старший. А название составов и способов составления и мера приемов по-латыни.

Юлия. Я умею по-латыни.

Рославлев-старший. А драхмы, унции и их дроби?

Юлия. Вес как вес, я по необходимости его знаю: матушка целый год была больна; впрочем, это знание так не трудно, что нечем хвастать. Пожалуйста, пришлите ваш ящик.

Рославлев-старший. Сию минуту. *(В дверях.)* Сколько познаний, и не выказывает их и не дорожит ими! *(Ворочается.)* Я готов не только быть у вас в полном подданстве на услугах, рассыпаться всюду и за всякой всячиной вам в угодность, только…

Юлия. Что вы хотите сказать?

Рославлев-старший(в *сторону).* Куда девалась моя дерзость? *(Вслух.)* Не теперь, но когда удастся мне вам сделать угодное, когда вы убедитесь, что и я не без добродушия, не без сострадания; осмелюсь ли я просить у вас…

Юлия. Чего? скажите!

Рославлев-старший. Поцеловать вас в знак дружбы.

Восторгов бурных и непрочных
Во мне простыл горячий след,
И поцелуев непорочных
Теперь мне сладостнее нет.
Меня не страсти пыл волнует –
Умел я чувства обуздать,
И вас хочу поцеловать,
Как брат сестру свою целует.

Юлия. На такой поцелуй и я согласна. Идите, сударь, торопитесь, не теряйте времени… почему мне не поцеловать вас? Я готова обнять доброго человека, только не мешкайте, бегите, принесите. Почему не обнять вас за доброе дело!

Рославлев-старший. Невинна, как ребенок!

(Уходит.)

Юлия (смотрит вслед ему, потом в окно). Ушел! Войдите!

Явление 13

Юлия, Антося и *Лудвися* (ведут Юлии мужа, укутанного в виде больного, зонтик на глазах, все лицо почти закрыто полотенцами, жена около его старается, поправляет и любуется).

Антося

Каков, скажите, наш больной?
Больной он нового покроя!

Лудвися

Кто в этой смерти подвижной
Найдет гусарского героя?

Антося

Болезней всех образчик он!

Лудвися

Вот предисловье похорон!

Антося

Слепой, расслабленный, недужный,
Он дышит будто сгоряча…

Лудвися

Но тем болезнь ему с плеча,
Что в ней врачи ему не ну́жны.

Рославлев-младший (слабеющим голосом). Капель, микстуру, сироп! Смотрите на часы, не пора ли принимать?

Юлия. Шалун, ты ужо не забудься при любезном братце! Пожалуйста, будь смирен и не подавай ни малейшего знака жизни.

Рославлев-младший. Уговор лучше денег: я не гожусь в

параличные; хочешь, лучше напущу на себя белую горячку, выскочу, зарублю, развоююсь, брата в сторону, тебя в другую, сам на стену…

Юлия. Не дурачься, мой милый, ты всё испортишь, а коли тебе непременно движение нужно, видел ты здесь креслицы? Хочешь, я тебя усажу в них и стану прокатывать из комнаты в комнату?

Рославлев-младший. Сажай, вези!

Юлия. Ну, пойдем. *(Уводит его.)*

Явление 14

Антося, Лудвися, Рославлев-старшийи пан Чижевский.

Рославлев-старший. А, милые, вы здесь, как я рад, что вас вижу!

Антося (в сторону). Наш дикарь становится, кажется, обходительнее.

Лудвися. Мы от вас бегали, боялись вам в глаза попасть; вы такие сердитые!

Рославлев-старший. А уж вы и приняли за строгую истину мои тогдашние шутки! Как вам не стыдно? а скажите мне, где проезжая дама?

Антося. Она тотчас будет.

Пан Чижевский. У нее нет минуты свободной! всё время посвящено у нее на разумные дела.

Рославлев-старший. Да, кажется мне, что вы об ней знаете: известны ль вам обстоятельства ее жизни?

Лудвися. Мы и сами много сказать вам не можем о ней. Всё, что знаем, слушайте!

Она друг сирым и убогим!

Антося

Она благотворит шутя!

Лудвися

Она мудрец рассудком строгим!

Антося

Она невинностью дитя!

Пан Чижевский

Она благое существо,
В ней человеческого мало…

Рославлев-старший

Да, в этом женском диве, стало,
Уж женского нет ничего!

Явление 15

Те же и *Юлия* (в мужском костюме).

Рославлев-старший. А! любезный мизогин, откуда? а я без вас сделал здесь приятнейшее знакомство!

Юлия. Поздравляю с доброй вестью: мало-помалу лошади собираются, и мы скоро отправимся.

Рославлев-старший. Поздравьте лучше меня с тем, что я видел вашу сестрицу и говорил с ней.

Юлия. Правду сказать, слуга у меня препроворный и в дороге – клад: в минуту избе́гал местечко, переколотил всех жидов…

Рославлев-старший. Как сестрица ваша похожа на вас; но, признаюсь, не сердитесь – черты одни, а миловидности в ней гораздо более.

Юлия. Уступаю охотно! Я, право, не приревную к ней! Пан Чижевский, посмотрите, верно, уже всё изготовлено?

Пан Чижевский. Зараз, ясновельможный капитане! *(Уходит.)*

Юлия. Что у вас за ларчик? не казна ли ваша?

Рославлев-старший. Нет! но на эту пору дороже всякого сокровища: сестре вашей нужны лекарства, и я принес ей свою дорожную аптеку. *(Хочет идти.)* Нельзя ли мне с вами пойти к ней и отнести?

Юлия. О нет, подождите. Вы знаете, что к молодым барышням и знатным барам входить без докладу не можно; дайте мне предварить ее. *(В сторону.)* Победа наша!

*Рославлев-старший*отпирает ящик и осматривает его снутри.

Антося

Как любовь бывала лекарь,
Свет уж видывал не раз, –
А теперь она аптекарь:
Часа нет ей без проказ!

Лудвися

Но от нас он не уйдет:
Мы, его подкарауля,
Скажем также в свой черед:
Вот и вам, суда́рь, пилюля!
Обе уходят.

Явление 16

Рославлев-старший(один). Однако я со своим ларчиком в ожидании ее прихода очень похож становлюсь на дамского угодника. Было время, и это не так давно, прежде, нежели я отказался от любви навсегда… но, признаюсь, три месяца тому назад встреча с нею могла бы сильно на меня подействовать. Теперь я безопасен, хладнокровен, решился ничего не чувствовать. Но где же она и что так долго медлит? и отчего мне так хочется опять ее видеть? Это ничего не значит: заманчивость, новость, приключение. – Ах! Вот она!

Явление 17

Рославлев-старший, Рославлев-младший (в виде больного в тележке), *Юлия* (развозит его по цветнику).

Рославлев-старший. Какие заботы! Как она усердно хлопочет около этого бездушного, недвижимого старика. *(Обращаясь к ней.)* Я принес обещанное и давно жду вас.

Юлия (прибегая к нему из цветника). Дайте сюда, разберемте вместе, я вам много обязана, я вам очень много благодарна.

Рославлев-старший. Я вам во сто раз более… Нынешний день, например, думал ли быть на что-нибудь годным, но вы вдохнули в меня ту же страсть к добру, которая вас одушевляет, и я на всё хорошее способен.

Юлия. Коли так, повозите больного, сударь, я устала, привезите его сюда.

Рославлев-старший. О! хоть отсюда до Петербурга на себе, на моих плечах. *(Идет и останавливается; задумавшись.)*

Ручаться можно ли за что?
Наш ум – ужасный своенравец;
Давно ль мной было принято
Намеренье – не знать красавиц?
Нельзя ручаться ни за что!
Нельзя ручаться ни за что!

(Бежит в цветник и везет тележку с больным.)

Юлия (смотря на него). Чего ж мы с мужем пугались! Он очень послушлив, возит и не жалуется.

Рославлев-старший(довезши до Юлии, останавливается; она отпирает аптеку, он поет.)

Ваш лазарет я прикатил;
Пущусь опять, коли то надо,
Лишь только бы уверен был,
Что не замедлите наградой!
Что не замедлите наградой!
Лишь только б я вам угодил!
Лишь только б я вам угодил!

Юлия. Лишь только… что вы говорите?

Рославлев-старший. Лишь только б я вам угодил. Скажите,

что вам нужно, я достаточно имею навык в этих травах, порошках, эликсирах, и, может быть, скорее выберу то, что требуется.

Юлия. Какое-нибудь легкое средство к возбуждению испарины.

Рославлев-старший. Дайте, примусь за дело. *(Что-то высыпает, растворяет водою, мешает ложкою в стакане, между тем продолжает разговор.)* Давно ли вы посвятили ваши нежные старания этому старику?

Юлия. Недавно.

Рославлев-старший. Он вам родственник?

Юлия. Несколько.

Рославлев-старший. Нет, от меня не кройтесь, я всё знаю, он вам чужой, совершенно чужой. Вы нынче в первый раз его увидели, здесь нашли нечаянно, и ваши заботы об нем тем более заставляют удивляться.

Юлия. Не дивитесь, это делается не по рассудку, но по быстрому чувству сострадания; оно скоро вспыхнет и скорей того остывает. Завтра, может быть, я не с таким рвением попекусь об этом недужном, и, видите ли, нынешний мой подвиг превратится в ничто. Изведайте постоянство в добрых делах, и тогда только называйте человека добродетельным. *(Между тем оправляет больного.)*

Рославлев-старший. Как мило она отклоняет от себя всё, что на лесть похоже. Вот раствор, он готов, мне всегда был целебен. Ужасно противен вкусу, но во всяком случае безвреден. *(Подносит Рославлеву-младшему, тот рукой машет, что не хочет.)*

Юлия. Не понуждайте его, он не хочет, будет время после.

Рославлев-старший. Как вам угодно; однако какая у него здоровая жилистая рука!

Юлия. Это идропическая пухлость, в лице он совершенно иссох.

Рославлев-старший. Лицо его слишком увязано, ему душно, я его немного освобожу от этих свивальников.

Юлия (торопливо удерживая его). Оборони боже, не делайте того; малейшее неосторожное прикосновение произведет в нем жестокую боль. Один луч дневного света, как острие ножа, глаза ему колет.

Рославлев-старший(отшедши, смотрит на больного издали). Передвижная мумия, одною ногою уже в гробе, а придется позавидовать жребию подобных ему жалких существ! Для них только вы имеете душу пламенную, все прочие вам чужды.

Когда в вас сердце признает

Права священные несчастья,
Когда к страдальцу вас влечет
Порыв нежнейшего участья, –
Ужель могли б вы не внимать
Души тоскующей взыванью?
Ужель могли б не сострадать
От вас рожденному страданью?
Ах нет! Несчастливей не тот,
Кто бедность получил в наследство,
Недужным помощь подает
Искусства быстрое посредство;
Но нам дано мученье знать,
Где след один есть к упованью,
Где тот лишь может сострадать,
Кто сам виною был страданью.

Будьте искренны, – если бы человек, не старик, не тягчимый болезнями, но добрый, в цвете лет, полюбил вас всем сердцем, преданный во власть вашу безусловно, в вас бы поставил одну свою отраду, цель жизни и всё свое блаженство, неужли бы вы ему в пользу не склонились ниже к малейшей взаимности?

Юлия. Отчего же нет; но, во-первых, он бы не должен быть русским!

Рославлев-старший. Не русским? кем же, ради бога!

Юлия. Нас, выезжих из Польши, не любят в вашей России!

Рославлев-старший. Напротив: мужчины, мы все боготворим вас.

Юлия. Свет не из одних мужчин составлен, ваши дамы…

Рославлев-старший. О! Не думайте об них. Разумеется, вы у нас явитесь, и участь их будет из-за угла вам завидовать! Вы единственны, не бойтесь моих слов, верьте им, дайте им полную веру, они отсюда, из глубины сердца невольно вырвались; но бесполезно вам высказать всё то, что я теперь чувствую! *(Осыпает ее поцелуями.)*

Рославлев-младший. Он не путем пристает!

Рославлев-старший. Больной простонал что-то.

Юлия. Он просится к себе, ему назад пора. *(Юлия идет к больному.)*

Рославлев-старший. Неужели мы расстаемся? О! я за вами всюду! Не правда ли, вы позволите мне за вами следовать?

Юлия. Я вам не запрещаю!

Рославлев-старший(отнимает у нее колясочку). Нет, уж это мое дело; покуда мы вместе, я буду возить больного; любовь села

на козлы и правит.

За кулисами слышен хор.

Любит обновы
Мальчик Эрот!

В цветнике появляются дочери почтмейстера, писарь, люди графские и сам хозяин. Шумят, поют и пляшут, все бегут навстречу везущему графу.

Рославлев-старший. Какая ярмонка! Что вы, с ума сошли?

Юлия. Пусть их тешатся, оставьте их повольничать, пожалуйста, для меня! – У них нынче праздник!

Рославлев-старший(уходит с Юлией и увозит больного). Веселитесь, и я весел.

Явление 18

Пан Чижевский, писарж, Антося, Лудвися, Андрей – слуга Рославлева-старшего (и прочие).

*Хо*р

Мазурка краковская

Любит обновы
Мальчик Эрот,
Стрелке перёной,
Знать, не черед, –
Вожжи шелкóвы
В руки берет,
Плеткой ременной
Хлещет и бьет.

Андрей. Эк, барин-та у меня не путем развозился!

Пан Чижевский. Не он первый, не он последний!

Судьба проказница в насмешку
Дает нам часто напрегай,
Чему ж дивиться, что в тележку
Впряжен твой барин невзначай? (2)
Имея счастье на примете,
Век целый возится народ, (2)
Везде возня на этом свете:
Кто возит, а кому везет! (3)

Антося и *Лудвися*

Пускай шумиху с возу счастья
Глупец хватает, вздернув нос,
И после с лихвой, в день ненастья,
Он, плача, платит за провоз! (2)
Фортуна нас и на запятки
В свою повозку не берет, (2)
Но и без ней пути нам гладки,
Пока нас молодость везет! (3)

Явление 19

Те же и *Рославлев-старший*(*Андрей* между тем заснул на столе).

Рославлев-старший. Сделайте милость, уплетайтесь куда-нибудь подальше с вашею веселостью: у меня и без того голова кругом идет!

Они уходят. Он будит Андрея, который просыпается, зевая, и потягивается.

Так и есть, только и умеешь пить и спать без просыпа, а в промежутках зевать!

Андрей (зевая и шатаясь). Да помилуйте! Что же другое делать?

Жизнь наша сон…

Рославлев-старший. Молчать, пьяница! куда девался тот, – как его зовут!..

Андрей. Как его зовут? *(Опять принимается петь.)*

Жизнь наша сон…

Рославлев-старший. Дурак! не разевай мне никогда так широко глупого своего рта. *(Про себя.)* Куда девался брат ее? мне непременно нужно видеться и объясниться с ним. Пойду, отыщу его. *(Андрею.)* А тебя я знаю, как протрезвить. *(Уходит.)*

Явление 20

Андрей (один). В песне-то не то сказано, как, бишь, я ее наладил:

Жизнь наша сон! всё песнь одна:
Или ко сну, или со сна!
Одно все водится издавна;
Родятся люди, люди мрут,
И кое-как пока живут;
Куда как это всё забавно!
Как не зевать? всё – песнь одна:
Или ко сну, или со сна.

Иной зевает от безделья,
Зевают многие от дел,
Иной зевает, что не ел,
Другой зевает, что с похмелья!
Как не зевать *и проч.*

Актер в своей зевает роле,
Зевотой зритель давит свист,
Зевая пишет журналист,
А сускрибент зевает боле!
Как не зевать *и проч.*

Я холост был, зевал без счета,
Подумал завестись домком
И взял жену, чтоб жить вдвоем,
И вдвое забрала зевота!
Как не зевать *и проч.*

Явление 21

Андрей и *Юлия* в мужском платье.
Юлия. Где твой барин?
Андрей. Мой барин… а вот он!

Явление 22

Рославлев-старший и *Юлия*, потом вся компания.

Рославлев-старший(входя, толкает Андрея вон). Прочь! Ах, любезный, новый знакомец, я вас ждал с невероятным желанием.

Андрей уходит.

Юлия. Я пришел проститься с вами.

Рославлев-старший. Куда вы? как, уже в дорогу?

Юлия. У нас все готово, идти сестру кликнуть, потом пожать вам дружески руку и скорее отсель во всю конскую мочь.

Рославлев-старший. Ваша сестрица… постойте, погодите… у вас сестра – существо необыкновенное!

Юлия. Я вам сказывал.

Рославлев-старший. Вы мне ничего не сказали, она свыше всего, что об ней сказать можно!

Юлия. Это для меня очень лестно; однако хорошо, что мы с вами оградились против нежных впечатлений пылких страстей.

Любви туман и сумасбродство
Не посетят меня и вас!
Признавших красоты господство
Мильон страдают и без нас.
Они нас не прельстят собою,
Их красота пред нами дым, –
Мы, дорожа своей душою,
Поклон прелестным отдадим.

Смеюсь я над Амуром смело
И рад уверить целый свет,
Что сердце наше будет цело,
Хоть стрел его опасней нет!
Пускай летает он, где хочет,
Чтобы поранить как-нибудь!
Для нас напрасно он хлопочет –
Ему мы скажем: добрый путь!

Рославлев-старший. Стойте, я ни за что не отвечаю. Добрый путь! Вы великий импровизатор! Я ни за что не ручаюсь, полчаса бывают иногда важнее года в судьбе человека, решают ее на всю жизнь, и самые твердые, неломкие намерения разбиваются вдребезги, как детские игрушки. Прах и дым – всё наше мужество. Еще два слова об вашей сестре!

Неужли никогда в ней кровь
В час мысли не была в волненьи?
Ужель не знает, что́ любовь,
Что́ сердца трепет, восхищенье?

Или в невинной простоте
Любовь по слуху только знает,
И в полной блеска красоте,
Как нежна роза, расцветает?

Ах, точно ль для ее души
Еще счастливец не сыскался,
Который счастия б в тиши
Любви блаженством наслаждался?

Ах! нет, – он, верно, верно, есть,
Напрасно я влекусь мечтами;
Нет, не моей душе процвесть:
Любовь, блаженство, радость с вами!

Юлия. Давеча я с первого свидания с вами не мог предаться совершенной искренности. Теперь выведу вас из заблуждения: сердце сестры моей давно уже неравнодушно.

Рославлев-старший. К кому? как? неравнодушно! и уже давно? Почтмейстер, лошадей!.. во всем обман и неудача! Под каким рожден я несчастным созвездием!

Юлия. Будьте терпеливы, дайте всё до конца открыть вам; но пуще не перебивайте меня ни в одном слове.

Рославлев-старший. Ах, чем вы меня успокоите? Говорите!

Юлия. Не знаю, с чего начать вам рассказ, истинный, но едва вероятный; не знаю, как он на вас подействует, с трудом решаюсь; конечно, судьба этого хотела: мы недаром с вами здесь встретились.

Рославлев-старший. Какое таинственное начало!

Юлия. На пути от Люблина в Краков стоит замок ветхий, брошенный богатыми владельцами; Юлия, девушка им сродни, оставалась дома с пожилою наставницею; здесь она провождала бо́льшую часть времени: посещала хижины поселян, пользовала недужных, утешала скорбных. Она сама рано познала сиротство и своею печалию научилась разделять ее вчуже. Так текли годы, наступила пора непреодолимого любопытства, желанья видеть свет; родственники, друзья покойных отца и матери, приглашали ее в Варшаву; она к ним отправилась. Столица королевства

закипела тогда новою жизнию: в ней толпилось множество ваших соотечественников. Один из них, по крайней мере для приезжей Юлии, казался заметнее прочих, она его слишком заметила, он был приятен, имел очаровательный голос. Он искусно играл на гитаре, а объяснялся еще лучше.

Рославлев-старший. Ах, боже мой! уж это не я ли?

Юлия (в сторону). Вот не самолюбив! *(Громко.)* Вы, конечно.

Рославлев-старший. Продолжайте, продолжайте, да как же я об этом ничего не знал.

Юлия. И как вам знать! Зачем, однако, вы меня перебили? я просил вас дотерпеть до развязки.

Рославлев-старший. Мог ли я выдержать? Продолжайте ради бога, продолжайте!

Юлия (в сторону). Потеряла всю нить, как сведу, сама не знаю. *(Громко.)* Вы тогда кружились в шумных веселостях, могли ли заметить смиренную провинциальную девушку, и которая, может быть, не смела равняться красотой с вашими знакомыми, в обществах старалась отдаляться, боялась быть отличной? Вы предпочитали тех, которые вперед себя выставляли, – она была стыдлива, следственно, по-вашему, робкая невинность вас бы самих обробеть заставила. Наконец, она вас любила, а вы без примечания проходили мимо той, в чьей груди единственно вами билось сердце живейшим бескорыстнейшим чувством.

Рославлев-старший. Ах! это самая истина; я только теми и занимался, которые обманывали меня. – Но почему всё это вам известно, неужели эта Юлия, ангел на земле, сестра ваша?

Юлия (сбрасывает с себя конфедератку и шинель). Я сама.

Рославлев-старший. Боже мой! Какое превращение!

Юлия. Вот уже месяц, как я из Варшавы от вас и от самой себя бежала. Здесь мне понравилось, здесь, где я никому не известна, старалась припомнить то время, когда душевное свое спокойствие употребляла на успокоение других. – Ах! другим хорошо; но мне где найти утешение? Прочих тайн моих вам, кажется, открывать нечего: я от вашего передового узнала, что вы сюда будете, схватилась за первый способ, который мне вообразился, чтобы видеть вас и говорить с вами под чужим именем. Теперь я всё объяснила, что сердце мое обременяло; прощайте и помните, это был – последний наш разговор, последнее свидание.

Рославлев-старший. Как! чтоб мне с вами расстаться! едва верю всему, что слышу… иногда в романах начитывал что-то подобное… Я вне себя, я в восторге; нет, нет, я вас не пущу, сударыня!

Слуга (входит). Лошади готовы.

Рославлев-старший. Убирайся! пошел вон! Ах! повторите…

мне еще раз об любви вашей, мною вовсе не заслуженной, и не говорите о расставаньи.

Пан Чижевский (входит). Ясновельможный…

Рославлев-старший. Будь проклят и оставь нас одних!

Юлия. Я вам повторяю: мы более не увидимся. Иначе какое же вам ручательство, что я не одна из тех кокеток, которые на всё отваживаются для достижения цели?

Рославлев-старший. Я… чтоб смел приравнять вас…

Входят жиды-музыканты и гудят какой-то танец.

Тс! Вот вам деньги; после, после я вас позову, а теперь проваливайтесь сквозь землю! *(Бросает им червонец.)* Нет, прекрасная Юлия, мы теперь соединимся навсегда.

Юлия старается от него освободиться. Он бросается на колени и в таком положении следует за нею до самого цветника.

Юлия. Или вы поезжайте, или я скроюсь отсюдова туда, где никто меня не сыщет.

Рославлев-старший. Нет! нет!

Антося и Лудвися входят.

Антося. Этакое презрение к нашему полу!

Лудвися. На коленях всю комнату изъездил!

Рославлев-старший. Оставьте нас; вам будет праздник, только после, идите!

Рославлев-младший, в виде больного, треплет его сзади по плечу.

Рославлев-старший(вскрикивает). Что это! больной на ногах! мертвецы воскресают.

Рославлев-младший (сбрасывает с себя одежду). Узнаешь ли?

Рославлев-старший. Брат?

Рославлев-младший. Как видишь, и вот моя жена, рекомендую!

Рославлев-старший. Какое дьявольское сплетение!

Антося

Что, каково свели концы?
Вот с польками быть в ссоре!

Лудвися

Напрашиваясь в мудрецы,
Вы назвали́сь на смех и горе.

Пан Чижевский (кланяясь)

Позволите ль и мне при том
Сказать, ясновельможный, слово:
Как вас доехали путем, –
И вам в путь ехать всё готово!

Рославлев-старший. Как я глуп был! о, как я был глуп! Однако, если дался ей в обман на полчаса, любезный брат, тебе эта участь предоставлена на всю жизнь, мужайся.

Рославлев-младший. Не беспокойся, я сам хотел, сам и отвечаю. Куда же мы? В Варшаву? или в Петербург?

Рославлев-старший. К вам и как можно скорей, с прекрасной Юлией!.. А может быть, имя вымышленное, всё равно: с твоей женой! Знакомиться нам нечего, мы, кажется, довольно подружились.

Пан Чижевский. Ясновельможный! позвольте нам позвать наших музыкантов и плясунов, которых вы давеча прогнали? Мы хотим окончить наше веселье.

Рославлев-старший. Делайте что хотите, теперь я готов ждать лошадей хоть трое суток!

Рославлев-младший. Прекрасно: теперь мы все довольны, виват!

Рославлев-младший

Наши замыслы все шатки,
Наша мудрость всё туман,
Вечно люди будут падки
И к обманам и в обман,
Если ж и с женой моею
Мне обман в участок дан,
То признайтесь, что имею
В ней хорошенький обман.

Лудвися

Бойтесь, – нам твердят из детства,
Бойтесь вы сердечных ран,
От мужчины ждите бедства, –
Он обманщик и тиран!
Знать обманы – жребий жалкий!
Но влачить девичий сан
Для стареющей весталки –
Вот несноснейший обман!

Пан Чижевский

Ян, как брат наш, без талана
Стал спесив, как богдыхан;
Если верить басням Яна,
То с умом и с де́ньгой Ян!
Но поверь его заране,
Взвесь и мозг в нем и жупан,
То в болване и кармане
Ты найдешь пустой обман.

Андрей

Я в зевалах мастер ловкий,
Я зеваю трезв и пьян;
Но, зевая без сноровки,
Можно вызевать изъян.
Раз на винах и на жлудях
Прозевал я свой карман…
Зазевайся в добрых людях –
И тотчас попал в обман.

Рославлев-старший

«Заживо гляжу в потомки!
Я на пир бессмертья зван!»
Во́пит Вралькин, так же громкий
И пустой, как барабан.
Счастлив он, пока с ним бродит
Самолюбия дурман;
Но вралей одних ли вводит
Самолюбие в обман?

Юлия (к зрителям)

Хоть невинный и безвредный
Мною выдуман роман,
Но сколь часто – автор бедный
Для ушей чужих тиран!
Вечно горд, самолюбивый,
Всем доволен шарлатан! –
Суд же публики правдивый

Не впадет никак в обман.

Антося

Бедным авторам к успеху
Путь ухабист и песчан,
С публикою не до смеху;
С ней пропал ты или пан!
Что, как скажет зритель едкий,
Мненья общего орга́н:
«Нас поддели, но напредки
Не заманите в обман!»

Входят музыканты – жиды, мазуры, поляки и русские, и начинается дивертисмент.

Стихотворения
От Аполлона
На замечанье Феб дает,
Что от каких-то вод
Парнасский весь народ
Шумит, кричит и дело забывает,
И потому он объявляет,
Что толки все о Липецких водах
(В укору, в похвалу, и в прозе, и в стихах)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью!

«Хищники на Чегеме»

Окопайтесь рвами, рвами!
Отразите смерть и плен –
Блеском ружей, твержей стен!
Как ни крепки вы стенами,
Мы над вами, мы над вами,
Будто быстрые орлы
Над челом крутой скалы.

Мрак за нас ночей безлунных,
Шум потока, выси гор,
Дождь и мгла, и вихрей спор.
На угон коней табунных,
На овец золоторунных,
Где витают вепрь и волк,
Наш залег отважный полк.

Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущельям разлита!

Наши – камни, наши – кручи!
Русь! зачем воюешь ты
Вековые высоты́?
Досягнешь ли? – Вон над тучей
Двувершинный и могучий
Режется из облаков
Над главой твоих полков.

Пар из бездны отдаленной
Вьется по его плечам;
Вот невидим он очам!..
Той же тканию свиенной
Так же скрыты мы мгновенно,
Вмиг явились, мигом нет,
Выстрел, два, и сгинул след.

Двиньтесь узкою тропою!

Не в краю вы сел и нив.
Здесь стремнина, там обрыв,
Тут утес: – берите с бою.
Камень, сорванный стопою,
Вглубь летит, разбитый в прах;
Риньтесь с ним, откиньте страх!

Ждем. – Готовы к новой сече…
Но и слух о них исчез!..
Загорайся, древний лес!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядем в дружном вече
И по ряду, дележом,
Делим взятое ножом.

Доли лучшие отложим
Нашим панцирным князьям,
И джигитам, узденям
Юных пленниц приумножим,
И кади́ям, людям божьим,
Красных отроков дадим
(Верой стан наш невредим).

Узникам удел обычный, –
Над рабами высока
Их стяжателей рука.
Узы – жребий им приличный;
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли обмен?
Дома – цепи! в чуже – плен!

Делим женам ожерелье.
Вот обломки хрусталя!
Пьем *бузу!* Стони, земля!
Кликом огласись, ущелье!
Падшим мир, живым веселье.
Раз еще увидел взор
Вольный край родимых гор!
Кам(енный) мост на Малке

«Кальянчи» (отрывок из поэмы)

Путешественник в Персии встречает прекрасного отрока, который подает ему кальян. Странник спрашивает, кто он, откуда. Отрок рассказывает ему свои похождения, объясняет, что он грузин, некогда житель Кахетии.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Какую влагу пил? Какой весной обвеян?
Эйзедом ли ты светлым порожден,
Питомец Пери или Джиннием взлелеян?
Когда заботам вверенный твоим
Приносишь ты сосуд водовмещальный
И сквозь него проводишь легкий дым, –
Воздушной пеною темнеет ток кристальный,
И ропотом манит к забвенью, как ручья
Гремучего поток в зеленой чаще!
Чинара трость творит жасминной длань твоя
И сахарныя трости слаще,
Когда палимого Ширазского листа
Глотают чрез нее мглу алые уста,
Густеет воздух, напоенный
Алоэ запахом и амброй драгоценной!

Когда ж чарующей наружностью своей
Собрание ты осветѝшь людей –
Во всех любовь!.. Дервѝш отбросил четки,
Примрачный вид на радость обменил:
Не ты ли в нем возжег огонь потухших сил?
Не от твоей ли то походки
Его распрямлены морщины на лице,
И заиграла жизнь на бывшем мертвеце?
Властитель твой – он стал лишь самозванцем,
Он уловлен стыдливости румянцем,
И ку́дрей кольцами, по высоте рамен
Влекущихся, связавших душу в плен,
И гру́ди нежной белизною,
И жилок, шелком свитых, бирюзою,
Твоими взглядами, под свесом темных вежд,
Движеньем уст твоих невинным, миловидным,
Твоей, не скрытою покровами одежд,
Джейрана легкостью и станом пальмовидным.

В каком раю ты, стройный, насажден?
Эдема ль влагу пил, дыханьем роз обвеян?
Скажи: или от Пери ты рожден,
Иль благодатным Джиннием взлелеян?

«На Иора берегах,
В дальних я рожден пределах,
Где горит огонь в сердцах,
Тверже скал окаменелых;
Рос – едва не из пелен,
Матерью, отцом, безвинный,
В чужу продан, обменен
За сосуд ценинный!

Чужой человек! скажи: ты отец?
Имел ли ты чадо от милой подруги?
Корысть ли дороже нам с сыном разлуки?
Отвержен ли враном невинный птенец?

Караван с шелками шел,
С ним ага мой. Я, рабочий,
Глаз я долго не отвел
С мест, виднелся где кров отчий;
С кровом он слился небес;

Вечерело. Сном боримы,
Стали станом. Темен лес.
Вкруг огня легли мы.

Курись, огонек! светись, огонек!
Так светит надежда огнем нам горящим!
Пылай ты весельем окрест приседящим,
Покуда спалишь ты последний пенек!

Спал я. Вдруг взывают: «бой!»
В ста местах сверкает зелье;
Сечей, свистом пуль, пальбой
Огласилось всё ущелье.
Притаился в глубь межи
Я, и все туда ж влекутся.
Слышно – кинулись в ножи –
Безотвязно бьются!

Затихло смятенье – сече конец.

Вблизи огня брошен был труп, обезглавлен.
На взор его мертвый был взор мой уставлен,
И чья же глава та?.. О, горе!.. Отец!..

Но могучею рукой
Был оторван я от тела.
«Будь он проклят, кровный твой!» –
В слух мне клятва загремела –
«Твой отец разбойник был…»
И в бодце, ремнем увитом,
Казнь сулят, чтоб слез не лил
По отце убитом!

Заря занялася. Я в путь увлечен.
Родитель, ударом погибший бесславным,
Лежать остается – он вепрям дубравным,
Орлам плотоядным на снедь обречен!

Вышли мы на широту
Из теснин, где шли доселе,
Всю творенья красоту
В пышной обрели Картвеле.
Вкруг излучистой Куры
Ясным днем страна согрета,
Все рассыпаны цветы
Щедростию лета…»

1812 год (отрывок из драмы)

Отделение 1

Красная площадь

История начала войны, взятие Смоленска, народные черты, приезд государя, обоз раненых, рассказ о битве Бородинской. М с первого стиха до последнего на сцене. Очертание его характера.

Собор Архангельский Трубный глас архангела; на его призыв возникают тени давно усопших исполинов – Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь, как будто во всех делах после их смерти были участниками, но вместе с тем исчезла у них память о тем, что было с ними за пределами сей жизни, и где были, и откудова ныне вновь призваны к бытию. Пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма; своды расступаются, герои поднимаются выспрь и исчезают.

Терем царей в Кремле Наполеон с сподвижниками. Картина взятия Москвы. Н[аполеон] один. Высокие воспоминания. Открывает окно, лунная ночь. Видение – или нет, как случится. Размышление о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, – что бы он мог произвести?

Отделение 2

Галлерея в доме Познякова

Входит офицер R. из приближенных к Наполеону, исполненный жизни, славы и блестящих надежд. Один поседелый воин с горьким предчувствием опытности остерегает насчет будущих бедствий. Ему не верят. Хохот. Из театра несутся звуки пляски и отголоски веселых песен. Между тем зарево обнимает повременно окна галлереи; более и более устрашающий ветер. Об опустошениях огня. Улицы, пылающие дома. Ночь. Сцены зверского распутства, святотатства и всех пороков. – R* и M* в разных случаях.

Село под Москвой

Сельская картина. Является М*. Всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства – выставлена или нет, как случится.)

Отделение 3

Зимние сцены преследования неприятеля и ужасных смертей. Истязание R* и поседелого воина. Сей юноша показывает пример, и оба умирают героями. Подвиги М*. Множество других сцен.

Эпилог

Вильна

Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М* в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию, Село или развалины Москвы Прежние мерзости. М * возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние……[1] самоубийство.

<Сцена из драмы>

Петр Ан[дреевич]

Дитя мое любезное, <Наташа>!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебе красы своей
На светлых праздниках. Не выезжать
С боярами, князьями. Было время:
Ласкают и манят тебя с собой
И мчат в богато-убранной карете.
А ныне знать, вельможи – где они?…
Тот князь, твой восприемник от купели?
Его жена? Родня? Исчезли все!
Их пышные хоромы опустели.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились в ней. Палаты их
Блистали разноцветными огнями…
Теперь, когда у стен ее враги,
Бессчастные рассыпалися дети,
Напрасно ждет защитников; сыны,
Как ласточки, вспорхнули с теплых гнезд

И предали их бурям в расхищенье.
Ты из житья роскошного обратно
В убогий дом отцовский отдана,
А мне куда с тобой?… Куда укрыться?
И если б мог бежать отселе я,
Нет! нет!.. Не оторвался б от тебя,
О матерь наша, мать России всей,
Кормилица моя, моих детей!
В тебе я мирно пожил, видел счастье, –
В тебе и гроб найду. Мой друг, <Наташа>,
Гроза над нами носится, – потерпим,
И с верою вдадимся той судьбе,
Которую господь нам уготовил.
Грустна, грустна!.. О ком же плачешь ты?
О прежних ли подругах и забавах?

Наташа

Ах, батюшка! Я плачу не о том!
Теперь не та пора…

(Рыдает)
Петр Ан[дреевич]

И те ли времена? О брате что ли?
Наш Алексей… Даруй ему господь
Со славой устоять на ратном поле.
Мне всё твердит: он будет жив.

Наташа

Нет, батюшка, я плачу не об нем.,
(Рыдает пуще прежнего)

Петр Ан[дреевич]

Когда же ты о родине печальна,
Рыдай, мое дитя, – и для тебя
Отрадного я слова не имею.
Бывало, на душе кручинно, – посох в руки,
С тобою сердцу легче, всё забыто…
Утешенный я приходил домой.

Бывало, посетишь и ты меня, отца,
Обнимешь, всё осмотришь… угол мой
На полгода весельем просветится…
А ныне вместе мы, и ним не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожил!..

(Растворяет окно)

Грузинская ночь (отрывок)

1

К.

Но сам я разве рад твоей печали?
Вини себя и старость лет своих.
Давно с тебя и платы не бирали…

Т.

Ругаться старостью – то в лютых ваших нравах.
Стара я, да, – но не от лет одних!
Состарелась не в играх, не в забавах,
Твой дом блюла, тебя, детей твоих.
Как ринулся в мятеж ты против русской силы,
Укрыла я тебя живого от могилы,
Моим же рубищем от тысячи смертей.
Когда ж был многие годины в заточеньи,
Бесславью преданный в отеческом краю,
И ветер здесь свистал в хоромах опустелых,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Так знай же повесть ты волос сих поседелых,
Колен моих согбенных и морщин,
Которые в щеках моих изрыты
Трудами о тебе. Виною ты один.
Вот в подвигах каких младые дни убиты.
А ты? Ты, совести и богу вопреки,
Полсердца вырвал из утробы!
Что мне твой гнев? Гроза твоей руки?
Пылай, гори огнем несправедливой злобы…
И кочет, если взять его птенца,
Кричит, крылами бьет с свирепостью борца,
Он похитителя зовет на бой неравный;
А мне перед тобой не можно умолчать, –
О сыне я скорблю: я человек, я мать…
Где гром твой, власть твоя, о, боже вседержавный!

К.

Творец, пошли мне вновь изгнанье, нищету,
И на главу мою все ужасы природы:
Скорее в том ущельи пропаду,
Где бурный Ксан крутит седые воды,
Терпеть разбойником гоненья, голод, страх,
От стужи, непогод не быв укрытым,
Чем этой фурии присутствие сносить,
И злость души, и яд ее упрёков,

Т.

Ничем тебя не можно умилить!
Ни памятью добра, ни силой слезных токов!
Подумай, – сам отец, и сына ты лишен.
Когда, застреленный, к тебе он был внесен
И ты в последний раз прощался с трупом милым,
Без памяти приник к очам застылым
И оживить хотел потухший взор,
Весь воздух потрясал детей и жен вой дикий,
И вторили раскаты этих гор
С утра до вечера пронзительные крики, –
Ты сам хотел зарыться в землю с ним.
Но взятый смертию вовек невозвратим!
Когда ж бы искупить ты мог его из плена,
Какой тогда казны бы пожалел?
На чей бы гнев суровый не посмел?
Ты чьи тогда не обнял бы колена?

К.

И нет еще к тебе вражды!..
Я помню о людях, о боге,
И сына твоего не дал бы без нужды.
Но честь моя была в залоге:
Его ценой я выкупил коня,
Который подо мной в боях меня прославил,
Из жарких битв он выносил меня…
Тот подл, кто бы его в чужих руках оставил.

Т.

Ни конь твой боевой всей крепостию жил,

Ни кто из слуг твоих любимых
Так верой-правдою тебе не послужил,
Как я в трудах неисчислимых,
Мой отрок, если б возмужал,
За славу твоего он княжеского дома
Сто раз бы притупил и саблю и кинжал,
Не убоялся бы он язв и пушек грома.
Как матерью его ты был не раз спасен,
Так на плечах своих тебя бы вынес он!

К.

Прочь от меня! Поди ты прочь, старуха!
Не раздражай меня, не вызывай на гнев,
И не терзай мне жалобами слуха…
Безвременен кому твой вопль, и стон, и рев.
Уж сын твой – раб другого господина,
И нет его, он мой оставил дом,
Он продан мной, и я был волен в том, –
Он был мой крепостной….

Т.

падает на колена)
Он сын мой! Дай мне сына!
И я твоя раба, – зачем же мать
От детища ты разлучил родного?
Дай раз еще к груди его прижать!..
Ах, ради бога имени святого,
Чтоб не видать кровавых слез моих,
Соедини ты снова нас двоих.

К.

Не повторяй мне горькие упреки!
В поля и в горы – вот пути широки,
Там мчится шумная река,
Садись над пропастью, беседуй с высока
О сыне с мраками ночными,
И степь буди стенаньями своими,
Но в дом не возвращайся мой….
Уймись, или исчезни с глаз долой.

Т.

Достойное заслугам воздаянье!
Так будь же проклят ты и весь твой род,
И дочь твоя, и всё твое стяжанье!
Как ловчие, – ни быстриною вод,
Ни крутизною скал не удержимы,
Но скачут по ветрам носимы,
Покуда зверь от их ударов не падет,
Истекший кровию и пеной, –
Пускай истерзана так будет жизнь твоя,
Пускай преследуют тебя ножом, изменой
И слуги, и родные, и друзья!
Неблагодарности в награду,
Конца не знай мученья своего,
Тогда продай ты душу аду,
Как продал сына моего.
Отступник, сам себя карая,
В безумьи плоть свою гложи,
И ночью майся, днем дрожи,
На церковь божию взирая.
Твой прах земле не предадут!
Лишь путники произнесут
Ругательства над, трупом хладным,
И будь добычею чекалам плотоядным….
А там, – перед судом всевышнего творца, –
Ты обречен уже на муки без конца!

Т.

О, люди! Кто назвал людьми исчадий зла,
Которых от кровей утробных
Судьба на то произвела,
Чтоб были гибелью, бичом себе подобных!
Но силы свыше есть! Прочь совесть и боязнь!..
Ночные чуда! Али! Али!
Явите мне свою приязнь,
Как вы всегда являли
Предавшим веру и закон,
Душой преступным и бессильным,
Светите мне огнем могильным,
Несите ветер, свист и стон,

Дружины Али! Знак условный –
Вот пять волос
От вас унес
Ваш хитрый, смелый враг, мой брат единокровный,
Когда в <……> [2] он блуждал
На мшистых высотах уединенных скал.
Я крестным знаменьем от вас оборонялась,
Я матерью тогда счастливой называлась,
А ныне кинутой быть горько сиротой!
Равны страдания в сей жизни или в той?
Слетайтеся, слетайтесь,
Отколе в темну ночь исходят привиденья,
Из снежных гор,
Из диких нор,
Из груды тли и разрушенья,
Из сонных тинистых зыбей,
Из тех пустыней многогробных,
Где служат пиршествам червей
Останки праведных и злобных.
Но нет их! Непокорны мне!
На мой привет не отзовутся,
Лишь тучи на небе несутся
И воет ветр…. Ах, вот оне!

(Прислоняется к утесу и не глядит на них)
Али

(плавают в тумане у подошвы гор)
В парах вечерних, перед всходом
Печальной девственной луны,
Мы выступаем хороводом
Из недозримой глубины.

Т.

Робеет дух, язык прикован мой!
Земля, не расступайся подо мной…

Али

Таятся в мрачной глубине
Непримиримых оскорбленья

И созревают в тишине
До дня решительного мщенья;
Но тот, чей замысел не скрыт,
Как темная гробов обитель,
Вражды во век не утолит,
Нетерпеливый мститель.
Настанет день и час пробьет.
[3]

Али

Неизъяснимое свершится:
Тогда мать сына обретет
И ближний ближнего лишится,
(Молчание)
Куда мы, Али? В эту ночь
Бежит от глаз успокоенье.

Одна из них

Спешу родильнице помочь,
Чтоб задушить греха рожденье.
Другие
А мы в загорские края,
Где пир пируют кровопийцы.
Последняя
Там замок есть… Там сяду я
На смертный одр отцеубийцы.

Родамист и Зенобия (план трагедии)

Дебрь, лай, звук рогов, гром бубен. Несколько охотников, потом Родамист и за ним приближенный оруженосец Семпад, которому он доверяет беспокойство души, алчущей великих дел и ныне принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и серн. Ему ненавистны и Фарасман, и римляне, и парфы, но он сперва ополчится на сих, а Рим страшен царю, едва твердому на собственном престоле. Велит пригласить к себе посланца от римских восточных легионов, который тут же тешится охотою. Семпад идет, Родамист раскаивается, что был с ним слишком чистосердечен.

Является Касперий. Переговоры, хвастовство с обеих сторон. Римлянин кичится свободою и славою отечества. Родамист дает ему чувствовать, что то и другое живо только в памяти, по преданиям. Рим рабствует и сила его оружия давно уже не испытана, власть царя восточного народа вернее и чистосердечнее, – велит, и любой из дружины его пожертвует жизнию. Касперий не удивляется, упоминает о Деции и о многих других опытах самопожертвования, но для благороднейшей цели. – Родамист велит удалиться прочим, а Семпаду готовиться к бою с тигром. Наедине с Касперием пытается подкупить его притворною приязнью, корыстию, честолюбием. Касперий непоколебим. Родамист отпускает его прежде себя на зрелище. Сам остается один и рассуждает; к чему такой человек как Касперийг в самовластной империи, – опасен правительству, и сам себе бремя, ибо иного века гражданин. – Коня! Коня! отправляется за Касперием на ту же травлю.

2-я сцена в царском теремном саду. По-восточному прямолинейная аллея чинаров, миндальных деревьев, которые все примыкают к большой пурпурной ставке. Около нее главные чины в раболепном ожидании властителя, – Ярванд, Мирван, Бахрат, Аспрух, Армасили проч.

Аспрух сидящий, все около него стоят. Он грузинин, албанского происхождения, взят в плен Фарасманом, им вскормлен, дрался против соотечественников и тем гордится. Арфаксат первый по Родамисте, все перед ним преклоняются; он кичится тем, что знает только царево слово, которое ему вместо совести и славы. Толки о близком возвращении царя с охоты, об отправлении римского посла и о том, чтобы никто из жителей не имел сообщения с чужеземцами – парфы они, или римляне. Все соглашаются на всё, что он ни говорит, потом он уходит. Долго никто не смеет сказать своего мнения, наконец Армасил, славный

воин, воспитанный в Риме, где он был при Митридате, во время его заточения, прерывает молчание и своею откровениостию и убеждением невольно исторгает у каждого одно желание: смерть утеснителя. В Бахрате, Ярванде и Мирване видны мелкие страсти. Жалобы, что все главнейшие места воинские и все поборы поручены грузинам, иноземцам. Один жалуется, что уже не он орлоносец, которого важнее преимущество, но наследственное, по закону Вагаршака, о котором все вспоминают с энтузиазмом, как и с преувеличенною ненавистию к нынешнему царю, – при венчании царя на него возлагать корону; другой, что, евнуху поручена царская сокровищница, которой он по наследству был хранителем; третий, что Аспрух первый в доверенности царя, когда по роду и богатству ему принадлежит сей сан. Иные даже попрекают царя, что он воздержан с женщинами, почти не имеет наложниц и в пиршествах мало участвует, что он более похож на простолюдина, нежели на царя. Армасил упрекает их в малодушии. Вбегает Ассюд, его остерегаются. Он объявляет о насильственной смерти брата, о мщении, которым пылает за сие злодейство против Родамиста, Армасил недоверчив. – «Отчего же ты равнодушием его отбиваешь от нашего сообщества?» – «Он вскормлен в царедворцах, вчера еще дышал милостию царевой, ныне мгновенно возбужден против него одним внезапным случаем, – но кто поручится: завтра не обратится ли опять слабодушием в ревностного ласкателя?» – «Мне ли, юноше, быть опытнее вас, старцев? Но помните: не но множестве сила, когда дело правое, но в испытанном, надежном, несомненном мужестве участников». Является юродивый, пророчит. Он нищий скиталец, просит милостыню или соглядатай царев? Притворно ли проповедует, или точно безумный? Но многие, в том числе Бахрат, его знают. Все в него веруют, он давно уже стяжал славу святости; пещера его в утесе, на берегу Аракса. – Здесь он тайными словами из Зендавесты прорицает успех заговорщикам. Сперва тоже нем, не отваживается говорить. Армасил: «я знаю, отчего он немствует, – сей юноша, бывший ласкатель царев, ему заграждает уста». Армасил убеждает ему верить, и он религиею истинного армянина еще более их воспламеняет к скорейшему взрыву, назначает им ночное, решительное сходбище в склепе царей армянских. Заговорщики назначают ночь к тайному сходбищу в капище за южными врагами города. Потом пустынник исчезает. Ассюд удаляется с растерзанным сердцем, что никто не принимает участия в его скорби. Он армянин, но армяне к нему холоднее иверов. – «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятьями за жестокость царя к несчастному брату». – Целый полк прислужников, за ними Родамист. Аспрух всех раболепнее. –

Противуположность аспруховсй спеси с низшими и унижения перед властителем. – Родамист иных дарит дичью с охоты, кому благоволение, кому грозный суд. – Армасилу попрек, что не был на охоте. Говорит об отъезде римлянина, с которым он заключил союз, и о мире с парфами. Ждет от отца подкрепления. Все под его державою благоденствуют. «Тот день потерян, в который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивых. Идите, покойтесь в мирных семейственных упражнениях, но не дремлет царево око. Врагов я имею и благодарю за них небо: они поощряют меня на Сезленостную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги».

Акт II

Женский терем

Зенобия, Перизада и прочие прислужницы. Зенобня – дочь убиенного Родамистом Митридата, его дяди, но выданная замуж еще прежде смерти отца, гаремное существо, рожденное и воспитанное для чувственного наслаждения супруга, и потому Перизада напрасно хочет возбудить в ней ненависть, желание мести, – страсти, ее невинному сердцу вовсе чуждые. Перизада ей напоминает о удавлении отца и кто его убийца, Зенобия едва этому верит. Отца она мало видала, почти не знала, муж ближе к ее сердцу, и ее долг его любить, угождать ему во всем и трепетать его гнева. Что приобретет она бесплодною местию? Успех невероятен, – способы к тому превыше женских ее сил. Но, если бы и удалось, – какое от того счастие? Перизада трогает ее совесть гневом небесным.[4] Зенобия впадает в грусть, Перизада предлагает ей ворожбу для развлечения и святого пустынно-, жителя, который давно управляет ее собственным суеверием. Его вводят сенные девушки потаенно. Он еще более подкрепляет слова Перизады. Наконец Зенобия совершенно расстроена его таинственными прорицаниями. Он с нее берет слово, что она ночью, в сопровождении Перизады, придет в капище вне города, где склеп царей армянских, и мертвых зовет во свидетели, что там откроет ей тайну, от которой зависит будущее безмятежное течение ее жизни. Зенобия говорит ему, что Родамист всеми любим и злодеям страшен; кто покусится, восстать против него? Юродивый пустынник уверяет ее в противном.

Евнух возвещает приход Родамиста. Пустынник скрыт толпою женщин. Сцена Родамиста с Зенобиею наедине: она печальна; воспоминания, которыми ей сейчас возмутили душу, препятствуют ей предаться иному чувству. Родамист недоволен

ею, подозревает в ней притворство, нелюбовь. Ни в ком не уверенный, окруженный; трепещущими рабами, скрытыми предателями и открытыми корыстолюбцами… неужели в лоне супружеской любви нет ему успокоения!! Оставляет ее расстроенную и сам в волнении.

Бахрат входит с Ассюдом, который уже включен совершение в тайное умышление против Родамиста. Армасил скорбит при самом Ассюде о сей неосторожности. Ассюд горит нетерпением отомстить царю, Армасил об одном его просит, – о совершенном бездействии и о скромном сохранении тайны. Ассюд обещает более: он на себя берет убить царя. Армасил всем в свете заклинает его не предаваться сему нетерпению, что он прочих тем губит, не совершив ничего; наконец говорит, что их дело слишком зрело, еще несколько мгновений, и кто поручится, что они не будут преданы – участников слишком много, в которых он не уверен, и потому надобна решимость; последнее слово – сходбище ночью и потом за оружие. (NB. Характер Армасила самый основательный: он не скор, но тверд в поступках и более молчалив; опасность его не пугает, но неосторожности не простит себе. В 3-м действии совершенное развитие его характера, которому Ассюд во всем противоположен). Некоторые из заговорщиков присоединяются к сей беседе. Вообще надобно заметить, что народ не имеет участия в их деле, – он будто не существует. В 3-м уже действии возмущение делается народным, но совсем не по тем причинам, которыми движимы вельможи: восстав сама собою, мгновенно, грузинская дружина своими буйствами, похищениями у граждан жен и имуществ восстановляет их против себя.

Аспрух велит через евнуха, чтобы все удалились; ему повинуются. Входит Родамист, несколько слов с Аспрухом о порядке дружины. Аспрух доносит о содружестве между собою многих сомнительных царедворцев, Ярванда, Бахрата и проч. Родамист презирает слишком людей, чтобы от них бояться чего-нибудь важного. Он желает какого-нибудь важного происшествия, чтобы в полной мере предаться своей деятельности, измерить себя, людей и силу обстоятельств, насколько он их превысить может, – враги нужны великому человеку. Но скрытно и прилежно велит за ними наблюдать, при первом двусмысленном движении донести ему вновь; если требуется спеха, – схватить их без доклада ему и ввергнуть в оковы; если опасность неминуема, – без исследования предать смерти. Отпускает Аспруха с евнухом; несколько слов о Зенобии, о гареме; евнуху поручает насчет женщин, как Аспруху о вельможах. Родамист один, Смутное предчувствие, недоволен своим положением.

Но кто этот, бродит вокруг ставки, в часы царского отдохновения, когда никто сюда не смеет приближаться? Боязлив, озирается… Родамист готовится к обороне, но делает вид, будто не замечает скрытного врага. Ассюд сперва медленно подступает, потом устремляется на царя, обезоружен им и ранен в руку.

В 2-м <акте> Ассюд хочет заколоть Родамиста, тот удерживает его, притворное соучастие, выманивает у него тайну, потом свирепствует.

В 3-м <акте> заговорщики ссорятся о будущей власти, в эту минуту устремляется на них Родамист.

Своя семья или замужняя невеста (сцены из комедии)

Любим, молодой человек, в бытность свою в Петербурге, женился по страсти, без согласия своих родственников. Он привозит жену в тот город, где живут все его тетки и дяди: Мавра Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карп Савич, Максим Меркулович. Все думают, что он сговорен; никто не знает, что он женат, кроме Варвары Савишны, которая всех добрее и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайною, а между тем Наташа, жена его, под чужим именем знакомится со всею мужниною роднею, старается каждому из них угодить и понравиться и в том успевает. – Это содержание одной комедии кн. А. А. Шаховского, в которой я взялся сделать несколько сцен из второго акта. Вот они.

< Явление 1 >

Варвара Савишна, Любим, Наташа.

Любим

Да! я обегал всю почтенную родню И счастья своего покамест не виню: Где ни был, никого найти не удавалось, Кроме одной. – Зато уж от нее досталось! К Раисе Савишне, как следует, зашел; Глядь, у себя. Слуга тотчас меня повел К ней в образную, – там в очках она читала, Вспрыгну́ла, ахнула и в обморок упала. Оттерли. – Боже мой! тут только что держись: Увещевания рекою полились; И все печатное, что только вышло внове, Все знает наизусть, не ошибется в слове; Ну, так и сыплет вздор. Речь о тебе зашла: Тут длинную она статью о том прочла, Как, верно, в девушке, вертушке новомодной, Нет пламенной души, ни нежности природной, Ни сердца простоты… А я без дальних слов, Не выслушав всего, взял шляпу, был таков. Наташа, как я глуп! зачем, не понимаю, Привез тебя сюда?

Варвара Савишна

Вот так-то! поздравляю! Все виноваты мы…

Любим

Ах, нет! всегда жене Твердил я, что у нас порядочных в родне Есть двое: вы да я.

Варвара Савишна

Поверь мне: помаленьку На свой поставишь лад ты всю свою роденьку. Наш опыт удался с секунд-майором. Ну, Полюбят также

все они твою жену; Дай срок.

Наташа

А с дядюшкой сдружились мы случайно!.. Он на тебя похож, Любим, да чрезвычайно! И видно по всему, что смолоду он был Такой же ветреный и так же добр и мил. Максим Меркулович – тот не того разбора, Да и две тетушки! Не сладишь с ними скоро! Ну, если не пойдут никак они на лад, Я, пусть они меня расценят, как хотят, Скажу им наотрез: пожалуй, мной гнушайтесь, Для мужа все стерплю.

Любим *(обращается к Варваре Савишне)*

А! какова! признайтесь, Что будьте сами вы мужчиной… вы как раз Женились бы на ней. – Все перед нею пас.

Варвара Савишна *(посмотрев в окошко)*

Ах! Мавра Савишна сюда идет!

Наташа

Какая? Что сва́рливая?

Варвара Савишна

Да, крикуша!

Любим

И скупая, И тем упрямее, что денег тьма у ней.

Наташа

Ах! нет ли, тетушка, здесь в доме попростей Какого платьица, чтоб мне пришлось по тальи?

Варвара Савишна

У Груньки в девичьей спросить… Нет! у Натальи Передничек ее да шемизетку взять, Что в праздничные дни велю ей надевать. Уйдите же… она уж подошла к порогу.

Наташа *(уходя)*

Любим!

Любим

Я за тобой. Уходят вместе.

<Явление 2>

Мавра Савишна, Варвара Савишна.

Мавра Савишна

Скажи-ка: слава богу! Ведь наш Любим сюда изволил прикатить! Хоть, правда, поспешил меня он навестить, Да, вишь, пожаловал в тот самый час, в который К вечерне я хожу. Ох! эти мне проворы! Я чай, разведывал, когда-де побывать? Когда потрафить так, чтоб дома не застать?

Варвара Савишна

Ну, можно ли…

Мавра Савишна

Чего? Он разве малый путный? Я одному дивлюсь, что карточкой визютной Меня не наградил; а то ведь таковой Обычай водится в столицах, об Святой И в Рождество. Да что? там вечно наглость та же; Знатнейшие дома – и родственников даже – Вот посещают как: сам барин дома спит, Карету и пошлет, а в ней холоп сидит, Как будто господин; обрыскает край света, Швыряет карточки!.. Спасибо! мерзость эта Что не дошла до нас: помиловал господь! Да и племяннику нельзя глаза колоть, Не подражает в том столичному он краю, А все-таки спесив! увижу – разругаю. Ведь нет чтоб подождать полчасика… беда, Никак нельзя: спешит. Спроси его: куда? Небось не думает угодность сделать тетке; А кабы в Питере, к какой-нибудь красотке…

<Явление 3>

Мавра Савишна, Варвара Савишна, Наташа.

Наташа

Ах, вы здесь не одни! простите!

Варвара Савишна

Ничего.

Мавра Савишна

Кто это? здешняя?

Варвара Савишна

Нет! мужа моего Покойного родня, приехала недавно. Знакома вам была Федосья Николавна?

Мавра Савишна

Твоя золовка?

Варвара Савишна

Да, ее в живых уж нет. Вот дочь ее.

Мавра Савишна

Она? – Прошу! каких уж лет! Невеста хоть куда! – Мы вместе вырастали С твоею матушкой, дружнехонько живали, И батюшка в Москве к нам часто в дом ходил. При мне он сватался, при мне помолвлен был. Ах, на сем свете я куды давно таскаюсь! Ты с нами долго ли пробудешь? а?

Наташа

Не знаю-с. Как будет тетушке угодно…

Варвара Савишна

Мне, друг мой? Весь век радехонька я вместе жить с тобой.

(Обращаясь к Мавре Савишне.)

В глаза и за глаза скажу: неприхотлива И угодительна, ловка и бережлива. Желаю всякому такую дочь иметь.

Наташа

Угодно, тетушка, вам будет посмотреть? Там приготовила для вас одно я блюдо.

Варвара Савишна

А! знаю, хорошо. – Останься здесь покуда. Сестрица, кажется, не гостьи вы у нас, Не взыщете, а я назад приду сейчас.

(Уходит.)

<Явление 4>

Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Что это, матушка? неслыханное дело! Кто стряпает теперь?

Наташа

К обеду не поспело; Хватились поздно мы; так, как-то не пришлось.

Мавра Савишна

Какое ж кушанье?

Наташа

Пирожное одно-с, И выдумки моей.

Мавра Савишна

Твоей? – Оно б не худо. Да ведь пирожное затейливое блюдо. Насущный хлеб теперь один составит счет, Так лакомство, ей-ей! на ум уж не пойдет.

Наташа

Да-с, у меня зато все снадобье простое: Морковка, яицы и кое-что другое, Да соку положить лимонного чуть-чуть.

Мавра Савишна

Ну, сахар входит же?

Наташа качает головy.

Хоть крошечка?

Наташа

Отнюдь! Как, сахар? шутка ли? что вы? побойтесь бога! Нет! и без сахару расходов нынче много.

Мавра Савишна

Да! согрешили мы, крутые времена!

Наташа

Я как-то с малых лет к тому приучена, Что дорогой кусок мне видеть даже грустно: Я так люблю поесть, чтоб дешево и вкусно.

Мавра Савишна

Как судишь ты умно! не по летам, мой свет; В иной и в пожилой такого смысла нет.

Наташа

Помилуйте…

Мавра Савишна

Чего помиловать? смотри-ка, Житье-то сестрино не явная ль улика, Что прожила весь век, не нажила ума? Расчету ни на грош, увидишь ты сама; Всегда столы у ней – зачем? кому на диво?

Наташа

А будто трудно жить, как надо, бережливо? Я вот и не в нужде воспитана была, Хоть матушка моя покойница жила Куда не ро́скошно, я чай, и вам известно.

Мавра Савишна

Умна была – дай бог ей царствие небесно!

Наташа

Однако странность я одну вам расскажу.

Мавра Савишна

Как, друг мой? что? – Садись.

Наташа

Вот что…

Мавра Савишна

Да сядь!

Наташа *(севши на краешке стула)*

Сижу. Вот что… спросить у вас позвольте: вы давно ли Расстались с матушкой?

Мавра Савишна

Лет двадцать пять, поболе; Мы молоды тогда, невесты были с ней,

(со вздохом)

И схоронила я с тех пор уж трех мужей!

Наташа

Так, может, никогда вам слышать не случалось Об том, что к Ладовой, к графине, я попалась На воспитание?

Мавра Савишна

Нет, не слыхала я.

Наташа

Уж странность подлинно! – Она и мать моя Век были по всему противных свойств и правил. Не знаю, между их как случай связь составил, А только матушка с ней так дружна была, Что на руки меня к ней вовсе отдала! Представьте же себе: я в дом попала знатный, У Ладовой на все расход невероятный! И шляпкам, и шаля́м, и платьям счету нет, И собирается у ней весь модный свет: Вчера концертный день, а нынче танцевальный, А завтра что-нибудь другое. – Натурально, Вы можете судить, что в этаком дому До бережливости нет дела никому.

Мавра Савишна

Зараза! истинно зараза! жаль, родная, Смерть жалко! хоть

кого испортит жизнь такая.

Наташа

Позвольте досказать. Мне скоро щегольство И весь графинин быт: шум, пышность, мотовство И давка вечная в передней за долгами – Так опротивели, что рада, между нами, Была я убежать бог ведает куда! Так опротивели! что лучше бы всегда Я ела черный хлеб, в серпянке бы ходила, Да лишь бы суетно так время не губила.

Мавра Савишна

Ужли, голубушка! да как же это ты? Я, я свертелась бы от этой суеты! Вот ум не де́вичий! – К чему ты наклонилась? Что потеряла?

Наташа

Здесь булавочка светилась, Сейчас я видела. Вот тут она была, На этом месте, здесь. – А! вот она! нашла.

(Поднявши, прикалывает к косынке.)

Ведь и булавочка нам может пригодиться.

Мавра Савишна

Как? из булавки ты изволила трудиться? Чем больше думаю, и на тебя гляжу, И слушаю тебя, ума не приложу. Диковина, мой свет! Уж ты ли не водилась С большими барами? а все с пути не сбилась!

Наташа

Напротив, многим я обязана тому, Что столько времени жила в большом дому. Когда к француженкам поедем мы, бывало, Графине только бы купить что ни попало; А я тихохонько высматриваю все, Как там работают, кроят и то, и се, И выпрошу себе остатков, лоскуточков, Отрезочков от лент, матерьицы кусочков, И дома, запершись, крою себе, крою. Теперь же, верите ль, я что угодно шью, Вы не увидите на мне чужой работы – Вот ни на эстолько.

(Показывает на кончик шемизетки или фартука.)

Мавра Савишна

Помилуй, друг мой, что ты? Клад сущий! и тебе подобной не сыскать!

Наташа

Я шелком, золотом умею вышивать. Бывало, прочие лишь заняты весельем, На ба́лах день и ночь, а я за рукодельем; Что вышью, продаю; работою своей Скопила наконец до тысячи рублей.

Мавра Савишна

Теперь на свете нет вещей невероятных. Скопила! – Чем? – Трудом! воспитана у знатных! Свершилась над тобой господня благодать. Дай, радость, дай скорей себя расцеловать!

Обнимаются.

Вот если б был Любим степенный и толковый, Вот счастье! вот оно! вот! случай здесь готовый! И услужил бы всем, родным бы и себе, Когда женился бы он, друг мой, на тебе. Уму бы разуму его ты научала, Любила бы его, мотать бы не давала; А то, слышь, в Питере он сватанье завел! Там русскую мамзель какую-то нашел! Преаккуратная головушка, я чаю.

Наташа

А почему же знать?

Мавра Савишна

Как почему? – Я знаю

Наташа

Конечно, это вам известнее, чем мне.

Мавра Савишна

Вот то-то, видишь ли, что всей его родне Она не по нутру. – Не может, чай, дождаться, Когда Любимовы родные все свалятся, Чтоб поскорей по них наследство получить; Того не думает, чтобы самой нажить. Хоть об себе скажу: не без труда скопила Я кое-что. Нет! трем мужьям, трем угодила! Легко ли вытерпеть от них мне довелось – При жизни что́ хлопот! по смерти сколько слез!

(Останавливается от избытка чувств.)

Я, друг мой, кажется, в тебе не обманулась. По воле божией, когда б ты приглянулась Любиму нашему и вышла б за него, Не расточила бы наследства моего. Да и полюбишься ему ты, вероятно: Свежа, как маков цвет, ведешь себя опрятно, А франтов нынешних немудрено прельстить. Ты по-французскому умеешь говорить?

Наташа

Умею несколько.

Мавра Савишна

И! верно мастерица. Им только надобно…

<Явление 5>

Варвара Савишна, Мавра Савишна, Наташа.

Мавра Савишна

Послушай-ка, сестрица! Вот толк об чем у нас: не правда ли, она Любиму нашему ведь по всему жена?

Варвара Савишна

Я то же говорю.

Мавра Савишна

Ты говоришь… Я знаю, Что это быть должно, я этого желаю, На этом настою. Как хочет он, Любим, Я вразумлю его, и, по

словам моим, Он петербургские все шашни позабудет. Пожалуйка, сестра, когда к тебе он будет, Пришли его ко мне. – А между тем прощай! К тебе, признаться, я попала невзначай; Шла к тетке Звонкиной, с ней перемолвить нужно Так кой об чем. – Прости!

(Обращаясь к Наташе.)

Ах! жаль, что недосужно, А то бы мы с тобой… прошу нас навещать. Ты говорила мне, что любишь вышивать; На это мастерство у нас есть заведенье, Туда свожу тебя, увидишь: загляденье Отцу Пафнутию какие ризы шьют!

(Варваре Савишне.)

Скажи ж Любимушке, чтоб на себя взял труд, Заехал бы ко мне. – Быть может, и без брани, Авось!.. загадывать я не хочу заране. Авось!.. не ведает никто, что впереди. Сестра! без проводов! останься! не ходи!

Серчак и Итляр

Серчак

Ты помнишь ли, как мы с тобой, Итляр, На поиски счастливые дерзали, С коней три дня, три ночи не слезали; Им тяжко: градом пот и клубом пар, А мы на них – то вихрями в пустыне, То вплавь по быстринам сердитых рек… Кручины, горя не было вовек, И мощь руки не та была, что ныне. Зачем стареют люди и живут, Когда по жилам кровь едва струится! Когда подъять бессильны ратный труд И темя их снегами убелится! Смотри на степь, – что день, то шумный бой, Дух ветреный, другого превозмогший, И сам гоним… сшибутся меж собой, И завивают пыль и злак иссохший: Так человек рожден гонять врага, Настичь, убить иль запетлить арканом, Кто на путях не рыщет алчным враном, Кому уже конь прыткий не слуга, В осенней мгле, с дрожаньем молодецким, Он, притаясь, добычи не блюдет, – Тот ляг в сыру землю́: он не живет! Не называйся сыном половецким!

Итляр

Мы дряхлы, друг, но ожили в сынах, И отроки у нас для битвы зрелы. Не празднен лук, – натянут в их руках; Не даром мещут копья, сыплют стрелы. Давно ль они несчетный лов в полон Добыли нам, ценою лютых браней, Блестящих сбруй, и разноцветных тканей, И тучных стад, и белолицых жен. О, плачься, Русь богатая! Бывало, Ее полки и в наших рубежах Корысть деля́т. Теперь не то настало! Огни ночной порою в камышах Не так разлитым заревом пугают, Как пламя русских сел, – еще пылают По берегам Трубе́жа и Десны… Там бранные пожары засвечают В честь нам, отцам, любезные сыны.

Серчак

В твоих сынах твой дух отцовский вне́дрен! Гордись, Итляр! Тебя их мужественный вид, Как в зимний день луч солнечный, живит. Я от небес лишь дочерью ущедрен И тою счастлив… Верь, когда с утра Зову ее и к гру́ди прижимаю, – Всю тяжесть лет с согбенных плеч стрясаю. Но ей отбыть из отчего шатра: Наступит день, когда пришельцу руку Должна подать на брачное житье; Душой скорбя, я провожу ее, И, может быть, на вечную разлуку… Тогда приди всем людям общий рок! Закройтесь, очи, – не в семье чад милых… Наездник горький: ветх и одинок, Я доживу остаток дней постылых! Где лягут кости? В землю их вселят Чужие руки, свежий дерн настелят, Чужие меж собой броню, булат И все мое заветное разделят!..

Отрывок из Гете

Директор театра

По дружбе мне вы, господа, При случае посильно иногда И деятельно помогали; Сегодня, милые, нельзя ли Воображению дать смелый вам полет? Парите вверх и вниз спускайтесь произвольно, Чтоб большинство людей осталось мной довольно, Которое живет и жить дает. Дом зрелища устроен пребогатый, И бревяной накат, и пол дощатый, И все по зву: один свисток – Храм взыдет до небес, раскинется лесок. Лишь то беда: ума нам где добиться? Смотрите вы на брови знатоков: Они – и всякий кто каков – Чему-нибудь хотели б удивиться; А я испуган, встал в тупик; Не то чтобы у нас к хорошему привыкли, Да начитались столько книг! Всю подноготную проникли! Увы! И слушают, и ловят все так жадно! Чтоб были вещи им новы́, И складно для ума, и для души отрадно. Люблю толпящийся народ Я – при раздаче лож и кресел; Кому терпенье – труден вход, Тот получил себе – и весел, Но вот ему возврата нет! Стеной густеют непроломной, Толпа растет, и рокот громный, И голоса: билет! билет! Как будто их рождает преисподня. А это чудо кто творит? – Поэт. Нельзя ли, милый друг, сегодня?

Поэт

О, не тревожь, не мучь сует картиной. Задерни, скрой от глаз народ, Толпу, которая пестреющей пучиной С собой противувольно нас влечет. Туда веди, где под небес равниной Поэту радость чистая цветет, Где дружба и любовь его к покою Обвеют, освежат божественной рукою. Ах! часто, что отраду в душу льет, Что робко нам уста пролепетали, Мечты неспелые… – и вот – Их крылья бурного мгновения умчали. Едва искупленных трудами многих лет, Их в полноте красы увидит свет. Обманчив блеск: он не продлится; Но истинный – потомству сохранится.

Весельчак

Потомству? да; и слышно только то, Что духом все парят к потомкам отдаленным; Неужто наконец никто Не порадеет современным? Неужто холодом мертвит, как чародей, Присутствие порядочных людей! Кто бредит лаврами на сцене и в печати, Кому ниспосланы кисть, лира иль резец Изгибы обнажать сердец, Тот поробеет ли? – Толпа ему и кстати; Желает он побольше круг, Чтоб действовать на многих вдруг. Скорей фантазию, глас скорби безотрадной, Движенье, пыл страстей, весь хор ее нарядный К себе зовите на чердак. Дурачеству откройте дверцу, Не настежь, вполовину, так, Чтоб всякому пришло по сердцу.

Директор

Побольше действия! – Что зрителей манит? Им видеть хочется – ну, живо Представить им дела на вид! Как хочешь, жар души излей красноречиво; Иной уловкою успех себе упрочь; Побольше действия, сплетений и развитий! Лишь силой можно силу превозмочь, Число людей – числом событий. Где приключений тьма – никто не перечтет, На каждого по нескольку придется; Народ доволен разойдется, И всякий что-нибудь с собою понесет. Слияние частей измучит вас смертельно; Давайте нам подробности отдельно. Что целое? какая прибыль вам? И ваше целое вниманье в ком пробудит? Его расхитят по долям И публика по мелочи осудит.

Поэт

Ах! это ли иметь художнику в виду! Обречь себя в веках укорам и стыду! – Не чувствует, как душу мне терзает.

Директор

Размыслите вы сами наперед: Кто сильно потрясти людей желает, Способнее оружье изберет; Но время ваши призраки развеять, О гордые искатели молвы! Опомнитесь! – кому творите вы? Влечется к нам иной, чтоб скуку порассеять, И скука вместе с ним ввалилась – дремлет он; Другой явился – отягчен Парами пенистых бокалов; Иной небрежный ловит стих, – Сотрудник глупых он журналов. На святочные игры их Чистейшее желанье окриляет, Невежество им зренье затемняет, И на устах бездушия печать; Красавицы под бременем уборов Тишком желают расточать Обман улыбки, негу взоров. Что возмечтали вы на вашей высоте? Смотрите им в лицо! – вот те Окаменевшие толпы живым утесом; Здесь озираются во мраке подлецы, Чтоб слово подстеречь и погубить доносом; Там мыслят дань обресть картежные ловцы; Тот буйно ночь провесть в объятиях бесчестных; И для кого хотите вы, слепцы, Вымучивать внушенье Муз прелестных! Побольше пестроты, побольше новизны – Вот правило, и непреложно. Легко мы всем изумлены, Но угодить на нас не можно. Что? гордости порыв утих? Рассудок превозмог…

Поэт

Нет! нет! – негодованье. Поди ищи услужников других. Тебе ль отдам святейшее стяжанье, Свободу – в жертву прихотей твоих? Чем равны небожителям поэты? Что силой неудержною влечет К их жребию сердца и все обеты, Стихии все во власть им предает? Не сладкозвучие ль? – которое теснится Из их груди, вливает ту любовь, И к ним она, отзывная, стремится И в них восторг рождает вновь и вновь. Когда природой равнодушно Крутится длинновьющаяся прядь, Кому она так делится послушно? Когда созданья все – слаба их мысль обнять – Одни

другим звучат противугласно, Кто съединяет их в приятный слуху гром Так величаво! так прекрасно! И кто виновник их потом Спокойного и пышного теченья? Кто стройно размеряет их движенья И бури, вопли, крик страстей Меняет вдруг на дивные аккорды? Кем славны имена и памятники тверды? Превыше всех земных и суетных честей, Из бренных листвиев кто чудно соплетает С веками более нетленно и свежей То знаменье величия мужей, Которым он их чёла украшает? Пред чьей возлюбленной весна не увядает? Цветы роскошные родит пред нею перст Того, кто спутник ей отрад, любви стезею; По смерти им Олимп отверст И невечернею венчается зарею. Кто не коснел в бездействии немом, Но в гимн единый слил красу небес с зарею? Ты постигаешь ли умом Создавшего миры и лета? Его престол – душа Поэта.

Письмо из Бреста литовского к издателю «Вестника Европы»

Июня 26-го дня 1814 г.

Брест.

Позвольте доставить вам некоторое сведение о празднике, который давали командующему кавалерийскими резервами, генералу Кологривову, его офицеры. Издатель «Вестника Европы» должен в нем принять участие; ибо ручаюсь, что в Европе не много начальников, которых столько любят, сколько здешние кавалеристы своего.

Поводом к празднеству было награждение, полученное генералом Кологривовым: ему пожалован орден святого Владимира I степени. Неподражаемый государь наш на высочайшей степени славы, среди торжества своего в Париже, среди восторгов удивленного света, среди бесчисленных и беспримерных трофеев, помнит о ревностных, достойных чиновниках и щедро их награждает. При первом объявлении о монаршей милости любимому начальнику приближенные генерала условились торжествовать радостное происшествие и назначили на то день 22 июня. День был прекрасный, утро, смею сказать, пиитическое.

Так день желанный воссиял, И к генералу строй предстал Пиитов всякого сословья; Один стихи ему кладет В карман, другой под изголовье; А он – о доброта! какой примеров нет – Все оды принимает, Читает их и не зевает.–

Нет; он был тронут до глубины сердца и, подобно всем, дивился, сколько стихотворцев образовала искренняя радость. Вот приглашение, которое он получил ото всего дежурства:

Вождь, избранный царем К трудам, Отечеству полезным! Се новым грудь твою лучом Монарх наш озаряет звездным. Державный сей герой, Смирив крамолу И меч склоняя долу, Являет благость над тобой, Воспомянув твои заслуги неиссчетны: Тогда как разрушал он замыслы наветны И ты перуны закалял, От коих мир весь трепетал; Тобою внушены кентавры, Что ныне пожинали лавры И в вихре смерть несли врагам. Царь помнит то – и радость нам! Скорее осушим, друзья, заздравны чаши! А ты приди, узри, вкуси веселья наши Меж окружающих сподвижников твоих, Не подчиненных зри – друзей, сынов родных. В кругу приверженцев, в кругу необозримом, Ты радость обретешь в сердцах, Во взорах, на устах, Блаженно славным быть, блаженней быть любимым!

Все это происходило в версте от Бреста, на даче, где генерал имеет обыкновенное пребывание. Множество офицерства явилось с поздравлениями; потом поехали на место, где давали праздник, – одни, чтобы посмотреть, другие, чтоб докончить нужные приуготовления.

Есть в Буге остров одинокой; Его восточный мыс Горою над рекой навис, Заглох в траве высокой (Преданья глас такой, Что взрыты нашими отцами Окопы, видные там нынешней порой; Преданье кажется мне сказкой, между нами, Хоть верю набожно я древности седой; Нет, для окопов сих отцы не знали места, Сражались, били, шли вперед, А впрочем, летописи Бреста Пусть <Качановский>[5] разберет); Усадьбы, города, и селы, И возвышенности, и долы С горы рисуются округ, И стелется внизу меж вод прекрасный луг. На сем избранном месте, При первой ликованья вести, Подъялись сотни рук; Секир и заступов везде был слышен стук. Едва ль румянила два раза свод небесный Аврора утренней порой – Все восприяло вид иной, Вид новый, вид прелестный, Творенье феиной руки. Где были насыпи – пестрелись цветники, А где темнелись кущи – Явились просеки, к веселию ведущи, К красивым убранным шатрам, Раскинутым небрежно по холмам. В средине их, на возвышенье, Стояли светлые чертоги угощенья; Из окон виден их В лугу разбитый стан для воинов простых. На теме острова был к небу флаг возвышен, Чтоб знак веселия узреть со всех сторон, И жерлов ряд постановлен, Чтоб радости отзыв везде был слышен. На скате ж, где приступен вал, Один лишь вход удобный, И город где являл Картине вид подобный, Воздвигнули врата искусною рукой Из копий, связанных цветами, И укрепили их в полкруге над столпами, Унизанными осокóй. Любовь врата соорудила; Сама природа убрала; Подзорами оружие снабдило; Потом веселость в них вошла.

В три часа пополудни все приглашенные на праздник офицеры съехались; все с нетерпением ожидали прибытия генерала. Наконец вздернутый кверху флаг и пушечные залпы возвестили приближение его. Он ехал верхом, сопровождаемый более 50 офицеров. Мне было весьма хотелось описать вам в стихах блеск сего шествия, блеск воинских нарядов; к несчастию, никак не мог прибрать рифмы для лядунок и киверов; итак, пусть будет это в прозе. Но то, чего не в силах выразить никакая поэзия, была встреча генерала на мосту, нарочно для сего дня наведенном, где он, при громе пушек и нескольких оркестров, при радостных восклицаниях, с восторгом был принят военными хозяевами и гостями. Слезы душевного удовольствия полились из глаз его и всех предстоящих. Он несколько времени стоял

безмолвен, удивлен, обрадован, растроган, потом взошел или, лучше сказать, внесен был окружающею толпою в триумфальные врата.

Сей вход отличиям условным был рубёж; Но случай подшутил, и что ж? – Кто чином высшим украшался, И доблестями тот отличней всех являлся.–

Взошед в галерею, он был еще приветствуем стихами; но я их здесь не помещу оттого, что не спросился у кавалериста – сочинителя. Потом генерал пошел на возвышение и несколько времени восхищался редкими живописными видами. – На валу шатры, кои белелись между березками; у подошвы горы луг, где разбит был лагерь; река Буг, обтекающая все место празднества; местечко Тересполь и другие селения в отдаленности; толпа народа на мостах и на берегу, взирающего с удивлением на пышный, невиданный им праздник, – все пленяло взор наблюдателя, все приводило в изумление. Вдруг запели на сей случай сочиненную солдатскую песнь, и разгласилось на лугу троекратно ура! После чего все были созваны к обеду: столы в галерее и в палатках были накрыты на 300 кувертов.

Уж запахом к себе манили яства, Литавры грянули! – и новые приятства, Обед сближает всех, С ним водворяется в собранье сто утех, Веселость, откровенность, Любезность, острота, приязнь, непринужденность – И, словом вам сказать, Все радости сошлись нас угощать. Когда ж при трубах, барабанах Заискрилось шампанское в стаканах, Венгерское густое полилось, Бургонское зарделось, – У всякого лицо от нектара краснелось; Но стихотворец тут перо свое хоть брось.

Признаться, моя логика велит лучше пить вино, чем описывать, как пьют, и кажется, что она хоть гусарская, но справедливая. Не буду также вам говорить о различных сластях и пышностях стола, который, само собою разумеется, был весьма великолепен; 300 человек генералов, штаб и обер-офицеров были угощены нельзя лучше, нельзя роскошнее, нельзя веселее.

И гости все едва ли Из-за обеда встали, Взялись за песни, остроты́; Тут излияния сердечны Рекою полились: все в радости беспечны! Болтливость пьяного есть признак доброты; Пииты же, как искони доселе, Всех более шумели, Не от вина, нет, – на беду, Всегда они в чаду: Им голову кружи́т другое упоенье – Сестер парнасских вдохновенье.

Не думайте, однако ж, чтоб забвение всего овладело шумным обществом; нет, забывали важные дела, скуку, горести, неприятности, но не забывали добродетель; она сопутница чистой радости; и в сии часы, когда сердце всякого было на языке и душа отверзта для добрых впечатлений, открылась подписка в пользу

гошпиталя и бедных всякого звания. На сей предмет собрано 6500 рублей.

Так посвящали мы – честь нашему собранью! – Забавам час, другой же состраданью.

Время было тихое, благоприятное для прогулки. Серая мгла, нависшая на небе, предохранила от летнего жара; все рассыпались по валу. Между тем пушечная пальба, хоры музыкантов и песельников не умолкали ни на пять минут. Мало-помалу стало смеркаться, и под вечер пригласили всех на противуположную сторону острова; зрители были чрезвычайно удивлены, когда, проходя не весьма большое расстояние, все в глазах их переменилось: исчез ли за кустами и пригорками шатры, галерея и все место празднества; явилась природа в дикости: грозные утесы, глубокие рвы, по ту сторону реки сельская картина, луга и рощи возбуждали приятное удивление, прежние сцены казались призраком. К общей радости, нашли там множество дам, которых присутствие, конечно, есть первое украшение всякого праздника.

Их взоры нежные шумливость укрощают И грустные сердца к веселью возбуждают.

Несколько ракет известили начало фейерверка. Он был прекрасный и продолжительный. Между многими разнообразностями искусственного огня горело вензелевое имя генерала и Владимирская звезда. Амфитеатр, где сидели зрители, сделан был из уступов горы. При выходе оттуда весь остров был уже иллюминован. Дамы и офицеры смешались вместе; в галерее начались танцы; в полночь был ужин. Генерал до рассвета принимал участие в празднике; потом возвратился домой, сопровождаемый теми же чувствами, теми же отголосками любви и приверженности, с какими был встречен. Он в сей день являл любезного начальника, приятного гостя и чувствительного человека. Есть праздники, которые на другой же день забывают оттого, что даются без цели или цель их пустая. В столицах виден блеск, в городах полубоярские затеи; но праздник, в коем участвует сердце, который украшали приязнь, благотворительность и другие душевные наслаждения, – такой праздник оставляет по себе надолго неизгладимые воспоминания.

Философы в ученом заточенье, Защитники уединенья, Наш посетите стан, когда вам есть досуг. Здесь узрите вы дружный, братский круг, Начальника, отца обширного семейства. Коль надобно – на смерть идут; Не нужно – праздники дают. У вас как будто чародейство: От книг нейдете вы на час, Минута дорога для вас; А мы на дней не ропщем скоротечность; Они не истекут, доколе мы живем; А там настанет вечность, Так дней не перечтем.

Моя одна забота, чтобы праздники чаще давались. Нам стоит 10 000 рублей, кроме фейерверка. Кончая мою реляцию, желаю вам так же веселиться, как я веселился 22-го июня.

С истинным почтением честь имею и проч.

Александр Грибоедов.

P. S. Посылаю вам 1000 рублей для бедных, которых так много после пожара Москвы. В отдаленности от любезного отечественного края нам неизвестно, какие частные лица наиболее терпят от бедности. Полагаемся на вас. Конечно, заступник неимущих лучше всех знает, кому нужна помощь.

О кавалерийских резервах

Блистательные события прошедшей войны обращали на себя всеобщее внимание и не давали публике времени для наблюдений побочных, но между тем важных причин, кои способствовали к успехам нашего оружия. К оным, конечно, принадлежат резервы, сие мудрое учреждение венценосного нашего героя, сей рассадник юных воинов, который единственно делал, что войско наше, после кровопролитных кампаний 1812 и 1813 годов, после дорого купленных побед, как феникс, восставало из пепла своего, дабы пожать новые, неувядаемые лавры на зарейнских полях и явить грозное лицо свое в столице неприятеля. Буду говорить только о формировании кавалерии; ибо сам был очевидцем, дивился быстроте хода его, трудностям, с коими оно сопряжено, и неусыпным стараниям командующего сею частью, который в точности оправдал слова великого нашего государя, изъявившего ему во всемилостивейшем рескрипте[6], *что не нашел иного, коему бы можно было вверить столь важную часть.* Все сие усмотрит читатель из обозрения кавалерийских резервов, которое я постараюсь сделать как можно внятнее и короче, не входя в излишние подробности.

18 октября 1812 года получил генерал от кавалерии Кологривов рескрипт о принятии его в службу и повеление приготовить в Муроме 9000 кавалерии и по два эскадрона для каждого гвардейского полку. Формирование, возложенное прежде на генерала графа Толстого, не было еще начато по многим важным причинам. – Ни людей, ни лошадей, ни материалов для обмундировки, ниже каких необходимых пособий не было. Едва начали собираться толпы рекрут, как был сказан поход в Новгород-Северск, а не доходя до места получено повеление идти на Могилев Белорусский. Между тем план формирования переменен и сделан гораздо обширнее. – Повелено было сформировать для каждого армейского полку по два эскадрона из 200 нижних чинов. В Могилеве, однако, все более и более приходило в устройство; зачали поступать рекруты и лошади, начали съезжаться офицеры, которые все, подстрекаемые духом достойного их начальника, пылали благородным соревнованием, чтобы споспешествовать к славе действующей армии, и доказательство сему не двусмысленно. В начале марта 813 года зачали поступать рекруты и лошади, в исходе того же месяца седла и ружья, а в начале апреля выступили в армию 14-ть и вслед за сими 32 эскадрона, готовые в строгом смысле. Потом вся резервная кавалерия двинулась к Слониму, и едва успела туда

вступить, как уже выслано 10 гвардейских эскадронов, являющих вид всадников испытанных, закоснелых в военном ремесле и кои вскоре сделались ужасными неприятелю. Так! в толь скорое время, когда самый взыскательный военноискусник не был бы вправе ничего требовать, кроме некоторого навыка в обращении с лошадьми, возникли сии с блестящей наружностью, искусные в построениях и всем отличные, достойные телохранители великого! – Но что? одобрение его величества по прибытии их во Франкфурт есть несомненный знак их достоинства.

Из Слонима перешли все кавалерийские резервы в Брест Литовский и оттоле отправлялись ежемесячно в действующую армию по десяти, двенадцати, двадцати, а в разные времена от августа до января пошло в армию 113, ныне же в готовности 150 эскадронов. И так в пятнадцать, а с настоящего формирования в двенадцать месяцев образовалось 65 000 кавалерии.

Кто когда-либо служил в кавалерии, кто хоть малейшее имеет понятие о трудностях сей службы; кто приведет себе на память, что прежде сего один конный полк формировался целыми годами; кто вспомнит, в какое смутное время кавалерийские резервы восприяли свое начало; кто расчислит, какие запутанности встречаются при начале всякого важного и огромного государственного дела; кто взвесит обстоятельства, коих не в силах отвратить никакая предусмотрительность, например: отдаленность губерний, из коих приводятся лошади, порча их на дороге, неопытность иных гражданских чиновников, коим поручено было в губерниях принимать, разбирать, отводить ремонты и так далее; кто притом знает, чего стоит в кроткого земледельца внушить дух бранный, чего стоит заставить забыть его мирную, безмятежную жизнь, дабы приучить к непреклонным воинским уставам, – тот, конечно, подивится многочисленной и отборной коннице, образованной в столь короткое время, в беспрестанных переменах места, на походе от Оки до Буга (2000 верст) по краям, опустошенным неприятелем; подивится войску, ополченному в случайностях войны, как бы в тишине мира, под сению которого редко что требуется к спеху и дается времени столько, сколько потребно для совершения нужного дела.

К вящему доказательству, как успешно формировалась кавалерия, служит конница Польской армии, стоявшая под Гамбургом, равно как и большая часть бывшей во Франции, которая вся составлена генералом Кологривовым; притом эскадроны из новообразованных, которые принимали участие в военных действиях, почти все отличились. Для примера упомянем о Павлоградском гусарском, который, составленный весь из рекрут и не доходя еще до своего назначения, в одной сшибке с

неприятелем разбил его наголову и взял 200 нижних чинов в плен; также и Сумской ударил один на два эскадрона и обратил их в бегство, имея в виду сильное неприятельское подкрепление. Теперь, обозрев быстрое и успешное формирование, займемся другим не менее важным предметом.

Утихла буря на политическом горизонте; уже не отзываются громы ее, и мир, как благотворный луч солнца, озаряет гражданскую деятельность; истинный патриот, не помышлявший о своем стяжании тогда, когда отечество, удрученное бедствиями, взывало к нему, ныне в мирном досуге рассчитывает убытки, претерпенные государством. Убытки сии неизбежны в военное время. Но скажем, к успокоению людей, пекущихся о народном благосостоянии, что кавалерийские резервы, относительно к огромности сего учреждения, весьма мало стоили казне не по одному только бескорыстию командующего сею частию (я не хочу верить, чтобы какой-нибудь российский чиновник помыслил о личных своих выгодах, особенно в то время, как дымилась еще кровь его собратий на отеческих полях); нет! не мудрено[7] было бы ему, единственно занятому важным поручением, и простительно даже не иметь внимания к экономическим расчетам, по-видимому несовместным с пылким духом ревностного военачальника. Отдадим справедливость генералу Кологривову, что он во всякое время умел сливать воинскую деятельность с соблюдением государственной экономики, и покажем это на опыте.

В Муроме делались заготовления провианта и фуража на 12 000 человек и 90 812 лошадей. Генерал Кологривов, по прибытии своем туда, прекратил сие, соображаясь, что таковое число людей и лошадей не могло прийти в одно время и содержаться в одном месте.

Последствия оправдали принятые им меры, ибо резервы переменили квартиры, а бесполезные заготовления продались бы с публичного торгу гораздо дешевле, чем стоили казне; таким образом, сбережено более полумиллиона казенной суммы.

Военным министерством назначено было употребить вольных ремесленников для скорейшего обмундирования нижних чинов и для делания конского прибора. Сие оказалось ненужным: хозяйственными распоряжениями, употреблением своих мастеров и приучением наиболее к ремеслу рекрут все сделано равно поспешно, а казенные издержки уменьшены более чем на 200 000 рублей.

С самого начала формирования приводились лошади не только в изнурении, но и в болезнях; должно было продавать их с публичного торгу. Но генерал Кологривов, почитая всегда

священнейшею обязанностию пещись о сохранении государственной пользы, завел на свой счет конский лазарет, в коем лошади по большей части вылечиваются и обращаются на службу. Основание и содержание сего заведения не стоит казне ничего, кроме корма лошадям.

Скажу еще одно слово о продовольствии войска, об этой необозримой части государственных расходов. Везде, где только стояла резервная кавалерия, не только не допускали возвышаться справочным ценам, но и значительно понижали их, даже в местах, где после неприятеля сами жители во всем нуждались. Польза, проистекавшая от того для казны, можно сказать, неисчисляема, ибо только во время пребывания кавалерийских резервов в Брестском и соседственных поветах уменьшение казенных издержек простирается до нескольких миллионов.

Впрочем, нельзя упомнить всех случаев, в коих генерал Кологривов отвращал по возможности ущерб, который могла претерпеть казна. Конечно, должно бы более сказать о ревности его к службе, об известной опытности, о невероятных его стараниях и о чудесной деятельности; но он, сколько я знаю, не любит небрежные, хотя правдивые хвалы; касательно ж до читателей, верно, всякий благоразумный человек, который приложил внимание к сей статье, со мною вместе скажет: хвала чиновнику, точному исполнителю своих должностей, радеющему о благе общем, заслуживающему признательность соотечественников и милость государя! Хвала мудрому государю, умеющему избирать и ценить достойных чиновников!

Письмо к издателю «Сына отечества» из Тифлиса

От 21 января <1819 г.>

Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом; в несколько дней от севера перенесся к полуденным краям, прилежащим к Кавказу (не мысленно, а по почте: одно другого побеспокойнее!); вдоль по гремучему Тереку вступил в скопище громад, на которые, по словам Ломоносова, Россия локтем возлегла, но теперь его подвинула уже гораздо далее. Округ меня неплодные скалы, над головою царь-птица и ястреба, потомки Прометеева терзателя; впереди светлелись снежные верхи гор, куда я вскоре потом взобрался и нашел сугробы, стужу, все признаки глубокой зимы; но на расстоянии нескольких верст суровость ее миновалась: крутой спуск с Кашаура ведет прямо к весенним берегам Арагвы; оттуда один шаг до Тифлиса, и я уже четвертый месяц как засел в нем, и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей! Я не плачу им таким же равнодушием, тем, которых любил, бывши с ними в одном городе; люблю и теперь вспоминать проведенное с ними приятное время, всегда об них думаю, наведываюсь у приезжих обо всем, что происходит под вашим 60 градусом северной широты; все, что оттуда здесь узнать можно, самые незначащие мелочи сильно действуют на меня, и даже газетные ваши вести я читаю с жадностью.

Теперь представьте мое удивление: между тем как я воображал себя на краю света, в уголке, пренебреженном просвещенными жителями столицы, на днях, перебиравши листки «Русского инвалида» в № 284 прошедшего декабря, между важными известиями об американском жарком воскресенье, о бесконечном процессе Фуальдеса, о докторе Верлинге, Бонапартовом лейб-медике, вдруг попадаю на статью о Грузии: стало быть, эта сторона не совсем еще забыта, думал я; иногда и ею занимаются, а следовательно, и теми, которые в ней живут… И было порадовался, но что ж прочел? Пишут из Константинополя от 26 октября, будто бы в Грузии произошло возмущение, коего главным виновником почитают одного богатого татарского князя. Это меня и опечалило, и рассмешило.

Скажите, не печально ли видеть, как у нас о том, что полагают происшедшим в народе нам подвластном, и о

происшествии столько значащем, не затрудняются заимствовать известия из иностранных ведомостей и не обинуясь выдают их по крайней мере за правдоподобные, потому что ни в малейшей отметке не изъявляют сомнения, а можно б было, кажется, усомниться, тем более что этот слух вздорный, не имеет никакого основания: вероятно, что об истинном бунте узнали бы в Петербурге официально, не чрез Константинополь. Возмущение народа не то что возмущение в театре против дирекции, когда она дает дурной спектакль: оно отзывается во всех концах империи, сколько, впрочем, ни обширна наша Россия. И какие есть татарские князья в Грузии? Их нет, во-первых, да если бы и были: здесь что татарский князь, что немецкий граф – одно и то же: ни тот, ни другой не имеют никакого голоса. Я, как очевидец и пребывая в Тифлисе уж с некоторого времени, могу вас смело уверить, что здесь не только давно уже не было и нет ничего похожего на бунт, но при твердых и мудрых мерах, принятых ныне правительством, все так спокойно и смирно, как бы в земле издавна уже подчиненной гражданскому благоустройству. Вместо прежнего самоуправства ныне каждый по своей тяжбе идет покорно в дом суда и расправы, и русские гражданские чиновники, оберегатели частных прав, каждого удовлетворят сообразно с правосудием. На крытых улицах базара промышленность скопляет множество людей, одних для продажи, других для покупок; иные брадатые политики, окутанные бурками, в меховых шапках, под вечер сообщают друг другу рамбавии (новости) о том, например, как недавно здешние войска в горах туда проложили себе путь, куда, конечно, из наших никто прежде не заходил. На плоских здешних кровлях красавицы выставляют перед прохожими свои нарумяненные лица, которые без того были бы гораздо красивее, и лениво греются на солнышке, нисколько не подозревая, что отцы их и мужья бунтуют в «Инвалиде». В караван-сарай привозятся предметы трудолюбия, плоды роскоши, получаемые через Черное море, с которым ныне новое ближайшее открыто сообщение сквозь Имеретию. В окрестностях города виртембергские переселенцы бестревожно обстраиваются; зажиточные исчисляют, сколько веков, годов и месяцев составят время, времена и полвремени, проповедуют Штиллингов золотой Иерусалим с жемчужными вратами, недостаточные работают; дети их каждое утро являются на улицах и в домах с духовными виршами механика К***, которых никто не слушает, и с коврижками, которые все раскупают, и щедро платят себе за лакомство, им на пропитание. Вечером в порядочных домах танцуют, на саклях (террасах) звучат бубны и завывают песни, очень приятные для поющих.

Между тем город приметно украшается новыми зданиями. Все это, согласитесь, не могло бы так быть в смутное время, когда богатым татарским князьям пришло бы в голову возмущать всеобщее спокойствие.

Не думаю, чтобы повод к распространению таких слухов подала прошлогодняя экспедиция командующего Грузинским отдельным корпусом генерала от инфантерии Ермолова. Вот что было: заложена крепость на Сунже с намерением пресечь шатания чеченцев, которые часто слезают с лесистых вершин своих, чтобы хищничать в низменной Кабарде. Крепостные работы окончены успешно и беспрепятственно. Имея притом в виду во всех направлениях расчистить пути среди гор, в которых многие места по сие время для нас были непроходимым блуждалищем, и разрыть во множестве сокровенные в них богатства природы, дано им было предписание генерал-майору Пестелю занять Башлы в Дагестане. Акушинцы и другие народы, не уразумев истинных его намерений, испуганные, обсели соседственные высоты; когда туда же приступил от крепости Грозной сам генерал Ермолов, они мгновенно рассеялись; возбудителям этого скопления дарована пощада, и, одним словом, никогда в тамошних странах державная власть нашего государя не опиралась столь надежно на покорстве народов, как ныне. Еще нужны труды и подвиги, подобные тем, которые подъяты здешним главноначальствующим с тех пор, как он вступил в управление земель и народов, ему вверенных, – и необузданность горцев останется только в рассказах о прошедшем. Впрочем, если и принять в уважение, что экспедиция, о которой я сейчас упомянул, причиною толков о мнимом грузинском бунте, на что же нам даны ландкарты, коли в них никогда не заглядывать? Они ясно показывают, что события с Кавказской линии также не годится переносить в Грузию, как в Литву то, что случается в Финляндии.

Я бы, впрочем, не взял на себя неблагодарного труда исправлять газетные ошибки, если бы обстоятельство, о котором дело идет, не было чрезвычайно важно для меня собственно по месту, которое мне повелено занимать при одном азиатском дворе. Российская империя обхватила пространство земли в трех частях света. Что не сделает никакого впечатления на германских ее соседей, легко может взволновать сопредельную с нею восточную державу. Англичанин в Персии прочтет ту же новость, уже выписанную из русских официальных ведомостей, и очень невинно расскажет ее кому угодно в Тавризе или Тейране. Всякому предоставляю обсудить последствия, которые это за собою повлечь может.

А где настоящий источник таких вымыслов? Кто первый их

выпускает в свет? Какой-нибудь армянин, недовольный своим торгом в Грузии, приезжает в Царьград и с пасмурным лицом говорит товарищу, что там плохо дела идут. Приятельское известие передается другому, который частный ропот толкует общим целому народу. Третьему не трудно мечтательный ропот превратить в возмущение! Такая догадка скоро приобретает газетную достоверность и доходит до «Гамбургского Корреспондента», от которого ничто не укроется, а у нас привыкли его от доски до доски переводить, так как же не выписать оттуда статью из Константинополя?

Потрудитесь заметить почтенному редактору «Инвалида», что не всяким турецким слухам надлежит верить, что если здешний край в отношении к вам, господам петербуржцам, по справедливости может назваться краем забвения, то позволительно только что забыть его, а выдумывать или повторять о нем нелепости не должно.

Заметка по поводу комедии «Горе от ума»

Первое начертание этой сценической поэмы, как оно родилось во мне, было гораздо великолепнее и высшего значения, чем теперь в суетном наряде, в который я принужден был облечь его. Ребяческое удовольствие слышать стихи мои в театре, желание им успеха заставили меня портить мое создание, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишет для сцены: Расин и Шекспир подвергались той же участи, – так мне ли роптать? – В превосходном стихотворении многое должно угадывать; не вполне выраженные мысли или чувства тем более действуют на душу читателя, что в ней, в сокровенной глубине ее, скрываются те струны, которых автор едва коснулся, нередко одним намеком, – но его поняли, все уже внятно, и ясно, и сильно. Для того с обеих сторон требуется: с одной – дар, искусство; с другой – восприимчивость, внимание. Но как же требовать его от толпы народа, более занятого собственною личностью, нежели автором и его произведением? Притом сколько привычек и условий, нимало не связанных с эстетическою частью творения, – однако надобно с ними сообразоваться. Суетное желание рукоплескать, не всегда кстати, декламатору, а не стихотворцу; удары смычка после каждых трех-четырех сот стихов; необходимость побегать по коридорам, душу отвести в поучительных разговорах о дожде и снеге, – и все движутся, входят и выходят, и встают и садятся. Все таковы, и я сам таков, и вот что называется публикой! Есть род познания (которым многие кичатся) – искусство угождать ей, то есть делать глупости.

Частные случаи петербургского наводнения

Я проснулся за час перед полднем; говорят, что вода чрезвычайно велика, давно уже три раза выпалили с крепости, затопила всю нашу Коломну. Подхожу к окошку и вижу быстрый проток; волны пришибают к возвышенным тротуарам; скоро их захлестнуло; еще несколько минут – и черные пристенные столбики исчезли в грозной новорожденной реке. Она посекундно прибывала. Я закричал, чтобы выносили что понужнее в верхние жилья (это было на Торговой, в доме В. В. Погодина). Люди, несмотря на очевидную опасность, полагали, что до нас нескоро дойдет; бегаю, распоряжаюсь – и вот уже из-под полу выступают ручьи, в одно мгновение все мои комнаты потоплены; вынесли, что могли, в приспешную, которая на полтора аршина выше остальных покоев; еще полчаса – и тут воды со всех сторон нахлынули, люди с частию вещей перебрались на чердак; сам я нашел убежище во 2-м ярусе, у Н. П. – Его спокойствие меня не обмануло: отцу семейства не хотелось показать домашним, чего надлежало страшиться от свирепой, беспощадной стихии. В окна вид ужасный: где за час пролегала оживленная, проезжая улица, катились ярые волны с ревом и с пеною, вихри не умолкали. К театральной площади, от конца Торговой и со взморья, горизонт приметно понижается; оттуда бугры и холмы один на другом ложились в виде неудержимого водоската.

Свирепые ветры дули прямо по протяжению улицы, порывом коих скоро воздымается бурная река. Она мгновенно мелким дождем прыщет в воздухе, и выше растет, и быстрее мчится. Между тем в людях мертвое молчание; конопать и двойные рамы не допускают слышать дальних отголосков, а вблизи ни одного звука ежедневного человеческого; ни одна лодка не появилась, чтобы воскресить упадшую надежду. Первая – гобвахта какая-то, сорванная с места, пронеслась к Кашину мосту, который тоже был сломлен и опрокинут; лошадь с дрожками долго боролась со смертию, наконец уступила напору и увлечена была из виду вон; потом поплыли беспрерывно связи, отломки от строений, дрова, бревна и доски – от судов ли разбитых, от домов ли разрушенных, различить было невозможно. Вид стеснен был противустоящими домами; я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший, и в панораме – пространное зрелище бедствий. С правой стороны (стоя задом к Торговой) поперечный рукав наместо улицы между

Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин; они плотно спирались, их с тротуаров вскоре отбивало; в самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отвсюду обтекали видимую часть города, а в соседних дворах примечал я, как вода приступала к дровяным запасам, разбирала по частям, по кускам и их, и бочки, ушаты, повозки и уносила в общую пучину, где ветры не давали им запружать каналы: все изломанное в щепки неслось, влеклось неудержимым, неотразимым стремлением. Гибнущих людей я не видал, но, сошедши несколько ступеней, узнал, что пятнадцать детей, цепляясь, перелезли по кровлям и еще не опрокинутым загородам, спаслись в людскую, к хозяину дома, в форточку, также одна <калека>, которая на этот раз одарена была необыкновенною упругостию членов. Все это осиротело. Где отцы их, матери!!! Возвратясь в залу к Столыпину, я уже нашел, по сравнению с прежним наблюдением, что вода нижние этажи иные совершенно залила, а в других поднялась до вторых косяков 3-х стекольных больших окончин, вообще до 4-х аршин уличной поверхности. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами. Между тем вода с четверть часа остановилась на той же высоте, вдали появились два катера, наконец волны улеглись и потоп не далее простер смерть и опустошение: вода начала сбывать.

Между тем (и это узнали мы после) сама Нева против дворца и адмиралтейства горами скопившихся вод сдвинула и расчленила огромные мосты: Исакиевский, Троицкий и иные. Вихри буйно ими играли по широкому разливу, суда гибли, и с ними люди, иные истощавшие последние силы поверх зыбей, другие на деревах бульвара висели над клокочущей бездною. В эту роковую минуту государь явился на балконе. Из окружавших его один сбросил с себя мундир, сбежал вниз, по горло вошел в воду, потом на катере поплыл спасать несчастных. Это был генерал-адъютант Бенкендорф. Он многих избавил от потопления, но вскоре исчез из виду, и во весь этот день о нем не было вести. Граф Милорадович в начале наводнения пронесся к Екатерингофу, но его поутру не было, и колеса его кареты, как пароходные крылья, рыли бездну, и он едва мог добраться до дворца, откудова, взявши катер, спас нескольких.

Все, по сю сторону Фонтанки до Литейной и Владимирской, было наводнено. Невский проспект превращен был в бурный пролив; все запасы в подвалах погибли; из нижних магазинов

выписные изделия быстро поплыли к Аничкову мосту; набережные различных каналов исчезали, и все каналы соединились в одно. Столетние деревья в Летнем саду лежали грядами, исторгнутые, вверх корнями. Ограда Ломбарда на Мещанской и другие, кирпичные и деревянные, подмытые в основании, обрушивались с треском и грохотом.

На другой день поутру я пошел осматривать следствия стихийного разрушения. Кашин и Поцелуев мосты были сдвинуты с места. Я поворотил вдоль Пряжки. Набережные, железные перилы и гранитные пилястры лежали лоском. Храповицкий – отторгнут от мостовых укреплений, неспособный к проезду. Я перешел через него, и возле дома графини Бобринской, середи улицы очутился мост с Галерного канала; на Большой Галерной раздутые трупы коров и лошадей. Я воротился опять к Храповицкому мосту и вдоль Пряжки и ее изрытой набережной дошел до другого моста, который накануне отправило вдоль по Офицерской. Бертов мост тоже исчез. По плавучему лесу и по наваленным поленам, погружаясь в воду то одной ногою, то другою, добрался я до Матисовых тоней. Вид открыт был на Васильевский остров. Тут, в окрестности, не существовало уже нескольких сот домов; один – и то безобразная груда, в которой фундамент и крыша – все было перемешано; я подивился, как и это уцелело. – Это не здешние; отсюдова строения бог ведает куда унесло, а это прибило сюда с Ивановской гавани. – Между тем подошло несколько любопытных; иные, завлеченные сильным спиртовым запахом, начали разбирать кровельные доски; под ними скот домашний и люди мертвые и всякие вещи. Далее нельзя было идти по развалинам; я приговорил ялик и пустился в Неву; мы поплыли в Галерную гавань; но сильный ветер прибил меня к Сальным буянам, где, на возвышенном гранитном берегу, стояло двухмачтовое чухонское судно, необыкновенной силою так высоко взмощенное; кругом поврежденные огромные суда, издалека туда заброшенные. Я взобрался вверх; тут огромное кирпичное здание, вся его лицевая сторона была в нескольких местах проломлена как бы десятком стенобитных орудий; бочки с салом разметало повсюду; у ног моих черепки, луковица, капуста и толстая связанная кипа бумаг с надписью: «№ 16. февр. 20. Дела казенные».

Возвращаясь по Мясной, во втором доме от Екатерингофского проспекта заглянул я в нижние окна. Три покойника лежало уже, обвитые простиралами, на трех столах. Я вошел во внутренний двор, – ни души живой. Проникнул в тот покой, где были усопшие, раскрыл лица двоих; пожилая женщина и девочка с открытыми глазами, с оскаленными белыми зубами; ни

малейшего признака насильственной смерти. До третьего тела я не мог добраться от ужаснейшей наносной грязи. Не знаю, трупы ли это утопленников или скончавшихся иною смертию. На Торговой, недалеко от моей квартиры, стоял пароход на суше.

Необыкновенные события придают духу сильную внешнюю деятельность; я не мог оставаться на месте и поехал на Английскую набережную. Большая часть ее загромождена была частями развалившихся судов и их груза. На дрожках нельзя было пробраться; перешед с половину версты, я воротился; вид стольких различных предметов, беспорядочно разметанных, становился однообразным; повсюду странная смесь раздробленных ‹…›.

Я наскоро собрал некоторые черты, поразившие меня наиболее в картине гнева рассвирепевшей природы и гибели человеков. Тут не было места ни краскам витийственности, от рассуждений я также воздерживался: дать им волю – значило бы поставить собственную личность на место великого события. Другие могут добавить несовершенство моего сказания тем, что сами знают; г-да Греч и Булгарин берутся его дополнить всем, что окажется истинно замечательным, при втором издании этой тетрадки, если первое скоро разойдется и меня здесь уже не будет.

Теперь прошло несколько времени со дня грозного происшествия. Река возвратилась в предписанные ей пределы; душевные силы не так скоро могут прийти в спокойное равновесие. Но бедствия народа уже получают возможное уврачевание; впечатления ужаса мало помалу ослабевают, и я на сем останавливаюсь. В общественных скорбях утешен мыслию, что посредством сих листков друзья мои в отдаленной Грузии узнают о моем сохранении в минувшей опасности, и где ныне нахожусь, и чему был очевидцем.

Путевые записки

Моздок – Тифлис

<13 октября 1818.>

1-й переход

Светлый день. Верхи снежных гор иногда просвечивают из-за туч; цвет их светло-облачный, перемешанный с лазурью. Быстрина Терека, переправа, караван ждет долго. Кусты. Убитый в виду главнокомандующего. Караван, описание, странствующие 600 [человек]: ружейные армяне, пушки, пехота, конные рекогносцируют. Приближаемся к ландшафту: верхи в снегу, но еще не снежные горы, которые скрыты; слои, кустарники, вышины. Погода меняется, ветер, небо обложилось; вступаем в царство непогод. Взгляд назад – темно, смятение, обозы, барабанный бой для сбора, огни в редуте. Приезд в редут Кабардинский.

<14 октября.>

2-й переход

Свежее утро. Выступаем из редута. Он на нижнем склоне горы. Против ворот бивуаки, дым, греются. Поднимаемся в гору более и более, путь скользкий, грязный, излучистый, с крутизны на крутизну, час от часу теснее от густеющих кустов, которые наконец преобращаются в дубраву. Смешение времен года; тепло, и я открываюсь; затем стужа, на верхних, замерзших листьях иней, смешение зелени. Пускаю лошадь наудачу в сторону; приятное одиночество; лошадь ушла, возвращается к верховым. Едем гусем, все круче, зов товарища, скачу, прискакиваю, картина. Гальт. На ближнем холме расположим приют.

Отъезд далее. Мы вперед едем. Орлы и ястреба, потомки Прометеевых терзателей. Приезжаем к Кумбалеевке; редут. Вечером иллюминация.

<15 октября.>

3-й переход

Пускаемся вперед с десятью казаками. Пасмурно, разные виды на горах. Снег, как полотно, навешен в складки, золотистые холмы по временам. Шум от Терека, от низвержений в горах. Едем по берегу, он течет между диких и зеленых круглых камушков; тьма обломков, которые за собой влечет из гор. Дубняк. Судбище птиц: как отца и мать не почтет – сослать. Владикавказ на плоском месте; красота долины. Контраст зеленых огород с седыми верхами гор. Ворота, надпись; оно тут не глупо. Фазаны, вепри, серны (различные названия), да негде их поесть в Владикавказе.

<16 октября.>

4-й переход

Аул на главе горы налево. Подробная история убитых на сенокосе. Редут направо. Замок осетинский. Кривизна дороги между утесов, которые более и более высятся и сближаются. Облака между гор. Замок и конические башни налево. Подъем на гору, направо оброшенный замок. Шум Терека. Нападение на Огарева. Извилистая дорога; не видать ни всхода, ни исхода. Пролом от пороха. Дариель. Копны, стога, лошаки на вершине[8].

Ночь в Дариеле. Ужас от необычайно высоких утесов, шум от Терека, ночлег в казармах.

< 17 октября. >

5-й переход

Руины на скале. Выезд из Дариеля. Непроходимость от множества каменьев; иные из них огромны, один разделен надвое, служит вратами; такой же перед въездом в Дариель. Под иными осетинцы варят, как в пещере. Тьма арбов и артиллерийский снаряд заграждают путь на завале. Остаток завала теперь необъятен, – каков же был прежде. Терек сквозь его промыл себе проток, будто искусственный. Большой объезд по причине завала: несколько переправ через Терек, множество селений, pittoresque[9]. Селение Казбек, вид огромного замка, тюрьма внутри, церковь из гранита, покрыта плитою, монастырь посреди горы Казбека. Сама гора в 25-ти верстах.

Сион. Множество других, будто висящих на скалах, башен и селений, иные руины, иные новопостроенные, точно руины. Поднимаемся выше и выше. Постепенность видов до снегов, холод, зима, снеговые горы внизу и сверху, между ними Коби в диком краю, подобном Дариелю. Множество народу встречается на дороге.

< 18 октября. >

6-й переход

Ужасное положение Коби– ветер, снег кругом, вышина и пропасть. Идем все по косогору; узкая, скользкая дорога, сбоку Терек; поминутно все падают, и всё камни и снега, солнца не видать. Всё вверх, часто проходим через быструю воду, верхом почти не можно, более пешком. Усталость, никакого селения, кроме трех, четырех осетинских лачужек, еще выше и выше, наконец добираемся до Крестовой горы. Немного не доходя дотудова истоки гор уже к югу. Вид с Крестовой, крутой спуск, с лишком две версты. Встречаем персидский караван с лошадьми. От усталости падаю несколько раз.

Подъем на Гуд-гору по косогору преузкому; пропасть неизмеримая сбоку. По ту сторону ее горы превысокие, внизу речка: едва можно различить на крутой уединенной горке

осетинские жилья. Дорога вьется через Гуд-гору кругом; несколько верховых встречаются. Не знаю, как не падают в пропасть кибитка и наши дрожки. Еще спуск большой и несколько других спусков. Башни оброшенные; на самом верху столб и руины. Наконец приходим в Кашаур, навьючиваем, берем других лошадей, отправляемся далее, снег мало-помалу пропадает, все начинает зеленеться, спускаемся с Кашаура, неожиданная веселая картина: Арагва внизу вся в кустарниках, тьма пашней, стад, разнообразных домов, башен, хат, селений, стад овец и коз (по камням всё ходят), руин замков, церквей и монастырей разнообразных, иные дики, как в американских плантациях, иные среди дерев, другие в лесу, которые как привешены к горам, другие над Арагвой. Мостик. Арагва течет быстро и шумно, как Терек. Дорога как в саду – грушевые деревья, мелоны, яблони.

И самая часть Кашаура, по которой спустились, зелена. Много ручьев и речек из гор стремится в Арагву. Смерклось; длинная тень монастыря на снежном верху. Чувствуем в темноте, что иногда по мостикам проезжаем. Утесы, воспоминание о прежних, – горы востока, а не страшны, как прежние. Впереди румяные облака. Посананур.

Мы в дрожках; один из нас правит.

<19 октября.>

7-й переход

Вдоль по берегу Арагвы, которая вся в зелени. Бук, яблонь, груши, сливы, тополи, клен; на скале руины, много замков. Ананур, карантин. Удаляемся вправо от Анануры. Душет. Замок и замки. Наша квартира как ‹…›[10].

<20 октября.>

8-й переход

Отъезд вдоль Арагвы. Опять знакомые берега. Утренняя песнь грузинцев.

Я лег между обгорелым пнем и лесистым буком, позади меня речка под горою, кругом кустарник, между ними большие деревья. Холмы из-за дерев, фазан в роще; лошади, козлики мимо меня проходят. Товарищ на солнышке. Наши лошади кормятся.

Изгибистый Терек обсажен лесом от Моздока до Шелкозаводска. В станицах старообрядцы и жены на службе у гребенцев, дети вооружены. От 15 – до 100 лет. Из 1600–1400 служат.

Дадaниурт, Андреевская, окруженная лесом. Кумычка. Жиды, армяне, чеченцы. Там, на базаре, прежде Ермолова выводили на продажу захваченных людей, – нынче самих продавцов вешают.

Телава и Сигнах взбунтовались в 1812 г. В Сигнахе русских загнали в крепость. Потом они заперлись в монастырь. Их

выпустили на переговорах, раздели голыми, пустили бежать в разные стороны и перестреляли, как дичь. Коменданту отрезали часть языка и дали ему же отведать. Потом искрошили всего в мелкие куски.

Исправник Соколовский не берет взяток и не имеет жены, которая, из низкого состояния вышедши в классные дамы, поощряла бы мужа к лихоимству.

Казаки бежали. Цицианов спросил, подобно царю Ираклию: «Горы их на том же месте? Ну, так и они воротятся».

На мудрое уничтожение стряпчих Цициановым – мерзость провиантских комиссаров. Не скупают вовремя хлеб, все хотят дешевле. Время уходит, и они, в зимнюю пору и в отдаленных местах, подряжают несколько тысяч арб; волы падают без корма. За отпуск пыли деньги выморжают. Жители обременяются, и войска не довольствуются вовремя.

Амилахваров в башне.

Внизу сторожа, в среднем этаже он сам, в верхнем его казна. Вместо окон скважины. Начальствовал в Кахетии. Смененный, получил 2000 руб. серебром пенсии, которую и сберегает. «Русские даром ничего не дают. Коли придерутся: вот им за 14-ть лет пенсия обратно»

Тифлис – Тегеран

<29 января 1819.>

Прелюбезный Степан Никитич!

Ты ко мне пишешь слишком мало, я к тебе вовсе не пишу, что того хуже. С нынешнего дня не то будет. Однако не постигаю, как вы все меня хорошо знаете, еще бы ты один, что бы очень естественно, а то все, все. Неужели я такой обыкновенный человек! И Катенин, и даже князь, который почти не живет в вещественном мире, а все с своими идеальными Холминскими и Ольгиными, – и угадали, что я вряд ли в Тифлисе найду время писать; и точно, временем моим завладели слишком важные вещи: дуэль, карты и болезнь.

Ты мне пеняешь, зачем я не уведомляю тебя о простреленной моей руке. Стоит ли того, друг мой! Еще бы мне удалось раздробить ему плечо, в которое метил! А то я же заплатил за свое дурачество. Судьба… В тот самый день, в который… Ну, да бог с ним! Пусть стреляют в других, моя прошла очередь.

Иные славят Александра, Иных прельщает Геркулес И храбрость Конона, Лизандра, Еще других Мильтиадес. Есть мужества пример, Рау, рау, рау, рау, Рау, рау, рау, рау, Британский гренадер.

Князю напоминай обо мне почаще. Это одно из самых приятных для меня созданий. Не могу довольно нарадоваться, что он в числе тех, которые меня любят и к кому я сам душевно привязан. Его статура, чтенье, сочиненья, горячность в спорах о стопах и рифмах, кротость с Катериною Ивановной, – не поверишь, как память об этом обо всем иногда развеселяет меня в одиночестве, в котором теперь нахожусь. Досадно, что на этот раз некогда к нему писать. Матушке сказать два слова я еще не принимался, а Осип Мазарович торопит; это брат нашего поверенного, отправляется в Россию. Товарищ Амбургер тоже не выдержал, поехал к водам, а может быть, не воротится. Что ж ты скажешь, мое золото, коли я вытерплю здесь два года?

А начальная причина все-таки ты. Вечно попрекаешь меня малодушием. Не попрекнешь же вперед; право, нет: музам я уже не ленивый служитель. Пишу, мой друг, пишу, пишу. Жаль только, что некому прочесть. Прощай, не расстался бы с тобой! Обнимаю тебя крепко-накрепко. Однако как мне горько бывает!..

<30 января.>

Теперь на втором переходе от Тифлиса я как-то опять сошелся с здравым смыслом и берусь за перо, чтобы передать тебе два дня моей верховой езды. Журнал из Моздока в Тифлис

получишь после, потому что он еще не существует, а воспоминаний много; жаль, что я ленился, рассеялся или просто никуда не годился в Тифлисе. Представь себе, что и Алексей Петрович, прощавшись со мною, объявил, что я повеса, однако прибавил, что со всем тем прекрасный человек. Увы, ни в том, ни в другом [не] сомневаюсь. Кажется, что он меня полюбил, а впрочем, в этих тризвездных особах нетрудно ошибиться; в глазах у них всякому хорошо, кто им сказками прогоняет скуку; что-то вперед будет! Есть одно обстоятельство, которое покажет, дорожит ли он людьми. Я перед тем, как садиться на лошадь, сказал ему: «Ne nous sacrifiez pas, Excellence, si jamais vous faites la guerre à la Perse». Он рассмеялся, сказал, что это странная мысль. Ничуть не странная! Ему дано право объявлять войну и мир заключать; вдруг придет в голову, что наши границы не довольно определены со стороны Персии, и пойдет их расширять по Аракс! – А с нами что тогда будет? Кстати об нем, – что это за славный человек! Мало того, что умен, нынче все умны, но, совершенно по-русски, на все годен, не на одни великие дела, не на одни мелочи, заметь это. Притом тьма красноречия, а не нынешнее отрывчатое, несвязное, наполеоновское риторство; его слова хоть сейчас положить на бумагу. Любит много говорить; однако позволяет говорить и другим; иногда (кто без греха?) много толкует о вещах, которые мало понимает, однако и тогда, если не убедится, все-таки заставляет себя слушать. Эти случаи мне очень памятны, потому что я с ним часто спорил, разумеется, о том, в чем я твердо был уверен, иначе бы так не было; однако ни разу не переспорил; может быть, исправил. Я его видел каждый день, по нескольку часов проводил с ним вместе, и в удобное время его отдыха, чтобы его несколько узнать. Он в Тифлис приехал отдохнуть после своей экспедиции против горцев, которую в марте снова предпринимает, следовательно – менее был озабочен трудами.

Что ты читал или прочтешь до сих пор, мною было писано давеча, в два часа пополудни, но червадар, как у нас называют, а по-вашему подводчик, с обозом тогда пришел, стали развьючивать, шуметь и не дали быть пристальным; теперь, в глубокую ночь, когда все улеглись, я хоть очень устал, а не спится. Стану опять с тобой беседовать.

Об Ермолове мы говорили. В нем нет этой глупости, которую нынче выдают за что-то умное, а именно, что поутру или, как говорится, по <….> неприступен, а впрочем, готов к услугам; он всегда одинаков, всегда приятен, и вот странность: тех даже, кого не уважает, умеет к себе привлечь… Якубович, на которого он сердит за меня и на глаза к себе не пускает, без ума от него. Об

бунте писали в «Инвалиде» вздор, на который я в «Сыне отечества» отвечал таким же вздором. Нет, не при нем здесь быть бунту. Надо видеть и слышать, когда он собирает здешних или по ту сторону Кавказа кабардинских и прочих князей; при помощи наметанных драгоманов, которые слова его не смеют проронить, как он пугает грубое воображение слушателей палками, виселицами, всякого рода казнями, пожарами; это на словах, а на деле тоже смиряет оружием ослушников, вешает, жжет их села – что же делать? – По законам я не оправдываю иных его самовольных поступков, но вспомни, что он в Азии, – здесь ребенок хватается за нож. А право, добр; сколько мне кажется, премягких чувств, или я уже совсем сделался панегиристом, а кажется, меня в этом нельзя упрекнуть: я Измайлову, Храповицкому не писал стихов.

В последний раз на бале у Мадатова я ему рассказывал петербургские слухи о том, что горцы у нас вырезали полк. И он, впрочем, рад, чтобы это так случилось: «Чего, братец, им хочется от меня? Я забрался в такую даль и глушь; предоставляю им все почести, себе одни труды, никому не мешаю, никому не завидую. Montrez-moi mon vainqueur et je cours l'embrasser».

Однако свечка догорает, а другой не у кого спросить. Прощай, любезный мой; все храпят, а секретарь странствующей миссии по Азии на полу, в безобразной хате, на ковре, однако возле огонька, который более дымит, чем греет; кругом воронье и ястреба с погремушками привязаны к столбам: того гляди, шинели расклюют. Вчера мы ночевали вместе с лошадьми: по крайней мере ночлег был.

31-го января.

Мой милый, я третьего дня принялся писать с намерением исправно уведомлять тебя о моем быту, но Ермолов еще так живо представляется перед моими глазами, я только накануне с ним распростился, это увлекло меня говорить об нем; теперь обратить внимание от такого отличного человека к ничтожному странствователю было бы нисколько не занимательно для читателей, если бы я хотел их иметь, но я пишу к другу и сужу по себе: ты для меня занимательнее всех Плутарховых героев.

28-го, после приятельского завтрака, мы оставили Тифлис; я везде нахожу приятелей или воображаю себе это; дело в том, что многие нас провожали, в том числе Якубович, и жалели, кажется, о моем отъезде. Мы расстались. Не доезжая до первого поста, Саганлука, где только третья доля была предлежавшего нам переезда, солнце светило очень ярко, снег слепил еще более, по левую руку, со стороны, Дагестанские горы, перемешанные с облаками, образовали прекрасную даль, притом же не

суховидную. Путь здесь не ровный, как в наших плоских краях; каждый всход, каждый спуск дарит новой картиной. Впрочем, зимние пути самые лучшие; по крайней мере воздух кроткий, а во всякое другое время года зной и пыль утомили бы едущих; итак, в замену изящного, мы наслаждаемся покойной ездою. Но первый переход был для меня ужасно труден: мы считаем 7-мь агачей, по-вашему 40 с лишком верст; я поутру обскакал весь город, прощальные визиты и весь перегон сделал на дурном грузинском седле и к вечеру уморился; не доходя до ночлега, отстал от всех, несколько раз сходил с лошади и падал на снег, ел его; к счастию, у конвойного казака нашлась граната, я ей освежился. Так мы дошли до Демурчизама. Сон и не в мои лета обновляет ослабшие силы. На другой день, кроме головной боли, я еще кое-чем недомогал, не сильно однако. Тот же путь, что накануне, но день был пасмурен. На середине перехода дорога вилась вокруг горы и привела нас к реке Храме. Мы ехали по ее течению, а на склоне гора подалась влево и очистила нам вид на мост великолепный!.. В диких, снегом занесенных степях вдруг наехали на такое прекрасное произведение архитектуры, ей-богу. Утешно! и удивляет!.. Я долго им любовался, обозревал со всех сторон; он из кирпича; как искусно сведен и огромен! Река обмывает только половину его, в другой половине караван-сарай, верно, пристройка к полуразрушенному; меня в этом мнении укрепляет то, что остальная часть состоит из четырех арок, которые все сведены чрезвычайно легко и с отличным вкусом, – нельзя, чтобы строитель не знал симметрии; верхи остры; первая от караван-сарая, или средняя, самая большая, по моему счету 40 шагов в диаметре: я ее мерил шедши и параллельно там, где течение реки уклоняется; третья арка больше второй, но меньше первой, четвертая равна второй. Караван-сарай велик, но лучше бы его не было; при мне большой зал был занят овцами; не знаю, куда их гонит верховой, который с конем своим расположился в ближайшем покое. С середины моста сход по круглой, витой, ветхой и заледеневшей лестнице, по которой я было себе шею сломил; это ведет в открытую галерею, которая висит над рекою. Тут путешественники, кто углем, кто карандашом, записывают свои имена или врезывают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумаги и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя. В нескольких саженях от этого моста заложен был другой; начатки из плиты много обещали; не знаю – почему так близко к этому, почему не кончен, почему так роскошно пеклись о переправе чрез незначительную речку, между тем на Куре, древней Цирусе Страбона, нет ничего подобного этому. Как бы то ни было,

Сенаккюрпи, или, как русские его называют, Красный мост, свидетельствует в пользу лучшего времени если не для просвещения, потому что Бетанкур мог быть выписной, то по крайней мере царствования какого-нибудь из здешних царей или одного из Софиев, любителя изящного.

Съехавши с мосту, я долго об нем думал; возле меня трясся рысцой наш переводчик Шемир-бек. Я принужден был ему признаться, что Петербург ничего такого в себе не вмещает, как он, впрочем, ни красив и ни великолепен, даже в описании Павла Петровича Свиньина. «Представьте, – сказал он мне, – 8 раз побывать в Персии и не видать Петербурга, это не ужасно ли!» – «Не той дорогой мы взяли», – отвечал я ему. Эта глупость меня рассмешила, не знаю – рассмешит ли тебя? Впрочем, такие ничтожности я часто буду позволять себе, потому что пишу для тебя собственно и для тех, которым позволишь заглянуть в нашу переписку, а не для печати, а не для пренумерантов «Сына отечества», куда, впрочем, это марание по дурному слогу и пустоте мыслей принадлежит. Извини, что делаю тебе это замечание: ты скромен и любишь мое дарование, не уступишь меня критике людей, которых я презираю; но письма мои к другим я нарочно наполняю личностями, чтобы они как-нибудь со столика нашего любезного князя не попали на станок театральной типографии. Ни строчки моего путешествия я не выдам в свет, даром что Катенин жалеет об этом и поощряет меня делать замечания, что для меня чрезвычайно лестно, но я не умею разбалтывать ученость; книги мои в чемоданах, и некогда их разрывать; жмусь, когда холодно, расстегиваюсь, когда тепло, не справляюсь с термометром и не записываю, на сколько ртуть поднимается или опускается, не припадаю к земле, чтобы распознать ее свойство, не придумываю по обнаженным кустам – и к какому роду принадлежит их зелень.

Зовут обедать, прощай покудова. Если бы я мог перенести тебя на то место, где пишу теперь! Над рекою, возле остатков караван-сарая, куда мы прибыли после трудного пути, однако довольно рано, потому что встали давеча в 4 часа утра. Погода теплая, как уже в конце весны. В виду у меня скала с уступами, точно как та, к которой, по описанию, примыкают развалины Персеполя; я через ветхий мост, что у меня под ногами, ходил туда; взлезал и, опершись на повисший мшистый камень, долго стоял подобно Грееву Барду; недоставало только бороды.

Вечером.

Хочешь ли знать, как и с кем я странствую то по каменным кручам, то по пушистому снегу? Не жалей меня, однако: мне хорошо, могло бы быть скучнее. Нас человек 25, лошадей с

вьючными не знаю, право, сколько, только много что-то. Ранним утром поднимаемся; шествие наше продолжается часа два-три; я, чтобы не сгрустнулось, пою, как знаю, французские куплеты и наши плясовые песни, все мне вторят, и даже азиатские толмачи; доедешь до сухого места, до пригорка, оттуда вид отменный, отдыхаем, едим закуску, мимо нас тянутся наши вьюки с позвонками. Потом опять в путь. Народ веселый; при нас борзые собаки; пустимся за зайцем или за призраком зайца, потому что я ни одного еще не видал. Этим случаем наши татары пользуются, чтобы выказать свое искусство, – свернут вбок, по полянам несутся во всю прыть, по рвам, кустам, доскакивают до горы, стреляют вверх и исчезают в тумане, как царевич в 1001-й ночи, когда он невесту кашемирского султана взмахнул себе на коня и так взвился к облакам. А я, думаешь, назади остаюсь? Нет, это не в Бресте, где я был в «кавалерийском», – здесь скачу сломя голову; вчера купил себе нового жеребца; я так свыкся с лошадью, что по скользкому спуску, по гололедице, беззаботно курю из длинной трубки. Таков я во всем: в Петербурге, где всякий приглашал, поощрял меня писать и много было охотников до моей музы, я молчал, а здесь, когда некому ничего и прочесть, потому что не знают по-русски, я не выпускаю пера из рук. Странность свойственна человекам. Одна беда: скудность познаний об этом крае бесит меня на каждом шагу. Но думал ли я, что поеду на Восток? Мысли мои никогда сюда не были обращены. Иногда делаю непростительные или невежественные ошибки, давеча, например, сколько верст сряду вижу кусты в хлопчатой бумаге и принял их за бамбак, между тем как это оброски от караванов, – в тесных излучинах здешние колючие отростки цепляют за хлопчатую бумагу, и ее бы с них можно собрать до нескольких пудов.

Дорого бы я дал за живописца; никакими словами нельзя изобразить вчерашних паров, которые во все утро круг горы стлались; солнце их позлащало, и они тогда как кипящее огненное море… потом свились в облака и улеглись у подножия дальних гор. Между ними черная скала Пепис плавала в виде башни; долго она то скрывалась от наших глаз, то появлялась по мере того, как мы переменяли направление; наконец подошли к ней – нет приступу, и в середине за́мок; не понимаю – как туда всходят. Мы ночевали в ***, но не имели в виду страшилища <….>.

Ночлег здесь обыкновенно в хате, довольно высоко освещенной маленьким отверстием над входом, против которого в задней стене камин; по обеим сторонам сплочены доски на пол-аршина от земли и устланы коврами; около них стойла, ничем не

заслоненные, не заставленные. Между этими нарами у нас обыкновенно ставится круглый стол дорожный, повар наш славный, кормит хорошо. [Ребята и взрослые глазеют на приезжих.] Мазарович покуда очень мил, много о нас заботится; и уважителен, и весел.

Нынче мы с трудом проработывались между камней, по гололедице, в царстве Жуковского, над пропастями; туманы, туманы над горами.

Вчера я весь день как сурок проспал. Четыре дня, как мы из Тифлиса, три остается до Эривани; нас очень пугают Дилижанским ущельем.

2-го февраля.

От караван-сарая мы отправились по течению Автафы, встречь ее течению, и пошли ущельем, где около нас повторялись кавказские места – скалы лесистые, у их подножия, между ними шумит река, то делится на тонкие струи. Только то разница, что в прежних ущельях порохом и ломом боролись с преградными твержами, а здесь руками человеков ничего не приспособлено к удобному проезду. Груды камней на каждом шагу как будто нарастают; отростки деревьев бьют в глаза; дорога почти непроходимая; вышли на открытое место – тут сильный ветер поднялся навстречу и не переставал нас продувать и после, когда уже горы сузились, и мы возле, в лесу, выбрали себе у склона горы, упершись в речку, местечко для отдыха и ночлега. Тут мы расположились на временную пастырскую жизнь, склали себе из вьюков балаганы, обвешали их коврами, развели огни, около них иные согревались, другие, насадив на лучину куски сырого мяса, готовили себе кебаб. Лучше всех курился огонек на острове, поодаль от нас, около которого обсело странствующее купечество; лошади наши паслись на пригорках.

А хорошо было ночевать Мафусаилам и Ламехам; первый, кто молотом сгибал железо, первый, кто изобретал цевницу и гусли, – славой и любовью награждался в обширном своем семействе. С тех пор, как есть города и граждане, едем, едем от Финского залива дотудова, куда сын Товитов ходил за десятью талантами, а все в надежде добыть похвальную знаменитость, и, может, век до нее не доедем…

Эривань, 4-го февраля.

Вот другой день пребываем в армянской столице, любезный мой. Худо ли, хорошо ли мы ехали, можешь судить по маршруту, но, для верности, на каждый переход прикладывай верст по пяти, на иной – и десять придется лишних, которые если не домерены межевщиками, то от того не менее ощутительны для усталых путешественников:

От Тифлиса – Версты
Демунчихассанлу – 42
Инджа – 24
Джогас – 24
Караван-сарай – 30
Биваки:
Богас – 42
Караван-сарай – 36
Эривань – 50
248 = 41 1/3 агачам

Не стану утомлять тебя описанием последнего нашего перехода до здешнего города; довольно того, что я сам чрезвычайно утомился: не больше и не меньше 60-ти верст по глубоким снегам проехали мы в шесть часов, – разумеется, порядочной рысью. Вот действительная служба: сочинение канцелярских бумаг не есть труд, особливо для того, кому письмо сделалось любимым упражнением. Вам, гиперборейцам, невероятно покажется, что есть другие края, и на юге, где можно себе отморозить щеки; однако это сбылось на одном из наших людей, и все мы ознобили себе лица. Еще теперь слышу, как хрупкий снег хрустит под ногами наших лошадей; во всякое другое время быстрая Занги в иных местах застыла, в других – медленно пробивается сквозь льды и снега под стены Эривани. Земля здесь гораздо возвышенней Грузии и гораздо жарче; один хребет гор, уже от Тифлиса или еще прежде, отделился влево, с другим мы расстаемся, – он уклоняется к западу; все вместе составляет ту цепь, которую древние называли Тавром. Но здешние равнины скучнее тех скатов и подъемов, которые мы позади себя оставили, – пустынное однообразие. Не знаю, отчего у меня вчера во всю дорогу не выходил из головы смешной трагический стих:

Въехавши на один пригорок, над мглою, которая носилась по необозримой долине, вдруг предстали перед нами в отдалении две горы – первая, сюда ближе, необычайной вышины. Ни Стефан-Цминд, ни другие колоссы кавказские не поразили меня такою огромностию; обе вместе завладели большею частию горизонта, – это двухолмный Арарат, в семидесяти верстах от того места, где в первый раз является таким величественным. Еще накануне синелись верхи его. Кроме воспоминаний, которые трепетом наполняют душу всякого, кто благоговеет перед священными преданиями, один вид этой древней горы сражает неизъяснимым удивлением. Я долго стоял неподвижен; мой златокопыт, по-видимому, не разделял чувств своего седока, двинулся, понесся и мигом погрузил меня с собою в влажную стихию; меня всего

обдало сыростию, которая до костей проникает. Основание Арарата исчезло, середина тоже, но самая верхняя часть, как туча, висела над нами до Эривани.

Уже в нескольких верстах, в нескольких саженях от города, догадались мы, что доезжаем до обетованного приюта; туман долго застилал его от наших глаз, наконец, на низком месте, между кустами, влево от дороги, по которой и мы своротили, пояснились две части зданий, одна с другой ничем не соединенные. Мы въехали в пригородок. Но – представь себе удар человеку, который в жестокую стужу протрясся полдня в надежде приютиться в укромной горнице; навстречу нам ни души; стало быть, не радели о нашем успокоении, не отвели еще квартир. Я бесился; притом неуважение к русским чиновникам всякого на моем месте, и с меньшим самолюбием, так же бы оскорбило. Миновали сады, высокие трикровные кладбища, длинные каменные ограды, за которыми стоят дома, башни и куполы мечетей, а навстречу нет никого! Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает суматоху. Наконец выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе, на богато убранном коне и просит извинения, что адъютант, посланный нас принять, не по той поехал дороге; в самом деле, мы избрали путь кратчайший, но не тот, которым обыкновенно сюда прибывают. В ту же минуту фараш, в высокой шапке, в желтом чекмене, в синем кафтане, с висячими на спине рукавами, длинным шестом своим указывал нам путь и бил без милосердия всякого, кто ему под руку попадался, мужчин и женщин. Женщины становились к нам задом, – это меня огорчало, но впереди хамы несли стулья в отведенный нам дом, – это меня веселило. Такое особенное предпочтение нам, русским; между тем как англичане смиренно сгибают колена и садятся на пол, как бог велит, и разутые, – мы, на возвышенных седалищах, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчем персидские многоценные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уважения, на которой они справедливо удерживаются в здешнем народе.

Однако, прежде чем идти далее, позволь сообщить тебе замечание. Для дамской нежной разборчивости оно бы не годилось, но ты, военный человек, не взыщешь. При первом появлении посланного от сардаря и с ним двух фарашей, нашего обоняния коснулся самый чудный, тяжелый, неприятный запах. Не поверишь: избыток ассафедиты в наших аптеках – резеда в сравнении с этим. Не понимаю, как они, три злодея, так сильно и скоро умели заразить собою воздух!

Вслед за действующим посохом фараша, за толпою народа,

им гонимого, мы въехали чрез широкие наружные ворота в дом Мегмед-бека; в круглом, крытом и немощеном подъезде слезли с лошадей и через другие ворота, над которыми возвышается большая надстройка, вступили во внутренний двор, обнесенный с одной стороны теремом, с другой – высокой и фигурной стеною; в нем замерзшие фонтаны и водометы; взошли на крыльцо, для входа перед нами отдернули тяжелую заполу, которою здесь завешивают все двери, и впустили в переднюю комнату. Справа зал, слева зал, и один как другой; множество впадин и простынь, и потолок лепной всякой всячиной; окны косящатые с резьбой, тьма симметрически расположенных четвероугольничков из разноцветной слюды; однако свету достаточно, чтобы лба не расшибить. Мы расположились в обеих залах. Вмиг запылали камины, на небольших амвонах расставили жаровни, подали кальяны. Вскоре нагрянула к нам тьма посетителей и затерянный адъютант. Нас очень забавляло это европейское наименование, которое придают человеку тем только отличающемуся от прочих, что он ближе к особе сардаря и, следовательно, чаще подвергается палочным ударам. Хозяин наш отбыл на охоту, брат заступал его место и изъяснял, что дом, услуга и даже собственная его особа нам принадлежат. Тут же мы нашли английского указателя, не книжку, а человека. Во все мешается, все указывает; природа, кажется, обрекла его хлопать бичом возле кюррикеля или работать веслами в Темзе, – здесь он переводит альбионское строевое ученье на фарсийский язык, который для этого довольно плохо знает; ему вверяют целый баталион или меньше, – по крайней мере, он так говорит. Сарбазы порядочные выйдут балансеры, если по нем образуются. Между тем он нам смерть надоедает; вот другой день не знаем, как от него отделаться; вообще неугомонное любопытство и неотвязчивость здесь в большом употреблении. Каждую минуту незнакомые лица наполняют комнату, смотрят в глаза, в бумагу, если пишешь, и в эту самую минуту какая-то необыкновенная рожа, прикрытая уродливой шапкой, уткнулась в мое письмо. Мне страшная охота припадает за это проучить ее.

Сардарь прислал нам дикого барана с своей охоты; пребольшой зверь, рога с оленьи, передняя часть преимущественно обросла тучным руном; за эти гостинцы надобно отдаривать; Мазарович щедро отплачивается калейдоскопами, которым пора прельщать Азию, потому что нам уже пригляделись.

Вечером озарило наши покои красное солнышко Эривани – лысый приветливый, веселый старик, любитель русских, почитатель Ермолова, хозяин наш Мегмед-бек, саранг,

полковник – не в том значении, что за этим чином следует генерал-майор и проч., а просто военный начальник. Перед ним, за ним несли увесистые подсвечники, подносы с сластями и лакомства, которыми, если бы их описать, вряд ли бы я разлакомил твое воображение. Но в каком бы виде оно ни было, гостеприимство должно притупить стрелы насмешливых наблюдателей; лучше познакомить тебя с персидскою учтивостью. Вот образчик: Мазаровичу сказал Мегмед-бек, что он до того обрадован его приездом, что, если бы такому дорогому гостю вздумалось позабавиться и отсечь голову всем его слугам и даже брату, он бы чрез то великое удовольствие принес хозяину; а мне, первостепенному мирзе, когда я просил его велеть унести жаровни, чтобы от жару не переменить место и не отсесть от него далее, объявил, что место мое у него под правым глазом. Карамзин бы заплакал, Жуковский стукнул бы чашей в чашу, я отблагодарил янтарным гроздным соком, нектаром Эривани, и пурпурным кахетинским. Беседа наша продолжалась далеко за полночь. Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фараши – его домочадцами, сам я – Олеарий. Крепкие напитки, сырые овощи и блюдцы с сахарными брашнями – все это способствовало к переселению моих мыслей в нашу седую старину, и даже увертливый красный человечек, который хотя и называется англичанином, а, право, нельзя ручаться – из каких он, этот аноним, только рассыпался в нелепых рассказах о том, что делается за морем, – я видел в нем Маржерета, выходца при Дмитрии, прозванном Самозванцем, и всякого другого бродящего иностранца того времени, который в наших теремах пил, ел, разживался и, возвратясь к своим, ругательством платил русским за русское хлебосольство. И эриванский Маржерет, или Дурьгильбред, язвительно отзывается насчет персиян, которые не допускают его умереть с голоду.

Эривань, 5-го февраля.

Наутро, после нашей вечерней беседы, я встал с жестокою головною болью; надо было приодеться и ехать к сардарю. В передней ждал нас иасскул его в красном длинном платье, при ужасной палке с позолоченным набалдашником для известного употребления.

Сардарь Гусейн-хан (из царствующего ныне поколения Каджаров) в здешнем краю первый по боге, третий человек в государстве; власть его надежнее, чем турецких пашей; он давно уже на этом месте; платит ежегодно в бейрам, не всегда одинаково, в виде подарка, а не государственных доходов,

несколько тысяч червонцев, за которые имеет право взимать третию долю со всего, что земля производит, а расшутится, так и все три доли его. Разумеется, что продавцы ждут, покудова он свою часть не сбудет с рук. Не только внутренняя торговля – им часто стесняется и внешняя, несмотря на трактаты, которые, так как и Адам-Смитова система, не при нем писаны. От себя содержит войско, но в военное время требует денег от двора. В судных делах его словесное приказание – закон, если истцы или ответчики не отнесутся к Шар – кодексу великого пророка, которого уставы неизменны.

Одевшись, мы отправились к его высокостепенству. Нам предшествовал иасскул и так же исправно отправлял свою должность, как фараш накануне. Дома здесь испещрены внутри, снаружи удерживают цвет природы, свойственный материалам, из которых выстроены, – по большей части дикие. В нашем отечестве роскошь гостиные и залы убирает с изящною простотою, а извне любит раскрашивать стены и приставлять к ним столбики.

Мы доехали зубчатой крепостной ограды, потом, через несколько скважен, которые называются улицами, протеснились до последнего двора сардаря. Не знаю – что тебе сказать об его хоромах? Нет ничего целого, притом столько кривизны, поворотов, переулков, пристроек, надстроек, входов, проходов, узких, сумрачных и вовсе мрачных, что толку не доберешься. В преддверии, род конуры, и на площадке перед ним толпилась тьма любопытных; их наружность, ужимки, платья – все это похоже на вход в маскерад. Взошли в приемную; она должна быть очень хороша для персидских глаз: велика, пол устлан дорогими узорчатыми коврами, и потолок, и весь зал расписан многими японскими узорами; слева ставни занимают всю продолговатую стену: в них цветная слюда перемешана с резьбою и с наклейными коймами – это окна. Прямо против входа камин; в правой, тоже длинной, стене выемка в полукружие, в котором выпуклый потолок представляет хаос из зеркальных кусков, и там камин. На всех стенах, в два ряда, один над другим, картины – похождения Ростома, персидского великана сумраков, которого Малькольм вклеил в свою историю. Я имел время на все это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. Хан, сын его, в красной шубе, подогнувшимися коленами сидел на отцовском особенном ковре возле камина, что против входа. Он делал нам обыкновенные вопросы о здоровье высоких особ. Потом все в пояс поклонились входящему сардарю. Тьма народу высыпала за ним. Он, взявши за руку Мазаровича, сказал ему, что познакомился с нами, его мирзами, потом с тремя детками уселся в угол на своем месте. Сын его стал у притолки с прочими

приближенными чиновниками, брат сардаря сидел по другую сторону камина, мы к окну на приготовленных для нас стульях, все прочее благоговело, стоя в глубоком молчании. Он сделал те же вопросы, что сын его; подали кальян, чай с кардамоном. На головах несли огромные серебряные подносы с конфектами; несколько подносов со множеством сластей поставили перед нами. Сардарю прислуживали на коленях. Конфекты совсем для меня нового рода, однако превкусные; я около них постарался. Между тем разговор происходил о походе Алексея Петровича в Чечню и в Дагестан, о путешествиях нашего государя по Европе для утверждения повсеместного мира. Не помню, право, при каком случае он Вену перепутал с Венециею ‹…›.

Нахичевань, 9-го февраля.

Третьего дня, 7-го, мы отправились из Эривани, сегодня прибыли сюда; всего 133½ версты. Не усталость меня губит – свирепость зимы нестерпимая; никто здесь не запомнит такой стужи, все южные растения померзли. Притом как мне надоели все и всё! Прав Шаховской – скука водит моим пером; немудрено, что я тебе сообщу ее же! Нет! нынешний день не опасайся ничего: ложусь спать с одним воспоминанием о тебе!

10–13 февраля.

Сейчас думал, что бы со мною было, если бы я беседой с тобою не сокращал мучительных часов в темных, закоптелых ночлегах! Твоя приязнь и в отдалении для меня благодеяние. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь в то, что сам для себя не стал бы замечать, но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будет в руках, делает меня внимательным, и все в глазах моих украшает надежда, что, бог даст, свидимся, прочтем это вместе, много добавлю словесно – и тогда сколько удовольствия! Право, мы счастливо созданы.

Как я тебе сказал, мы выехали из Эривани 7-го. Обстоятельно не могу изобразить его. Мы там всего пробыли три дня с половиной, и то задержали некоторые дела с сардарем. Думали также переждать холод, но напрасно: он не переставал свирепствовать. Я даже не отважился съездить в древний Эчмядцинский монастырь, в 18-ти верстах от Эривани в сторону, и вообще, кроме как для церемониального посещения сатрапу, не отходил от мангала и от камина, который, по недостатку дров, довольно скудно отапливался. Сколько я мог видеть при въезде и выезде, город пространен, а некрасив, и длинные заборы и развалины, следы последней осады русскими, дают ему вид печального запустения. Об обычаях здешних и нравах мне еще труднее сказать мое мнение от недостатка времени и случая к наблюдениям. Если по одному позволено судить о многих, вот

что видел в доме богатого и знатного эриванца. Фараши его в 18 градусов по Реомюру, с раскрытой шеей, без зипунов, не согреваются даже достаточною пищею, но господин иногда ущедряет: разделяет им подачки со своего стола из собственных рук, по кусочку пирожного, наиболее приближенным. Это домашние дела; в делах государственных здесь, кажется, не любят сокровенности кабинетов: они производятся в присутствии многочисленных слушателей. Я, в простоте моего сердца, сперва подумал, что, стало быть, редко во зло употребляется обширная власть, которой облечены здешние высшие чиновники, но в том, в чем наш поверенный в делах объяснялся с сардарем, например о переманке и поселении у себя наших бродящих татар, о притеснении наших купцов, высокостепенный был кругом не прав, притом изложил, составленную им самим, такую теорию налогов, которая не думаю, чтобы самая сносная для шахских подданных, вверенных его управлению. И все это говорилось при многолюдном сборище, чье расстроенное достояние ясно доказывает, что польза сардаря не есть польза общая. – Рабы, мой любезный! И поделом им! Смеют ли они осуждать верховного их обладателя? Кто их боится? У них и историки панегиристы. И эта лестница слепого рабства и слепой власти здесь беспрерывно восходит до бека, хана, беглер-бека и каймакама и таким образом выше и выше. Недавно одного областного начальника, невзирая на его 30-тилетнюю службу, седую голову и алкоран в руках, били по пятам, – разумеется, без суда. В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение по крайней мере требует суда виноватому, который всегда наряжают. Криво ли, прямо ли судят, иногда не как хотят, а как велят, – подсудимый хоть имеет право предлагать свое оправдание. Всего несколько суток, как я переступил границу, и еще не в настоящей Персии, а имел случай видеть уже не один самовольный поступок. Ты это в свое время узнаешь. В заключение скажу тебе об эриванских жителях, что они летом, может быть, очень приятные люди, а зимой вымораживают своих гостей; это никуда не годится; я продрог у сардаря и окостенел у Мегмед-бека.

День нашего отъезда из Эривани был пасмурный и ненастный. Щедро обсыпанный снегом, я укутался буркою, обвертел себе лицо башлыком, пустил коня наудачу и не принимал участия ни в чем, что вокруг меня происходило. Потеря небольшая; сторона, благословенная летом в рассказах и описаниях, в это время и в эту погоду ничего не представляет изящного. Арарат, по здешней дороге, пять дней сряду в виду у путешественников, но теперь скрылся от нас за снегом, за

облаками. Подумай немножко, будь мною на минуту: каково странствовать молча, не сметь раскрыться, выглянуть на минуту, чтобы, хуже скуки, не подвергнуться простуде. И между ног беспрестанное движение животного, которое не дает ни о чем постоянно задуматься! Часто мы скользим по оледенелым протокам; иные живее прочих; незамерзшие – проезжали вброд. Их множество орошают здешние поля; вода нарочно проведена из горных источников и весною, усыряя пшеничные борозды, долго на них держится посредством ископанных для этого гряд, с которых мы каждый раз обрывались и вязнули в зыбучих глубях.

Нет! я не путешественник! Судьба, нужда, необходимость может меня со временем преобразить в исправники, в таможенные смотрители; она рукою железною закинула меня сюда и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами, чтобы блуждать в варварской земле в самое злое время года. С таким ропотом я добрался до Девалу, большого татарского селения, в 8¼ агача от Эривани, бросился к камельку, не раздевался, не пил, не ел и спал как убитый.

На другой день, для перемены, опять в поле снег, опять тошное странствие! К счастию, отъехав с пол-агача, поравнялись с персидским барином, ханом каким-то, который на поклон отправлялся к шах-зиде! За ним фараши, – один вез кальян, у другого к седлу прикреплена жаровня со всегда готовыми углями для господской курьбы, у третьего огромная киса с табаком для той же потребности. Если бы вместо этой пустой роскоши собрать всех кальянщиков, подкальянщиков и самих страстных курителей кальяна и заставить их расчистить, утоптать, умять снег на дороге, чтоб как-нибудь можно было ехать в повозках, не гораздо ли бы лучше! Новый наш спутник в восхищении, что нашел случай познакомиться с российским поверенным в делах, начал отпускать ужасную нелепицу! Что за гиперболы! В Европе, которую моралисты вечно упрекают порчею нравов, никто не льстит так бесстыдно! Слова: душа, сердце, чувства повторялись чаще, нежели в покойных розовых книжечках «Для милых»! Любовь будто бы от одного слова, от одного взора нового почтенного знакомца заронила искру в сердце его (персидского хана) и раздула неутушимый пожар, и проч. Во всякое другое время я бы заткнул уши; но теперь этот восточный каталаксус пришелся очень кстати: едва заметно было, как мы сделали 6-ть агачей до ночлега. Мне пришло в голову – что, кабы воскресить древних спартанцев и послать к ним одного нынешнего персиянина велеречивого, – как бы они ему внимали, как бы приняли, как бы проводили?

<Февраль 1819.>

Таврис с его базаром и караван-сараями. Встреча, почести, Фетхалихан боится каймакама. Обед у англичан, визит каймакаму. Сир Роберт Портер. Приезд шах-зиды, церемониальное посещение, англичане, мое мнение насчет их и наших сношений с Персией. Бани и климат в сравнении с тифлисскими. Мерзлые плоды. Пляска и музыка.

21-го <февраля> выезд из Тавриса. Лошади шах-зиды славные; день кроткий, бессолнечный; с обеих сторон пригорки, слои белые, глинистые, из которой дома строятся. Возле самого Тавриса красные, пшеничные загоны, борозды под малым снегом похожи на овощные огороды. Место довольно гористое, 2½ станции. Раскинутые сады, тополи, славные квартиры в деревнях, лучше, чем в прежних.

Второй день. Путь внизу, возле гор; справа долина, за которой другая цепь гор. Возле караван-сарая много отдыхающих путешественников, верблюдов и ослов; и мы отдыхаем. Скидаю маску, новый свет для меня просиял. Из караван-сарая поднимаемся в гору по глубокому и рыхлому снегу, и так до самых Уджан.

В виду летний замок. После обеда отправляемся; тьма лисиц на дороге, пьют, играют по снегу и, при нашем приближении, убегают в горы. Юг, 20 ветров, красные облака и между ними синева; черные тучи сзади; между этим всем звезды, как палительные свечи.

Третий переход трудный, крутизны и страх снежно. Съезд на ка́терах. Долго еду, спускаюсь в селение, где ночлег. Вьюки падают, чуть не убивают людей каждый раз, когда объезжают их верховые стороной, где снег глубокий.

Четвертый переход приятный, однако много подъемов. Река Миана. Часто переезжаем вброд около красных утесов, которые похожи на обыкновенные здания. Приезд в Миану. Опасное насекомое, ковры.

Пятый. Туманы. Вступаем в ущелья самые узкие, пещеры, туман. Мост на Кизиль-агаче, оттуда же по горам, на каждом шагу падают лошади; тьма селений, но всё не те, где ночевать. Блужданье по полям, где нет дороги и снег преглубокий. Так застигает ночь. Приезд в замок.

Шестой. Трудный путь по зимней дороге; где проталины, там скользко и камни. Устаю. Солнышко садится чрезвычайно живописно и золотит верхи гор, которые, как волны, зыблются от переменчивого отлива. Местечко, славный замок. Хан. Много деревень.

Седьмой. Бесснежный путь. Славный издали Занган красиво

представляется. Встреча. Перед Зангáном в деревне – встреча. Множество народу. Сходим возле огромного дома. Описание его. Славные плоды. Явление весны. Музыка вечером.

Восьмой день там же. Накануне батоги и 5 туманов за лошадь.

Девятый. Горы простираются справа и слева. Между ними долина необозримая. Вот до которых пор доходило посольство. На кургане, окруженном деревьями, беседка приемная, другая тоже, башня четвероугольная как в Зангане гарем, треугольник для евнухов, беседка для бани. Ямы на поле, замок, далее руины Султанеи. Тьма верблюдов, ширванские купцы. Мечеть вся внутри изложена двойными изразцами. История Кодабенде. Лепные слова как кружево. 37 шагов в диаметре, 43 шага до 3-го этажа, от 2-го до 5-го 22; потом 60 шагов без ступеней, сход на платформу, где купол, 8 минаретов, в одном 40 шагов. Вид оттудова.

Десятый день холодный и дождливый. Целый день в маске и в тюрьме. Заезжаем в деревню, где хозяин желает прихода русских. Вечером прояснилось. Дождь смыл снег, даже на горах. Скачем до Абгара. Сады в Абгаре, мечети; выезжаем из ворот, славная дорога, скачем друг перед другом и доскакиваем до ночлега. Уже горы чрезвычайно расширились. На другой день в 3½ часа поспеваем в Казбин.

Казбин, древняя метрополия поэтов и ученых. Фисташковые деревья. Хозяин жалуется богу на Каджаров. Остатки древнего великолепия – мечети, мейданы и проч. Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине.

Из Казбина едем к юго-востоку; широкая равнина продолжается. Ночлег. На другой день большой переход; я отстаю. Утро славное; мальчик с ослом плачет, что он вперед нейдет. Встреча с ханом, религиозное прение. Издали увеселительный замок шахов в местечке, стоит на террасах; большой двор, вправо жилья, конюшни, влево два царские жилья и башня. С другой стороны замок Алия и горы. И теперь хороши, а летом еще лучше должно быть.

Переход похож на прогулку; много народу встречается на дороге. Мы то въезжаем на пригорки у склона горы, то опускаемся, но вскоре горы нас сами оставляют и уклоняются schreck überrüks влево; открываются Негиристанские горы. Подъезжаем к руинам, направо Раги Мидийские, мечеть, и там возвышается Тагирань. Наш дом.

Тагирань.

Негиристанские горы влево. Демавенд за облаками, впереди равнина, справа развалины Рагов Мидийских и мечеть. Стены с

башнями, вороты выложены изразцами, неуклюжие улицы (грязные и узкие) – это Тагирань.

Визит седер-азаму, бодрый старичок. Накануне бейрама, по знаку астронома, пушечный выстрел, подарки, форма принимания.

В навруз мы, как революционные офицеры, перед нами цереомониймейстер, проезжаем несколько улиц, въезжаем через крытые вороты; на обширной площади много народу; чисто, род бульвара. Слева башни разноцветные и стены; впереди мечеть, справа новая мечеть, первый позлащенный купол. Поворачиваем влево, через вороты в крытую улицу; еще площадь, усеяна народом, разные костюмы, песни, бимбаши, огромные пушки на помостах, фальконеты; доезжаем до внутреннего двора, где настоящий праздник. Ждем в комнате возле тронной. Потом и англичане. Перед окошками множество чиновников в богатых шалевых платьях, суетятся в промежуточных аллеях; перед троном бассейн с водометами, в ширину трона; уставлен искусственными цветами, как у нас вербы; сорбеты подносятся; далее, в продолговатости, другой такой же бассейн.

Взводят на наши места. Три залпа фальконетов. Журавль. Шах-зиды, большие и малые. Царь в богатом убранстве и с лорнетом. Амлихово замечание. Муллы, стихи, God save the king, трубы, стихи, слон, деньги, представления, телодвижения короля. Как длинна борода царя. Он также в гареме празднует бейрам.

Накануне, ночью и во весь день, все варварская музыка.

Наш дипломатический монастырь.

Тегеран – Султанея

<8-28 июля 1819.>

8-го июля целую ночь не сплю, изготовляемся в путь. Толпа женщин; раскрываются напоследях. Прощальное посещение седер-азаму. Он в холодке сидит во внутренних воротах, жалуется, что должен ехать по ночам с шахом, в его лета́; упоминает об Румянцеве. – Откланиваемся. – Остановка за вьюками. Отправляемся в самый полдневный жар. Бесплодный вид Тегеранских окрестностей. Сады, как острова, уединенно зеленеются среди тощей равнины. Между гор Демавенд с снежным челом. Вдоль гор доходим до Кенда. Тьма разнообразных дерев, черешен, шелковиц, орешников грецких, абрикосов и проч. Роскошествуем в свежей квартире под пологом, объедаемся фруктами.

9-го <июля> встаем в глубокую полночь; ни зги не видать, смятение. Спускаемся с горы, камни хрустят, вода плещет под ногами. Мы всё [едем] вдоль гор. К утру слышатся позвонки. Звезда. Небо проясняется. Выезжаем на большую дорогу. Тьма верблюдов, лошаков, коней. Уклоняемся в сторону. Завтракаем. Шах и всякие шах-зиды позади. «Откуда эти господа?» – «Со страхом повергаюсь в прах перед вашим величеством». – «Усердие всегда водит нас истинным путем». Залп в Сулейманге. Моя встреча с дочерью хана в трахтараване. – За Сулейманге три деревни: самая последняя Сункур-Абид. Насилу доезжаем.

Высокий свесистый дуб, под ним помост. Тут мы располагаемся.

10-го <июля> ночью же встаем, перед утром свежо и приятно. Я часто отдаляюсь от других и сажусь отдыхать возле воды, где тьма черепах. Поля кругом в хлебах; вообще вид обработанного и плодородного края. Несколько деревень. Наконец Сефир-Ходжа; кругом аллея, где располагаюсь спать. Ветер ужасный и знойный. Укрываюсь в деревню.

11-го <июля> жар и утром печет немилосердно, все с себя скидаю, скачу стремглав. Много колесил округ Казбина, срывал молодые фисташки. Наконец, на квартире тьма фруктов и отдых. Молитва хана на рассвете. Pittoresque[11].

Июля 11-го. Видим шахов стан круг его дворца. Приезжаем, разбиваем наши палатки. Луна не показывается, нет бейрама.

Июля 12. Бейрам. Жар. Барабаны, трубы, дудочки, красное знамя, фальконетные залпы… но что делает эффект на параде, не всегда еще полезно в деле, в сражении. Внутренность палатки вся в коврах, а внешняя [сторона] так и поливается. Казбин.

Посылается Эйвас к Хозров-хану.

<Июля> 13. Шахский дворец, как скотный двор, полуразрушенный. Сам он очень приветлив, только много томошится на своей подушке. Разговор о маскерадах, театрах и вообще о наших увеселениях. Шах дарит государю Аббас-Мирзу.

<Июля>. 14. Возле нашей палатки факир с утра до вечера кланяется к востоку и произносит: «Ей Али!» и, обратившись в другую сторону, – «Имам-Риза». Поэт Фехт-Али-хан, лет около 60, кротость в обращении, приятность лица, тихий голос, любит рассказывать. Шах за одну оду положил ему горсть бриллиантов в рот.

<Июля> 15. Бунт в Реште, осажденный Хозровханом. Эйвас не возвращается, Абдул-Вагиб посылается в Решт.

<Июля> 17. Шах с избранными из гарема отъезжает к прохладному роднику возле гор, где разбивает свой шатер и пользуется жизнию.

<Июля> 19. Юсуф-Хан-Спадар делал учение с пальбою.

<Июля> 20. Шах его потребовал к себе.

– К чему была вчерашняя пальба?

– Для обучения войск вашего величества.

– Что она стоила?

– 2000 р. из моих собственных.

– Заплатить столько же шаху за то, что палили без его спросу.

Утром мы едем за агач от орды, в горы, к югу. Вдоль ручья дикий сад. Ручей проведен водоскатами. Все это местечко включено между гор полукружием. Живописный вид в Султанейскую долину. На дороге три арки – развалины моста. На возвратном пути между ними свистнула пуля по неосторожности персидского стрелка. Заезжаем в мечеть (остаток от древнего города); круглая, внутри стихи, между прочим: «да погубит бог того, кто выдумал сарбазов, а особенно…» Пословица о Каджарах.

<Июля> 25. Дожди беспрестанные; бумажные палатки протекают.

<Июля> 26. Приезд Аббас-Мирзы.

<Июля> 27. Вхожу на одну из дворцовых террас. Дальний вид Султанейского лагеря.

<Июля> 28. 10 000 отправляются к Багдату против турков.

Разговор с нагиб-султаном. Его видимая преданность нашему государю.

Зарю играют; каждый вечер дудочкам, пищалкам и литаврам созвучала вестовая.

Мирза потерял значительную сумму. Нашли воров и деньги, которые шах себе взял.

Рассказ Вагина

10 июля <1819.>

Шах меня подарил Гаджи-Мирзе-Магмед-Агвари. В их бога он не веровал, и в какого веровал, неизвестно, все ворожил; бывало, запрется у себя, сделает вощеного человека, произнесет над ним что[-то] и перерубит надвое, туловище в одну сторону, а исподнюю часть в другую. Так он в 40 дней доставил голову Цицианова. Шах ему писал неправду, что повоевал Россию, а мой хозяин ему отписал, что, коли так, иди возьми Тифлис; шах рассердился, хотел его порубить, а он, узнавши это, бежал с сыном, с женою и со всем домом, и я с ним, в Багдат. Там владел Гассад-паша. Мой хозяин ему несколько раз предлагал шахскую и Мегмед-Али-Мирзы голову, коли они на него пойдут войною. Шах по нем посла послал, его не выдали. Другой на место Гассад-паши был назначен из Царьграда, Давуд-Эффенди, и подступил к Багдату. Мой хозяин поднял такой ветер в его лагере, что свету божьего не видать, и качал несколько дней верблюжью голову; потом верблюжьи, лошачьи, собачьи головы зарывали возле Давудова лагеря, ночью. Этих людей поймали. Давуд-Эффенди спросил: по чьему приказанию? кто у вас ворожит? Ему отвечали: Гаджи-Мирза etc. Потом мой хозяин назначает, в который день еще вихрю подняться и ставке Давуд-Эффендия надвое разорваться. Так и вышло, и все его войско побежало. Наконец Давуд-Эффенди с помощью Мегмед-Али-Мирзы опять воротился к Багдату. Несколькие в городе узнали, что он при себе ферман имеет владеть ему в Багдате, и без драки отворили ворота. Гассад-пашу казнили и моего хозяина с сыном, дом разграбили и после разломали. Несметное множество народу собралось и всяких степных арабов, когда кувшин с нефтью принесли к деревянным воротам дома, чтобы их поджечь, ни капли не нашли, из ‹…› его искры посыпались ‹…›

Миана – Тавриз – Гаргары

Вали Курдистанский; молитвы Фетали-шаха. В деспотическом правлении старшие всех подлее.

<17–24 августа 1819.>

17 <августа>. Жар в саду. Амлих плечо сжег. Мианские ковры, клопы. Хан с сарбазами, который к нам ушел. Отправляемся перед закатом солнца. Груды утесов, река Миначай излучисто пересекает тесные ущелья; разные формы камней, особливо при месячном свете; спуски, всходы, один спуск ближе к Тюркменчаю, прекрутой.

18 <августа>. Ночью приезжаем к Тюркменчаю; не сплю; вьюк потерян. Походный декламатор. Тьма куропаток. В 4 часа пополудни отправляемся. Тьма куропаток; гористая дорога, снопы, арбузы с приветствием от жнецов и собирателей. Спуски, всходы, 2 караван-сарая; прежние разбои, ныне безопасно.

19 <августа>. Под вечер в Ужданах, в палатках, в виду дворец.

20 <августа>. Поутру едем во дворец – двукровный, весь открытый, по персидскому зодчеству; обсажен ветлами, между которыми трилиственник. Эриванское сражение, смотр войскам. Русские головы, как маковые, летят. В другой комнате красавицы, азиатки и мадамы; принадлежности – собачка, куропатка, утка.

22 <августа>. Ханский сынок умница. Песчаная, каменистая и холмистая дорога. Встреча. Таврис. Ханский певец. Ханский мирза.

23 <августа>. Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль.

24 <августа>. Idem. Подметные письма. Голову мою положу за несчастных соотечественников. Мое положение. Два пути, куда бог поведет… Верещагин и шах-зида Ширазский. Поутру тысячу туман чрезвычайной подати… Забит до смерти, 4-м человекам руки переломали, 60 захватили. Резаные уши и батоги при мне.

30-е августа <1819>.

Во второй раз привожу солдат к шах-зиде, он их берет на исповедь поодиночке, подкупает, не имеет ни в чем успеха и бесится.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как другие чиновники русские, которые сюда приезжали? Они мне просто объявляли свои порученности.

Я. Мы поступаем по трактату и оттого его вам не объявляем, что вы лучше нас должны его знать: он подписан вашим родителем.

Наиб-султан. Если Мазарович будет так продолжать,

поезжайте в Тейрань.

Я. Мы не по доброй воле в Таврисе, а по вашему приказанию.

Наиб-султан. Видите ли этот водоем? Он полон, и ущерб ему невелик, если разольют из него несколько капель. Так и мои русские для России.

Я. Но если бы эти капли могли желать возвратиться в бассейн, зачем им мешать?

Наиб-султан. Я не мешаю русским возвратиться в отечество.

Я. Я это очень вижу; между тем их запирают, мучат, до нас не допускают.

Наиб-султан. Что им у вас делать? Пусть мне скажут, и я желающих возвращу вам.

Я. Может быть, ваше высочество так чувствуете, но ваши окружающие совсем иначе: они и тех, которые уже у нас во власти, снова приманивают в свои сети, обещают золото, подкидывают письма.

Наиб-султан. Неправда; вы бунтуете мой народ, а у меня все поступают порядочно.

Я. Угодно вашему высочеству видеть? Я подметные письма ваших чиновников имею при себе.

Наиб-султан. Это не тайна; это было сделано по моему приказанию.

Я. Очень жаль. Я думал, что так было делано без вашего ведения. Впрочем, вы нами недовольны за нашу неправду: где, какая, в чем она? Удостойте объявить.

Наиб-султан. Вы даете деньги, нашептываете всякие небылицы.

Я. Спросите, дали ли мы хоть червонец этим людям; нашептывать же им ни под каким видом не можем, потому что во всех переулках, примыкающих к нашим квартирам, расставлены караулы, которые нас взаперти содержат и не только нашептывать, но и громко ни с кем не дают говорить.

Наиб-султан. Зачем вы не делаете, как англичане? Они тихи, смирны. Я ими очень доволен.

Я. Англичане нам не пример, и никто не пример. Поверенный в делах желает действовать так, чтобы вы были им довольны, но главное, чтобы быть правым перед нашим законным государем императором. Однако, ваше высочество, позвольте мне подойти к солдатам, чтобы я слышал, как ваши чиновники их расспрашивают.

Наиб-султан. Мои чиновники дело делают, и вам до них нужды нет.

Я. Я имею большое подозрение, что они свое дело делают не чисто, как обыкновенно. Они, когда были от вас посланы в нашем

присутствии расспрашивать русских об их желании, только что проповедовали им разврат, девками и пьянством их обольщали; когда же мы подошли, то убежали со стыдом. Между тем нам не позволено было ехать на мейдан и отобрать просящихся идти в отечество. Потом, когда вы велели, чтобы я своих людей привел сюда и чтобы прочих солдат привели из баталиона, которые по выходе из моей квартиры были захвачены, я сделал вам в угодность, своих привел третьего дня, их тщательно расспрашивали, никто из них обратно не перешел к вам; но людей, которых имена у меня записаны, которые объявили мне свое желание быть посланными в Россию, которые были захвачены и вы приказали их мне представить налицо, мне их вовсе не показали. Ныне я опять пришел согласно с вашею волею; вот – мои люди, а прочих мною требуемых нет. Притом же ваши четыре чиновника поодиночке каждого из солдат, что я привел, берут на сторону, уговаривают, и бог знает как уговаривают, а мне вы даже не позволяете быть к ним ближе.

Пришли доложить, что из 70-ти человек, мною приведенных, один только снова перешел на службу к его высочеству, но и этот ушел от них, бросился ко мне в ноги, просил, чтобы я его в куски изрубил, что он обеспамятовал, сам не знает, как его отсунули от своих, и проч.

Шах-зида поручал солдатам служить вперед верою и правдою их государю, так же, как они ему служили, между тем мне давал наставления о будущем их благе, чтобы им в России хорошо было.

Я. Я буду иметь честь донести вашему высочеству о поступлении с ними нашим правительством, когда, отведя их в Тифлис, ворочусь сюда. Между тем чрезвычайно приятно видеть, как вы, Наиб-султан, об их участи заботитесь. Ваше высочество, конечно, не знаете, что их уже за давнее время не удовольствовали жалованьем в вашей службе, и, верно, прикажете выдать столько, сколько им следует.

Наиб-султан. Нет, нет, нет. За что это? Если бы они меня не покидали, продолжали бы мне служить, это бы разница.

Я. Я думал, что за прошедшую службу их ваше высочество не захотите их лишить платы.

Наиб-султан. Пусть Мазарович дает, они теперь его.

Я. Да, у него в руках будущая их участь. Впрочем, и за прошлое время, коли вы отказываетесь, поверенный в делах этот долг ваш им заплатит. Ожидаю от вашего высочества, что сдержите ваше слово и велите привести сюда прочих, желающих с товарищами идти в родину, тех, об которых я имел честь подать вам список.

Тут он позвал нашего беглеца Самсона Макинцева, я не вытерпел и объявил, что не только стыдно должно бы быть иметь этого шельму между своими окружающими, но еще стыднее показывать его благородному русскому офицеру, и что бы Наиб-султан сказал, кабы государь прислал с ним трактовать беглого из Персии армянина? – «Он мой ньюкер». – «Хоть будь он вашим генералом, для меня он подлец, каналья, и я не должен его видеть». Тут он рассердился, зачал мне говорить всякий вздор, я ему вдвое, он не захотел иметь больше со мною дела – и мы расстались.

< 4–7 сентября 1819. >

4-го сентября.

По многим хлопотам выступление.

5-го сентября.

Ночь, поустаю[12], днем нахожу своих. Брошенный больной. Дыни, хлопчатая бумага. Возле Софиян у мельницы водопад, холодок, кусты, маленький вал, завтракаем. – Идем в ущелье, соляные воды и горы. Взбираемся на высочайшую гору, крутую; узкая тропинка между камнями. Вид оттудова. Вышли в 2 пополуночи, пришли в Маранд в 7-мь пополудни. Виноградная беседка.

6-го сентября.

Днюем в Маранде. Назаров, его положение. Известие о милостях государя к Маман-хану. Шум, брань, деньги. Отправляемся; камнями в нас швыряют, трех человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душечка, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слезы накатились на глаза[13].

«Спевались ли вы в баталионе?» – «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые об России тужат». Сказка о Василье-царевиче – шелковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч., и проч. «Слышал, сказывает – кто?» – «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письмянный».

Успокоение у разрушенного караван-сарая; оттудова равниной идем до ущелья; земля везде оголилась; потом сквозь ущелье, трещины, расселины. Водопроводы с шумом извергаются из ущельев. Около горы сворачиваем вправо до Гаргар.

Разнообразные группы моего племени, я Авраам. Выступили из Маранда в 8½ часов вечера, в караван-сарае 4 часа утра; оттудова в 7-м часу, в 11 часов в Гаргарах.

Ананурский карантин

29-го ноября <1819>.

Вползываем в странноприимную хату, где действительно очень странно принимают. Холод, спрашиваем дров. Нет, а кругом лес. У ветхого инвалида покупаем дорого охапку. Затапливаем, от дыму задыхаемся. Истопили, угар смертельный и морозно по-прежнему. Спрашиваем корму для себя и для лошадей, – ничего съестного.

Наконец является маленький, глупенький доктор, с хлыстиком, вертится на одной ножке и объявляет, что мы в «политическом госпитале» (в мефитическом: от сырости запах претяжелый), что нашу комнату иногда заливает вода по колена, что срок сидения зависит от комиссара. Докторишка исчез, и я от угара проболел 24 часа. Явился комиссар, как смерть, курносый.

«Спасите. Карантин ваш очень мудро устроен, чтобы чумы далее не пропускать: потому что она с теми, которых постигнет здесь, непременно похоронится, потому что от холоду смерть, от дыму смерть, от угару смерть (да и сам комиссар, как смерть, курносый, – мы его наконец видели), но Бебутов и я не чумные, не прикажите морить…»

Тифлис – Тавриз

<10 января – февраль 1820.>

10 января. Сады, влево Кура. Едем по склону горы, влево крепость Саганлук; поворачиваем вправо, кряж гор остается к северу. К югу Меднозаводская гора и хребет. Озеро. От Код Квеши на возвышении. Перед этим развалины на утесе, который как будто руками человеков сложен из различных камней.

12-го (января). Через гору в Гергер. Казармы. Оттудова высочайший Безобдал…

1801. Омар-хан разбит пшевцами, хевсурцами, в кольчугах, в шишаках, в числе 5000. Русские только были зрителями.

Ad memorandum. – При князе Цицианове Гуляков взял Чары и Беликаны и убит в Чарах в сражении против лезгин: обнадеялся на 15-й Егерский полк, который побежал и смял прочих.

Цицианов армянам: «я и об живых об вас небрегу, стану ли возиться с вашими мертвыми».

Возится с солдатами, бьет одного и после уверяет, что поссорились, награждает деньгами. Рубли превращает в медали после приказа, что гвардии за развод, а его солдатам за штурм дано по рублю.

17-го <января>. В монастыре хорошая гостиница, услуга. Бедственное положение патриарха.

18 января, понедельник. Осматриваю монастырь. Рука св. Георгия, копье, кусок от креста. Место – 4 столпа мраморные, – где было сошествие Христа по представлении, тому назад 1500 лет. Ризница скрыта. Ковры. Типография на 3 станка. Патриарх ветхий, сетует о судьбе погибших монетчиков в Царьграде. Сам поплачивается за русских приезжих.

До Эривани 12 верст. Летняя беседка с витыми галереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. Ad memorandum: Mehmour.

Патриаршее сравнение: Эчмедзин как роза между терниями. Портрет шахов гравирован в Париже.

С. Бегичев. Мать и сестра.

Огарев.

Шаховской.

Катенин.

А. О.

Шмидт.

Панин.

П*. Н.

Завадовский.

А. П. Огарева.

Бебутова.

19 <января>. Вода ночью замерзла в комнате. Отправляюсь. Арарат вправе, как преогромный белый шатер. Много деревень, садов, речек. Маленькое ущелье Девалу[14].

22 <января>. Медление в Нахичевани. Армяне живут хуже татар, – окно для света и дыму, без камина. Мирза-Мамиш, персидская лесть. Чем к ней кто доступнее, тем ее покрывало более редеет[15].

Февраль. От Гаргар к юго-западу, влево, через ущелье, занесенное снегом. Выехавши на широту – равнина до караван-сарая. – По пригоркам до Маранда. Маранд виднеется на высоте за три агача. – Из Маранда в горы подъем трудный. От караван-сарая спуск до Софиянки, ровно до Тавриза; влево и вправо делятся горы

Крым

< 24 июня – 12 июля 1825. >

Июня 24. Середа. Иванов день. Вверх по Салгиру верхом. Сады, минареты, Перовского дачка – приятной, легкой архитектуры домик. Облако столбом над Чатыр-Дагом, будто курится. Ручьи падают справа от нашей дороги в Салгир. Тополи, надгробные камни с чалмами. – Аянь, на восток от него в полуверсте источник Салгира в известковой каменной котловине. Пещера, вход с двух сторон; спереди с шумом извергается источник, слева род окошка; мы, разутые, лезем в него, цепляемся по голым камням, над нами свод, род пролома сверху, летучая мышь прилеплена к стене возле, и внутренняя продолговатая пещера позади нас. Мы сидим над самым о[брыво]м. М. Ш. называет его глазом. Вода холодная, как лед.

После обеда из Аяна косогором к западу, направо лесистая впадина к дороге между Чатыр-Дагом и Темирджи, склонение к северу Яйлы, под ним домик, тут дача Офрена, сзади подошва Чатыр-Дага, впереди ущелье Кизиль-Кобе, проезжаем чрез ущелье Альгар, деревня Човки (станция к Алуште), влево малый Джанкой, вправо речка Кизиль-Кобе, ущелье входит клином в гору, там родник сперва наружу, потом отвесно под землею, потом снова широкою лентою падает на камни и течет в долину, которая позади нас; орлиные гнезда, орешник, кизиль, род ворот между двух самородных камней, пещеры, своды, коридоры, столбики, накипи.

Симферополь. Цыганская нынешняя музыка в Крыму – смесь татарского с польским и малороссийским.

Июня 25. Дождливый день. Берем несколько назад, потом левее, по северной подошве Чатыр-Дага до Буюк-Джанкой, оттудова вверх довольно отлогая дорога, лесистая, справа овраги, тесные и глубокие долины, бездны лесные, там течет Альма, ее исток между Чатыр-Дагом и Султан-горой, белые холмы Саблы в отдалении, еще далее горы Бахчисарая. Поднимаемся на террасу каменную, инде поросшую лесом, убежище чабанов внизу, а далее в равнине все еще туман. Шатаемся по овчарням.

После обеда. Наелись шашлыка, каймака, на круглом столике, поселившись в каменной яме к северу от овчарного хлева. Зелень и климат северные. Низменная даль все еще подернута непроницаемою завесою, оттудова тучи поднимаются к нам, ползут по Чатыр-Дагу. Он совершенно дымится. Горизонт более и более сужается, наконец я весь увит облаками.

У здешних пастухов лица не монгольские и не турецкие.

Паллас производит их от лигурийцев и греков, но они белокуры, черты северные, как у осетинов на Кавказе.

Гроты снеговые, стены покрыты мохом, над ними нависли дерева. Спускаюсь вглубь, впалзываю в узкое отверстие, и там снежное приятелище – родник замерзший. Скатываем камень, – продолжительный грохот означает непомерную глубину. Выхожу оттудова, – синее небо.

Поднимаемся на самую вершину. Встреча зайца. На иных зубцах самого верхнего шатра и на полянах ясно, но у самого верхнего зубца нас захватывают облака, – ничего не видать, ни спереди, ни сзади, мы мокрехоньки, отыскиваем пристанища. Розовая полоса над мрачными облаками, игра вечернего солнца; Судак синеется вдали; корабль в Алуште будто на воздухе; море слито с небом. Попадаем в овчарню на восточной вершине, обращенной лицом к югу. Сыворотка, холод, греюсь, ложусь на попону, седло в головах, блеяние козлов и овец, нависших на стремнинах. Ночью встаю, луна плавает над морем между двух мысов. Звезда из-за черного облака. Другая скатилась надо мною. Какой гений подхватил ее?

Июня 26. Пятница. Кочуем в тумане и в облаках целое утро. Сажусь на восточный утес, вид на глубину к Темирджи. Два корабля в Алуште. Съезжаем до лучшей погоды в Корбек, лесом ручьи. На квартире (крайней кверху) с балкона вид на море. Справа из-за Султан-горы высовывается Кастель. Балкон под сливою и грецким орешником. – Под вечер пешком в Алушту средними возвышениями, подошвою Чатыр-Дага. Замок Алустон в развалинах, налево Шумы, деревня Темирджи на воздухе; возвращаюсь низом, сперва садами, потом тропою, которая ведет в Бешуй, ногами растираю душистые травы, от которых весь воздух окурен. Татары любят земные плоды.

Ночью встаю, месячно.

27 <июня>. Опять в гору; сперва лесом, потом голые вершины уступами. Круча.

Панорама с Чатыр-Дага:

Впереди под ногами площадь, терраса Чатыр-Дага, первая под самым темем, шатром (чадирь), все негладкости будто стесаны, пониже дичь, густой лес, в нем источник Альмы между Султан-горой и Чатыр-Дагом. Далее дугою Севастополь, Бахчисарай, Саблы, белые меловые горы, правее Салгир, Акмечеть, еще далее Козлов и море, между всем этим; ближе к месту, с которого смотрю, волнистые холмы, по ним солнце играет. – Справа Зуя, Карасубазар, над ним дымок, задняя пологая часть восточной Яйлы, часть Азовского моря голубою полосою окружает с востока степь и дол до Перекопа. – Слева

западная часть задней Яйлы, Св. Нос к Балаклаве чернеется. – Обратясь назад – море, даль непомерная, с запада спускается к нему Яйла, из-за ней Кастель, прямо Алушта, к востоку берег изгибом до Судака, выдавшегося далеко в море, точно между Обсерваторией и Горным Корпусом. За Судаком Карадаг и проч. 3 корабля. На вершине (западном зубце, где мы стоим), между двух углов, шагов 50 стремительный спуск к югу, пологий к северу, обрыв к Альме, дебрь. – За Темирджи несколько слоев гор еще ее возвышеннее. – От Чатыр-Дага к северу площадь, терраса, будто укрепление с исходящими углами, с бойницами, из них иные красные, желтые, серые, и между ними зелень. Белизна меловых гор, которые тянутся, как лагерь.

Несколько орлов с закрюченными крыльями; их плавный и быстрый полет. Дождь, словно занавесь, постепенно закрывает предметы и близится к нам, наконец сечет нас. Прячемся. Новая картина. Улитки. Я над стремниной. Опять ведренно, выхожу из засады. Противуположность, – спереди был мрак, сзади ясно, теперь наоборот. – Следую направлению верхнего обреза от запада к востоку, смотрю на дольные картины из-за промежутков скал, как из-за зубцов Кремля. – Сперва Салгир был вправо, потом прямо против меня, теперь влево, по мере моего шествия. К западу картина становится у́же и расширяется к востоку. С восточной оконечности вид на дебрь между Кизиль-Кобе (вчера казался так высок, а нынче через него гляжу), Темирджи и Чатыр-Даг. Ветер переменился, облака назад пошли и, после дождя, разодранные, как после битвы, тянутся от Султан-горы серединою Чатыр-Дага в Темирджинское ущелье, словно оттудова пар воскуривают; позади всего море, пропасти под ногами и зубцы. Не понимаю, как меня ветер не снес! Прихожу к пастухам, волынки, рожки и барабаны.

Возвращаюсь в Корбек.

После обеда в Шуму; плутаю по оврагам; лошадь мне ногу зашибла. Новая большая дорога. Рысью в Алушту.

Алушта; древние развалины замка, около которого домики с плоскими кровлями прислонены к холму, образующему со многими другими подошву Чатыр-Дага; около него ручьи и сады в яминах. Все место окружено амфитеатром, к морю отрогами обоих Яйл и Чатыр-Дага, которого вершины господствуют над сей долиною. Корабль нагружается лесом; другой от флота зашел за пресной водою. Разговор с офицерами о Чатыр-Даге. Морские ванны. Эфенди хвастает крепкою черешнею.

28 июня. Едем берегом. Узенькая тропа. Жар несносный. Вправо то голые утесы, то лес. Кастель. Иногда крутой въезд, потом опять спуск к морю. Мыс. Проехав, из-за него выказался

Кучук-Ламбат. С одной стороны голый и не самый высокий утес, с другой возвышенный и лесистый Аюдаг, далее выдавшийся в море, окружают приятнейший залив; волны дробятся о берег. Фонтан под фигою; вид благосостояния в селении. Дом. Воскресный день. Бороздин называет это «пользоваться премиею природы, не выезжая из отечества». Сад, розмарины, lauriers-roses, маслины, смоковницы, лилеи, дева утеса в Кизильташе. – Еще родник в саду; беседка к морю, затишие от бури, напоминает такую же в Выдубеце. Подводные камни, не доезжая до деревни. Бакланы, дельфины. Venite adoremus[16].

29 <июня>. Парфенит, вправо Кизильташ, шелковицы, смоковницы, за Аюдагом дикие каменистые места, участок Олизара, шумное, однообразное плескание волн, мрачная погода, утес Юрзуфский, вид с галереи, кипарисники возле балкона; в мнимом саду гранатники, вправо море беспредельное, прямо против галереи Аю, и впереди его два голые белые камня.

Отобедав у Манто[17] (у жены его прекрасное греческое, задумчивое лицо и глаза черные, восточные), еду далее; Аю скрывается позади, сосны на Яйле, лесистые высокие места, впереди Гаспринский мыс ограничивает горизонт.

Подъезд к Никитскому саду лучше самого сада. Заглохшая тенистая тропа посреди одичалых остатков греческого садоводства, под гору, плющом увитые ясени и клен, грецкий орешник, акация, дикий виноград, смоковницы, плачущие ивы. В саду rus delphinus, которого я давно домогался названия в Ширване.

Всегда ли лето бывает так прохладно? Дорога более возвышена. Род часовни, где лошадь привязана. Выезжая из саду и поднявшись кверху, в перелеске руины греческой церкви. Вообще до сих пор развалины не живописны, исключая алустонских торчащих трех обломанных башен.

Приятный запах листьев грецкого орешника, когда его в руках растираешь.

NB. Отъехав от Юрзуфа и посмотреть назад, вид берега расширяется через передовые отроги Яйлы, вид на долины к Ялте пространен, и пожелтевшие нивы разнообразят темную, многотенную картину.

Ночую в Дерекое. Кладовая хозяина. Один каштанник во всем краю. Сад Мордвинова в Ялте.

Округ Никиты. Запущенные и оброшенные сады греков, выведенных в Мариуполь.

30 июня. Пространная долина, и плодоносная. Горы почти так же высоки, как около Алушты, и окружают до пристани. Аутка – греческое селение в сторону от дороги, но в ней все по-

татарски. От Аутки лесом прямо в гору, справа с Яйлы водопады Ялты. Оборотясь назад, вид расширяется от верха Яйлы до Никиты-буруна; прелестная темная (foncée) долина, усаженная лесом; пестрота нив, садов и деревень, часть моря у Яйлы. Спустясь на большую дорогу, опять лесом до Кушелева сада в Урьянда. Нос Айтодор каменистый выдается в море; тут развалины монастыря. Выезжая из леса и поднявшись на высоту – пространный вид. Яйла, голая, дикою стеною господствует над Гаспри, Хуреис, Мускор и Алупкою. С пригорка над Гаспрою опять виден Аюдаг, который было исчез за Никитинским мысом. – Чрезвычайно каменисто; земляничный лес на Яйле, как кровь красный. Вчера высота Яйлы была осенена соснами, а ныне безлесна.

В Алупке обедаю, сижу под кровлею, которая с одной стороны опирается на стену, а с другой на камень; пол выходит на плоскую кровлю другого хозяина, из-за нее выглядывает башенка мечети. Муэдзин Селами-Эфенди, шелковицы, виноградные лозы, сюда впереди два кипарисника тонкие и высокие, возле них гранатовый куст; вообще здесь везде оливы, лавры и гранатники рдеют. Паллас говорит, что у Айтодора устрицы, но пора рабочая, теперь не ловят. Греки в Аутке.

После обеда. Из Алупки в Симеис, оливы, гранаты, коурме́, роскошь прозябения в Симеисе; оттудова утес, обрушенный в море торчма, на нем развалины замка; проезжаем сквозь теснины частию нависших и в море обрушенных громад, другая на суше, над нею прямо обломанный утес, повсюду разрушение. Дождь, укрываемся к казакам (береговой кордон, далее содержит его балаклавский полк), от дождя быстрые потоки и водопады. Яйла совершенно обнажилась из-за передовых гор. Кукунейс; между ним и Кучук-коем обвал от землетрясения, будто свежевспаханная земля; оттудова вид на крайний мыс южного берега Форус, темный, зубцы и округлости отрисовываются позади светящим вечерним заревом. (На другой день я увидел, что это только зубчатая поперечная скала между Мшаткою и Кучук-коем.)

Лень и бедность татар. Нет народа, который бы так легко завоевывал и так плохо умел пользоваться завоеваниями, как русские.

1 июля. Из Кучук-коя косогором. Я задумался и не примечал местоположения; впрочем, те же обвалы, скалы справа, море слева, поперечные зубчатые скалы. Поднимаемся близ форусского утеса вверх лесом, похоже на подъем с моря на Чатыр-Даг, красноречивые страницы Муравьева, перевалясь через Мердвень. Паллас прав насчет лицеочертаний приморских татар трех

последних деревень.

Байдарская долина – возвышенная плоскость, приятная, похожая на Куткашинскую. Кровли черепичные; кажется, хозяйство в лучшем порядке; хозяйский сын хорошенький. Тут я видел, что́ во всей Азии, как хлеб молотят: подсыпают под ноги лошадям, которых гоняют на корде.

После обеда в лес до Мискомии. Оттудова две трети долины заслонены выступающею с севера горою, так что тут делается особенная долина; отсюдова в гору извивистой тропою спускаемся к хуторку, к морю (bergerie), где была разбита палатка для Екатерины во время ее путешествия; справа из-за плетня белеются меловые горы, между Узеном и Бельбеком. Поднимаюсь на гору. Панорама: вправо долина Узеня, под пригорком Комара, или Карловка, слева море разными бухтами входит, врезывается в берега. Прямо впереди тоже море окружает полуостров, которого две оконечности – Севастополь и Балаклава. Влево, в море флот из 9-ти кораблей; под ногами два мыса, как клавиши. Еще ниже островерхий пригорок, на нем замок и башни древнего Чемболо; на втором мысе (из двух параллельных) сады и обработанная поляна.

Объезжаем ближайшую гору, к северу Кадикой, бухта тихая, как пруд, и местечко балаклавское на подошве западной горы; бухта сжата продолговатыми мысами, на вид безвыходными. Школа, дом Ревельота, церковь, мечеть упраздненная, балконы на улицу. Ночью мало видно. Дежурный капитан. Готовится мне ялик для прогулки по бухте, на другой день, на рассвете.

Комната моя в трактире с бильярдом. Морская рыба макрель, кефала.

2 июля. Поутру, бухтою, вниз к устью, – не видать никакого выхода; на протяжении до открытого моря на 1 ½ версты заслонено утесами с обеих сторон; слева замок, полукруглый залив по выходе в море. Дельфины и бакланы. Плывем в оба направления, к востоку Святой Нос, как будто развалины монастыря. Воротясь назад, приятный вид местечка – в церковной ограде кипарис, мечеть внизу, старая церковь в горе, школа – самое чистенькое здание. Настоящий грек, слуга в трактире, пылает желанием сразиться с греками и сдирает с меня втридорога за квартиру.

Уезжаем из Балаклавы назад к верху бухты, налево в гору, вправо внизу Кадикой, церковь беленькая, приятный вид после запачканных мечетей, еще в гору, мимо Корани (все 4 деревни греческие). Хорошо отстроенные домики.

Возвышение, с которого Гераклиевский полуостров как на ладони; окружен морем. Панорама: мы лицом прямо на запад,

вправо белеются дома Севастополя и большая бухта, корабельные мачты, далее северная коса и еще далее козловский берег, впереди маяк и две бухты, как на чертеже. Хутор монастырский и другие, налево новая колокольня св. Георгия (напрасно выстроенная). Позади гористый вид, мыс Ай-Даг, Святая гора, отвсюду виден; говорят, что он первый в Крыму представляется плывущим из Царь-града. Не это ли Криуметопон? Это похожее на дело, нежели «баранья голова» Муравьева. Долина Узеня, слева белый кряж гор известковых новейшего образования: вглубь всей картины верх Чатыр-Дага, нависшего как облако.

NB. Воспоминание о великом князе Владимире.

Едем в монастырь. Крутизна по входе в ворота; внезапности для меня нет, потому что слишком часто описано (так же, как и Байдарская долина: если бы безымянная, она бы мне более понравилась; слишком прославлена). Спускаюсь к морю, глаз меня обманул: гораздо глубочайший спуск, чем я думал. От церкви глядеть наверх, к колокольне, похоже на Киевскую Лавру, но вид из Лавры несравненно лучше. – В море справа два камня, как башни, между ними утес вогнутою дугою, слева скалы; под их тенью раздеваюсь и бросаюсь в море. Вода холодная, как лед. Красивые разноцветные камушки, прекрасно округленные. Назад подъем тяжел. Змея. Митрополит из Кефалоники.

Едем в Севастополь; жарко, сухо, мерзко и никакого виду. Город красив. Сначала виден с Артиллерийской бухты дом Снаксарева. Мы берем вправо, в заставу. Под вечер гуляю. Лучшее строение города – гошпиталь над южной, самой пространной бухтою. Огибаю Артиллерийскую бухту, базар, живопись, купаются, скверные испарения. Батарея, закат солнца, иду на Графскую пристань, оттуда большою улицею вверх, мимо двух церквей, домой. Ночь звездная, прекрасная, но безлунная. Маяки светятся в стороне к Инкерману.

3 июля. Севастополь лежит лицом к Ктенусу, одною стороною на южную военную (или Корабельную) бухту, а другою на Артиллерийскую. Несколько батарей на северной косе и на мысе военной гавани. Ктенусом плывем 7-мь верст; лес истреблен (жаль, а то бы прелестное гулянье по воде). В балках справа казенный сад, где гулянье 1-го мая, пороховой магазин, слева сухарный завод, справа и слева хутора. Выезжаем в камышовый Узень, струйка пресной воды, ясени и другие деревья; направо гора двойная, изрытая пещерами; коридор, полуразрушенная внутренность церкви (живопись: святой с ликом, стертый), точно арки гостиного двора или караван-сарая. Древний мост слывет Ханским; перейдя через него, насупротив прежних и выше их две другие горы, тоже пробитые пещерами, иные застроены и

вымазаны, с окошечками, нашими артиллеристами, рабочими на селитренном заводе. Здесь церковь целее, фигурные украшения, горнее седалище. Из придела церкви обломанный свод без лестницы; Александр туда, и я за ним. Вверху ступени в крепость, идет к южной крутизне, там пещеры ярусов в десять, иные раскрашенные, иные клетчатые, выдолбленные украшения.

Вид на луг и долину Узеня прелестный. Также, оборотясь вправо, на залив. Вероятно, когда нападали на жителей, то они спасались на верхние жилья; если подламывали пилястры, то бросались в крепость. С севера и востока стены и башни довольно целы, так как эти обе стороны здесь приступнее и положе, то и был тут он укреплен тверже, двойною стеною. На север башня круглая и далее четырехсторонняя, на восток зубчатая стена, башня круглая, опять стена, четырехугольная башня и еще стены и круглая башня угловая.

Инкерман самый фантастический город; представляю себе его снизу доверху освещенным вечером. – Но где брали воду? – Отчего монахи? – Во всяком случае, ариане, ибо готфы сперва были ариане; таков был и переводчик их Библии епископ Ульфила.

С севера сход, крыльцо к роднику. Приятно умываться, когда сам божок или нимфа ручья подает воду из рукомойника. Панорама с крепости: к западу Ктенус и горы такие же, как та, на которой крепость и которые отделяют полуостровок. К югу, за долиною Узеня, Байдарские горы; с востока и севера протяжение тех гор, на которых крепость.

После обеда. Часов в 5-ть после обеда еду к карантину. Стена, в которой пролом, прилежит к нынешним зданиям и тянется к заливу направо и по возвышениям югом, где обращается вдавшимися углами многоугольника к западу, возле песчаной бухты упирается в море, и тут пролом и части стен и башен. К сей стороне, внутри, насыпной холм. Не здесь ли Владимир построил церковь? («Корсуняне подкопавше стену градскую крадяху сыплемую персть и ношаху себе в град, сыплюще посреде града, и воины Владимировы присыпаху более». Нестор.) – Может, великий князь стоял на том самом месте, где я теперь, между Песочной и Стрелецкой бухты. Тут, теперь, наравне с землею основание круглой башни и четверосторонней площади к Стрелецкой бухте. – Впереди все видно, что происходит в древнем Корсуне, и приступ легок. Через город видны холмы Инкермана и два его маяка и верхи западной Яйлы, очерчивающей горизонт как по обрезу; Чатыр-Даг левее и почти на одной черте с городом особится от всех, как облако, но фигура его явственна и правильна. Смотрящему назад видны два кургана, один

прибрежный, другой средиземной. Я на этом был, – груда камней, и около него два основания древних зданий. Солнце заходит в море, и черное облако застеняет часть его; остальная в виде багрового серпа месяца. Худое знамение для варягов. С насыпного холма, внутри города, виден маяк, а далее, по морю и кругом, не видать. – Пещеры к югу; их множество. Проводник уверяет, что они ведут к Инкерману, обложены огромными дикими квадратными камнями. – Колодезь, водопровод. – Лисица. – Два корабля и флот.

4 июля. Поутру однообразною дорогою, тою же заставою, в которую въехал. Надоело, велел своротить вправо, чтобы сблизиться с морем; едем рвом, множество четвероугольников; поля разделены на клетки каменными основаниями; налево, над рвом, возвышение, на нем [] из огромных грубообтесанных камней, сложенных одни над другими в два ряда, к югу два круглые основания, в них ямины, далее параллелограмм; тут и кончится возвышение.

Подъехав к морю: позади осталась Стрелецкая бухта, круглая впереди; те же клетки и фундаменты параллельных оград. Паллас предоставил себе со временем внимательнее осмотреть остатки древностей около бухт Казацкой, Круглой и Стрелецкой, но при том и остался. Вот что я видел. В конце загиба Камышовой бухты два хутора, второй купца Сергеева «Екима Сергеевича покойного; сын его Левушка махынький, 22-й годочик». В одном из его огородов: [] один бок 16, другой 24 шага с одной стороны, в 4 ряда камни, и еще надделан неполный ряд; иной камень в 2 ½ аршина длины и ¾ ширины; другие бока в три ряда. Обойдя загиб бухты и перевалясь через пригорок, такой же [] и тут на холме, до самого маячного перешейка, груды огромных и средственных.

Маяк в 12 саженей вышины. Панорамный вид полуострова не так хорош, как с горы Карани: кроме двух возвышенных мысов с правой стороны, ничего не видать. Флот в море, идет к Николаеву на всех парусах. У берега свинки (дельфины) кувыркаются, фонтаном пущают воду из головных отдушин; столпили в стадо рыбу салтанку, которая от них не может отбиться, море наполнили кровью и насыщаются. Стая чаек реет округ их и подхватывает объедки трапезы. Бакланы, уже сытые, плывут впереди.

На возвратном пути, перейдя ров Стрелецкой бухты, на пологом возвышении к древнему Корсуню древние фундаменты, круглые огромные камни и площади. Не здесь ли витийствовали херсонцы, живали на дачах и сюда сходились на совещания? А нынешний остаток стен может быть только Акрополь. Впрочем, я ужасный варвар насчет этих безмолвных свидетелей былых

времен; не позволяю себе даже догадок. Что такое bâtisses cyclopéennes[18]? Похоже на турок и персиян, у которых Тезеев храм в Афинах и Персеполь приписываются построению Дивов. – С маяка и на здешнем полуострове видно то же направление земли, как во всем Крыму, – северные берега пологи, южные круты и обрывисты.

5 июля. Через Ахтиарский залив на северную косу; оттуда вид на Севастополь, Корсунь и маяк. Едем вдоль берега, поворачиваем, миновав Учкуй, вдоль Бельбека. Берега в садах; справа горы положе и в зелени, слева крутые и голые, меловые. Вероятно, на Каче и на Альме то же. Дуван-кой, – долина расширяется, справа восточная часть Мангупской горы, прямо срезана, выглядывает из-за протяжения гор, что с правой стороны от дороги.

Сворачиваем еще правее, переезжаем через Бельбек и продолжаем путь вдоль речки Кара-Илаза. Примечательный и оригинальный вид гор, чрез которые прорывается Бельбек, – сахарные головы, верхушки бисквитные. Иной бок закруглен вперед или назад, наверху род теремов и замков или бельведеров, разноцветных от смешения зелени со слоями камней. Гора над Кара-Илазом тоже как будто сверху укреплена исходящими башенками. Оттуда уступами тополи высочайшие. Мельница, дом, гарем (желтенький, в ограде). Гостиница, прекрасное угощение.

Гроза великолепная.

Поднимаемся в верхний Кара-Илаз, ущельем вдоль Суук-Су, потом в Ходжа-сала, влево в ущелье, плутаем заглохшею тропою, въезд на Мангупскую гору с севера, вороты, стены, часть замка, окна с готическими украшениями.

В утесе высечены комнаты. Ходы, лестницы, галереи к северо-востоку вне крепости. На самом конце площадка, под нею вторым уступом острый зубец утеса, направо долина, налево под ногами голое ущелье, где Ходжа-сала; далее море. Спуски, сходни в круглый зал, шесть комнат к западу, к востоку три, узкий ход по парапету, множество других развалин.

Башни и стены к востоку в маленьком промежутке, где не так отвесно. Большая, местами довольно целая, стена западная. Спускаемся заросшею стремниною. Жидовское кладбище. Не худо бы разобрать надписи. Вид прямо на Кара-Илаз. Ночью в Бахчисарай. Музыка, кофейная, журчание фонтанов, мечети, тополи. Татарин мимо нас скачет вон из города, искры сыплются из трубки.

6 июля. Хан-сарай полуразвалившийся. Вид с минарета. Иду пешком вверх по нашему переулку, оттуда к мавзолею грузинки,

от него вверх и опять вниз к мостику. В перспективе гаремная беседка, вид города: тополи, трубы, минареты. Азис, вниз по Чурук-Су базарною улицею, деревня, 6 мавзолеев, один осьмиугольный, карнизы обложены мрамором. Опять в Бахчисарай; от него на восток ущельем вверх по Чурук-Су. Дома под навесом утесов. Минареты, куполы развалившихся баней. Вправо лощина врезана в ту же гору, которая с юга господствует над Бахчисараем. Сворачиваем туда; проехав немного, справа монастырь навис под горою и прилеплен в горе; лестница и церковь и коридоры высечены в камне, балкон пристроен снаружи и келейка, где старик со старушкою. Внизу надгробный памятник неизвестного, надпись русская сглажена. Оттуда ложбиною вверх, везде фонтаны, дорога влево, клином наверху Иосафатова долина в дубовой роще. Налево отвесная гора Чуфут-Кале, туда ведет лестница. Та же система укрепления, что в Мангупе. Оленье поле; на стремнине против монастыря остатки башни и стены.

Местоположение Чуфут-Кале: к северу ущелье, где протекает Чурук-Су и где Бахчисарайские горы; к западу ложбина монастырская; к югу лощина кладбищная; к востоку долина глубокая и лесистая между гор, где низменная дорога от Альмы к Каче. Тут вид горный до самой Яйлы-западной. Промежуточные возвышения, холмы и долина погружены в тени, над ними природа разбила шатер, он светозарен от заходящего солнца, которое прямо в него ударяет; все прочее от нашедших с запада облаков покрыто темнотою. Эту картину я видел, проехав Иосафатову долину; к югу от нее и выше, над стремниною, за которой внезапно выставляется Тепе-Кермен с пещерным его венцом, – точно вышка, крепостца наверху. Тут я увидел почти все течение Качи, как она вьется из гор, а позади нас впадение ее в море, которое светится. Впадение в Качу Чурук-Су. Дождь в Бахчисарайском ущелье. Вправо горы Кара-Илаза. На Каче Татар-кой. Возвращаюсь к мавзолею грузинки.

Чуфут-гора одна из меловых белых гор между Салгиром и Касикли-Узенем, подобно как Тепе-Черкес-Инкерман и Мангуп, и все они пещеристы. Кто этот народ и против кого окапывался к югу? Раббин говорит: хазары, которые прежде назывались готфами.

9 июля. По двухдневном странствовании еду к M-me Hoffrène в Татар-кой. Из Ахмечета дорога влево от кладбища, вправо остается Лангов хутор и еще далее его же деревенька. Верстах в шести от города с высоты вид моря. Во всем Крыму, как бы долина глубока ни была, – подняться на ближайшую гору, и откуда-нибудь море непременно видно. Спуск к Саблам, где все зелено, между тем как в степи, позади меня, все желто. Чатыр-

Даг. Сенные покосы. Крестьяне в Саблах выведенцы из России. Султан. Ирландский проповедник Джемс в Саблах, увидавши меня, рад, как медный грош. Школа плодовых деревьев; коли слишком растут в вышину, то это плохо для плодов. Столетнее алое. Переезжаем Алму у Карагача; ниже сад Чернова на Алме же; далее лесом, низеньким. Переезжаем Бодрак, налево Мангуш. Вступление вправо в ущелье Бахчисарайское с востока, наполнено садами, строениями, развалины дворца, влево, сверху, торчит Чуфут-Кале, ложбина вправо. – Баня в Бахчисарае хуже тифлисской; прежде я там не был, потому что, когда прочел Муравьева, – как будто сам водою окатился.

10 июля. Утром в Татар-кой. Крутизна к Каче; прекрасная Качинская долина, милые хозяйки. Султан о религии толковал очень порядочно в Бахчисарае, свое и чужое, но премудрость изливается иногда из уст юродивых.

11 июля. Кавалькада в Тепе-Кермен. Гора, нависшая над Татар-коем, верх которой в виде стены, стойма поставленной. Ораторство султана. Ходим по пещерам.

12 июля. Лунная ночь. Пускаюсь в путь между верхнею и нижнею дорогою. Приезжаю в Саблы, ночую там и остаюсь утро. Теряюсь по садовым извитым и темным дорожкам. Один и счастлив. Джемс кормит, поит, пляшет и, от избытка усердия, лакомит лошадью, которая ему руку сломила. Возвращаюсь в город.

Эрвианский поход

<12 мая – 1 июля 1827.>

12 мая. Четверток. Прибытие Семптер-аги из Карса. Новости от Бенкендорфа, нахичеванцев переселяют. В виду у нас вход в пустыни знойные и беспищные. Выезжаем из Тифлиса, Вознесенье. В Сейд-Абаде многолюдно и весело. Толпа музыкантов на дереве, при проезде генерала гремят в бубны. Обогнув последнюю оконечность мыса, вид к югу туманного Акзибеюка; вершина его поливается дождем. По дороге запоздалый инженерный инструмент и сломанные арбы с дребезгами искусственного моста, разметанные по дороге, производят на генерала дурное впечатление. Минуем Коди, верстах в двух от большой дороги сворачиваем в Серван, вдали лагерь у храма. Услужливость мусульман. Речь муллы.

13 <мая>. Пятница. Поутру прибыли к храму. Быстрота чрезвычайная, новое направление реки, мост снесен. Ночью Шулаверы, живописные ставки в садах. Казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скажет, какой конь будет убит в сражении.

14 <мая>. Суббота. Драгунский полк проходит. Лошади навьючены продовольствием и фуражом; люди пешие.

15 <мая>. Воскресенье. Ущелье вверх по Шулаверке чрезвычайно похоже на Салгирскую долину. Лесистые, разнообразные горы; позади всего высовывается Лалавер, как Чатыр-Даг с каменистым, обнаженным челом.

Лагерь на приятном месте. Бабий мост, 4 версты от Симийского погоста, где расширение вида необыкновенно приятное. Генерал делается опасно болен. Беспокойная ночь.

16 <мая>. Понедельник. Вверх поднимаемся по ужасной, скверной, грязной дороге. Теснина иногда расширяется; вид с Акзибеюка обратно в Самийскую долину, на Кавказ и проч. Климат русский, Волчьи ворота. Пишу на лугу и, забывшись, не чувствую сырости, похожей как на Крестовском острову, покудова чернила не разлились по отсыревшей бумаге и сам я промок до костей. Ночую с генералом; он все болен. Тут и доктор, и блохи.

17 <мая>. Днёвка.

18 <мая>. В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны. Еду вперед по верховой дороге; несколько руин справа и слева и селения. Крутой спуск в овраг каменной речки. Вся помпа воинственная, с которой ожидают прибытия главнокомандующего.

19, 20 <мая>. Днёвка. Карапапахцы поселились на турецкой

границе, перехватывают и режут наших посланных. Как бы их оттудова вытеснить? Заботы о транспортах.

21 <мая>. Там же. Принятие турецкого посланца с музыкою. Толст, глуп и важен.

22 <мая>. Там же. Чем свет сажусь на жеребца, который ужасно упрямится. Пускаюсь к развалинам Лори в 3-х верстах от лагеря. Деревня, беру проводника. Слезаю в овраг каменистый и крутобрегий, где протекает Тебеде с шумом, с ревом и с пеной. Чистый водопад дробится о камни справа. Смелая арка из крупного, тесаного камня через него перекинута. Развалина другого моста через Тебеде. Стены и бойницы в несколько ярусов по противулежащему утесу, вползаю через малое отверстие в широкую зубчатую башню, где был водоем; вероятно, вода под землю была проведена из реки. Тут с востока вытекает другая речка, и в виду по сему новому ущелью водопад крутит пену, как будто млечный проток. Из тайника крутая и узкая стежка вьется над пропастью. Духом взбираюсь вверх. Развалины двух церквей, бань, замка с бойницами к северу, оттудова ворота, много резной работы; вообще положение развалин род Трапезонда. К югу два мыса над Тебедою, к западу бок над нею же, к востоку над другою речкою, к северу замок и ров оборонял его от нападений с луговой плоскости. Прежде здесь царствовала сильная династия Таи, от 8 до 12-го столетия; храбрые, умные цари много обращались с византийцами, от которых заняли зодчество и другие искусства.

Ныне на развалинах в недавнем времени поселились бамбакские выходцы в малом количестве[19].

– Письмо Игурлехана. Лишение надежды есть тоже покой.

Просьба, адрес поздравительный карабахцев. Роза расцвела в роще, с ее появлением все цветы получили новую жизнь.

Отъезд турецкого посланца. – Приезд Обрескова. Полная ночь. – Поход.

Июнь 1. Середа. В Гергеры, вдоль Тебеде. Налево руины Лори. Попы армянские на дороге в ризах подносят бога главнокомандующему, который его от них, как рапорт, принимает.

К востоку синеются дальние горы; один конус похож на Тепе-Кермен.

Приходим к лесистой подошве Безобдала; мой шатер над ручьем, приятное журчание.

2-го <июня>. Днёвка. Обскакиваю окрестности. Поднимаюсь на верх горы над лагерем. Ароматический воздух лесной и луговой. Теряю лошадь.

3-го <июня>. Подъем на Безобдал. Трудность обозам. Я

боковой стежкой дохожу до самого верха, где ветр порывистый. Спуск грязный на Кишлаки. Гвардейский лагерь прелестен.

Палатка Аббас-Кули над рекою. Заглохшие тропы к опустелым скалам.

Ночью от блох житья нет; в дождь ложусь на дворе.

4-го (июня). Приезд грузинского ополчения. Свалка на дороге. Пещеры. Мавзолей Монтрезора. Дурной лагерь в Амамлах.

5-го <июня>. Воскресенье. Вдоль южной цепи гор переваливаемся через Памву. Вид Бамбахской долины вроде котловины. – Прекрасное лагерное место. Алагез к юго-западу.

Иду на пикет казачий. Табуны. Боюсь за них.

6-го <июня>. Завтрак у Раевского. Лагерное место у руины церкви в Судогенте.

Алагез к западу. Гром, убита лошадь. Арарат открывается.

7-го <июня>. Алагез к северо-востоку. Хорошо до привала. До сих пор в полдень жар несносный, ночью холод жестокий.

Кормы тучные. Артемий Араратский.

С пригорка вид на обширную и прелестную долину Аракса. Арарат бесподобен. Множество селений.

С привала места́, сожженные солнцем. Лагерь за версту от деревни Аштарак. Скорпионы, фаланги. Купол Арарата.

Прелестное селение Аштараки – мост в три яруса на трех арках, под них река Абарень дробится о камни. Сады, город. Селение принадлежит матери Хосро-хана. Жара.

Ночью головы сняты с двух людей, солдата и маркитанта.

8-го <июня>. Приезд в Эчмядзин. Клир, духовное торжество. Главнокомандующий встречен с колокольным звоном.

Разбиваю палатку между двух деревьев; цветы, водопроводы. Большой обед у архиерея.

Гассан-хан – враг монастыря. Багдатский паша принял к себе жителей.

Султан Шадимский на нашей стороне и его 4 племени. Мехти-Кули-хан перешел к нам с 3000 семействами.

9-го <июня>. Четверг. Поездка в лагерь под Эриванью. После обеда генерал ходит рекогносцировать крепость. Где только завидят белые шапки, туда и целят. Шадимский султан и его подвластные народы нам сдались.

В четверг известие о замысле Гассан-хана с 3000 кутали и карапапахами напасть на наши транспорты. Вечером гвардия отправляется в экспедицию; радость молодежи.

Вальховский с колокольни видит пыль вдали.

10-е <июня>. Пятница. 11-е <июня>. Суббота. Приезд посланного от Аббас-Мирзы.

12-е <июня>. Воскресенье. У обедни в монастыре.

Под вечером едем к Эривани. Арарат безоблачный возвышается до синевы во всей красе.

Ночь звездная на Гераклеевой горе. Генерал сходит в траншею. Выстрелы. Перепалка. Освещение крепости фальшфейером.

13-е <июня>. Из Эривани скачу обратно в Эчмядзин. Арарат опять прекрасен. Жар под Эриванью, в Эчмядзине прохладно.

С этого дня жары от 43 до 45 ^{0}; в тени 37 ^{0}. В 5-м часу поднимается регулярно ветер и пыль и продолжается до глубокой ночи.

18-е <июня>. Кто хочет истинно быть другом людей, должен сократить свои связи, как Адриан изрезал границы Римской империи, чтобы лучше охранять их.

Вот задача моей жизни в главной квартире. C'est encore une folie de vouloir étudier le monde en simple spéctateur. Celui qui ne pretend qu'observer, n'observe rien, parce qu'étant inutile dans les affaires et importun dans les plaisirs, il n'est admis nulle part. On ne voit agire les autres, qu'autant qu'on agit soi-même, dans l'école du monde, comme dans celle de l'amour. Il faut commencer par pratiquer ce qu'on veut apprendre[20]. André Chénier.

Поэтический вечер в галерее Эчмядзинской; в окна светит луна; архиерей как тень бродит. Известие о вырезанных лорийских жителях с 150 арбами транспортными, которые ушли не сказавшись.

19-е <июня>. В Эривань. Переправа через Зангу. Обед у Красовского; спор генералов о бреши. Посылают Кольбелей-Султана, чтобы способствовал Курганову к выгону скота.

Каменисто, скверно, вечером ужасные ветер и пыль.

Лагерь на Гарнычае, тону в реке. Ночлег у Раевского.

20 <июня>. Днёвка. Являются с покорностию племянник и сын Вели-аги. Вечером переносим лагерь на противуположный берег реки. Степь ожила при свете огней. Месяц. Арарат. Ущелье Горнычая.

Курганов, ложное о нем известие. Сакен в моей палатке.

21 <июня>. Поутру известия опровергаются. Обработанный край: куда ни кинешь глазом, всё деревни; яркая зелень у подошвы вечных снегов Арарата. Лагерь на Ведичае, куда выгнан скот. Являются Аслан-Султан и другие. Курганов со скотом. Карапапахцы.

Чудесная ночь. Известие о неприятеле за Араксом.

22 <июня>. Идем чрез Девалу. Два аиста на мечети стерегут опустелую деревню. Край безводный. Деревень не видать. Привал без воды. Генерал, по слуху о неприятеле, отправляется в

авангард. Прокламация садакцам и миллинцам. Садараки прекрасный ночлег.

23 <июня>. Проходим версты 4 в малое ущелье, как ворота Шарурских гор. Прекрасная открывается обработанная страна; множество деревень и садов; хлеба поспели, некому снимать. Но осенью вид всего этого прескверный. Я бывал в сентябре – все сухо, вяло, желто, черно.

Лагерь на Арпачае.

24 <июня>. Днёвка. Термометр до 47°. Приезд карапапахцев, Мехмет-аги, Гумбет-аги Бамбахского и других. Ночью не сплю. Рано, в 3 часа, поднимаемся.

25 <июня>. День хорошо начат, избавляем деревенских жителей от утеснения. Им платят на привале по 6-ти реалов лишних на быка; они благословляют неприятеля. Вообще, война самая человеколюбивая.

На привале отправление бумаги к Красовскому. Раздача энамов, подарков. Я открываю лавку царских милостей. Известие, что шарульцы и миллинцы гонят к нам скот. Безводно, но не чрезвычайно жарко.

Еду вдоль Аракса открывать неприятеля, но открываю родники пречудесные. Жатва не собрана, иные снопы начаты, но не довязаны; вид недавнего бегства. Прекрасная деревня над Араксом, Хоки. Заезжаю в авангард. Лагерь не доезжая до Хок. Тучи и дождь, потом луна всходит. Огни бивуак в ночи производят действие прекрасное.

26 <июня>. Рано поднимаемся; жар ужасный. Рассказ Аббас-Кули, что Елизаветпольское сражение дано на могиле поэта Низами.

8 верст от Нахичевани пригорок. Оттуда пространный вид к Аббас-Абаду и за Аракс. Вид Нахичеванской долины, к северо-востоку Карабахские горы, каменистые, самого чудного очертания. Эйлан-даг и две другие ей подобные горы за Араксом, далее к западу Арарат. Сам Нахичеван стоит на длинном возвышении, которое также от Карабахских гор.

Вступление в Нахичеван. Ханский терем. Вид оттудова из моей комнаты.

Неприятель оставил город накануне. В Аббас-Абаде 4000 сарбазов и 500 конницы. Комендант сменен.

Змеиная гора – в увеличенном виде обожженный уродливый пень. Такие еще две.

27, 28 <июня>. Известие о шахе от Мекти-Кули-хана. Муравьев послан рекогносцировать крепость. С моего балкона следую в подзорную трубу за всеми его движениями.

29 <июня>. В 4 ½ часа кончаю почту, седлаю лошадь и еду к

крепости, где 50 человек казаков в ста саженях от стен заманивают неприятеля. Засада в деревне с восточной стороны. К 10 часам сильная рекогносцировка – 2 полка уланских, 1 драгунский, 2 казачьих, 22 конных орудий обступают крепость. Канонируют. Бенкендорф перебрасывает 2000 человек через Аракс, которые на противуположных высотах гонят перед собою неприятеля. Из крепости стреляют на переправу. Парламентер из крепости. Али-Наги сыновья, Исмиль и Мустафа-ага, переговариваются с нами с гласиса.

30 <июня>. Приезд иавера. Отпущен с угрозами. Вечером поездка к Раевскому в лагерь. Водопады.

Июль 1-ое. Переносится лагерь к крепости. Начало работ не производится за недостатком материалов.

Письмо Паскевичу И.Ф. о туркманчайском мирном договоре

КОМАНДИРУ ОТДЕЛЬНОГО КАВКАЗСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛУ ОТ ИНФАНТЕРИИ, ГЕНЕРАЛУ-АДЪЮТАНТУ И КАВАЛЕРУ ПАСКЕВИЧУ ОТ ИНОСТРАННОЙ КОЛЛЕГИИ НАДВОРНОГО СОВЕТНИКА ГРИБОЕДОВА

ДОНЕСЕНИЕ

30 июля 1827. Лагерь при селении Карабабы.

20-го числа июля я, по приказанию вашего высокопревосходительства, отправился из крепости Аббас-Абад в персидский лагерь, куда в тот же день прибыл перед вечером; 7-мь часов езды скорой, расстояние около 49 верст от Аракса до опустелой деревни Каразиадин, где я должен был ждать, когда позовет меня к себе Аббас-Мирза. Скудно разбросанные палатки не означали присутствия многочисленного войска. Вечером прибыл ко мне Мирза-Измаил с приветствиями от Шахзады, который на ту пору прохлаждался в горах, и только на другой день намерен был спуститься к Каразиадину, или в Чорскую долину (так называется целый округ из 12-ти деревень). К моей палатке поставлен караул почетный, разумеется, чтоб иметь надо мною надзор; но все условия вежливости были соблюдены, даже до излишества. 21-го <июля>, поутру, подошва гор к югу, со стороны Хоя, запестрела вооруженными конными и сарбазами, – и вскоре был разбит лагерь на большом протяжении.

В час пополудни за мною прибыл наиб Эмика-Агаси от Аббас-Мирзы, к которому я отправился с толпою народа; при мне же были Мирза-Измаил и Мирза-Сале. Я был допущен к аудиенции тотчас, без предварительных церемоний. Аббас-Мирза один был в обширной палатке; со мною взошли несколько человек из его приближенных.

После первых приветствий и вопросов о вашем здоровье, обо мне собственно, он начал мне вспоминать о прежнем моем пребывании в Тавризе и проч. Потом долго и горько жаловался на генерала Ермолова, Мазаровича, Севаримидзева, как на главных, по его мнению, зачинщиков нынешней войны. Я ему отвечал, что неудовольствия были обоюдны, по случаю спора о границах, но с нашей стороны никогда бы не вызвали военных действий, если бы сам Шахзада не вторгнулся в наши области.

«Моих и шаха послов не допускали до государя, писем не доставляли в Петербург, – сколько я их показывал князю Меншикову, мне обратно присланных, даже не распечатанных, сколько теперь у меня их сохраняется, в том же виде, для оправдания моего перед государем вашим».

Я ему напомнил о двукратном приезде в Россию Абуль-Гассан-хана, о Мамед-Гассан-Хане-Афшаре, о Мирза-Сале, бывших в Петербурге, чрез которых всегда можно было представить императорскому двору жалобы, если бы они основаны были на справедливости. Наконец, князь Меншиков для того был прислан в Персию от самого государя, чтобы устранить поспешно и навсегда возникшие тогда несогласия, впрочем, когда кто лежит болен целый год, не отыскивают уже первых причин его болезни, а стараются уврачевать ее, – так и с настоящею войною.

Разговор в этом смысле продолжался более часу. Я вынужден был сказать, что не имею поручения разбирать то, что предшествовало войне, что это не мое дело…

«Так все вы говорите: не мое дело, – но разве нет суда на этом свете!»

«Ваше высочество сами поставили себя судьею в собственном деле и предпочли решить его оружием. Не отнимая у вас ни благоразумия, ни храбрости, ни силы, замечу одно только: кто первый начинает войну, никогда не может сказать, чем она кончится».

«Правда», – отвечал он.

Я продолжал: «Прошлого года персидские войска внезапно и довольно далеко проникли в наши владения по сю сторону Кавказа. Нынче мы, пройдя Эриванскую и Нахичеванскую области, стали на Араксе, овладели Аббас-Абадом, откуда я прислан…»

«Овладели! взяли! Вам сдал Аббас-Абад зять мой, трус, – он женщина, хуже женщины».

«Сделайте то, что мы сделали, против какой-либо крепости, и она сдастся вашему высочеству».

«Нет, вы умрете на стене, ни один живой не останется; мои не умели этого сделать, иначе вам никогда бы не овладеть Аббас-Абадом».

«Как бы то ни было, при настоящем положении дел уже три раза, как генерал получал от вас предложения о мире, и ни одно из ваших сообщений не сходствует с условиями, мимо которых с нашей стороны не приступят ни к каким переговорам. Такова есть воля государя.

Чтобы на этот счет не было более недоразумений, я сюда прислан. При том должен объявить вашему высочеству, что

посланные ваши, если явятся с предложениями другого рода, несогласными с нашими, или для прений о том, кто первый был причиною войны, – они не только не получат удовлетворительного ответа, но главноначальствующий не признает себя даже вправе их выслушивать. Условия же, если ваше высочество расположены их выслушать, я сейчас буду иметь честь изложить вам, – в этом именно состоит мое поручение».

«Послушаем, – сказал он; – но разве должно непременно трактовать, наступя на горло, и нельзя рассуждать о том, что было прежде?»

Тут он опять начал распространяться о безуспешных прежних его усилиях жить с нами в мире, под сению благорасположения к нему российского императора. Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих сардара и брата его; потом неистощимые уверения в преданности императору – всё это быстро следовало одно за другим. Я из некоторых слов мог, однако, заметить, что личный характер государя императора сильно действует на него, как отпечаток твердости и постоянства в предприятиях; так, он отзывался, по свидетельству ли англичан, или по другим до него дошедшим сведениям, но повторил не раз, что он знает о решительных свойствах великого императора, это свидетельствуют все сыны и братья европейских царей и послы, приезжавшие поздравлять его со вступлением на престол. То же заметил я потом и в прочих лицах, с которыми имел дело в персидском лагере; они рассказывают множество анекдотов, – иные справедливые, большею частью вымышленные, но представляющие российского государя в каком-то могущественном виде и страшном для его неприятелей. Я воспользовался этим, чтобы обратить внимание Шахзады на неприличность прошлогодних поступков в Персии против кн. Меншикова.

«Как, с такими понятиями о могуществе нашего государя, вы решились оскорбить его в лице посланника его величества, которого задержали против самых священных прав, признанных всеми государствами? Теперь, кроме убытков, нами понесенных при вашем впадении в наши области, кроме нарушений границ, оскорблена личность самого императора, – а у нас честь государя есть честь народная!»

При этих словах он как будто поражен был какою-то мыслью и так непринужденно, громко и красноречиво раскаивался в своем поступке, что мне самому ничего не оставалось к этому прибавить. Предоставляю вашему высокопревосходительству судить, насколько это раскаяние смиренно, по известному уже вам характеру персиян.

После того он всех выслал; остались: он, я и мой переводчик; но за занавесью выказывался человек, в котором я опять узнал Алаяр-Хана. Аббас-Мирза наконец решился выслушать условия, говоря, однако, что он уже их знает от Мирзы-Сале.

Переводчик мой пространно объяснил ему, чего требует наше правительство; но по данным ему от меня наставлениям, ни разу не уклонялся от должной учтивости и уважения к тому, с кем говорил, всячески щадя его самолюбие. Шахзада несколько раз покушался его прервать, но я с покорностью просил его быть терпеливее, иначе мое поручение останется недовершенным. Когда всё с нашей стороны было объяснено, он едва не вскочил с места.

«Так вот ваши условия. Вы их предписываете шаху иранскому как своему подданному! Уступка двух областей, дань деньгами! Но когда вы слыхали, чтобы шах персидский сделался подданным другого государя? Он сам раздавал короны. Персия еще не погибла».

«И Персия имела свои дни счастия и славы; но я осмелюсь напомнить вашему высочеству о Гуссейн-Шахе-Софии, который лишился престола, побежденный авганцами. Предоставляю собственному просвещенному уму вашему судить, насколько русские сильнее авганцев».

«Кто же хвалит за это шаха Гуссейна? он поступил подло, – разве и нам следовать его примеру?»

«Я вам назову великого человека и государя, Наполеона, который внес войну в русские пределы и заплатил за это утратою престола».

«И был истинный герой: он защищался до самой крайности. Но вы, как всемирные завоеватели, всё хотите захватить, – требуете областей, денег и не принимаете никаких отговорок».

«При окончании каждой войны, несправедливо начатой с нами, мы отдаляем наши пределы и вместе с тем неприятеля, который бы отважился переступить их. Вот отчего в настоящем требуется уступка областей Эриванской и Нахичеванской. Деньги – также род оружия, без которого нельзя вести войну. Это не торг, ваше высочество, даже не вознаграждение за претерпенные убытки: требуя денег, мы лишаем неприятеля способов вредить нам на долгое время».

Не скрою от вашего высокопревосходительства, что эти слова показались очень неприятными Аббас-Мирзе. Может быть, я и несколько перешел за черту данного мне поручения; но смею вас уверить, что этим не только ничего не испорчено, но при будущих переговорах уполномоченные его императорского величества избавлены будут от труда исчислять персиянам итоги военных

издержек, которые они оценяют, по-своему, довольно дешево, ибо армия их во время войны, даже в собственном краю, кормится, сколько можно, даром, на счет поселян беззащитных.

Аббас-Мирза подозвал меня как можно ближе и почти на ухо начал меня расспрашивать о степени власти, от государя вам вверенной, – можете ли вы от себя убавить некоторую часть своих требований; что есть два рода главнокомандующих: одни на все уполномоченные, другие с правами ограниченными, – какова, наконец, власть генерала Паскевича?

«Большая, – отвечал я, – но чем она более, тем более ответственность».

Потом я объяснил ему, что у нас одна господствующая воля – самого государя императора, от которой никто уклониться не может, в какую бы власть облечен ни был; условия будущего мира начертаны по воле государя, и исполнитель – главнокомандующий и проч. Это завлекло меня в сравнение с Персиею, где единовластие в государстве нарушается по прихоти частных владетелей и разномыслием людей, имеющих голос в совете шахском, даже исступлением пустынника, который из Кербелаи является с возмутительными проповедями и вовлекает государство в войну бедственную. Аббас-Мирза часто оборачивался к занавеске, за которой сидел Алаяр-Хан, и сказал мне:

«У вас тоже не одна воля: в Петербурге одно говорят, Ермолов – другое; у нас был муштаид для мусульман, вы тоже, для возбуждения против нас армян, выписали в Эчмеадзин христианского калифа Нерсеса» и др.

После многих отступлений мы опять обратились к условиям будущего мира.

«Итак, генерал Паскевич не может или не хочет сделать никакой отмены в объявленных вами предложениях? Мы заключим перемирие; это он может; тем временем я сам к нему прибуду в лагерь, скажу ему, чтобы он указал мне путь к императору, – сам отправлюсь в Петербург, или пошлю моего старшего сына, он наследник мой, как я – шахский. Будем целовать руку великого государя, престол его, – мы его оскорбили, будем просить прощения, он сам во всем властен, но великодушен; захочет областей, денег – и деньги, и весь Адзербидзам, и самого себя отдам ему в жертву; но чистосердечным сим поступком приобрету приязнь и покровительство российского императора».

Эту идею он развивал мне с различными изменениями, и при каждом разе я напоминал ему, что ваше высокопревосходительство не вправе, в нынешних

обстоятельствах, дать ему или Эмир-Заде пропуск в С.-Петербург; что это намерение гораздо удобнее было исполнить прошлого года, во время коронации императора; Шахзада предпочел тогда схватиться за оружие; и я не могу скрыть, что государь разгневан именно и лично самим Аббас-Мирзою.

Он снова говорил, что знает, чувствует это, – готов исправить вину свою, снискать утраченное им благоволение государя, эти уверения он повторял до бесконечности.

«Скажите, г. Грибоедов, вы жили в Тавризе, – чего я ни делал, чтобы с вами остаться в дружбе? чем можете укорить меня, каким проступком против трактата?»

Я привел ему на память рассеяние возмутительных фирманов в Дагестане, на которые в свое время жаловался генерал Ермолов.

«Видели ли вы их? где они? Это нелепости, вымышленные моими врагами – Ермоловым и Мазаровичем, так как и уши и носы убитых на Кавказе русских, которые будто бы привезены были лезгинами ко мне в Тавриз. Когда же это было? Вы свидетель, что это ложь; между тем император Александр выговаривал это Мамед-Гуссейну-Хану в Петербурге; такими клеветами возбуждали против меня покойного вашего императора и так же умели лишить меня благосклонности его преемника. С кн. Меншиковым можно было иметь дело – умный и не коварный человек; но он всегда отговаривался, что не имеет власти делать мне иных предложений, кроме тех, которые мне уже объявлены были генералом Ермоловым. Теперь, если мы вам отдадим области, заплатим требуемую сумму, что приобретем в замену? Новые предлоги к будущим распрям, которые со временем созреют и произведут опять войну. При заключении прежнего мира мы отказались в пользу вашу от обширнейших провинций, на всё согласились, что от нас хотели, – англичане тому свидетели; и что же приобрели, кроме новых притязаний с вашей стороны, обид нестерпимых! Мир во сто раз хуже войны! Нынче посланные мои принимаются ласковее генералом Паскевичем, сообщения его со мною вежливее, чем во время так называемого мира; я перечесть не могу всех оскорблений, мною претерпенных в течение десяти лет. Нет! Я или сын мой – мы непременно должны ехать к императору…» и проч.

Я опять представлял ему невозможность вашему высокопревосходительству допустить сие; об этом и в обыкновенное время приличие требует писать предварительно в Петербург и просить на то соизволения его императорского величества. Он начал рассчитывать, как скоро может прибыть ответ из Петербурга; требовал от меня ручательства, что государь допустит его к себе; просил меня стараться об этом дружески и

усердно при вашем высокопревосходительстве, а вас самих – ходатайствовать за него в С.-Петербурге, – в то самое время, как я неоднократно изъявлял ему мое сомнение о том, возможно ли такие предложения делать и принимать в военное время. Способ трактовать – исключительно свойственный персиянам, которые разговор о деле государственном внезапно обращают в дружескую гаремную беседу и поручают хлопотать в их пользу чиновнику воюющей с ними державы, как доброму их приятелю. Все это, – я заметил самому Шахзаде, – довольно бесполезно. Начались и продолжались толки о перемирии на то время, как пошлется донесение в С.-Петербург и получится желаемый ответ, т. е. от 4-х до 5-ти недель. Я не признал за нужное оспаривать далее надежд Аббас-Мирзы, не подкрепляя их, впрочем, ни малейшим уверением, и занялся условиями перемирия как дела, для нас полезного. Предложение о том было с его стороны. Он хотел, чтобы мы отступили к Карабагу, а он – в Тавриз; Нахичеванскую область очистить и считать нейтральною, кроме Аббас-Абада, которого гарнизон он на себя брал продовольствовать. Во многом мы были согласны; я иное отвергал, – ни в чем не условились, и я просил дать мне несколько часов досуга, чтобы обдумать и написать ему проект перемирия.

«Нет! сейчас решить, я не хочу вашего письма. Ради бога, не пишите, – вы потом не отступитесь ни от одного слова».

Кончилось, однако, на том, что я у себя обделаю и потом представлю ему условия для временного прекращения военных действий. Приветствия полились рекою, похвалы, лесть, более или менее сносные. Аббас-Мирза спрашивал, часто ли обо мне наведываются его окружающие? кто из них был у меня? чтобы утром явились ко мне, не оставляли меня скучать. В этом тумане я откланялся. Шесть часов продолжался разговор наш. Перед вечером я прибыл к себе.

Ночью я написал проект перемирия по данному наставлению мне от вашего высокопревосходительства. Потом заставил его перевесть. Случай казался удобным привести к окончанию это дело: Аббас-Мирза сам подал тому первый повод. Притом я, в трехлетнее мое пребывание в Тавризе, никогда не видел его в таком расположении духа, с такою готовностью на всякого рода соглашения, в такой горячности раскаяния. Впоследствии, однако, подтвердились наблюдения, не одним мною сделанные, что у персиян слова с делами в вечном между собою раздоре.

22-го <июля>. Рано поутру я сверил подлинник с переводом бумаги, которую намерен был отправить к Аббас-Мирзе. Меня посетил Мирза-Мехмед-Али-Мустафа и проговорил целое утро. Дело шло о невыгодном положении Шахзады, отца его и вообще

всей Персии в отношении к нам. Я изумлялся тому, что слышал: персидское высокомерие исчезло совершенно. Между прочим, я высказал Мирзе-Мехмед-Али то, что не договорил накануне самому Шахзаде, по той причине, что мы ни минуты вдвоем не оставались, о будущей незавидной судьбе его: когда весь Азербежам будет в руках наших, – какое лицо представит он из себя между братьями, лишась удела ему от шаха пожалованного и этим лишением обязанный сам себе, своей опрометчивости, все бедствия, которые потом постигнут Персию, если война продолжится, припишут ему же, – и это, конечно, не только не утвердит его наследственного права, но может отдалить его от престола.

Мирза-Мехмед-Али во всем соглашался и передал мои слова Аббас-Мирзе, потому что он сам мне потом говорил об этом.

Бумагу мою я к нему отправил и должен был в тот же день вторично к нему явиться; но, вместо того, почувствовал в себе сильный жар во всем теле, боль головную и слег в постель со всеми признаками горячки, – действие губительного климата. Ртуть в полдень, возвысившись до 40 градусов теплоты, в предшествующей ночи понизилась до 8-ми от точки замерзания.

В этот же день я получил от Шахзады особенного рода лестный знак внимания, который дает верное понятие о персидском искательстве и до чего они желают вкрасться в нашу приязнь, при настоящем положении их дел. Главный церемониймейстер Махмед-Гуссейн-Хан, с многочисленною прислугою и с подносами всяких сластей, вручил мне поздравительный фирман, за печатью Аббас-Мирзы, по случаю дня ангела ее величества вдовствующей государыни императрицы. И в самое мирное время нельзя быть внимательнее. Причина же, я полагаю, Мирза-Сале, – мы накануне вспоминали с ним о торжестве в Петергофе, при котором он однажды находился.

23-го <июля> я чувствовал облегчение, но не мог еще встать с постели. Ко мне прибыл Мирза-Измаил с проектом перемирия, сочиненного под сказанием Шахзады и уже одобренного шахом, который на два ферсанга сблизился с Чурсом. Курьеры к нему и от него скакали беспрестанно.

С персидской стороны требовалось, чтобы мы, кроме Аббас-Абада, оставили Нахичеванскую область, также Эчмеадзин, в котором для охранения храма божия быть двум приставам: их и нашему, а войскам не находиться ни русским, ни персидским. Прения продолжались с утра. В 3 часа пополудни Мирза-Мехмед-Али прибыл и возобновил их, – продержали меня до глубокой ночи; на многое согласились; статья их об оставлении нами

Эчмеадзина и Нахичеванской области была вычеркнута. Со всем тем, ничего не кончено.

24-го <июля> я еще был слаб; но, видя бесполезность переговоров, отдаляющих дело от истинной цели, я просил отпуска. Опять прибыли ко мне Мирза-Мехмед-Али-Мустафа, Мирза-Измаил и Мирза-Сале, – и я в течение целого дня должен был выдерживать диалектику XIII столетия. Возвращались к предложениям, в которых накануне условились. Главное разногласие состояло в том, что с персидской стороны требовалось перемирие на 10 месяцев. Мирза-Мехмед-Али откровенно мне объявил, что это необходимо для отдаления из Хоя шаха, двора его и войска, от которых обнищала вся провинция. Я ему дал почувствовать, что эти причины уважительны только для их пользы; но в настоящее время, когда мы одержали некоторую поверхность, кажется, можно беспристрастно соблюсти и нам свои выгоды.

Наконец, видя, что рассуждения о перемирии были только предлогом для продержания меня в их лагере, я объявил, что мы не имеем нужды в прекращении военных действий; первая мысль об этом принадлежит Шахзаде. Я представил ему условия, на которых оно с нашей стороны может быть допущено, – вольны принять их, или нет. Но мой Аббас-Мирзе усердный совет: для успокоения края, особы шаха в преклонности лет его и для собственной безопасности своей принять просто мир, который даруется ему на известных условиях. Говорили очень долго; я, наконец, подействовал на воображение персидских чиновников тем, что мы, когда пойдем далее и завладеем Азербежаном, то, обеспечив независимость этой обширной области, со стороны Персии на десять ферсангов никому не позволим селиться близ границы, – сама провинция прокормит 20 тысяч милиции, образованной из народа, известного духом неудовольствия против нынешнего своего правительства; нам стоит только поддержать ее в сем расположении, и, таким образом, мы навсегда прекратим наши политические сношения с Персиею как с народом, не соблюдающим трактатов, – мы так же будем мало знать их, как авганцев и проч. отдаленные государства в глубине Азии.

«Этот план у нас, – говорил я, – очень известен, и полагается весьма сбыточным; но к исполнению его приступят в такой крайности, когда вы, упорствуя, продлите войну, вами самими начатую. Скажите его высочеству, что лучше принять условия, покуда их делают». Это и многое другое предлагал я вроде размышления, более нежели угрозы.

С вечера и на другой день с рассветом я повторял

настоятельно требование мое об отпуске. 25-го <июля>, поутру, за мной прибыл Гаджи-Мажуд-Ага, чтобы проводить меня к Шахзаде. При нем находились два его брата, Али-Нага-Мирза Казбинский, Мехмед-Касум-Мирза Урумийский и Эасиф-ед-даулет Алаяр-хан, также несколько других, в числе которых, как мне потом сказали, был и Гассан-хан, брат сардаря Эриванского, но я не узнал его. Он, во все время пребывания моего в лагере, сильно говорил против всякого с нами сближения, ездил к шаху и просил денег и войска для защиты Эриванской области.

Я полагал, что наши условия при последней аудиенции, при стольких значащих свидетелях, или торжественно будут отвергнуты, или станут рассуждать о них, – вышло ни то, ни другое. Тон Шахзады был самый униженный: он извинялся, что чиновники его столько беспокоили меня делами; сказал, что все мои мысли о нем, о будущем его положении ему известны. Но не это его озабочивает, а проступок против государя, утрата его доверенности, и просил перемирия на десять месяцев. Мирза-Мехмед-Али донес ему, что я не доверяю их чистосердечию, Алаяр-хан этому чрезвычайно удивился. Но я поспешил объяснить ему, что прошлого года также решались послать к императору Эмир-Заде и вместо того войска их напали на наши границы; несколько сорванных голов у наших фуражиров возбуждали надежды их до крайней дерзости, – характер народа известен. Нет причины думать, чтобы нынче поступили искренне: и тогда русский главноначальствующий, потеряв время и остановясь среди успехов нашего оружия, какое оправдание представит государю императору в том, что так противуречит настоящему отношению между собою двух воюющих армий? Десятимесячное перемирие – тот же мир, а предполагаемая выгода заключается в темной надежде, что сам Шахзада или сын его отправится в Петербург, – но там подпишет ли он все статьи мира, согласно с пользою России, или, что гораздо вероятнее, будет стараться об уменьшении наших требований?

«Нет! – сказал с жаром Аббас-Мирза, – мы всё подпишем, если император лично мне или моему сыну объявит свою волю и уверит нас в будущем его покровительстве. Я сына моего сейчас представлю генералу Паскевичу в залог, и еще двое из моих братьев к нему отправятся в лагерь…» и проч., и проч.

Потом опирался на продолжительное перемирие, им некогда заключенное с генералом Тормасовым. Спрашивал моего совета и надеюсь ли я, что государь дозволит ему или сыну его прибыть к высочайшему двору. Такое униженное, убедительное настаивание отняло у меня возможность отвечать ему коротко и резко. Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старательно

избегал, чтоб слова мои не утвердили в нем какой-либо надежды по сему предмету. Совет же подал ему чистосердечный, – представлял ему разорение, которому подвергаются его подданные, бережно говоря о неустройстве их нерегулярного войска; сравнивал характеры двух народов: персиян – смелых при счастии, но теряющих бодрость и даже подчиненность при продолжительных неудачах, – с другой стороны указывал на наших, которые во всех обстоятельствах одинаковы, повинуются и умирают. Наконец, с возможною учтивостью доказывал, что лучше разом принести жертву необходимости, нежели длить время и, с тем вместе, претерпеть гораздо важнейшие потери. Это не помогло; Шахзада не отступал от любимой своей мысли – самому или через сына прибегнуть к великодушию государя императора.

Сим заключается все то, что идет к делу; посторонних разговоров было много, ибо Шахзада продержал меня еще долее, нежели в первый раз. Я заметил, между прочим, что переход к нам Мехти-Кули-Хана много озаботил персиян насчет доверия, которое это происшествие внушает всякому, кто пожелает поискать российского покровительства. Аббас-Мирза сказал мне, между прочим:

«Самым опасным оружием генерала Паскевича я почитаю то человеколюбие и справедливость, которые он оказывает мусульманам своим и нашим. Мы все знаем, как он вел себя против кочевых племен от Эривани до Нахичевани, – солдаты никого не обижали и он всех принимал дружелюбно. Этот способ приобрести доверие в чужом народе и мне известен, – жаль, что я один это понимаю во всей Персии; так я действовал против турок, так и в Карабахе, и прошлого года. С другой стороны, Гассан-Хан усердствовал вам, сколько мог, и ожесточил против себя всю Грузию. Генерал Ермолов, как новый Чингисхан, отомстил бы мне опустошением несчастных областей, велел бы умерщвлять всякого, кто ни попадется, – и тогда, об эту пору, у меня две трети Азербайджана стали бы в ружье, не требуя от казны ни жалованья, ни прокормленья».

Я отвечал ему, что генерал Ермолов так же, как нынешний главноначальствующий, наблюдал пользу государства; можно одной и той же цели домогаться разными путями.

О сражении 5-го июля он говорит очень откровенно: отдает вашему высокопревосходительству справедливость, что вы искусно маневрируете, – и он видел себя почти взятого в обход вашею пехотою, когда не полагал даже, что она переправится через Аракс; если бы знал, что пойдут на него со всеми силами, то не уклонился бы от сражения, но послал бы до 5000 конницы,

которая, выше переплыв через реку, очутилась бы у нас в тылу и напала на наш обоз. Об Елисаветполе, об Асландузе рассказывал мне с такою же искренностью, или, может быть, взял на себя говорить мне только приятное и то, что может польстить нашему патриотическому самолюбию.

Был третий час пополудни, как я от него вышел, получа письмо на имя вашего высокопревосходительства.

Мирза-Мехмед-Али угощал меня обедом против их обыкновения, ибо они обедают с захождением солнца. Потом потчевал меня в своей палатке Мехмед-Гуссейн-Хан, Эшик-Агаси. Внимание, приветливость и лесть расточали передо мною с избытком. Я бывал у них, живал с ними в мирное время в приязни и никогда не видел подобного приема ни себе, ни другому чужестранцу, хотя бы знатнейшему чиновнику союзной с нами державы.

Чурский лагерь обширен, но палатки персидские требуют большого помещения; я полагаю, что у них тут от 7-ми до 8-ми тысяч войска, в том числе 4 баталиона сарбазов неполные, – я видел 10 пушек. Долина не обширная; при въезде в нее влево ущелье ведет к Гергерам, – его охраняют Гассан-Хан с курдами, вправо на Марандской дороге – Али-Нага-Мирза, между ею и Хойскою – лагерь Аббас-Мирзы. Возвращаясь от Каразиадина до первой воды – 1 ½ часа; откудова до высоты, определяющей границу Чурса, где также вода, – 3 часа; оттудова – 2 ½ часа езды до Аракса, верстах в 4-х выше Аббас-Абада.

Я оставил персидский лагерь с ободрительным впечатлением, что неприятель войны не хочет, что она ему тягостна и страшна; от повторенных неудач все духом упали, все недовольны. В день моего прибытия, от появления 10-ти конвойных казаков пикеты повсюду разбежались, едва могли собрать их. Сарбазы, которые у меня стояли в карауле, жалуются, что их не кормят, – Керим-Бек-Султан их просто изъяснялся, что начальники у них глупцы и они с ними пропадут. Несколько раз, несмотря на крепкий присмотр, конные подъезжали и спрашивали моего переводчика: «Скоро ли мир? зачем мы их тревожим?» – и что война им ужасно надоела. Гаджи-Махсуд-Ага, присланный ко мне от Аббас-Мирзы, чтобы наведаться о моем здоровье, когда я ему сказал, что мы в нем уважаем человека, который служил при кн. Цицианове, обрадовался, и тотчас предложил готовность свою служить нам, и много рассказывал о недостатках и неустройстве в их войске. Этот человек может нам быть полезен; притом он не бежал, а с позволения генерала Ермолова удалился в Персию и ныне находится адъютантом при Аббас-Мирзе. Я поручил нашему Аббас-Кули вступить в разговор с курдами (не эриванскими),

которые на обратном пути были у меня в конвое. Они тайно просили его, чтобы русский главноначальствующий написал доброе слово их хану, и они тотчас перейдут все к нам. Таков дух войска. О расположении управляющих государством ваше высокопревосходительство можете заключить из объяснения со мною Аббас-Мирзы: «Все обмануты в своих ожиданиях. Наши, где только встретятся, разбиты, и не испытывают щедрости шаха, который теперь так же мало склонен рассыпать казну, как и в прежнее время». Мирза-Мехмед-Али нешуточно уверял меня, что шахское войско наводит гораздо более трепета жителям, нежели наше. 12 000 кальваров хлеба наложено подати на Хойскую провинцию под видом покупки. Шах насильно велел брать по туману кальвар, тогда как он продает по 5-ти между народом.

Из униженного тона, с которым говорили со мною Аббас-Мирза и его чиновники, очевидно, что они не ослепляются насчет сравнительного положения их сил с нашими. Но ожидать невозможно, чтобы они сейчас купили мир ценою предлагаемых им условий, и для этого нужна решительность; длить время в переговорах более им свойственно. В совете шахском превозмогающие ныне голоса Алаяр-Хана и сардаря с братом; они еще твердо стоят против мира и имеют на то личные свои побудительные причины: первый поддерживает прежнее свое мнение и боится, что дело дойдет до расплаты за ту войну, которой он главнейший возбудитель; сардарь и брат его, с уступкою нам Эриванской области, лишаются значительного источника их богатства. Тогда только, когда падет Эривань и персияне увидят себя угрожаемыми в столице Азербежана, если какое-нибудь непредвидимое обстоятельство не возбудит в них прежней дерзости, можно, кажется, ожидать заключения мира на условиях, которые мы ныне им предлагаем.

Стороною я, однако, узнал, что они готовятся к покушению на Аббас-Абад. Вероятно, что начальники не захотят долго держать в бездействии войска (которых, по разным слухам, у них 65 тысяч, и можно наверное полагать до 45 тысяч), потому что они тогда непременно разбегутся, не видя случая к грабежу и испытывал всякого рода недостатки.

Надворный советник *Грибоедов*.

Письмо Паскевичу И.Ф.

<Конец марта – начало апреля 1828. Петербург.>

Почтеннейший, истинный мой благодетель граф Иван Федорович. Вашему сиятельству я обязан всем уважением и теми приятностями, которые мне здесь ежедневно оказывают. Но от вас также я слег в постелю, болен, замучен обедами, отравляюсь, пьют за здоровье графа Эриванского, а я оппиваюсь.

Сухазанет принял меня в руки с самого приезда. Я был приглашен к обеду во дворец. Там мы в первый раз встретились, и с тех пор он от меня не отстает, либо у него, либо у Белосельских, либо у Лавалей. Третьего дня я у него обедал с Чернышевым, который с большим участием об вас расспрашивал. Еще когда-то Левашев, тоже все об вас, а при дворе просто все. Кн. Василий Долгорукий, между прочим, уверяет меня, что испрашивал ленту Беклемишеву, он в письме к К. Волконскому прибавил, что этот человек давний ваш друг: и потому разом и уважили представление. Я думаю, лжет, как всякий благородный, придворный человек. Но какое дело?

Это означает меру их понятия о благоволении к вам государя императора. – Депрерадович, Опперман, граф Петр Ал. Толстой, Кутузов, наконец, все те, у которых я бываю, при мне любят вас очень горячо. Нет! без шуток, эти четыре человека, кажется, точно так думают, как говорят. Вчера был большой обед у старого моего и вашего знакомого сенатора Чилищева, где тоже много нашлось у вас друзей, и провозглашали вашу славу открытым ртом. Впрочем, аллилуиа и хвалебным вам песням конца нет. Когда будет досуг, опишу вам, что и дорогою я встречал те же восклицания вам в похваление и добрым людям на услышание. Довольны ли вы?

Но вот и пятна на солнышке. Множество толков о том, что ваш характер совсем изменился, что у вас от величия голова завертелась, и вы уже никого не находите себе равного, и все человечество и подчиненных трактуете как тварь. Это хоть не прямо, а косвенно до меня доходило, но здесь бездна гостиных и кабинетов, где это хором повторяется. Я все-таки опираюсь на известную природную вашу порывчивость, ссылаюсь в том на стародавних ваших приятелей, которые всегда знали вас вспыльчивым человеком. Et dans mon plaidoyer, je m'efforce à faire entendre, que grandi comme vous êtes de pouvoir et de réputation, Vous êtes bien loin d'avoir adopté les vices d'un parvenu

Не сетуйте на это, почтеннейший мой благодетель. В особе самого государя я, благодаря бога, нашел такое непритворное,

лестное расположение в вашу пользу, что с этою твердою опорою вы еще далеко пойдете. В усердии вашем, в способностях, в благородстве души вашей он уверен, и просто он говорил мне об вас так умно, так живо и справедливо, как никто, даже с каким-то дружественным пристрастием. Заметьте, что его величеству известны все ваши недоразумения с Красовским, с Сипягиным и просто со всеми. К счастию, я нашел в особе моего государя такое быстрое понятие, кроме других качеств, что полслова достаточно в разговоре с ним, он уже наперед все постигает. Таким образом, я вполне мог и могу пользоваться получасом, который он не всякому уделить может. О перемене вашего характера тоже дело шло и о причинах этого. Я сказал, что ответственность ваша была чрезмерная, что вы находились в обстоятельствах самых затруднительных, обстоятельно изложил ваше положение после Ушаганского дела и как оно истинно происходило, это насчет Красовского, также о продовольствии и что, несмотря на все попечения Сипягина, вы по ту сторону гор рисковали остаться без куска хлеба. Но что ваши неудовольствия на Сипягина давно уже миновались. Enfin, ai-je ajouté, V. M. sait bien, qu'aprés la souveraineté il n'y a rien de tel, comme les devoirs d'un commandant en chef etc., etc.. Всего не упишешь, но государь, отпуская меня, сказал, что он очень доволен, что побыл со мною наедине. Это на днях было. А я рад душевно, что, кроме правды, ничего лишнего у меня не вырвалось, в обыкновенном положении души это со мною иначе и быть не может. Но тут легко можно было завлечься, чтобы себя, либо свое дело, либо другого выставить в лучшем свете. Ей-богу! как вас любит царь ваш! Понимаю теперь, что вы должны каждое слово его принимать за Евангелие, особенно теперь, бывши осыпаны его милостями.

Я еще буду писать вам. Теперь отрывают. Я все утро пробыл с Родофиником, а потом с Нессельродом. И Нессельрод хлопочет о перемене нравственной, которая с вами произошла. Намеднись гр. Дибич говорил, что он точно таков же был, как вы, взявши на себя огромную обузу и в самых критических обстоятельствах.

Радуюсь, что кое-что успел сделать для Аббас-Кули и Шаумбурга. Меня опять турят в Персию, чуть было не послали с ратификациею, но я извинился физическою немощию.

Сделайте одолжение, ваше сиятельство, дайте Льва и Солнца Чевкину, гр. Кушелеву и Бухгольцу. Вам это ничего не стоит, а они вам навек будут благодарны. Прикажите об этом Амбургеру.

Поутру я на минуту заезжал к Сологубовым. Какая хорошенькая невеста у Обрескова! Чудо! Это гораздо важнее его лент и Амбасадорства. Прощайте. Душевно вас обнимаю и с чувством полного уважения и преданности честь имею пребыть

вашего сиятельства всепокорнейший слуга *А. Грибоедов.*

notes

Сноски

1

Многоточие – в первопечатном тексте. – Ред.

2

Несколько слов остались неразобранными. – Ред.

3

* Две строки точек – в подлиннике. – Ред.

4

Сбоку, на поле листа, в подлиннике было приписано: «Это должно быть отнесено в I действие, между 1-й и 2-й сценой». – Ред.

5

В первопечатном тексте вместо фамилии стоит многоточие, к которому относится следующее примечание издателя «Вестника Европы»: «Мы выпустили здесь нечто, не хотев оскорбить одного собрата нашего журналиста. Издатель».

6

14 июня 1813 года из деревни Петерсвальде, в Силезии. (Примеч. А. С. Грибоедова.)

7

В первопечатном тексте явная опечатка: «Но мудрено».

8

Живописное зрелище (фр.).

9

Живописное зрелище (фр.).

10

Не дописано.

11

Живописное зрелище (фр.).

12

Очевидно, неправильно прочитанное слово или опечатка в первопечатном тексте; по смыслу предложения следует: поотстаю.

13

Справа приписано: «Каменисто».

14

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 20 января о том, как Грибоедов дважды тонул в какой-то речке, которая «вздулась и нигде нет проезду».

15

Далее в первопечатном тексте опущена запись от 24 января о приезде в Гаргары.

16

Приидите, поклонимся (лат.).

17

В первой публикации фамилия была прочитана неверно: Монта.

циклопические кладки (фр.).

19

Далее в рукописи – перерыв; следующий текст – на других листах.

20

Вот еще одна нелепость – изучать свет в качестве простого зрителя. Тот, кто хочет только наблюдать, ничего не наблюдает, так как его никуда не пускают, как человека бесполезного в делах и докучливого в удовольствиях. Наблюдать деятельность других можно не иначе как лично участвуя в делах – одинаково при изучении света или любви. Нужно самому упражняться в том, что хочешь изучить (фр.).